

Ирина Богданова

ЖИЗНЬ КАК НА ЛАДОНИ

Ирина Богданова

ЖИЗНЬ КАК НА ЛАДОНИ

— Повесть —

Сибирская Благовонница
Москва
2013

УДК 398
ББК 84.2 (2Рос=Рус) 6-44
Б 73

Обложка
Е. В. Попковой

Богданова, И.А.
Б 73 Жизнь как на ладони: повесть / Ирина Анатольевна Богданова. — М.: Сибирская Благозвонница, 2013. — 622, [2] с.

ISBN 978-5-91362-753-7

Что может быть интереснее для ребят, чем крепкая дружба и захватывающие приключения?

Чего-чего, а приключений в жизни Тимофея хватало с избытком. Разве просто из деревенского мальчика чудом превратиться в столичного гимназиста, разгадать тайну странного подарка, побрататься с настоящим князем и завоевать к тому же симпатию девочки? Ведь вредная Зина поначалу совсем не обращала внимания на нового знакомого...

УДК 398
ББК 84.2 (2Рос=Рус) 6-44

1. Змея на груди

1

— Тимка, а Тимка, бери лукошко да ступай в лес. Кому говорю! Вон, глянь-кось, соседские мальчишки полну корзину сморчков нанесли. Ить весна на дворе. Пора и тебе, дармоеду, за работу приниматься! И так из милости живёшь! Весь дом обожрал!

Увесистый тёткин подзатыльник придал белоголовому парнишке ускорения, и он, схватив корзину, поспешно вымелся на крыльцо, чуть освещённое спозаранок неярким майским солнцем.

«Легко тётке Мане над сиротой измываться, — горько думал Тимошка, вытирая кулаком набежавшую слезинку, — своих Катьку с Кирькой в лес да на змеиные свадьбы, небось, не выставила. Давеча дед Иван ходил в лес на разведку, а после всем сказывал, что змеи по проталинам кишмя кишат. В клубы свиваются и жалят всех, кто на их змеиные глаза попадает. Не знаю, какие такие соседские мальчишки грибов нанесли. Вроде бы и не ходил никто...

Он окончательно приуныл, сунул иззябшие ноги в сапоги, оставшиеся от умершей по зиме матери, повесил на локоть тяжёлую, отсыревшую корзину и с неохотой поплёлся в сторону леса.

«Да и пускай меня там гады сожрут. Всё равно я никому не нужен...»

Хотя лес был лишь в полуверсте от села, Тимофей изрядно притомился в пути, да и есть до смерти хотелось. Он вспомнил, как осенью мама кормила его пирогами с капустой, и горестно вздохнул. Всего зиму и прожил у тётки, а уже и обноситься успел, и обголодаться. А самое страшное то, что ни разу за эти месяцы никто не сказал ему доброго словечка. Одно и слышишь каждый день: «лишний рот» да «лишний рот».

«А у меня ведь не только рот, но ещё и душа есть», — вздохнул мальчик и опасливо переступил кромку леса.

В этих местах всегда было немало змей, а сейчас — ранней весной — они, еще полусонные, выползали из своих нор и собирались в тугие шипящие комки. Только тронь — насмерть зажалят. Тимка подобрал крепкую палку и зорко осмотрелся по сторонам, высматривая первые грибы — сморчки. Ни одного...

«Наверно, придётся идти в горелый бор, оттуда народ завсегда грибы приносит», — решил он и двинулся по извилистой, едва заметной тропке, уходящей за большой холм.

Одному в лесу было страшиновато, уж больно напряжённая тишина стояла вокруг: ни пения

птиц, ни шума деревьев. Даже сломанные ветки под ногами не похрустывали, мягко вминаясь в сыроватую весеннюю почву, напоённую недавно сошедшим снегом. Тимошка вспомнил, как мужики рассказывали, будто в ближнем лесу под Рождество видели шальную медведицу. Ту, которая за лето жирку не подкопила и не залегла в берлогу. Да и подружка Любка шептала, что зверюга к весне начнёт особо лютовать — людей подкарауливать и человечью кровь пить. Жуть! Мальчик нервно повёл плечами и прибавил шагу.

— Куда путь держишь, добрый молодец? — услышал он насмешливый старческий голос и остановился: прямо на него шёл невесть откуда взявшийся благообразный старичок с походной котомкой за спиной.

Одет он был чудно — в точности, как на картинке, виденной в церковно-приходской школе, — холщовая рубаха до колен опоясана витой верёвкой, на ногах — лапотки, а в руке — посох. Хотел было Тимофей убежать, ничего не ответив, но что-то удержало. Остановился. Поклонился степенно, как покойный батюшка:

— За грибами иду, дедушка.

— Кто же это тебя за грибами наладил? — удивился странник. — Я полтыщи вёрст прошагал, считай, от самого города Сарова, и никаких грибов видом не видывал.

— Тётка меня за ними в лес отправила, видать, чтоб с глаз долой сбыть, — мрачно потупился Тимофей, — не нужен я ей. Лишний рот.

Осенью мои родители умерли, вот и пришлось податься к отцовой сестре, тётке Мане. А у неё своих детей двое, да муж — пьяница. Куда я там? Вот и мыкаюсь впроголодь, — пожаловался он совсем по-взрослому.

— Сирота, значит, — уточнил старичок.

— Ага, сирота. Круглая, — шмыгнул носом Тимка и переступил с ноги на ногу, — обуза тёткина. Вот она и лютует. Вишь, в лес меня послала. А я змей боюсь.

— Змей, говоришь, — усмехнулся дед. — Это ты зря! Змея — она тварь полезная, особенно если к ней с умом подойти. А тебе, паренёк, и вовсе грех змеи бояться. Попомни моё слово: ты всю жизнь со змеёй на груди проживёшь.

— Как же это, дедушка? — удивился Тимошка. — Неужто люди со змеями жить могут?

— Что другие люди могут, не могу сказать, а вот твою судьбу я словно на ладошке вижу. Ты ещё не раз меня вспомнишь. Храни тебя Бог, внучок.

Он не торопясь перекрестил растерявшегося мальчика, потрепал тяжёлой рукой по растрепавшимся русым волосёнкам и, не оглядываясь, потопал дальше по тропинке. Только Тимошка его и видел.

Тимка проводил глазами удаляющуюся спину странного деда и задумался. Слова старика

озадачили и испугали его. Неужели он и правду всю жизнь проживёт со змеёй? Тимошка вспомнил, как ещё при жизни родителей он однажды побывал на ярмарке в большом селе Красное, около столичного Санкт-Петербурга.

Сперва они с отцом продали два воза сена, насушенного на душистых лесных лугах, и купили по заказу матери всякой всячины. А потом отец показал ему на пёстрый балаган, похожий на огромную тубетейку астраханских купцов, и спросил, не хочет ли Тимка посмотреть на индийского заклинателя змей. Тимка, конечно, с радостью согласился, хотя и боязно ему было.

На входе отец купил у толстой тётки два билета, и они вместе с толпой затискались в набитый битком небольшой зал с помостом посередине. Света не было, и какое-то время Тимка ничего не мог разглядеть. Но постепенно глаза привыкли к темноте, и он увидел, что на досках высокого помоста сидит раздетый до пояса худощавый мужичок с накрученным на голове полотенцем.

— Это и есть самый натающийся индус из государства Индия, — шепнул Тимофею отец, — они там в Индии все так одеваются. Я картинку на банке с чаем видал.

Тимофей согласно кивнул и затаил дыхание, потому что из-за занавеса сцены вышла индуска в длинном розовом платье и с факелом в руке.

— Смертельный номер! Всего один день! Самый лучший заклинатель змей! Чувствительных особ просим покинуть помещение! — на чистом

русском языке прокричала индуска зычным голосом, подняв факел вверх, отчего голова заклинателя оказалась на свету.

Бросилось в глаза, что борода индуса — точно как у соседского козла, только чёрная.

Отец подхватил Тимку под мышки и посадил себе на плечи — чтоб было лучше видно. Мужчина на помосте кивнул помощнице головой и показал рукой на корзину около своих ног. Толпа испуганно затихла. Индус неспешно поднёс к губам дудочку, и из неё полилась заунывная монотонная мелодия.

«Наш пастух Колька-рыжий и то лучше играет», — разочарованно подумал Тимошка и вдруг испуганно вздрогнул: над корзинкой начала подниматься змеиная голова. Потом вторая, за ней — третья.

— Гляди-ко, и прям змеюки, — раздались голоса в толпе.

— Тише, не мешайте, — зашикали на них со всех сторон, и в шатре установилось полное безмолвие, нарушаемое нездешней мелодией.

Под тихие трели дудочки змеи плавно раскачивались из стороны в сторону, как замороженные. Когда индус переставал играть, змеи начинали злобно шипеть, и тогда он снова поднимал свою волшебную дудочку.

...Нахлынувшие воспоминания заставили Тимошу вновь пережить радость того дня.

«Вот бы и мне стать циркачом, — раз мечтался он. Представил себя раздетым по пояс с ду-

дочкой в руках и широко улыбнулся: — Точно! Решено! Сбегу от тётки в цирк и выучусь на заклинателя! Ох, и жизнь у меня настанет! Поеду в Индию, наловлю там змей...»

Мальчика вывело из задумчивости сердитое шипение. Он глянул вниз и обомлел от страха: около его ног извивался тугой скользкий клубок чёрных тонких змей. Тимофей испуганно вскрикнул, отпрыгнул на ближайшую кочку, оттуда — на другую, а потом бросился бежать, не разбирая дороги. Охваченный безотчётным страхом, он не замечал веток, хлещущих его по лицу, и, как слепой, тыкался руками в шершавые стволы сосен.

— Мапочка, миленькая моя, где ты? На кого ты меня покинула? — плакал он в голос и бежал, бежал, бежал, покуда ноги не вынесли его на широкую дорожную колею.

3

На дороге Тимофей наконец опомнился и перевёл дух. От пережитого испуга у него пересохло во рту, тряслись ноги.

«И что это я так напугался? — урезонивал он сам себя. — Ведь большой уже парень, одиннадцать лет по зиме сравнялось, а рванул от змей как маленький».

Мальчик взглянул на свои пустые руки и понял, что корзину он потерял.

«Ну, всё. За корзину тётка Маня меня живьём съест», — убито подумал Тимка, и это

окончательно укрепило его в мысли больше не возвращаться в родное село.

Он с сомнением потрогал оторванную подошву на сапоге, поддёрнул сбившиеся от сумасшедшего бега штаны и решительно двинулся по незнакомой дороге. Идти пришлось долго. Дорога то сужалась, то расширялась, то становилась ровной, как полотно, то снова превращалась в тропку, еле заметную среди весенней грязи. Один раз Тимошка заметил надетый на берёзовый сук чей-то старый лапоть и обрадовался ему, как родному. Стало чуть спокойнее: видать, и здесь людишки бродят. Но тут же вспомнил о медведице-людоедке. Может, это она наозоровала? Человека растерзала, а лапоть на дерево закинула...

Чем дальше от дома уводила лесная дорога, тем упорнее лезли в голову разные мысли — одна страшнее другой.

«Интересно, куда я приду? — гадал Тимофей. — Вдруг попаду в логово к разбойникам? Вон мужики по осени обсуждали, что в этих местах какие-то варнаки орудуют, обозы с купцами грабят».

Как назло, навстречу не попадалось ни одного человека и спросить, куда ведёт неизвестная дорога, было не у кого.

«Хорошо бы оказаться в самом Санкт-Петербурге, — мечтал мальчик, — да попасться на глаза самой царице или даже царю. Уж они бы меня в обиду не дали. Наверняка определили бы в школу, я ведь страсть как учиться люблю».

Тимка припомнил, что царя зовут так же, как звали его покойного батюшку — Николай. Только отец был просто Николай Петров, а царя называют «Его Императорское Величество Николай Второй».

Голова кружилась от голода, а конца пути всё не было видно.

«Небось, и ночевать в лесу придётся», — прикинул мальчик, и в ту же секунду вдалеке раздался паровозный гудок. Это придало Тимке новые силы.

Казалось, что за лесом пыхтело и ворочалось крупное чудовище с тремя головами: «чух-чух-чух».

«Там чугунок, — понял Тимофей, — она меня в столицу выведет».

Хотя паровоза Тимка никогда не видел, но зато не раз слышал от отца, что в их волостной город Гатчину проложена из Санкт-Петербурга железная дорога, по которой ездит по чугунным рельсам паровая машина — паровоз.

— Знатная вещь, — нахваливал новшество батя, — вырастешь, Тимка, в ум войдёшь, покатаю тебя по чугунке. Не пожалею денег на билет. Вон, лавочник с сыном три раза в Гатчину ездили, а мельник свою дочку даже в Санкт-Петербург возил. И я не хуже, не сомневайся.

Вскоре дорога подошла к реденькому подлеску, и на открывшейся насыпи Тимофей увидел уложенные поперек пути брёвна, по которым была проложена тонкая колея. Он вскарабкался

вверх по насыпи, опустился на коленки и опасно потрогал пальцем блестящий рельс.

«Не понимаю, как это по нему можно ехать и не упасть. Телега бы нипочём не проехала, враз бы на бок завалилась, — подивился паренёк. — И выдумал же кто-то этакое чудо!»

Он почувствовал под рукой колебания и по поднявшейся с деревьев стае птиц понял, что скоро здесь пройдёт поезд.

«Спрячусь от греха подальше», — решил Тимка и кубарем скатился вниз в кусты ивняка.

Ох, и жуткой же машиной оказался этот паровоз! Из кустов было хорошо видно, как, дымя огромной трубой, по рельсам двигалось настоящее страшилище с огромными колёсами и круглой будкой наверху. Паровоз тащил за собой несколько хорошеньких голубых вагончиков, из окошек которых выглядывали нарядные дамы и господа. Из окна самого последнего вагончика высунулся мальчик в матросском костюмчике и приветливо помахал Тимке рукой.

«Ишь, рассмотрел меня, глазастый», — Тимофей выбрался из своего укрытия и побрёл по шпалам вслед удаляющемуся поезду.

Если от двух поездов Тимка шарахался, как конек-стригунок от первой упряжи, то потом по привычке и стал присматривать, куда бы прицепиться, чтоб проехаться с ветерком, тем паче, что ноги-то не казённые. Наиболее подходящим для этого местом показалась ему приделанная

к последнему вагону небольшая лесенка. Когда очередной поезд, обдав паренька струёй пара, неспешно проплывал мимо, он дождался последнего вагона, изловчился и вскочил на приклёпанные сзади покачивающиеся ступени.

Ехать на настоящем поезде, пусть даже и на весу, было так захватывающе, что Тимофей забыл обо всём на свете: и о выжигающем нутро голоде, и о злющей тётке Мане, и о пережитом недавно испуге, и даже о своей горькой сиротской доле.

В первые минуты ему хотелось во всё горло кричать от радости, но, поразмыслив, он благо-разумно решил промолчать. И правильно сделал, потому что у него над головой хлопнула дверь, и на площадку заднего вагона вышли два человека.

— Видал, Колян, господинчика в третьем вагоне? Саквояж у него знатный, похоже, что сшит из крокодиловой кожи. Да и сам одет не бедно — пенсне в золотой оправе. Как думаешь, возьмём на гоп-стоп? — спросил один.

— А что ж, — отвечал ломкий юношеский голос, — это нам завсегда с большим удовольствием. Тем более что ты, Максимыч, дело знаешь, ещё никогда не бывал с пустыми руками — без добычи.

— Да не забудь у него ещё и часы срезать, — назидательно напомнил старший и сплюнул вниз, прямо Тимке на голову.

Парнишка вздрогнул и сжался в комочек.

«Разбойники», — догадался он и нахмурился.

Родители всегда учили своего Тимку жить честно, а батюшка в церкви говорил, что воровство и разбой — это смертный грех.

Пусть плюют сколько угодно, он всё равно себя не выдаст и обязательно предупредит мужчину в третьем вагоне, что его хотят ограбить. Тимофей хорошо знал, что слово «гоп-стоп» обозначает кражу, потому что среди его деревенских друзей в ходу были байки про знаменитого сыщика Путилина, направо и налево вступавшего в схватки с ворами и душегубцами, а Лёвка — сынишка одного дачника — показывал про него целую книжку с картинками.

Вскоре лес по сторонам дороги поредел, кое-где стали встречаться домишки, прижимавшиеся к обочинам дорог. Замелькали подводы, гружённые дровами, крестьянские телеги, и, наконец, поезд дал длинный гудок. Приближалась станция.

По замедлившемуся ходу поезда Тимоша сообразил, что близится конец пути. Это было как нельзя кстати — вцепившиеся в лесенку пальцы совсем одеревенели, а портки, подвязанные тонкой пеньковой верёвочкой, то и дело норовили свалиться вниз.

— Это что за пострелёнок! Я тебя уже в полицию сдам! — услышал Тимофей истошный крик мужика в чёрной форме, торопливо со-

скачил с лесенки и юркнул за плавно остановившийся вагон. Краем глаза он увидел крупные буквы на верху дома, которые сложились в слово «ГАТЧИНА».

Куда бежать? Где искать третий вагон и господина, на которого охотятся два бандита?

«Барин должен быть в пенсне и с саквояжем», — вспомнил Тимошка и тут же его увидел. Мужчина неторопливо шёл по перрону, держа в руке красивый чемоданчик, который называется «саквояж». Такой же был у заезжавшего в их деревню господина из города. На носу у него поблескивало небольшое пенсне, из-под которого рассеянно поглядывали добрые светлые глаза.

— Дяденька-барин, берегись! — отчаянно выкрикнул мальчик и тут же почувствовал сильный толчок в спину.

Наступила глубокая темнота...

4

...Время от времени Тимошка открывал глаза и видел над головой венок из белых цветов. Потом глаза сами собой закрывались, и цветы пропадали. Его телу было тепло, мягко и уютно. Только голова сильно болела. В очередной раз выйдя из забытья, он расслышал чьи-то тихие голоса.

«Наверное, я уже умер, — подумал он, — неужто так говорят ангелы?»

Он попытался вслушаться в разговор, казавшийся поначалу сплошным гулом, и постепенно начал различать отдельные слова.

— Андрей Иванович, что вы думаете насчёт трепанации черепа? — спросил кто-то невидимый.

— Как вам сказать, Пётр Сергеевич, положение, конечно, серьёзное, но всё же давайте немного подождём. Детский организм гораздо выносливее взрослого, даже несмотря на то, что ребенок порядком истощён. Хотя удар головой об рельсы был очень сильный.

— Вы не узнавали, задержали ли тех подонков, что столкнули мальчика под поезд?

— Говорят, ищут.

Голоса стали звучать громче и внятнее. Тимка приоткрыл один глаз, чтобы подглядеть, как выглядят ангелы.

«Вдруг это не ангелы вовсе, а черти пришли по мою душу», — опасливо подумал он и хотел было снова закрыть глаз, но любопытство пересилило.

Оказалось, что голоса принадлежали совсем не ангелам, а двум господам. Один был одет в мягкую куртку, а второй — в яркую военную форму.

— Смотрите, Андрей Иванович, вы были правы, он открыл глаза, — обрадовался барин в куртке и надел пенсне, чтобы лучше рассмотреть Тимофея.

«Человек в пенсне из третьего вагона!» — озарило Тимку, и он вспомнил свой побег от

вредной тётки, железную дорогу, воров и удар в спину.

— Ты меня слышишь? — спросил офицер.

«Да», — хотел ответить ему Тимка, но губы совсем не слушались. На всякий случай он снова смежил веки, чуть-чуть подсматривая в щёлочку между ресницами.

— Он слышит и даже пытается отвечать. Это великолепно, Пётр Сергеевич!

— Ну, слава Богу, — размахисто перекрестился господин в пенсне, — а то я уж начал тревожиться. Всё-таки мальчик три дня лежит без памяти. Теперь быстро пойдёт на поправку. Сима, Сима, иди сюда, — позвал он, и в комнату вошла пожилая женщина с приветливым лицом. — Серафима, мальчик очнулся. Напой его, пожалуйста, водой и накапай вот эту микстуру. Если его не стошнит, можно будет дать бульон.

Пётр Сергеевич протянул тётке бутылочку с лекарством и вслед за Андреем Ивановичем вышел из комнаты. Женщина торопливо взяла из рук Петра Сергеевича микстуру и опустилась на стул рядом с Тимошкой. На него повеяло тонким запахом цветущей черёмухи.

— Очнулся, голубчик! Вот и хорошо. Вот и молодец! Сейчас тётя Сима тебя обиходит, — приговаривала она мягким голосом.

Она казалась такой мягкой и нежной, что Тимофей не стал больше таиться и широко распахнул оба глаза. Тётя Сима ответно улыбнулась

и, приподняв его голову, поднесла к губам Тимохи чашечку с носиком — наподобие заварочного чайника.

— Сейчас кушать будем. Желаешь похлебать тёпленького?

Тимка сглотнул микстуру и понял, что больше всего на свете он хочет есть. «Варёный сапог бы съел», — говаривал в таких случаях его отец.

Тётя Сима ушла и вскоре вернулась с красивой белой чашкой в руках. Она принялась осторожно кормить Тимку чуть тёплым солонатым варевом. Какая вкуснота! Тимошка даже зажмурился от такого блаженства. Нет, не зря он подумал, что очутился в раю. Ну, чисто рай!

Сразу после еды к мальчику подошёл Петр Сергеевич с блестящим молоточком в руках и осторожно погладил его по грязным спутанным волосам:

— Изрядно напугал ты нас, дружок. Считай, второй раз на свет родился.

Он покрутил в руках молоточек и поднёс его к Тимкиному носу.

«Бить будет!» — ужаснулся Тимка.

Пётр Сергеевич, заметив его испуг, усмехнулся и попросил смотреть на самый кончик молотка, покачивая им из стороны в сторону перед глазами мальчика. Тимка заворожённо следил за молоточком, а сам в это время думал: как же странно всё обернулось — чужой гос-

подский дом, барин из третьего вагона с молоточком в руках, незнакомая тётя Сима, которая кормит его с ложечки...

Пётр Сергеевич как будто прочитал Тимошкины мысли. Он удовлетворённо отложил молоточек в сторону и прищёлкнул пальцами:

— С помощью молоточка я проверяю, в порядке ли твой мозг и зрение. Я, видишь ли, доктор. Зовут меня Пётр Сергеевич. А тебя как?

— Тимка.

— Ну вот, Тимофей, я подобрал тебя на вокзале без сознания и взял к себе на квартиру. Но скоро ты выздоровеешь и сможешь пойти домой. Там уже тебя, вероятно, с полицией ищут.

Тимошка попробовал отрицательно помотать головой, но тут же поморщился от резкой боли в шее.

— Некому меня искать, — глядя в глаза доктору, выговорил он запёкшимися губами, — сирота я, никому не нужный. Сам себе голова.

Пётр Сергеевич нахмурился и постучал молоточком по ладони:

— Голове ещё полежать требуется, а с твоей персоной мы что-нибудь придумаем. Я постараюсь похлопотать насчёт сиротского приюта. А ты спи пока, набирайся сил.

«Приют» — это страшное слово заставило Тимку забиться под одеяло. Ещё в деревне он слышал, как заезжая барыня в сердцах кричала своим расшалившимся дочкам: «Не будете слушать маменьку — сдам в приют».

«Зря я признался, что сирота, — огорчился Тимошка, — ну да ладно. Наступит ночь, убегу».

5

Несмотря на задуманный побег, сытый Тимошка спал всю ночь так крепко, что около его кровати можно было палить из пушек.

«Ладно, убегу следующей ночью», — решил он утром, когда открыл глаза.

Голова не болела, глаза смотрели ясно, и все вещи в комнате, виденные прежде словно сквозь дымку тумана, выглядели резко и чётко. Прямо над головой, на потолке, мальчик увидел большой лепной венок, посреди которого был приделан стеклянный шар.

«Экое чудо, — подивился он. — И чего только в барских домах не выдумают. У нас в избе весь потолок закопчён, куда уж там шары да горшки привешивать. Одно баловство».

Эти мысли прервала тётя Сима. Она вошла в комнату и повернула маленькую ручку на стене около двери. Шар на потолке вспыхнул жёлтым светом.

— Проснулся, голубчик? С добрым утром.

Она проследила за недоуменным Тимкиным взглядом и пояснила:

— Это электрическая лампа, изобретённая господином Яблочковым. Пойдём, дружок, помоемся, я тебе ванну налила.

Уж на что дивом показалась Тимофею лампа Яблочкова, но дальше чудес стало ещё больше. Сначала тётя Сима отвела его в маленький чуланчик, посередине которого стоял большой фаянсовый горшок странной формы с деревянным сиденьем и дыркой посередине:

— Это ватерклозет, туалет по-нашему, — строго сказала хозяйка, — когда сделаешь свои дела, надо потянуть вот за эту ручку.

Она дёрнула за привязанную на верёвку ручку, и из дырочки внутри горшка с шумом потекла вода.

Тимошка вздрогнул от неожиданности и разинул от удивления рот: ну и ну! Кому рассказать в деревне — нипочём не поверят.

Потом тётя Сима завела его в комнату, которую назвала «ванная», и посадила в огромное белое корыто на ножках, до краёв наполненное тёплой водой.

— Да у тебя одни кости, — заметила она, намыливая мочалкой худые мальчишечьи лопатки, — точь-в-точь, как у Вадика, сына Петра Сергеевича. Уж три годка прошло, как они с матушкой, женой хозяина, умерли. Так доктор, бедолага, до сих пор в себя не пришёл. Даже плачет иногда ночью, — произнесла тётя Сима. — Я-то, почитай, уже лет десять у них в семье живу, всё про них знаю. Сначала в прислугах была, а позже в экономку-домоправительницу превратилась. Нынче весь дом на мне. А сам-то Пётр Сергеевич сейчас на работе. День и ночь

работает. Что поделаешь, лекарь — должность наиважнейшая.

— Я видел здесь вчера дяденьку-военного, — робко сказал Тимка.

— А, это Андрей Иванович, тоже доктор, только военный, — махнула рукой тётка, — друг нашего барина.

— Разве бывают военные доктора? — удивился Тимошка.

— Знамо дело, бывают. Кто же солдатиков и господ офицеров лечить будет? А если война? Без врача в армии никак нельзя. У нас в Гатчине две бригады расквартированы — артиллеристы и кирасиры. Да и то сказать — сами государь император с семьёй частенько сюда в свой дворец наезжают.

Сам царь! У Тимки от такой удачи аж дыхание остановилось. Вот ведь! Ладил попасть в столицу, разыскать государя да в ноги ему кинуться, а тут, нате вам с кисточкой! Царь сам сюда приезжает!

«Погожу пока бежать, авось, Господь сжалятся надо мной да сведёт с царём-батюшкой. Всё ему тогда расскажу про долю сиротскую», — принял решение Тимофей и по уши погрузился в изрядно почерневшую мыльную воду.

После ванны Тимка почувствовал себя лёгким, как цыплячье пёрышко.

Домоправительница выдала ему чистую мальчишескую одежду, в точности как у виденного на ярмарке барчука, и расчесала спутанные волосы:

— Какой ты у нас красавчик!

В просторной кухне с жарко натопленной чугунной плитой она наложила мальчику полную тарелку каши с молоком и от души полила её сверху вареньем. Такое богатство Тимошке было очень удивительно — в их селе кашу с молоком только по праздникам в печку ставят, а варенье он вообще всего один раз в жизни пробовал.

— Тётя Сима, а ты царя видела? — спросил он с набитым ртом.

— Конечно, видела, — няня намазала маслом хлеб и протянула мальчику. — Правда, он не так часто здесь гостит, как его батюшка, Александр Третий. Тот вообще в Гатчине жил. Каждый день в парке гулял. Своей царской рученькой уток в пруду кормить изволил.

— Вот бы и мне царя увидеть, — мечтательно протянул Тимка и выглянул в окно.

Он представил, как перед окнами прогуливается сам император в короне и мантии. В руке он держит большой шар — державу, а в другой — скипетр. Как на открытке, привезённой отцом из города.

— Если царь самолично кормил уток, то куда он в это время девал державу и скипетр? Наверное, на камень клал? — спросил Тимошка тётю Симу.

Она рассмеялась:

— Да нешто государь так каждый день наряжается! Я его в самой обыкновенной одежде видала. Такой, как у Петра Сергеевича.

— А я думал, он всегда в царской ходит, — разочарованно протянул Тимошка.

«Поджоги в Гатчине! Поджоги в Гатчине! За три дня сгорело два дома! Покупайте свежую газету!» — раздался на улице звонкий мальчишеский голос разносчика газет.

— Что делается, что делается! — покачала головой тётя Сима и перекрестилась. — Вот уж напасть, так напасть. Люди говорят, что сюда из Франции самого знаменитого французского сыщика выписали, чтоб быстрее поджигателей сыскать. Вчера к Петру Сергеевичу в больницу сразу трёх обгоревших привезли. Он и сейчас там с ними возится.

— Здесь я уже, здесь, — раздался снизу знакомый голос.

Доктор тяжело прошёл в кухню и обессиленно опустился на стул.

— Целый день спасали пострадавших на пожаре. Мать и дочь. Малышка лет шести. Угорели сильно. Едва выжили.

Он пристукнул кулаком по столу:

— Эх, попался бы мне этот варнак, что дома поджигать удумал, живым бы не ушёл.

— Дяденька доктор, — тревожно посмотрел на него Тимошка, — вдруг это те самые разбойники, которые со мной на поезде ехали и хотели украсть твою сумку?

— А ведь верно! — оживился Пётр Сергеевич. — Поджоги как раз и начались с того дня, как тебя под поезд столкнуть пытались. Моло-

дец, Тимофей, верно рассуждаешь! Давай, рассказывай, что помнишь.

Тимка, собираясь с мыслями, поёрзал на удобном высоком стуле, совсем не похожем на лавки в тёткиной избе, глубоко задышал и принялся рассказывать нехитрую историю всей своей коротенькой жизни. Хотя его рассказ занял от силы десять минут, тётя Сима успела пару раз жалостливо поплакать, а Пётр Сергеевич недовольно нахмуриться.

Наконец в кухне воцарилось молчание, изредка прерываемое потрескивающими в плите угольками и бульканьем кофейника.

— Знаешь что, Тимофей, — сказал хозяин и посмотрел на тётю Симу, — оставайся-ка ты пока у нас, а там видно будет.

6

Тимошка жил в доме Петра Сергеевича уже вторую неделю, за этот срок он успел всей душой привязаться к добрейшей тёте Симе и к вечно занятому доктору. Время от времени мальчик подумывал, что нехорошо быть обузой в чужом доме, «лишним ртом», как сказала бы тётка Маня, и тогда начинал изобретать планы самостоятельного зарабатывания денег.

— Завтра мы с тобой пойдём на лотерею-аллегри, — однажды сказал Тимошке Пётр Сергеевич. — Благотворительное общество будет продавать выигрышные билеты, все

деньги от которых пойдут в пользу больницы для бедных.

Он радостно потёр руки:

— Хорошо бы оборудовать приличный хирургический кабинет с новейшей лампой для освещения операций.

«Лотерея-аллегри! Выигрышные билеты!» Это известие взбудоражило Тимошку. Даже в его родном селе все знали, что такое выигрыш в лотерею, что уж тут говорить про почти столичную Гатчину.

В городе только и было разговоров про предлагаемые призы. Накануне выходного дня Пётр Сергеевич принёс программу гуляния, и Тимошка, изрядно вспотев от старания, громко по складам прочитал: «2 июня 1903 года, в воскресенье, на военном поле против Дворца, в 2 часа пополудни начинается гуляние с лотереей-аллегри. Главные призы: три лошади, две коровы и коза. Цена лотерейного билета 10 копеек. Драматической труппой под управлением А. Лучезарова будет разыграно сочинение Полевого «Дядюшка на трёх ногах» и водевиль Григорьева «Иголкин — купец». Кроме театра будут выступать музыкальные клоуны братья Акатовы. По заключении гуляний, в 10 часов вечера, будет зажжён фейерверк».

О драматической труппе Тимошка слыхом не слыхивал и фейерверка никогда не видел, но что значит стать хозяином лошади или коровы, представлял даже очень хорошо.

«Больше всего повезёт тому, кто выиграет лошадь, — хозяйственно рассуждал он. — Ах, если бы это был я! Тогда бы на всем белом свете не нашлось такой тётки, пусть даже самой злой, которая посмела бы обозвать меня дармоедом!»

Тимофей воображал, как въезжает на собственном коне в Соколовку, а со всех сторон к нему сбегается честной народ: мужики завистливо цокают языками, бабы всплёскивают руками, соседские девчонки таращат глаза от удивления, а пацаны просят прокатиться.

«Да если бы у меня была лошадь, то жил бы я себе припеваючи и горя не зная. А Петру Сергеевичу и тёте Симе за их доброту каждый день возил бы из села свежее молочко».

Ночью Тимке приснилось, что он едет на лошади вдоль реки, а с берега напротив ему машут рукой мама с папой.

— Сынок, сынок, — изо всех сил кричит матушка, — омут глубокий, нам реку не переплыть.

— Оставайся там, где стоишь, — вторит ей отец и кидает через реку извивающуюся змею. — Возьми, это тебе пригодится в жизни!

Проснулся Тимошка весь в слезах: надо же такому присниться. И опять непонятная змея. Не иначе как придётся идти в заклинатели змей. Отец зря не советует.

— Что-то ты с личика спал, — заохала тётя Сима, когда Тимка пришёл в кухню на завтрак. — Ну да я тебя враз развеселю. — Она покопалась в кармане передника и выудила

оттуда медную монетку в десять копеек. — Вот тебе от меня подарочек. Купишь себе лотерейный билетик.

Тимошка чуть булочкой с повидлом не подавился: вот она, удача, сама в руки скачет! Потом в кухню зашёл Пётр Сергеевич и тоже дал Тимке десять копеек. На гулянье паренёк летел, как на крыльях. Да и как иначе, если на нём был новенький матросский костюмчик — в точности, как у барчука, который махал ему рукой из вагона поезда, а в кармашке лежало целых двадцать копеек. Время от времени Тимошка гладил их пальцами через плотную шерстяную ткань и думал, что он, наверное, самый счастливый мальчик на свете.

Военное поле было полно народа. У входа стояли балаганы с призами, в загоне, окружённые толпой крестьян, подрагивали лоснящимися боками каурые кони, а рядом неспешно жевала сено пёстрая тёлка-однолетка.

— Лотерея-аллегри, покупайте билеты! — в широкий медный рупор кричал зазывала и крутил большой стеклянный барабан, в котором, как живые, скакали свёрнутые в трубочку билеты.

— «Аллегри» — это значит мгновенно, — пояснил мальчику Пётр Сергеевич, — купил билетик, развернул — и готово: смотри, какой приз ты выиграл.

Доктор взял Тимку за руку и пристроился в очередь за лотерейными билетами.

— Эй, хозяин, не зевай, а билетик открывай, — весело подбадривал продавец каждого покупателя билета, и все в очереди, затаив дыхание, ждали, когда его обладатель торопливыми пальцами разорвёт скрученную бумажку и огласит свой выигрыш.

— Сервиз! Гип-гип, ура! — ликовал охрипшим голосом зазывала, а военный оркестр тут же начинал играть поздравительный «туш».

— Коза! Вы стали счастливой обладательницей наилучшей породистой козы! Позвольте поздравить вас с приобретением! — заходилась от счастья продавец, чмокнув растерявшуюся барыню прямо в пальчики, зажимающие счастливый билет.

— Коза, ну и повезло же барыньке! — тихонько охнул кто-то за Тимкиной спиной.

Мальчик обернулся. Сзади него стояла бедно одетая женщина с маленькой девочкой и тревожно провожала глазами каждый выигрыш.

— Как думаешь, билетов на всех хватит? — спросила она Тимку.

Мальчик пожал плечами и весело запрыгал, потому что уже приближалась его очередь.

«Лошадь, лошадь, лошадь, — твердил он про себя. — Пожалуйста, Господи, пусть я выиграю лошадь».

Он протянул деньги подмигнувшему продавцу, и тот лихо закрутил барабан с заветными бумажками. Тимка выбрал глазами две из них и решил, что постарается вытащить именно их.

Барабан остановился, и продавец призывно распахнул стеклянную дверку:

— Пожалуйте, милостивый государь.

Тимофей приметил свои билетики и без колебаний выбрал две розоватые бумажки.

— Открывай парень, не томи, — весело завывала толпа.

Мальчик взглянул на Петра Сергеевича. Тот разрешающе кивнул головой и улыбнулся:

— Разворачивай, чего же ты ждёшь?

Тимофей раскрутил первую бумажку и увидел три слова: «Билет без выигрыша».

— На «нет» и суда нет, — подбодрил Пётр Сергеевич, — открывай следующий.

Тимка засопел, на всякий случай перекрестился, развернул второй билет и охнул: там был нарисован кауры конь с тележкой.

— Гип-гип ура! — в упоении заголосил продавец билетов. — Выигран главный приз — лошадь с тележкой-шарабаном! Юноша стал победителем! Поаплодируем победителю, господа!

В толпе загомонили. Пётр Сергеевич крепко взял Тимку за руку и отвёл в сторонку:

— Поздравляю с выигрышем, молодой человек.

Тимофей чувствовал себя на седьмом небе. В один миг он превратился из никому не нужного нахлебника в состоятельного мальчика.

«Буду извозом зарабатывать, а то и огород кому вспашу, — солидно обдумывал он свой выигрыш, — лошадь в деревне завсегда прокормит».

Только жалко было расставаться с Петром Сергеевичем и тётей Симой, но не век же на чужой шее сидеть. Взрослый уже, да и грамотный к тому же. Вон, соседский Колька в такие же годы уже половым работал в столичном трактире.

— Рад? — опечаленно спросил его доктор.

— А то! — встрепенулся Тимошка. — Вы не думайте, Пётр Сергеевич, я к вам с тётей Симой буду часто в гости наведываться, да с гостинцами. За всё ваше добро отслужу, — вспомнил он, как говаривал его отец.

— Да я и не думаю... — Пётр Сергеевич отвернулся и заговорил с подошедшим Андреем Ивановичем, а Тимошка хотел было двинуть за выигрышем, но вдруг услышал в стороне негромкий приглушённый плач. Он присмотрелся. Плакала та женщина с девочкой, что стояла позади него.

— Тётенька, что ты плачешь?

Женщина подняла на него красные глаза и криво усмехнулась:

— А, счастливчик... Легко тебе, барчук, живётся — вишь, лошадь с шарабаном себе на забаву выиграл. А я, вместо хлеба, на последние десять копеек билет купила, думала, хоть козёнку получу, чтоб моя дочурка с голоду не померла, да вот пустышку вытянула. Вдова я, погорелица. Слыхал, небось, про пожары в Гатчине?

Тимошка согласно мотнул головой и закусил губу.

— Вот мы с Алёнкой эти бедолаги и есть, — она ткнула заскорузлым пальцем в прижавшуюся к её ноге девчонку и махнула рукой. — Видать, нам судьба такая. На пожаре не сгорели, так под забором сгинем, как собаки.

Тимофей ещё раз посмотрел в полные отчаяния глаза женщины и медленно протянул ей свой билет:

— На, возьми. Нешто я не понимаю, сам вволю наголодался.

Баба кулём повалилась на колени прямо в липкую грязь, размазанную сотнями сапог:

— Век за тебя, кормилец, буду Бога молить!

Тимофей растерялся было, но почувствовал на своём плече тяжёлую руку Петра Сергеевича. Он поднял голову и увидел посветлевшее лицо доктора:

— Молодец, сынок, ты всё правильно сделал. Никому теперь тебя не отдам.

7

— Решил я, Серафима, усыновить нашего Тимошку согласно закону, — сообщил Пётр Сергеевич, когда все собрались у самовара на вечерний чай. — Что скажешь? — посмотрел он пытливо на тётю Симу и прижал к себе Тимку.

Та всплеснула руками, прослезилась и громко зашмыгала носом:

— И правильно удумали, барин. Бог сироток привечает, авось, и вам через него счастье

выпадет. Богоданный-то сыночек — такой же родной.

Пётр Сергеевич потемнел лицом и невольно взглянул на портрет жены и сына:

— Я думаю, Маша одобрила бы мой поступок, да и Вадим не возражал бы. Он был очень открытым мальчиком, чутким к чужому горю.

Экономка всхлипнула и закрыла лицо фартуком.

— Ну, хватит, Серафима, полно. Не рви мне душу, — приказал Пётр Сергеевич. — Начнём готовить нашего Тимофея в гимназию. Надо ему документы выправить. Вели дворнику заказать мне экипаж, во вторник поедem в церковь, где Тимофея крестили, и выпишем ему метрическую справку. Не годится человеку без документов жить.

От этих слов Тимкино сердечко так и подпрыгнуло.

— Поедем ко мне в Соколовку? А тётка Маня меня назад не потребует?

— Силком тебя никто не отберёт, не волнуйся, — успокоил его Пётр Сергеевич. — Да ты ведь говорил, что не нужен тётке. Может, лукавил?

Тимофей так энергично затряс головой, что чай из чашки брызнул во все стороны:

— Ей Богу, дядя Петя, правда, правда не нужен, — покраснел мальчик. — Я подумал, что, может, вы меня вернуть хотите, — добавил он шёпотом.

— Не выдумывай ерунды, — подвёл итог Пётр Сергеевич, — а собирайся в путь.

Назавтра выехали спозаранку. И то сказать, путь не близкий — почитай, двадцать вёрст, да всё лесом. Тётя Сима сунула в повозку вкусно пахнущую свежими пирогами корзиночку, прикрытую чистым полотенцем, и тайком от доктора запихнула в карман Тимофею петушка на палочке.

«И почему дядя Петя не разрешает есть леденцы? — размышлял Тимофей под мерный стук лошадиных копыт. — Говорит, что они вредные. А в чём там вредность, если они такие вкусные? Я мог бы всю жизнь только леденцами и питаться».

Пётр Сергеевич завернул мальчика в клетчатое одеяло, и Тимошка, надышавшись пряным хвойным воздухом июньского леса, незаметно для себя крепко уснул. К деревне подъезжали за полдень. Тимка вытянулся в струнку. Было радостно и одновременно тревожно: а ну, как что-то пойдёт не так, как задумано? Вдруг тётка заартачится и не захочет отдавать Тимофея Петру Сергеевичу? Да и как-то неловко было показываться перед деревенскими друзьями в барчуковом наряде.

Он вложил свою ладошку в руку доктора, и тот успокаивающе сжал горячие после сна Тимошкины пальцы. Так рука об руку и въехали они в большое село Соколовка.

Первая, кого они увидели, была бабка Мирониха с пустыми вёдрами на коромысле.

— Ахти мне! — заголосила старуха так, что от её крика шарахнулся в сторону собиравшийся прокукарекать петух. — Никак это Тимка Петров! А разряжен-то, ну чисто королевич! Гляньте, люди добрые! Мы думали, что он в лесу пропал, а он целёхонек! Да с барином!

Она критически осмотрела Петра Сергеевича, сбавила тон и подскочила к повозке:

— Слышь-ко, барин, ты Маньке мальчонку не отдавай. Заест она его поедом, как пить дать заест.

— Поехали! — Пётр Сергеевич тронул возницу, и тот послушно натянул вожжи.

— Тимка! Гляньте, люди добрые, Тимка Петров! Живой и невредимый! — раздавалось со всех сторон.

Хотя Тимошка предполагал, что именно так всё оно и будет, но всё-таки не выдержал и спрятался за широкую спину своего названного батюшки.

— Вон он, наш дом, — показал мальчик на просторную крепкую избу в два этажа, — его мой дед Илья построил. Мы там все вместе жили, пока родители и дед от холеры не умерли.

Пётр Сергеевич согласно кивнул и привлёк Тимошку к себе:

— Есть такая беда в России. Целые деревни от этой болезни вымирают. Самое обидное, что причиной тому — заражённая вода. Стоит только начать кипятить воду, и болезнь отступает.

— А ты смог бы вылечить маму и папу? — заглянул Тимошка в лицо доктору.

— Не знаю, — честно признался тот, — но обязательно попробовал бы. Я уже два раза ездил на холерные эпидемии. Один раз в Ростов Великий, а потом — в далёкую Среднюю Азию.

Повозка плавно остановилась у калитки, и Тимошка легко взбежал на родное крыльцо. Дверь была подперта поленом.

— Наверное, все на огороде, — предположил мальчик, — ведь пора картошку сажать.

Раздвигая заросли калины и бузины, Тимофей повёл Петра Сергеевича за угол дома, где у Петровых был большой огород.

— Муха! — обрадовался мальчик, когда ему под ноги с мяуканьем бросилась пёстрая кошка. — Муха, Мушенька, как ты тут без меня?

— Это ещё матушкина кошка, — объяснил он доктору. — Можно я её с собой возьму?

Пётр Сергеевич улыбнулся:

— Возьми. Будем надеяться, что Сима нас с ней не выгонит.

— Не выгонит, дядя Петя, — горячо прошептал Тимошка и прижал к себе худенькое кошачье тельце. — Небось, голодная. Тётка-то её не очень жалует.

— Доброго здравьица, барин. Дачу снять изволите? Это мы завсегда, со всем нашим почтением, — пропел из-за угла ласковый женский голос.

Тимошка вздрогнул: прямо на него, улыбаясь во весь рот и наскоро поправляя сбившийся

платок, шла тётка Маня. Она льстиво согнулась и отвесила Петру Сергеевичу приветственный поклон:

— С сынком, барин, желаете въехать? Сынок-то у вас какой хорошенький — копия папашенька.

Она перевела взгляд на Тимошку, осеклась и стала как-то неловко, боком сползать по стене дома.

— Чур меня, чур, — закрестилась тётка, — ты же в лесу сгинул...

Она осмотрела Тимку с ног до головы и даже дрожащей рукой подёргала его за нарядную курточку.

— Не сгинул, как видите, — вежливо сказал Пётр Сергеевич. — Мы с Тимофеем, собственно, приехали за тем, чтобы сообщить вам, что я усыновляю этого мальчика.

От звука его голоса на бабу словно ушат холодной воды вылили. Она резко вскочила, подбоченилась и вздёрнула голову:

— А ты, господин хороший, кто таков есть, чтобы мне указывать?! Мой племяш! Что хочу, то с ним и делаю! Он мне ещё за хлеб-соль не отработал. Я его всю зимушку кормила, поила, лучший кусок от своих детей отрывала, сама недоедала. Не бывать такому, чтоб мои дети в деревне в навозе копались, а Колькин Тимка в барчуках в городе жил. Хочешь — бери себе вместо Тимки моего Кирьку. Или, вон, Катьку заberi, она девка справная. Готовить, стирать тебе будет.

Тимошка даже зажмурился от ужаса: а ну как Пётр Сергеевич и впрямь передумает и усыновит Кирьяна или Катюху.

«Значит, так тому и быть, — вдруг вспомнил он мамину любимую приговорку. — Видно, не судьба мне...»

Но Петр Сергеевич, казалось, не обратил внимания на слова тётки. Он устремил на разъярённую женщину спокойный взгляд и тихо спросил:

— Как я понимаю, часть этого дома принадлежит Тимофею?

Баба замолчала, только глаза сузила от злости.

— Мы оставляем её вам. А это примите за потерянную корзинку.

Он вынул из кожаного портмоне новенький рубль, положил его на крыльцо:

— До свидания.

Пётр Сергеевич взял Тимошку за руку и уже совсем было собрался уходить, как вдруг мерное кудахтанье кур во дворе прервал детский крик:

— Спасите! Помогите! Умираю!

Все обернулись на этот отчаянный вопль и дружно ахнули: в калитку ввалился окровавленный мальчик лет семи.

— Убили! Кирьку моего убили! — птицей кинулась к мальчонке тётка Маня. — Кто тебя истерзал?

— Лиса! Меня лиса покусала!

Ребёнок, задыхаясь, хватался за мать окровавленными руками и как будто оправдывался:

— Я её и не трогал вовсе. Она сама из-за куста как выскочит и ну кусать, ровно бешеная!

— Бешеная! — тётка Маня вздрогнула, внезапно обессилев от страшной мысли.

— Бешеная... — эхом подхватил Тимошка и с жалостью посмотрел на Кирьяна.

Он хорошо помнил, как прошлым летом от укуса бешеной лисы погиб деревенский печник дядя Сеня. Умирал он долго и мучительно. Мальчишки бегали к его избе, заглядывали в окна и с замиранием сердца смотрели, как добрый и безобидный дядя Сеня клубком катается по полу и бьётся головой о ножки стола. Мама говорила, что при этой болезни люди не могут пить, поэтому её ещё называют «водобоязнь».

— Смотрите, ребяташки, без спросу в лес ни шагу, — предупреждала она Тимошку, Кирьку и Катьку, — от этакой хворобы ни один лекарь не вылечит. Да крепко запомните: ежели лиса или собака сама на людей бросается — быть беде.

Тимошке стало так жалко Кирьяна, что из глаз сами собой побежали непрошенные слезы. Хоть и вредный парень Кирька, нравный да капризный, но всё ж таки братушка — родная кровь.

— Мальчика необходимо срочно отвезти в больницу на прививочную станцию и привить от бешенства, — решительно сказал Пётр

Сергеевич. — Занесите ребенка в дом. Я его перевяжу, я врач. Да поторапливайтесь, — командовал он тётке Мане.

Баба опомнилась и перестала выть:

— Ты лекарь?

Она вцепилась в полу пиджака доктора и поволочилась за ним по пыльному крыльцу, стуча коленями о ступени:

— Не дам! Не дам тебе своего Кирьку! Пусть дома умрёт, а в больницу везти не дам! Вы его там докторскими ножами зарежете и ядовитыми зельями опоите!

Доктор отпихнул обезумевшую женщину, взял Кирьяна на руки и понёс в избу, не обращая внимания на то, что кровь пачкает светлый рукав его пиджака.

— Сообщи вознице, что едем в Петербург, я заплачу, — сказал он Тимошке через плечо и принялся за перевязку.

Мальчик со всех ног кинулся к экипажу.

«Только бы скорее добраться до этой привочной станции, — думал он, — а там дядя Петя обязательно вылечит Кирьку, раз обещал».

Но кучер неожиданно для него наотрез отказался:

— Хоть убей, барчук, не поеду. У моей лошади копыто сбилось, не дойдёт она до Петербурга. — Он расстроено махнул рукой и стыдливо отвёл глаза. — А другой лошадки у меня нет. Обезножит эта — хоть в петлю лезь. Чем детей кормить?

«Надо бежать к лавочнику, у него есть лошадь», — вспомнил Тимошка и понёсся по узкой деревенской улице, срезая углы и перемахивая через заборы.

— Тимка, Тимошка! Откуда ты взялся? — бежали за ним друзья-приятели, пытаюсь остановить и расспросить поподробнее, что с ним приключилось.

Школьная подружка Лушка поймала его за курточку и стала обнимать.

— Потом, Лушка, недосуг мне, беда у нас, — вырвался он из цепких девичьих пальцев, оставив в её руках две пуговицы.

Лавочника, дядьку Ефима, Тимка увидел издалека. Слава Богу! Дядька Ефим, как всегда в это время дня, сидел на завалинке около покосившейся двери лавки и задумчиво плевал в кучу песка шелуху тыквенных семечек, одновременно отпихивая сапогом наглого петуха, норовившего вскочить хозяину на руки.

— Тю! Никак Тимка Петров! — хлопнул он ладонью по коленке. — А бабы говорили, что ты в лесу пропал. Вот сороки! Языки бы им поотрезать. Да нарядный какой! Разбогатела Манька, что ли? Надо с неё долг взыскать, а то она мне аж десять рублей задолжала.

— Дядька Ефим, дайте лошадь до Петербурга, Кирьку бешеная лиса укусила, — перебил Тимошка торговца, — доктор говорит, что его надо срочно везти в больницу на прививочную станцию.

Мужик перестал жевать и немигающе уставился на мальчика:

— Бешеная, говоришь? Беда! Помрёт Кирьян, хоть вези его на станцию, хоть не вези. От бешенства все помирают.

— Дядя Ефим! Дай лошадь Христа ради! — заревел Тимошка.

— Да нет у меня лошади, — пожал плечами Ефим, — на дальнее поле с сыновьями отправлена картоху сажать. Чай сам знаешь, земельный надел у нас немалый, работы много. — Он призадумался. — Хотя, постой, спроси у батюшки Василия. Вроде бы его попадья говорила, что они уже отсажались.

«Точно!» — обрадовался Тимошка. Как же он забыл про сельского священника отца Василия? У него ведь тоже лошадка имеется. Батюшка часто ездил на ней в дальние деревни навещать больных, совершать требы да и просто поддержать свою паству добрым словом и отеческим наставлением. Батюшка точно даст! Тимофей не раздумывая кинулся дальше: — Брысь, Буян! — крикнул он на ходу Ефимовой собаке, собирающейся любовно схватить его за штаны. — Видишь, какое горе у нас!

Батюшка жил на горе, возле старинной каменной церкви красного кирпича, утопавшей в зелени вишнёвого сада и кущах цветущей сирени. Духмяный воздух был такой густой, что у мальчика на мгновение закружилась голова.

— Отец Василий, отец Василий, — сухими от быстрого бега губами выдохнул Тимка, едва завидя невысокую батюшкину фигуру в холщовом подряснике, — отец Василий, лошадь бы нам. Кирьку в Петербург свезти, его бешеная лиса покусала.

— Тимошка, ты? — опешил батюшка. Но больше не стал ни о чем расспрашивать и без лишних разговоров вывел из конюшни свою каурюю кобылу Диану и сказал: — Помоги запрячь.

Тимка пулей метнулся в сарай за сбруей и через несколько минут уже подъезжал с батюшкой к тёткиному дому. Пётр Сергеевич ждал его у изгороди. Он приветственно, как давнему знакомому, кивнул батюшке, взял у него из рук вожжи и крикнул в глубину дома:

— Несите мальчика.

Дверь приоткрылась, и Тимка увидел бледную тётку Маню с забинтованным чистыми тряпками Кирькой на руках. За ними тащилась испуганная Катька, а из кухни доносилась развесёлая песня пьяного дяди Васи, тёткиного мужа. Кирьян чуть всхлипывал и с опаской поглядывал на строгое лицо Петра Сергеевича.

— Благословите, батюшка, нас на успешное лечение, — склонил голову доктор перед отцом Василием.

Сельский батюшка уверенной рукой перекрестил его, приложил свой крест к губам Кирьяна, поцеловал в макушку Тимошку:

— Бог в помощь. Будем ждать вас назад с хорошими вестями.

Шарабан тронулся, тётка Маня взвыла белугой и кинулась вслед за повозкой:

— Доктор, слышь, доктор! Бери себе Тимошку-то! Всё бери, только спаси Кирьку, — ещё долго слышался её рыдающий голос.

9

— Маманя! К мамане хочу! — время от времени подвывал Кирька, удобно устроенный в экипаже на куче чуть подопревшего сена. — Отпусти меня, дядька! — опасливо косился он в сторону Петра Сергеевича.

Тимошка скатился поближе к брату и втянул ноздрами знакомый запах сухой травы. Сразу вспомнилось, как тёмными зимними вечерами ходил он вместе с мамой в хлев, чтоб подоить белолобую коровку Милку. Пока мама крестила углы хлева и зажигала закопчённый огарок свечи, Тимошка обмывал тёплой водой корове вымя. Это была его обязанность. Потом он подкладывал Милке сена, чтоб не отвлекалась по сторонам во время дойки, и слушал, как в подставленную кружку стучат тёплые струйки молока.

— Первое молочко да в роток любимой деушки, — приговаривала мама.

От этих воспоминаний на глаза навернулись слёзы. Он торопливо отвернулся, чтобы дядя Петя не подумал, что у него, как у девчон-

ки, глаза на мокром месте. И так сегодня наре-
велся вволю, аж нос распух.

«Не повезло Кирьке, напоролся на бешеную
лисицу», — подумал он.

— Что ты в лесу-то искал? — тронул Тимка
брата за плечо.

Тот надулся и пробурчал что-то нечлено-
раздельное.

— Не трогай его, Тимоша, — обернулся с об-
лучка Пётр Сергеевич, — он устал от боли, нанерв-
ничался. Ну да ничего, через пару часов приедем
в Петербург, сразу же отправимся в больницу
и начнём делать уколы от бешенства.

— Как это уколы? — зашмыгал носом Ки-
рьян. — Шилом, что ли, колоть будут?

— Зачем шилом? — засмеялся доктор. —
Специальным прибором, шприц называется.
Это такая стеклянная трубочка с иглой.

— Господи, помилуй, какие ужасы, — окон-
чательно приуныл Кирьян.

— Ничего не ужасы, — строго остановил его
Пётр Сергеевич, — это совершенно не больно.
Зато скоро будешь здоров, как бычок.

— Вот ещё скажешь, барин, как бычок, —
чуток повеселел мальчик и повернулся к Ти-
мошке. — Спрашивал, почто я в лес ходил? Тебя
высматривал. Вдруг, думаю, Тимка не сгинул
без вести, а к разбойникам прибился или ещё
куда. Люди говорили, будто видели тебя на ста-
ром покосе — как ты вместе с русалками в озере
купаешься. А старуха Мирониха мамане баяла,

что тебя цыгане к себе в табор забрали и построили медведя водить.

Тимошке так приятно стало, что Кирька не забыл о нём, как будто кто его тёплой рукой по спине погладил. Мальчик придвинулся поближе к Кирьяну и достал из изрядно перепачканного кармана петушка на палочке. Отколупал пальцем прилипшие крошки и протянул брату:

— На, возьми, это мне тётя Сима дала.

Он украдкой посмотрел на Петра Сергеевича, опасаясь, что доктор заставит выбросить вредную сладость, но доктор ничего не сказал, а только хмыкнул:

— Ну, Серафима, будет тебе на орехи, узнаешь, как мальчишке зубы портить.

Некоторое время ехали молча. Путь лежал через незнакомые деревни. Раз остановились у придорожного колодца, и Пётр Сергеевич налил лошади полное ведро воды.

«Эх, был бы у меня сейчас свой конь в шарабане, — подумал Тимошка, вспомнив свой выигрыш в лотерею и глядя на батюшкину лошадь, которая с пофыркиванием пила воду, — ехали бы с ветерком да посмеивались».

Но тут же остановил себя: бедной вдове лошадь была куда нужнее, чем ему, сытому и присмотренному мальчику, почти законному сыну доктора Мокеева.

«Интересно, сколько домов в Санкт-Петербурге? — гадал Тимка, глядя на проплывающие

над ними облака. — Наверное, много. Как в трёх, или нет, в пяти сёлах».

Отец рассказывал, что в Питере есть настоящий зверинец, где народу показывают полосатую лошадь, а на каждой улице продают мороженое. Мысль о мороженом привела его в превосходное настроение. Сам он попробовал его совсем недавно, когда тётя Сима зазвала в дом незнакомого мужика в белом фартуке и с ящиком, поставленным на голову.

— Сахарно морожено, кушай не зевай, шире рот раскрывай! — подмигнул мужик Тимошке, открыл ящик и наскоблил оттуда на блюдечко круглые белые шарики.

Шарики были холодные, маслянистые, и Тимка сперва даже опасался их пробовать. А ну, как какая-нибудь гадость!

— Ешь, не бойся, — засмеялась тётя Сима, — потом спасибо скажешь.

Тимошка вспомнил, как волшебное мороженое растеклось на языке холодной сладостью, и наморщил от удовольствия нос.

— Дядя Петя, ты купишь Кирьке мороженое, когда он выздоровеет?

Пётр Сергеевич кивнул головой и озабоченно нахмурился:

— Куплю обязательно, только нам пока не до мороженого, каждая минута на счету.

Его тон так не понравился Тимошке, что мальчик забеспокоился: вдруг что-то идёт неправильно и на самом деле Кирьку не так-то

просто вылечить? Он приподнялся на коленках и переполз на облучок. Рядом с доктором он чувствовал себя гораздо увереннее.

Пётр Сергеевич подвинулся.

— Видишь ли, Тимофей, — серьёзно объяснил он мальчику на ухо, — болезнь «бешенство, или водобоязнь» ещё не изучена до конца. Совсем недавно от неё не было никакого спасения, и любой человек, получивший смертельный укус, обязательно погибал. Лишь несколько лет назад французский учёный Луи Пастер смог получить исцеляющую вакцину.

— Французский? — ахнул мальчик. — Значит, нам надо ехать не в Петербург, а во Францию?

— Слава Господу и принцу Ольденбургскому, что теперь не надо ехать за вакциной в другое государство. Принц на свои деньги посылал к месье Пастеру наших гатчинских докторов, и они научились сами делать лекарство — вакцину от бешенства. Вот к ним в больницу мы сейчас и едем.

Доктор тревожно оглянулся на Кирьяна и дёрнул поводья:

— Но, Диана, не подведи нас, поспеши и получишь целый мешок отборного зерна.

Кобыла как будто поняла всю важность своей задачи и прибавила ходу. Скоро издалека показались высокие заводские трубы, потом деревянные домишки сменились на высокие каменные дома, и вскоре экипаж остановился около красного кирпичного здания больницы.

— Тимофей, не отставай, — скомандовал Пётр Сергеевич и вытащил из экипажа сомлевшего за дальнюю дорогу Кирьяна, — нам туда.

Он показал подбородком на самый отдалённый корпус, около которого стояла сестра милосердия в белой косынке, украшенной красным крестиком. Кирьян с испугом огляделся вокруг и снова начал плакать.

— Не пугайся, Кирюша, — доктор покачал его на руках, совсем как маленького. — Сейчас тебе сделаем первый укол, наложим свежую повязку, и будешь спокойно отдыхать до завтрашнего дня. И Тимофей пока с тобой побудет.

Тимошка согласно поддакнул и подумал, что дядя Петя очень правильно рассудил. Вдвоём-то оно, конечно, веселей. Пётр Сергеевич отстегнул от цепочки на жилете большие часы-луковицу, протянул их Тимошке и велел ждать на лавочке возле двери.

«Часы — это хорошо», — обрадовался мальчик.

Пётр Сергеевич уже давал их Тимошке, и тот прекрасно усвоил, как пользоваться такой замечательной вещью. Он с трепетом нажал на кнопку, и крышка часов плавно поднялась вверх, открывая белый циферблат.

«Маленькая стрелка показывает часы, а большая — минуты, — повторил про себя Тимошка, — а самая тоненькая, вечно бегущая стрелочка, отсчитывает секунды, по которым доктор проверяет пульс у больного».

Тимошка на всякий случай потрогал свой пульс, а потом проверил время. Стрелки показывали семь часов вечера. Тимошка сидел как вкопанный, изредка поглядывая на хронометр, пока не заметил за углом, в куще сирени, какое-то странное шевеление. Он привстал и вытянул шею. Но с этого места ничего не было видно.

«Ничего страшного не случится, если я отойду на пару шагов», — подумал он и на цыпочках, чтоб не спугнуть обитателя кустов, двинулся в нужном направлении.

10

Шаг. Ещё шаг. Тимошка остановился и прислушался. Существо в кустах затаилось.

«Небось, приبلудная собака», — решил мальчик и хотел было повернуть назад к скамейке, но любопытство пересилило. Очень уж странным ему показалось мелодичное пощёлкивание в кустах. Точно кто-то орехи колот. Ну не собака же орехи колет?!

Почти не дыша, он подкрался к зарослям сирени, постоял. Ни звука. Тогда Тимка решительно раздвинул руками упругие ветки и отпрянул: на него смотрел стеклянный глаз диковинной птицы. То, что птица ненастоящая, Тимка понял сразу: очень уж неестественно топорщились ярко-жёлтые перья и посверкивал похожий на пуговицу красный глаз. Он наклонился, чтобы рассмотреть диковинку поближе, но птица вдруг

качнулась, подпрыгнула и поползла в сторону. Потом она приподнялась, и под ней обнаружилась маленькая старушка с жидкими спутанными волосами и в подпоясанном верёвкой засушенном синем зипуне. Тимошка прямо рот разинул от удивления. Он понял, что птаха была прикреплена к потёртой фетровой шляпке, и фыркнул: попробовала бы его мама или тётка Маня надеть подобный наряд в хлев или на сенокос! Всё село бы смеялось да пальцами у виска крутило.

Старушка обидчиво наклонила голову и показала Тимошке язык. Он возмутился. Мало того, что бабулька шастает по кустам в немыслимой шапке, так ещё и дразнится!

— Ты кто? — пытливо посмотрел он на бабу и хотел потрогать руками чудную птицу, но бабушка вдруг пронзительно завизжала, завертелась колесом и выхватила у него из рук часы Петра Сергеевича.

Тимошка застыл от неожиданности, его прямо в жар бросило:

— Отдай!

Старуха снова показала ему язык, повернулась и живо засеменила к распахнутым воротам больницы.

— Бабуля, отдай часы! Это не мои! — побежал за ней Тимка.

Бабушка припустила что есть мочи, да так быстро, что мальчику было за ней не угнаться. Время от времени она подпрыгивала и выкрикивала что-то вроде «Юх! Юх!»

Тимошка на мгновение оглянулся, чтобы посмотреть, не вышел ли на крыльцо кирпичного корпуса Пётр Сергеевич, и этого оказалось достаточно, чтобы приткая старуха совершенно исчезла из виду. Как испарилась. Тимошка подбежал к тому месту, где только что стояла нищенка, и лихорадочно заметался по сторонам.

«Часы, часы, она украла дяди Петины часы, — в отчаянии повторял он. — Что мне скажет дядя Петя? Он ведь велел мне не отлучаться со скамейки, даже свои часы не пожалел, чтобы мне не было скучно. Что теперь делать?»

Тимошка обессилено опустил на придорожный камень и обхватил голову руками. Как теперь показаться на глаза Петру Сергеевичу, он не знал. Неподалёку раздался еле слышный шорох и уже знакомое прищёпывание: «Юх! Юх!» Мальчик встрепенулся и повернул голову в направлении звука: на соседней улице, огибающей высокий жёлтый дом, мелькнула знакомая птица. Бабка! Тимка вскочил, как настёганный, и кинулся вслед за воровкой. За углом никого не было. Только рядом с ним чуть скрипнула тяжёлая крашеная дверь. Старуха там! Тимошка всем телом навалился на неподатливую дверь, она распахнулась, и паренёк вывалился на красивую набережную незнакомой узкой речки.

«Как же так? — не понял он, — разве может быть дверь с улицы на реку?»

Тимошке на миг показалось, что он сошёл с ума, но вдали снова раздалось знакомое «Юх!» и он, забыв обо всём на свете, кроме украденных часов, помчался вдоль по вымощенному гранитом берегу.

Похитительница легко взбежала на изогнутый мостик с витыми перильцами и красивыми фонарями по обеим сторонам и призывно помахала Тимошке рукой.

«Заманивает к себе, — понял он, — сейчас я её догоню. Не может быть, чтобы старуха проворней меня оказалась. Я в деревне быстрее всех ребят бегал».

Но как только паренёк приблизился к мостику, бабка подобрала полы своего зипуна и поскакала на другую сторону так шустро, что птица на её шляпе запорхала вверх-вниз, точно живая.

— Стой, я тебя не обижу, только часы отдай! — с надеждой крикнул ей в спину Тимошка, когда увидел, что бабуля протискивается в какую-то узкую щель в стене.

Он рванулся следом, продрался сквозь обвалившуюся каменную кладку и оказался в узком дворике, сплошь заваленном дровами. Вокруг не было ни одного человека, только на крыше истошно драли глотки подгулявшие коты да в трубах завывал ветер с Финского залива. Тимошка обречённо обвёл глазами замкнутое пространство и подумал, что прав был его дед Илья, когда говорил, что пустое любопытство — большая

глупость. Не пойдя Тимошка заглядывать в этот проклятый куст, сидел бы сейчас на скамеечке да поджидал доктора с Кирькой.

Мысль о Петре Сергеевиче заставила его охнуть и ещё раз осмотреться вокруг. Где он и как теперь попадёт в больницу? Обратный путь Тимошка совершенно не помнил. Мальчик посмотрел на большую изрубленную плаху посередине двора, на которой, похоже, кололи дрова. В центре её сверкало что-то круглое. Он сделал шаг вперёд, и его сердце затрепыхалось, как овечий хвост: в ярких лучах вечернего северного солнца лежал дяди Петин хронометр.

Тимошка мгновенно схватил дорожную пропaju и крепко зажал в кулаке. Теперь эти часы не вырвут из его рук даже сто разбойников вместе взятые. Он ужом скользнул в знакомый проём между домами и выбрался к мостику.

«Надо перейти на другую сторону, вспомнил он, — потом пройти вдоль речки, а потом зайти в какую-то дверь...»

Дверей в домах на набережной было не перечесть. Почти на каждом фасаде красовались две, а то и три двери. Тимошка заглянул в одну, дёрнул другую, третью, но все они были закрыты. Наконец, десятая по счёту дверь призывно распахнулась. Тимошка прошёл по длинному коридору, открыл ещё одну дверь и оказался в малюсенькой тесной комнатёнке, где, повалившись головой на стол, богатырским сном спал громадный мужик в белом фартуке.

Осторожно, чтобы не разбудить хозяина, Тимка развернулся, чтобы выйти, но не успел сделать и шага, как крепкая рука схватила его за шиворот и основательно тряхнула:

— Так вот кто тут по квартирам шарит! Я тебя, шпана уличная, давно караюлю! Признавайся, сколько домов успел обчистить?

Мужик швырнул мальчика на стул и взял верёвку:

— В полицию я тебя сдавать не буду, а на первый раз сам проучу. Вздую так, что неделю сесть не сможешь.

— Пустите, дяденька, — взмолился Тимошка, — ей Богу, это не я! Я сегодня первый раз в жизни в Петербург приехал, из деревни я, сирота.

— Из деревни, говоришь? А костюмчик-то на тебе барский. Говори, у кого украл!

Незнакомец с силой разжал судорожно стиснутые Тимошкины пальцы и вытащил часы Петра Сергеевича.

— Понятно... — протянул он, — часы у барина стибрил.

Он сунул часы себе в карман и намотал на кулак концы верёвки:

— Скидывай штаны!

«Ничего говорить не буду, — обречённо решил Тимошка, — всё равно не поверит. И дядя Петя меня теперь не дожждётся. Да и без часов я к нему вернуться не могу. Остаётся мне скитаться по улицам, как той бабульке, что часы у меня вырвала».

Он зажмурился в ожидании порки, перекрестился:

— Хочешь верь, дяденька, хочешь не верь, но суд ты чинишь над невиновным. Сирота я из села Соколовка, меня доктор усыновил. Это его часы.

Мужчина опустил поднятую было руку и кинул верёвку на пол:

— Соколовка, говоришь? Ну и чей ты сын?

— Тимка я. Николая Петрова сын.

— Кольки Петрова? — обрадовался дядька. — А не врёшь?

— С чего мне врать, — насупился Тимошка. — Померли по осени мои мама с батей и дед. Только я из всей семьи и выжил.

Он уже понял, что порки не будет, и несмело взглянул в лицо незнакомцу:

— А ты знал моих родичей, дяденька?

— Как не знать! Я с Колькой Петровым почитай всё детство на кулачках дрался. Девчонку делили. Только она мне отказала и за Кольку замуж пошла. Значит, ты есть ихний сыночек Тимошка?

Тимка кивнул.

— Ну а меня Иваном звать. Иван Лукин. Наш дом в Соколовке у старого колодца. Слышал, небось? А здесь я старшим дворником работаю.

— Знамо дело, слышал, — сказал Тимошка. — Я деда Луку хорошо помню. Он мне один раз рогатку подарил.

— Это он любил мастерить, — расплылся в улыбке Иван. — Эх, землячок! Славно, что ты ко мне попал. Сейчас чайку попьем, самоварчик поставим. Хочешь, у меня оставайся, пристрою тебя к генеральше мальчишкой на побегушках. Свой кусок хлеба всегда заработаешь.

— Мне в больницу надо, — жалобно сказал Тимошка, — меня там дядя Петя, мой названный отец, ждёт. Братца моего Кирьку бешеная лиса укусила. Мы его в больницу привезли, а я потерялся.

— Жаль, что остаться не можешь, — Иван так хлопнул Тимку по плечу, что тот присел. — Ну да ладно. Пойдём, доведу тебя до больницы. Односельчанину грех не помочь. Только обещай, что будет время — забежишь ко мне поведать.

Тимошка облегчённо вздохнул:

— Спаси тебя, Господи, дяденька Иван.

Иван протянул Тимошке часы Петра Сергеевича, надел форменный картуз, на околыше которого был жетон с номером дома, и вывел его на улицу:

— Давай сюда.

Он провёл Тимку через длинный арочный двор, свернул за угол и показал пальцем налево:

— Вот она, больница.

Тимошка взглянул на часы. Они показывали восемь часов. Значит, он пробежал за бабкой целый час. Ждёт ли его Пётр Сергеевич? С замирающим сердцем мальчик подошёл к знакомому

корпусу прививочной станции и опустился на лавочку.

11

Прошло ещё полчаса. По двору больницы то и дело озабоченно пробегали сёстры милосердия и дюжие мужики-санитары в фартуках и в белых нарукавниках. Один раз мимо него, помахивая тросточкой и посверкивая золотыми перстнями на толстых пальцах, прошёл купец в чёрном котелке, а Петра Сергеевича всё не было.

«Неужели он не нашёл меня и уехал в Гатчину? — забеспокоился Тимошка. — Может быть, думает, что я сбежал, и ищет меня по городу?»

Он совсем было решился заглянуть в больницу и спросить, где доктор, как дверь распахнулась, и оттуда показался Пётр Сергеевич. Кирьки с ним не было.

«Умер!» — с ужасом подумал Тимка, но сразу же понял, что с Кирьяном всё хорошо, потому что доктор улыбнулся ему и потрепал по голове:

— Соскучился?

Тимошка вскочил:

— Соскучился. Как Кирька?

— Надеюсь, поправится. Ему сделали перевязку, ввели инъекцию вакцины от бешенства, измерили температуру. Сейчас он спит в палате, а завтра утром мы его навестим.

Он взглянул на Тимошку и удивлённо заметил, что новенький матросский костюмчик за один день превратился в лохмотья.

— Да ты, брат, выглядишь, как каторжник на рудниках, — иронично хмыкнул доктор, — придётся покупать тебе обновку.

— Дядя Петя, я этот костюм выстираю! — горячо сказал Тимошка. — Ты не думай, я не озоровал. Это так получилось.

— Да я и не думаю. День у нас с тобой был хлопотный, пережить пришлось много, вот костюм и не выдержал.

— Точно! — повеселел Тимошка и протянул доктору его хронометр.

— Ого! Почти девять. Думаю, что ночевать мы поедем к моим друзьям Арефьевым. Они неподалёку от больницы живут. Да и не пора ли нам поесть, как ты думаешь? У нас с утра росинки во рту не было.

— А ведь и правда, — вспомнил мальчик, — мы сегодня совсем ничего не ели, если не считать тарелки овсяной каши на завтрак. Я бы сейчас целую бадью щей навернул!

Арефьевы действительно жили в двух шагах от больницы. Да еще в том доме, где работал дворником Иван Лукин. Тот заговорщицки подмигнул Тимке, чинно поздоровался с доктором и пошёл пристраивать в дворовую конюшню кобылу батюшки Василия.

— Нам сюда, — Пётр Сергеевич указал Тимке на полированную дубовую дверь и ввёл его

в парадное, украшенное голубой изразцовой печью.

— Дядя Петя, а почему в Петербурге есть двери, которые ведут не в дом, а с улицы на улицу? — припомнил Тимошка свою беготню за странной старушкой.

— Наш пострел везде поспел, — пошутил Пётр Сергеевич и объяснил, что это и есть знаменитые петербургские проходные дворы и подъезды. — Дома построены так плотно друг к другу, что мышь не проскользнёт. Поэтому хозяева и надумали делать проход на обе стороны здания, чтобы можно было выйти на нужную улицу, не обходя весь квартал.

Господа Арефьевы были дома. Аккуратная горничная в коричневом платье и кружевной наkolке на пышных волосах приняла у Петра Сергеевича шляпу и предложила Тимошке почистить его костюмчик. Он насупился. Ещё чего не хватало. Он и сам не маленький, справится и без посторонней помощи. Вот сейчас пойдёт в людскую, где живёт прислуга, и попросит там щётку. Но никуда уйти он не успел: навстречу им из глубины квартиры уже радостно спешила стройная, как девушка, хозяйка Нина Павловна.

— Юрий, к нам Петя приехал, — позвала она мужа и поцеловала Петра Сергеевича в щёку.

— Ты надолго?

— Как Бог даст, — сказал Пётр Сергеевич, — кстати, познакомьтесь с моим сыном.

Он подтолкнул Тимошку вперёд, и тот оказался перед невысоким полным господином с каштановыми усами.

— Я давний друг вашего батюшки, молодой человек, — представился он Тимке, — а звать меня Юрий Львович.

Тимошка подумал, что, наверное, надо бы шаркнуть ногой, как положено делать у господ при знакомстве, но застеснялся и неуклюже пожал протянутую хозяином руку.

— Серьёзный юноша, — засмеялась Нина Павловна и пригласила всех к столу.

Тимка решил, что сядет в самый уголок, чтоб не опозориться. Хотя тётя Сима не раз показывала ему, как правильно пользоваться ножом и вилкой, Тимка всё равно боялся опростоволоситься. Не так-то просто привыкнуть к новой жизни человеку, попавшему из крестьянской избы в барские хоромы.

Он присмотрел себе местечко и с удивлением заметил, что за столом уже сидит невысокая девочка того же возраста, что и он. Только он, Тимошка Петров, был обыкновенным курносый мальчиком, а девочка выглядела настоящей красавицей. Она искоса посмотрела на вошедших и сложила в улыбку очаровательные розовые губки:

— Добрый день, дядя Петя.

— А, Зиновья, — улыбнулся Пётр Сергеевич, — позволь познакомить тебя с моим сыном Тимофеем. Возьми его под своё покровительство.

Тимошка покраснел, как спелый помидор, а девочка презрительно осмотрела его с головы до ног и презрительно фыркнула:

— Тимофей, когда вы в последний раз были у портного? Ваш костюм в ужасном состоянии.

— Никогда не был, — растерялся мальчик.

— Никогда? — девочка выразительно подняла круглые бровки и отодвинулась, всем своим видом давая понять, что с Тимошкой ей не о чем разговаривать.

Ужин показался Тимошке необычайно вкусным. Он изо всех сил пытался есть медленно и аккуратно, но это получалось с большим трудом. Почему-то суп хлебался только полной ложкой, а жареная картошка была так хороша, что сама просилась в рот.

— Обжора, — сквозь зубы шепнула ему Зиночка и выпалила скороговоркой: «Робин Бобин Барабек скушал сорок человек».

Тимошка не знал, кто такой Робин Бобин и почему он слопал столько народу, но ему абсолютно не понравилась эта Зинка.

«Разве так можно вести себя с гостями?» — подумал он.

Тимошка вспомнил, как ещё при жизни родителей к ним в дом забрели нищие из Малороссии — худая, истощённая баба и бойкая, вредная девчонка. Ух, как та деваха ела! Ровно свинья у корыта: чавкала, крошила хлеб по столу. Не стесняясь никого, сунула нос в чугунок с картошкой и вырвала из рук Тимошки слад-

кую пареную репку. Он ей ни слова поперёк не сказал. Понимал, что гостям в доме — лучшее место. Правда, девахина мать все же старалась вколотить дочке науку поведения и всё время таскала её за тощую косицу.

«Хорошо бы и эту Зинку хоть раз оттащить за красивые волосёнки с голубым бантом на макушке», — подумал Тимошка, и ему сразу же стало стыдно за свои мысли.

— Почему у нас Тимофей ничего не ест? — спросила Нина Павловна, заметив, что Тимка решительно отодвинул от себя мороженое. — Неужели есть дети, которые не любят мороженое? Наши девочки его обожают. Особенно Зиночка.

«Девочки? — обратил внимание на её слова Тимка. — Значит, кроме Зины есть ещё одна дочка. Наверное, такая же злющая, как эта». Он вздохнул: «Скорее бы домой к тёте Симе. Там никто не будет дразнить за лишнюю ложку похлёбки. Наоборот, тётя Сима всегда хвалила, когда видела, как я подбираю кусочком хлебushка все остаточки с тарелки».

После ужина гости и хозяева перешли в просторную гостиную. Тимошка не знал, куда ему сесть, и остался стоять около двери.

— Иди сюда, — позвал его Пётр Сергеевич и подвёл к большому стеклянному шкафу, в котором стоял большой игрушечный корабль под парусами. Совсем такой, какой Тимошка видел на картинках в доме доктора.

— Это макет судна «Гиляк», — объяснил Пётр Сергеевич, — Юрий Львович обошёл на нём вокруг света.

«Обошёл вокруг целого света!» — поразился мальчик и с уважением посмотрел на хозяйина. — Наверно, это очень долго, — сказал он вслух.

— Да уж, не быстро, — засмеялись взрослые, а Зина тайком скорчила ему рожу.

— Ниночка, позволь мне телефонировать в Гатчину, мне нужно сообщить, что я внезапно оказался в Петербурге и не успею вернуться к завтрашнему дежурству в клинике, — обратился к хозяйке Пётр Сергеевич.

Она с улыбкой кивнула, и Пётр Сергеевич подошёл к небольшому деревянному ящичку с ручкой. Тимошка смотрел во все глаза. Он слышал, что есть специальные аппараты, по которым можно разговаривать с разными людьми, не выходя из дома, но никогда их не видел. Доктор покрутил ручку на ящике:

— Барышня, мне госпиталь в Гатчине, — очень громко и чётко сказал он в трубку и поднёс к уху чёрный рожок на проводе. — Алло, Николай Иванович? Говорит доктор Мокеев. Я вынужденно оказался в больнице принца Ольденбургского и прошу разрешения задержаться — хочу показать Тимофею Петербург.

От этих слов Тимошкина душа воспарила прямо к сияющей всеми огнями люстре и принялась летать кругами около потолка.

«Завтра я увижу зверинец! — задрожал от радости Тимка. — Подивлюсь на полосатую лошадь. Говорят, там есть и другие диковинные звери — слоны с длинным, как рукав, носом».

Но, посмотрев на помрачневшее лицо доктора, Тимка понял, что случилось неладное.

12

В гостиной воцарилась тишина. Все напряжённо смотрели на Петра Сергеевича, словно ожидали, что, как только он положит трубку, суровая складочка около его глаз разгладится, и он скажет что-нибудь забавное. Но этого не случилось.

Пётр Сергеевич закончил разговор, встал и взволнованно походил по комнате.

— В Поволжье большая вспышка холеры, — наконец сказал он, — мне приказано немедленно присоединяться к отряду врачей. Завтра туда отправляется санитарный поезд. Тимка, собирайся, едем в Гатчину прямо сейчас.

— Петя, Петя, хоть переночуй, — запротестовал Юрий Львович.

— Нет, Юра, нельзя медлить ни минуты. Пока доедем, пока соберёмся...

Он одобрительно посмотрел на Тимку, который уже стоял наготове около двери, и взглянул на Арефьевых:

— Я попрошу вас ежедневно навещать в больнице Кирьяна. Больной пробудет там

около месяца. Ну а Тимофей пока прекрасно поживёт с Серафимой.

— Знаешь что, Петруша, — вмешалась в разговор хозяйка, — оставь нам Тимофея. Он будет сам навещать своего братца в клинике, а Зиночкин учитель начнёт готовить его в гимназию.

Пётр Сергеевич с уважением посмотрел на Нину Павловну:

— Ты, как всегда, находишь наилучшее решение, Ниночка. Пожалуй, это разумный выход.

Тимошка бросился к доктору и обхватил его руками:

— Дядя Петя, не оставляй меня здесь. Я с тобой поеду в Поволжье, буду тебе воду кипятить, чтоб ты не заболел, буду суп стряпать, кашу варить! Я очень ловкий, дядя Петя, я не буду тебе обузой!

Глаза Петра Сергеевича влажно заблестели, и он положил руки на плечи Тимошке:

— Мальчик мой дорогой, на эпидемии не положено брать детей, там только доктора и сёстры милосердия.

— Я обязательно, обязательно выучусь на лекаря и буду везде ездить с тобой! — закричал Тимошка. — Обещаю тебе, ты только не умирай на эпидемии, дядя Петя, как мои мамка с папкой померли!

— Да Бог с тобой, Тимошка, с чего ты взял, что я собрался умирать. Я ещё дождусь, когда ты станешь доктором, раз ты мне это пообещал.

Ну а пока тебе необходимо прилежно готовиться в гимназию. Трудно сделать это лучше, чем у Арефьевых. А Зиночка тебе поможет. Правда, Зина?

Девочка сделала умильное лицо и сладко улыбнулась:

— Даже и не сомневайтесь, дядя Петя, день и ночь буду с ним уроки готовить.

— Вот и славно, — подвёл итог Юрий Львович. — Петя, обязательно сообщи нам с дороги, как у тебя идут дела и как здоровье, а Тимошка станет ежедневно писать тебе письма. Грамоту знаешь? — спросил он Тимошку.

Мальчик кивнул и нехотя оторвался от названного отца. Пётр Сергеевич быстро прошёл в переднюю, взял из рук горничной свою шляпу и потрепал Тимошку по волосам:

— Не скучай без меня, лекарёк, лечи пока Кирьяна, а там, даст Господь, и я возвращусь.

Дверь за Петром Сергеевичем закрылась, и Тимошка сразу почувствовал себя одиноким и растерянным, почти таким же, каким ощущал себя пару часов назад, когда заплутал в незнакомом городе.

— Зиночка, дружок, покажи Тимофею комнату для гостей. Я думаю, ему понравится новое пристанище, — хозяйка ободряюще улыбнулась Тимошке. — Не сомневаюсь, что мы с тобой скоро подружимся, и ты перестанешь дичиться. Вот увидишь, у нас тебе будет интересно и полезно. А за Петра Сергеевича

ты не беспокойся, — ласково добавила она. — Он не единожды ездил на эпидемии и, как видишь, всегда возвращался с победой.

— Мама, нам пора, — прервала мать Зина.

Она взяла Тимошку за рукав двумя пальцами и потянула в сторону коридора:

— Здесь ты будешь жить, — Зиночка открыла дверь и ввела мальчика в небольшую квадратную комнатку, в которой были только кровать, комод и письменный стол, украшенный красивой лампой под абажуром зелёного стекла. — Да не вздумай за мной ухаживать, я этого не люблю, — строго предупредила она его, — а то у вас, мальчишек, одно на уме.

«Ухаживать за этой мымрой!» — от возмущения Тимошка лишился дара речи. Да он бы с ней даже раков ловить не пошёл, не то, что ухаживать. Коров пасти — и то на другую сторону выгона убежал бы. Тимка решительно сел к столу и отвернулся к окну, всем своим видом показывая, что не намерен дальше разговаривать. Зиночка фыркнула и, тряхнув кудрявой головкой, вылетела из комнаты.

Тимошка поёрзал на кончике стула и уныло выглянул в окно на незнакомый, чисто выметенный двор, обрамлённый клумбами. Прямо напротив его окна было точно такое же окно, завешенное кисейной занавеской, через которую проглядывало неяркое пятно электрической лампы. Он посмотрел на верхние этажи двора-колодца.

«За каждым из них кто-то живёт, — думал он, глядя на мелькающие в обрамлении рам тени. — А я сижу и на них гляжу. Гадал ли я, садясь утром в экипаж, что вечером придётся ложиться спать в чужом доме без Петра Сергеевича и тёти Сими, а утром — мчаться в больницу проведывать Кирьку и любоваться на вредную Зиночку...»

С каждой минутой Тимошкины мысли становились всё унылее. К его грусти прибавился лёгкий летний дождь, который обильно полил стекло и набросал капель в открытую форточку. Тимошка ещё чуток посидел на стуле, пролистал лежащую на столе книжку с картинками кораблей и улёгся спать. В эту ночь сны в голове мальчика крутились, как крылья на старой мельнице. Снова и снова видел он кричащего, искусанного лисицей Кирьку, Петра Сергеевича, тощую бабульку, укравшую хронометр, и Зиночку — почему-то с птицей на голове. Птица истошно каркала и клевала Зиночкин бант.

Проснулся Тимошка оттого, что около его уха кто-то шумно дышал, совсем как собака. Тимка приоткрыл глаза и вжался в подушку: прямо над его головой склонилась незнакомая девушка с тонким бледным лицом. Она понюхала его волосы, а потом легко коснулась холодными пальцами его раскрасневшейся щеки.

«Кто это? Вдруг привидение?» — Тимошка постарался задержать дыхание и не шевелиться. Он вспомнил, что дед Илья советовал ему почаще читать Иисусову молитву, и торопливо

зачастил про себя: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного». Молитва, видать, подействовала, и привидение отошло от кровати. Оно приблизилось к столу, освещённому зыбким светом белой петербургской ночи. В её сумраке Тимошка смог рассмотреть призрак. Это была невысокая девушка лет пятнадцати в длинной ночной рубашке с распущенными каштановыми волосами. Ночная гостя двигалась странно и неуверенно, часто останавливаясь и ощупывая пальцами предметы вокруг себя. Вот она потрогала Тимошкину одежду, задела ногой ботинки, потом запуталась в проводе электрической лампы и нечленораздельно замычала.

— Ты кто? — шёпотом спросил Тимошка, но девушка даже не обернулась в его сторону.

«Это не дух, а живой человек», — решил Тимка.

Он сел, спустив ноги с кровати, и спросил погромче:

— Ты кто?

Ответа опять не последовало. Девушка повернулась и пошарила рукой по письменному столу. Пареньку было слышно, как её ладошка шлёпает по столешнице и перебирает карандаши в стаканчике.

«Она — лунатик! — осенило Тимошку. — Точно! Лавочник как-то раз рассказывал, что благородные господа часто болеют этой болезнью. Тогда человек ходит во сне куда ни попадая, а утром ничего не помнит».

Он решил, что девушку надо разбудить. Ведь не бродить же ей в его комнате до утра, да ещё босиком и в исподней одежде. Он на цыпочках приблизился к девушке и как можно ласковее тронул её за плечо:

— Эй, просыпайся...

Девушка громко замычала, рванулась в сторону и выбежала из комнаты. Растерянный Тимка так и остался стоять с поднятой рукой.

«Непонятно. Всё это очень непонятно», — подумал он, подошёл к двери и крадучись выглянул в коридор.

Там никого не было, только около иконы святого Николая едва теплилась негасимая лампада. Похоже, что все спали и не обращали на лунатичку никакого внимания. Он прошёл туда и обратно по направлению к туалету, заглянул в холодную тёмную ванную комнату. Тоже пусто.

Ну не привиделось же это?

Тимофей вспомнил, как Нина Павловна упомянула про ещё одну дочку. «Наверное, это она и есть», — догадался Тимошка, только уж очень чудная. Он вернулся в постель, свернулся комочком и решил больше не спать. Но усталость скоро взяла своё — он крепко заснул и проснулся только от стука горничной Маши, которая принесла ему новую одежду.

— Вставайте, барин, — приветливо сказала девушка, — скоро будет завтрак, а вы всё в постели лежите.

— Я не барин вовсе, а Тимошка из Соколовки, — возразил мальчик.

— Вот и поднимайся, коли Тимошка, ба-рыня тебе новую одежду прислала. Минутами учитель придёт, пора за уроки приниматься.

Уроки! От этих слов Тимка вскочил, словно на пожар. Уж что-что, а заниматься он очень любил. Отец Василий, который учил их в церковно-приходской школе грамоте и арифметике, всегда нахваливал его перед другими ребятами. Прямо так и говорил: «Тимошке Петрову сегодня высший балл за успехи и усердие».

Тут он вспомнил ночное происшествие и спросил у Маши:

— Скажи, ко мне ночью приходила какая-то девочка, кто она?

Маша ответила не сразу. Она не торопясь протёрла влажной тряпкой подоконник, полила цветы и обернулась к Тимошке:

— Много будешь знать — скоро состаришься.

Тимошка прикусил язычок и призадумался: наверное, и впрямь в доме Арефьевых есть какая-то тайна или даже привидение, раз Маша не хочет ничего ему рассказывать. Ну и ладно. Не зря же тётя Сима в таких случаях говорит: «Любопытной Варваре не базаре нос оторвали».

Тимошка наскоро оделся, умылся и пошёл в кухню завтракать. По пути он встретил Зину, которая прошла мимо, вздёрнув нос, и даже не

посмотрела в его сторону. Настроение с самого утра было испорчено.

«И зачем только дядя Петя оставил меня здесь? Надо было всё-таки попроситься домой, — корил сам себя Тимошка, усаживаясь рядом с Зиной за круглый стол в ожидании учителя. — Терпи теперь эту Зинку, а по ночам здесь ещё и привидение бродит».

Невесёлые мысли немного исправила очаровательная Нина Павловна, которая с ласковой улыбкой пообещала детям сводить их после обеда в городской сад покататься на карусели. Тимошка никогда не катался на карусели, только видел её на ярмарке один раз.

Учителем оказался весёлый розовощёкий студент в чёрной форменной тужурке с золотыми пуговицами. Звали его Алексей, а отчество было занятное — Модестович. Тимошка никогда прежде не слышал такого отчества, хотя у них в селе всякие имена случались: церковного старосту звали дядя Завулон, а жену мельника — тётка Голиндуха. Мама рассказывала, что не все родители сами выбирают имена своим детям. Часто бывает, батюшка откроет святцы, и, какое имя в тот день выпадет, тем и наречёт младенца.

«Славно, что я родился в день святого Тимофея, которого ещё называют “Полузимником”», — с удовлетворением подумал Тимошка и приготовился слушать урок.

Для начала Алексей Модестович попросил Тимошку прочесть из красивой книжки

с картинками стихи Пушкина, а потом решить трудный пример. Зиночка мешала ему изо всех сил: иронически хмыкала, шуршала бумажками и даже попыталась промычать какую-то песенку. Все это продолжалось до тех пор, пока Алексей Модестович не посадил её переписывать прописи.

Тимка справился с заданием хорошо и быстро и хотел уже было попросить у учителя следующую задачу, как вдруг дверь приоткрылась от сильного сквозняка, и в длинном коридоре он увидел свою ночную гостью.

13

Тимошка, торопясь, спросил у Алексея Модестовича разрешения выйти, соскочил с гнутаго венского стула и поспешил за незнакомкой. Он решил, что не будет напоминать ей про ночное происшествие, а просто познакомится, и всё.

Девушку он нашёл в гостиной. Она стояла около рояля, одетая в простое белое платье и перебирала пальцами лепестки ромашек. Тимошка остановился сбоку от неё и стал ждать, когда девушка на него посмотрит. Но она, казалось, не замечала его.

Тимошка нарочито громко подышал и повозил стулом об пол. Она и теперь не оглянулась. Он сделал ещё шаг вперёд, девушка вздрогнула и втянула в себя воздух. Потом,

совсем как собака, глубоко задышала и замерла на месте. Тимка понял, что его заметили и пора представиться:

— Добрый день, меня зовут Тимофей, — громко сказал он так, как учил его Пётр Сергеевич.

Незнакомка продолжала напряжённо принахиваться, но с места не двигалась.

— Позвольте вам представиться, — снова произнёс Тимошка как можно вежливее, — меня зовут Тимка Петров. Дядя Петя Мокеев, мой названный батюшка, уехал на эпидемию холеры и оставил меня немного пожить у вас, потому что мой брательник Кирька лежит в больнице и его надо навещать. Я не буду вам мешать, вот увидите, — добавил он чуть потише.

— Она не увидит, — отчётливо проговорил за его спиной голос Нины Павловны. — Не увидит и не услышит. Это наша старшая дочь Таня. Она слепоглухонемая.

Тимошка так и сел где стоял.

— Как это «слепоглухонемая»? Нешто бывает вот так всё сразу?

— Как видишь, бывает.

Нина Павловна обняла застывшую от страха девушку и погладила её рукой по голове:

— Всё хорошо, Танюша, это друг. Мы, конечно, разговариваем с ней, хотя понимаем, что она нас не слышит, — обернулась она к Тимоше. — Видишь ли, слепоглухонемые очень пугливы

и неохотно идут на контакт с окружающими людьми, но надеюсь, что Танечка постепенно привыкнет к тебе.

— Почему же мой дядя Петя не вылечил вашу Таню? — почти закричал Тимошка, глядя на девушку. Его сердце просто разрывалось от жалости.

— Он очень помог Тане появиться на свет, — бесхитростно сказала хозяйка, — но вылечить мою девочку не может ни один доктор на свете.

— Я вылечу, — неожиданно для себя самого пообещал Тимошка, — только подрасту чуть-чуть и выучусь на лекаря.

— Мы будем ждать, — глядя ему в глаза, серьёзно сказала Нина Павловна. — Будем ждать, — повторила она еще раз, как эхо. — Что нам ещё остаётся?

После чая с домашними плюшками Нина Павловна, Тимошка и Зина поехали в больницу к Кирьке.

«Так вот ты какой, Санкт-Петербург», — думал Тимошка, крутя головой во все стороны.

Вчера вечером город выглядел таинственно и негостеприимно, а сегодня, в ярком июньском свете, мальчику всё казалось прекрасным и удивительным, даже несмотря на то, что противная Зиночка демонстративно отодвинулась от него на край скамейки и брезгливо скривила губки. Тимошка увидел горбатый мостик, по которому он вчера гонялся за прыткой бабкой, и улыб-

нулся: «Как хорошо, что она вернула обратно дяди Петины часы. Наверное, это была не самая вредная старушка. А может быть, она просто хотела поиграть?»

Бородатые дворники в белых фартуках старательно мели и без того чистые тротуары, над золотыми куполами собора в синем небе парила стая голубей, а из соседнего экипажа с высокими колёсами и бархатными вишнёвыми сиденьями раздавался залиvistый девичий смех.

«Я тут сижу, а дядя Петя едет лечить людей от опасной эпидемии, — погрустнел Тимошка. — Вот было бы здорово идти сейчас с ним в зверинец смотреть на диких животных и лизать мороженое! Кирька, наверное, ещё никогда не пробовал мороженого», — подумал он.

Как раз в эту минуту Нина Павловна внимательно посмотрела на детей и предложила:

— А не купить ли нам мороженое? Я думаю, что Тимошкиному братцу мороженое может весьма украсить жизнь.

Тимошка обрадованно закивал:

— Премного благодарны вам, Нина Павловна!

Зиночка хмыкнула, а Нина Павловна засмеялась:

— Зачем так сложно выражать свои мысли, Тимоша. Достаточно просто сказать «спасибо».

Мороженое купили самое лучшее — ванильное с изюмом. Тимошке и Зиночке тоже досталось по маленькому желтоватому шарiku на бумажке. Дома, в Гатчине, Тимка ел мороженое обычной чайной ложкой, а здесь в каждое мороженое была воткнута крошечная деревянная лопаточка.

«Кирька точно язык проглотит от такой вкусноты, — подумал Тимошка, блаженно слизывая сладчайшие густые капли лакомства. — Может быть, мне стоит выучиться на мороженщика? Ходил бы себе по дворам с ящиком на голове да продавал бы мороженое. А уж ел бы его, сколько хотел. Полными тарелками на завтрак, обед и ужин. Хотя, нет! Лекарем быть всё-таки лучше. Разве может мороженщик вылечить Кирьку или Таню? Нет, конечно. А доктор может».

Тимошка вспомнил свою встречу со странником в лесу и задумался: «А как же змеи? Ведь старичок в лесу посулил мне всю жизнь прожить со змеей на груди. Непонятно».

Коляска мягко остановилась около больничных ворот, и Тимошка радостно выпрыгнул на мощённую камнем мостовую. Нина Павловна протянула ему мороженое для Кирьяна и попросила:

— Ты сходи пока один. Знаешь куда?

Тимошка кивнул.

— Вот и славно! А нам надо съездить на почтамт по важному делу. Здесь близко, а через часок мы за тобой заедем.

Тимошка благодарно улыбнулся, помахал рукой и побежал к корпусу прививочной станции. По дороге он покосился на уже знакомый куст, в котором вчера копошилась странная старуха, и ему показалось, что в его свежей зелени мелькает заморская пёстрая птица.

14

— Ты куда, шалопут? — прикрикнула на Тимошку молодая розовощёкая сестра милосердия, как только он перенёс ногу через больничный порог. — А ну, брысь отсюда!

— Не гони его, Катерина, это сынок Петра Сергеевича, — отозвался из-за письменного стола седой мужчина в халате. — Ты, небось, пришёл проведать вчерашнего больного, которого прививают от бешенства?

Тимошка согласно кивнул и с опаской покосился на строгую сестрицу:

— Ага, к Кирьке. То есть к Кирьяну. Братцу моему.

— Молодец, — поднялся из-за стола мужчина, — пойдём, провожу тебя. Я здесь фельдшером служу, а звать меня Яков Силыч.

— А я Тимофей Петров, — по всей форме представился ему Тимка, — я тоже собираюсь на лекаря учиться.

— Дело хорошее, нужное, — согласился с ним дядя Яков Силыч и открыл дверь в просторную палату.

В большой комнате в два ряда стояли железные кровати, накрытые одеялами зелёного сукна. Все они были заняты больными, которые с любопытством воззрились на вошедшего Тимошку. Увидев фельдшера, пациенты ожились.

— Яков Силыч, иди ко мне. Глянь, что-то сердце жмёт, — зычно пробасил тощенький мужичок в бязевых подштанниках.

Фельдшер шагнул к страдальцу и подтолкнул Тимошку вперёд себя:

— Вон твой братик.

Кирьку Тимошка увидал сразу. Мальчик, обряженный в огромную нижнюю мужскую рубашку, грустно пристроился около окна, положив на подушку умело забинтованную ногу.

— Тимка! — обрадовался он и приветственно зашевелил выглядывающими из-под повязки пальцами на ногах.

— Это тебе. Мороженое, — протянул ему Тимошка начинавшую подтаивать сладость.

— Гадость, небось, докторская, — недоверчиво пробурчал Кирька, осторожно облизывая деревянную лопаточку. — Ой, какая вкуснятина! Нешто такой в больничке кормят?

— Это тебе Нина Павловна передала, у которой я сейчас живу, — пояснил Тимошка. — Называется мороженое. Чуешь, какое ледяное?

Кирька разом упихал в рот холодный шарик и обнял Тимошку за шею липкими руками:

— Меня здесь страсть, как мучают, — жарко зашептал он ему в ухо. — Чистыми бинтами ноги закручивают, вонючей мазью мажут, а вчера ещё иголкой кололи. Знаешь куда? — Он показал пальцем на теряющуюся в складках больничного белья попку. — «Укол» называется. Больно! Не приведи, Господи.

— Да ладно тебе, «больно», — вмешался в разговор фельдшер, — ты большой парень, можешь и потерпеть.

— Не могу, — заплакал Кирька. — Тимка, возьми меня отсюда, я домой хочу. К мамке. Там меня Катька перевязывать будет. А в лес я больше — ни ногой!

— Не реви, парень, — вмешался больной с соседней кровати. — Ещё поделяют уколы с месячишко да отправят домой. Вырастешь — спасибо скажешь, что тебя от верной смерти спасли.

Он успокаивающе подмигнул парнишкам и тяжело закашлялся:

— Вот меня теперь вряд ли кто вылечит.

Тимошка подал мужчине стакан воды и погладил его рукой по плечу.

— Дай, Господи, и ты поправишься, дяденька, вот увидишь. Верно тебе говорю.

— Ишь ты, лекарёк какой выискался.

Мужик пристально посмотрел на мальчугана и удивлённо хмыкнул:

— А ведь меня и впрямь отпустило, когда ты меня пожалел. Рука у тебя, видать, лёгкая, — похвалил он Тимофея. — Быть тебе доктором.

— Я буду, обязательно буду, дяденька.

Тимошка ещё немного посидел с Кирькой, рассказал, как ему жилось в докторском доме, и про лотерею-аллегри не забыл. Промолчал только про свой выигрыш. Ни к чему дразнить Кирьку, им с тёткой Маней да вечно пьяным отцом и так несладко живётся.

На улице Тимка опустил на уже знакомую ему лавочку рядом с Яковом Силычем.

— Дядя Яков, ты ведь тоже доктор?

— Можно и так сказать. Не дотянул я маленько до доктора. Из деревенских я, самоучкой при госпитале выучился на фельдшера. А фельдшер, брат, это первый человек после доктора.

Тимошка с уважением посмотрел на пожилого мужчину.

— Дядя Яков, расскажи мне про холеру.

Мужчина задумался.

— Про холеру? Про эту напасть можно много всего вспомнить. Сейчас-то доктора лучше научились помогать больным, а вот когда я мальчонкой был, то в России и холерные бунты случались. Про самый страшный бунт мне моя бабка рассказывала. Стряслось это при царе Николае Первом. Лето в тот год было жаркое, и, может быть, какая-нибудь падаль в воду попала, а люди ту воду попили. И пошла гулять по Петербургу смертушка с косой. Что ни день — полон город покойников. Царь учредил холерные бараки и распорядился туда заболевших свозить, а народишко по серости

своей принялся роптать. Мол, врачи там больных не лекарством, а отравой поят. Долго ли надо человеку виноватых искать, когда ему горе глаза застит. Вот горожане и принялись бунтовать. В одну больницу ворвались, врачей из окон повыкидывали да пошли в другую, около Сенной площади.

Тимошка охнул и сжал руку фельдшера:

— Дядя Яша, а Петра Сергеевича из окна не выбросят?

— Не выбросят, — уверенно сказал собеседник, — теперь народ грамотный стал. Хотя, конечно, всякое бывает. Доложили, значит, вельможи царю про это безобразие. А император Николай Первый горяч был, мигом вскочил на коня и помчался напрямиком на Сенную площадь.

Тимка охнул:

— Неужели не побоялся!

— Ясно, не побоялся! — Яков Силыч назидательно поднял указательный палец вверх. — Царь ведь! Это тебе не фунт изюма. Вот прискакал самодержец к бунтовщикам, встал посредине площади, топнул ногой да и приказывает: «Принесите мне из самого холерного барака склянку с лекарством». Поднесли ему полный стакан микстуры. Он её одним махом выпил, корочкой хлебца занюхал и велел народу по домам расходиться. Так бунт и закончился, а холера вскоре на убыль пошла. Да... — рассказчик хлопнул себя ладонью по коленке, — в точности так оно и было.

Когда проедешь мимо Исаакиевского собора, то взгляни на памятник императору Николаю Первому — скульптор на его постаменте тот случай изобразил.

Тимошка так заслушался, что не заметил, как к нему подошла Нина Павловна. Она поздоровалась с Яковом Силычем и взяла Тимошку за руку:

— Надеюсь, у Кирьяна всё хорошо?

— Превосходно, не тревожьтесь, — ответил за мальчика старый фельдшер, — сейчас больному спать пора, вы лучше завтра приходите.

«Надо обязательно посмотреть на этот памятник, — подумал Тимошка, устраиваясь в коляске рядом с Зиной, — как только дядя Петя вернётся, сразу попрошу его сводить меня на Исаакиевскую площадь».

Всю дорогу он думал, какая трудная у врача работа, ведь приходится не только лечить, но и учить больных, которые иногда совсем не хотят ни лечиться, ни учиться. Но он, Тимошка, всё равно будет лекарем, чего бы это ему ни стоило. А змею он себе и так добудет.

На карусели Тимошке, ой, как понравилось. Сначала он немножко стеснялся — всё-таки большой уже, а на соседних лошадках почти совсем малыши расселись. Но, когда заиграла музыка и карусель со скрипом завертелась,

Тимка забыл обо всём на свете. Каждый раз, когда его лошадка проплывала мимо Нины Павловны, та махала ему рукой, а стоящая рядом Зиночка еле заметно показывала кончик языка и морщила нос.

— Вот если бы и у нас в селе была карусель, — размечтался Тимошка, — а то всего-то забав — качели да катание на санках с горы зимой. Этой осенью, как не стало мамы с папой, кататься и вовсе не пришлось. Тётка забрала у него единственные валенки и отдала Катьке, а Тимка просидел всю зимушку в холодной клетке, перебирая негнущимися от холода пальцами подгнившую картошку на корм скоту. Сколько же он её перебрал? Наверное, целый воз.

Карусель остановилась, и Нина Павловна, постоянно раскланиваясь со встречными дамами, повела детей к выходу.

— Давайте прогуляемся пешком, — предложила она, когда их маленькая компания вышла за красивые чугунные ворота. — День великолепный, а дом наш совсем близко. Вон там, за цирком господина Чинизелли, — она показала Тимошке на круглую коричневую крышу, занимавшую чуть ли не половину улицы.

— Фи, мама, — сморщила носик Зиночка, — мимо этого противного цирка и проходить страшно. Того и гляди какой-нибудь тигр на волю вырвется.

— Не говори глупостей, — строго оборвала её Нина Павловна и взяла детей за руки, — днём

все животные под замком. Я слышала, что их выводят гулять ночью и под надёжной охраной. Дворник Иван рассказывал Маше, что видел, как вдоль цирка в сумерках гуляет укротитель зверей с гигантской змеей-питоном на груди.

Про цирк Тимошка уже слышал. Отец рассказывал ему, что в столичном цирке выступает непобедимый силач Иван Поддубный, одной рукой поднимающий десять человек! Оказывается, что кроме родного, русского богатыря Поддубного, в цирке есть заморские тигры и змеи! Тимка подумал, что хорошо было бы познакомиться с храбрым укротителем змей и спросить, как он смог заполучить настоящего питона? Вдруг это та самая змея, с которой он обязан прожить всю жизнь...

Из двери булочной потянуло восхитительным запахом свежей выпечки.

«Поставщик двора Его Императорского Величества» — прочитал Тимошка на отсвечивающем глянце зеркальном стекле. Он с интересом уставился на толстого представительного пекаря в ослепительно-белом фартуке: неужели он носит булки самому царю и царице? Булочник подмигнул Тимке, поклонился Нине Павловне и расплылся в широкой улыбке:

— Заглядывайте к нам, барыня, не забывайте.

«Как тут забудешь, когда за день такой аппетит разгулялся, — вздохнул про себя Тимошка, — вырасту, куплю дяде Пете и тёте Симе самый большой крендель».

— Хи-хи, паренёк, подари и мне кусок, — раздался сзади тоненький голосок.

Тимошка обернулся и успел заметить, как в сумрачную арку проходного двора метнулась растрёпанная юркая тень.

— Чур меня, — перекрестился он украдкой, — не иначе как привиделось.

У ворот дома Арефьевых величаво вышался над прохожими старший дворник Иван Лукин. Он снисходительно наблюдал, как крестьяне разгружают телегу с дровами, и время от времени зычно покрикивал на них, давая понять, кто здесь главный: «Пошевеливайтесь, лапотники, чай не у себя в деревне. В стольный город прибыли, это вам не хухры-мухры».

— Доброго здоровьица вашему семейству, — степенно поклонился он Нине Павловне и как давнему знакомому пожал руку Тимошке. — Землячок это мой, барыня, односельчанин, — пояснил он свои действия. — Вы уж отпустите его ко мне повечерять да чайку попить.

— Пообедаем, и отпущу, — пообещала Нина Павловна.

Тимошка козликом взбежал на второй этаж и нетерпеливо застыл около двери: «Как там Танечка? Наверное, ей было скучно одной?»

В темноте квартиры не было слышно ни шороха, и Тимошка отпрянул от неожиданности, когда из дверного проёма появилась горничная.

Нина Павловна стянула кружевные перчатки и вопросительно посмотрела на Машу:

— Как Танюша?

Девушка развела руки в стороны и укоризненно покачала головой:

— Сегодня наша барышня не в духе. До сих пор ничего не ела.

— Я её сама покормлю, — Нина Павловна поспешно отколола от пышной причёски изящную шляпку и прошла в комнаты.

Тимошка скользнул взглядом по враз ставшему недовольным лицу Зиночки и поспешил за хозяйкой:

— Нина Павловна, можно я вам помогу?

— Помоги. Но как только я подам знак, немедленно уходи. Танюша может сконфузиться.

Тимка кивнул и затаился в уголке столовой.

«Наверно, это очень тяжело быть не только слепым, но ещё глухим и немым», — сокрушался про себя Тимошка.

Он закрыл глаза, заткнул уши и попробовал вообразить себе, каково это — не видеть и не слышать, но понял, что даже представить этого не может. Неужели Таня никогда не видела маминого лица, не слышала её голоса, не понимает, одна она или около неё есть кто-то еще — тот, кто может помочь и защитить? Если бы Таня попала к тётке Мане, она бы точно пропала. Кто бы её кормил и поил?

Тимошка открыл глаза и увидел, как Нина Павловна медленно вводит Танюшу в столовую.

Он предупредительно придвинул к ней стул и помог усадить девушку. В отличие от вчерашнего дня, она не рванулась от него в сторону, а покорно приняла его помощь.

— Надо же, — удивилась Нина Павловна, — Танюша признала тебя с первого раза. Такое бывает крайне редко. Она стесняется даже своего крёстного отца Петра Сергеевича.

От её похвалы Тимка покраснел и осторожно погладил одним пальцем Танино запястье. На её лице появилось слабое подобие улыбки.

— Да ты просто волшебник! — обрадовалась Нина Павловна. — У тебя удивительно лёгкая рука.

Тимка поднял на нее удивленные глаза: эту похвалу в свой адрес он слышит сегодня уже второй раз. Хозяйка взяла из рук Маши чашку с бульоном и принялась, ласково уговаривая, кормить Таню из ложечки, как маленькую.

— Мама, ну что ты, право, она тебя всё равно не слышит, — Зиночка раздражённо хлопнула дверью и уселась в мягкое кожаное кресло. — Захочет есть — сама поест. Ты её и так избаловала.

— Ну что ты такое говоришь, Зиночка, — с отчаянием сказала Нина Павловна, — ведь это же твоя сестра.

Зиночка выразительно задышала и еле слышно прошептала, рассчитывая, что её никто не услышит:

— Лучше бы у меня не было такой позорной сестры.

Но Тимошка услышал ее очень хорошо. Он дернулся, как будто его крапивой по ногам ожгли, и с сочувствием перевёл взгляд на Танечку: «Мало того, что убогая, так ещё и родная сестра обижает...»

— Можно, я посижу с Таней? — спросил он у Нины Павловны, когда обед был закончен.

Не дожидаясь ответа, присел у ног девушки на низенькую скамеечку и замер. Танина ладонь осторожно опустилась ему на голову. Он подождал, пока лёгкие пальцы, подрагивая, исследовали его лицо, бережно взял Танину руку и мизинцем начертал на её ладошке большую букву «Т» — Тимошка. Потом снова провёл ею по своему лицу и ещё раз написал «Т». Таня кивнула.

— Поняла! Нина Павловна, Таня меня поняла! — обрадованно выпалил он так громко, что горничная чуть не выронила из рук фарфоровую чашку. — Она очень умная, ваша Танечка! Мне надо написать об этом дяде Пете!

В своей комнате Тимошка долго сидел за письменным столом, положив перед собой чистый листок бумаги и держа наготове пресс-папье, если вдруг с пера сорвётся непрошенная клякса. Он никогда прежде не пробовал писать чернилами, зато очень любил выводить буквы мелом на чёрной грифельной доске, которую отец Василий называл «аспидная». Папа хвалил батюшку и говорил, что во всей округе только он один добился того, чтобы у всех уче-

ников церковно-приходской школы были свои маленькие досочки. А до письма пером Тимка ещё не дослужился. Вот теперь сиди и думай, как правильно это делать.

Мальчик набрался решимости, глубоко вздохнул, аккуратно опустил кончик стального перышка в хрустальную чернильницу и старательно нацарапал крупными буквами:

*«Дорогой мой названный батюшка дядя Петя!
Кланяется тебе Тимошка Петров.
Я живу хорошо. Сегодня Таня меня поняла!
Она очень смышлёная, почти как моя подружка Любка, пастухова дочка.
Я написал Тане на руке букву «Т» — Тимошка.
А ещё я сегодня катался на карусели!
Как твоё драгоценное здоровье?
Храни тебя Господь.
Всегда твой, Тимофей, сын Николаев Петров».*

Тимошка удовлетворённо отложил ручку, полюбовался на свою работу и с нажимом промокнул её пресс-папье. Оказывается, писать настоящими чернилами совсем не трудно, а очень интересно и приятно. Теперь остаётся вложить послание в конверт и отдать хозяевам. Скоро придёт со службы Юрий Львович и отправит письмо по назначению.

А у него сегодня ещё много дел: надо выучить уроки, навестить Таню и постараться лечь спать пораньше с тем, чтобы проснуться

в самую полночь — тогда, когда около цирка выводят гулять зверей.

16

Перед ужином Тимошка провёл разведку: присмотрел, как открывается запор на двери квартиры, и определил, что ворота во двор на ночь тщательно запираются. Он своими глазами видел, что ровно в девять вечера, минута в минуту, дворник Иван Лукин навесил на чугунную решётку прочную цепь и замкнул замок на три оборота.

«Придётся перелезть», — понял Тимка, с сожалением посмотрев на только что купленный Ниной Павловной новенький костюмчик. «Надену старый, — решил он, — ему уже ничто не повредит».

Вечер тянулся невыносимо долго. Сначала пришедший со службы Юрий Львович до тошно выпрашивал, что дети делали на уроке, потом Зиночка декламировала выученные накануне стихи про цветы ромашки, и, наконец, Нина Павловна села за рояль музицировать.

Тимошка в первый раз в жизни слышал, как звучит этот инструмент. Прекрасная музыка потрясла его и увлекла в какой-то нездешний мир, где люди не ходят по земле, а летают по воздуху рядом с облаками. Звуки то плавно растекались по комнате, то громко барабанили по стеклу, то плыли вокруг сидящих в незримом

хороводе. Тимошка следил за ловкими пальцами Нины Павловны и удивлялся силе человеческого разума: это надо же придумать такое великое чудо, как рояль!

Наконец все разошлись по своим комнатам, и Тимка приступил к осуществлению своего замысла. Для начала он переоделся в свой изрядно потрёпанный матросский костюмчик и прямо в нём улёгся под одеяло. Так будет быстрее собраться, если он придремлет. Мальчик свернулся калачиком и стал обдумывать свою тайную прогулку к цирку и то, о чём надо спросить хозяина толстой змеи со странным названием «питон».

Перво-наперво, конечно, стоит вывести, где он сумел раздобыть диковинного гада и по какой цене, а уж потом допытаться, чем таких змеюк кормят и где их держат. Может, придётся какую особую корзину для питона выплести. Так это Тимошке за просто. Он ремесло корзинщика давно осилил. Чего тут хитрого: напластал в лесу липовой дранки, уложил дно крест-накрест да выводил себе края до нужной высоты.

«Хорошо бы и Таню научить плести, — вспомнил он о своей новой подруге. — А что? Если как следует постараться, то корзинку и с закрытыми глазами можно сладить. Вот дед Петро совсем слепой был, а за корзинами к нему всё село ходило».

Тимошка пристроил голову на подушку, смежил отяжелевшие веки, и перед его взором

промелькнул дед Петро в засаленном картузе, весёлая Таня в обнимку с корзинкой, из которой высовывался огромный питон и хриплым голосом спрашивал у Зиночки, который сейчас час.

«А действительно, который час?» — подумал Тимошка и открыл глаза.

Стрелки показывали половину первого ночи. Проспал! Тимка бесшумно вскочил с постели, проворно обулся и ужом выскользнул из своей комнаты. Дома, в Соколовке, он часто бегал по ночам во двор проведать, как там щенки у их собаки Копейки, а Петербург — это тебе не деревня, а столица Российской империи. Здесь надо осторожно. Городские дети, небось, одни по ночам не шастают.

Тимошка крадучись открыл цепочку на двери, крепко прикрыл, чтобы не открылась в его отсутствие, выбежал во двор и моментально перемахнул через ажурную чугунную решётку ворот. Теперь направо по улице до конца, а потом два раза повернуть — и окажешься около цирка.

Часто оглядываясь, он побежал в нужном направлении. Улица, чуть освещённая зыбким светом ночи, была совсем пустынной. Лишь изредка до слуха парнишки долетали неясные звуки голосов и стук каблуков о булыжную мостовую. Хотя на небе уже проглядывал лимонный диск луны, солнце ещё заходило, отбрасывая на крыши домов последние отблески.

Около розового дома, украшенного лепниной, день и ночь горел круглый фонарь, озаряя

золочёную надпись «Аптека». Сквозь стекло витрины были видны расставленные вдоль прилавка медные ступки для растирания снадобий и разноцветные пузырьки с лекарствами.

Добежав до керосиновой лавки на углу, Тимошка предусмотрительно выглянул на соседнюю мостовую, нет ли какой опасности. На этой улице, широкой и ярко освещённой зазывными вывесками, прохожих было не меньше, чем днём: парами под ручку прогуливались женщины под вуальками, поигрывая тросточками фланировали господа в шляпах, а дверь ресторана с названием «Квисисана» была широко распахнута. Тимка обратил внимание, что вдоль тротуара цепочкой дежурили извозчики с пролётками наготове.

«Покоя лошадям не дают, — осудил он ездовых, — ночью скотина отдыхать должна».

— Стой, малец! Куда направляешься? — закричал Тимошке осанистый городской в светлом мундире. — Ужо я тебя в участок сволоку. Живо брысь домой к мамке!

«А ну и вправду сволочёт? — испугался Тимошка. — Сраму тогда не оберёшься! Арефьевы ещё и дяде Пете отпишут: так, мол, и так, Пётр Сергеевич, забрали вашего Тимку ночью в кутузку. Теперь он не докторский приёмыш, а форменный каторжник».

— Эй, мальчик, лезь сюда, — услышал Тимка мальчишеский голос из закрытой подворотни. Он лёг на живот, прижимаясь к асфальту,

шмыгнул в щель под воротами и очутился рядом с аккуратно подстриженным мальчиком, одетым в голубую курточку, коротенькие, выше колен, штанишки и лакированные ботиночки.

— Ты кто? — уставился Тимошка на неизвестного спасителя примерно одних с ним лет.

— Я — князь Всеволод Езерский, — мальчик наклонил голову и прищёлкнул каблучками, — но ты зови меня просто Сева. А ты кто?

— А я Тимка Петров. Сирота из села Соколовка под Гатчиной.

— Из настоящего села? Вот здорово! — обрадовался князь и лихо сплюнул через щёлку между зубами. — Везёт же тебе! Хоть детство на воле прожил. Не то что я...

Он сокрушённо махнул рукой и опустил голову, но тут же весело вскинулся:

— А ты часом не вор?

— Вор? Что ты, что ты, — испугался Тимошка, — как тебе такое в голову взбрело?

— Жалко, что не вор, — расстроился Всеволод. — А то я к ворам решил сбежать. Давай махнём вместе! Ты, я вижу, человек надёжный и бегаешь быстро.

Он помолчал и предложил:

— Будем с тобой, как братья-разбойники. Благородные, само собой. Первым делом мы похитим моего гувернёра, мистера Найтли, и всыплем ему сто, а лучше — сто десять плетей, чтоб сесть не мог. Я из-за него из дома сбежать хочу, чтоб его унылой английской рожи не ви-

деть. Представляешь, он каждый день поднимает меня ровно в шесть часов утра, обливает ледяной водой, а потом заставляет стихи Шекспира наизусть учить.

«Бедный князь! Его Найтли, пожалуй, почище моей тётки Мани будет», — подумал Тимошка, но, тем не менее, отрицательно помотал головой. — Не, я не хочу идти в разбойники, я на лекаря выучусь, как мой названный отец, доктор Пётр Сергеевич Мокеев. Буду людей пользоваться. Мне только надо где-то себе змею добыть, да такую, какую можно на грудь вешать. Потому как мне странник предсказал, что я всю жизнь проживу со змеей на груди. Ты, часом, не видал, где тут циркач со змеей на шее прогуливается? Говорят, что он ночами по набережной около цирка бродит. Я иду его искать.

— Не видал, — сказал Всеволод, — меня одного гулять не выпускают, только с гувернёром или гувернанткой мадемуазель Вивьен. Она не такая вредная, как мистер Найтли, но по-русски ни слова не понимает.

— Как же ты с ней разговариваешь? — удивился Тимошка.

— Обыкновенно, как все, по-французски. Знаешь что, — оживился Сева, — давай я с тобой тоже пойду. Вдруг на тебя кто-нибудь нападёт, а я умею очень хорошо фехтовать и боксировать. Да и потом, раз ты в разбойники со мной не желаешь, я могу и с цирком сбежать. Тоже неплохо.

Начну по разным странам ездить, спать, сколько хочу, про нудного Шекспира и думать забуду.

— Сева, ты когда-нибудь слышал про змею «питон»? — прервал его мечты Тимошка.

Князь усмехнулся:

— Само собой. Питон живёт в Африке. Не ядовит. Достигает семи футов в длину. Питается мелкими грызунами — крысами и кроликами.

Тимошка охнул:

— Не видать мне питона, как своих ушей. Не ехать же мне за ним в Африку.

Всеволод хлопнул нового друга по плечу:

— Не тревожься. Если будет надобность, я подарю тебе питона. А сейчас бежим к цирку!

Мальчики вылезли из-под ворот и побежали к виднеющемуся вдали коричневому шатру циркового купола. Часы на городской башне пробили ровно два часа ночи...

17

Тимошка кинул взгляд на особняк с белыми колоннами в глубине старого парка и чуть не споткнулся от неожиданности: в одно мгновение, словно по мановению волшебной палочки, тёмная махина здания заиграла бликами множества огней. Они метались из окна в окно, растекаясь лучами по купам раскидистых дубов, дрожали на портьерах и так же таинственно гасли с тем, чтобы через секунду загореться вновь.

— Сева, стой, — Тимошка указал новому другу на странный дом, — там что-то случилось! Может, пожар?

Тот беспечно махнул рукой:

— А, это меня ищут! Побежали скорее, пока не послали слуг в погоню.

— Ты понимаешь, — объяснил он, слегка задыхаясь от быстрого шага, — отец и мама поехали на ужин к государю, а у нашего мажордома сегодня именины — все слуги празднуют. Вот я и сбежал. А в обычный день за мной, знаешь, как смотрят. В сто глаз!

Тимошка сочувственно вздохнул:

— Тяжело тебе приходится. Но я тебе по чести скажу: лучше всё терпеть, но жить с ма-тушкой и батюшкой, чем сиротой по родне из милости мыкаться.

— Твоя правда! — согласился князь и остановился. — Прибежали. Вот он, цирк.

Тимка перевёл дыхание и посмотрел по сторонам. Полукруглое здание цирка, украшенное по фасаду скульптурами, по красоте ничуть не уступало особняку князей Езерских. Около входа были установлены красочные щиты с картинами русалок и прыгающих через огненный круг львов. На щитах разноцветными буквами было написано: «Цирк Чинизелли. Сегодня на арене водная феерия с электрическим фонтаном и зверинец».

— Глянь, — Тимошка толкнул князя Езерского локтем в бок, — видишь, написано «зверинец»,

значит, здесь циркач и прогуливается с питоном на шее.

Но Всеволод даже не заметил его прикосновения: он как замороженный застыл перед афишей.

— Восхитительно! — выдохнул он наконец. — Хоть бы одним глазком посмотреть на этот электрический фонтан. Что за глупые предрассудки посещать только оперу или балет. Когда вырасту, буду ходить в цирк каждый день.

— Ваше сиятельство, Всеволод Андреевич, отзовитесь. Княгиня изволит гневаться, — раздался где-то недалеко старческий голос.

Сева потянул Тимку за тумбу и полушёпотом пояснил:

— Старший лакей Никодим. Сейчас и другие слуги набегут. Давай обойдём здание с той стороны, вдруг нам посчастливится найти твоего питона, пока меня не сцапали.

Тимошка заколебался: разве можно идти поперёк воли старших? Не тому учили его родители, а от деда за непослушание можно было и хворостиной по мягкому месту получить. Он собирался сказать об этом Всеволоду, но тот уже мчался к западной стене цирка.

Делать было нечего. Тимка поспешил за новым знакомцем и нос к носу столкнулся с толстеньким мужичонкой в высоком котелке и пёстром шарфе на шее. Он хотел было проскочить мимо, как вдруг концы шарфа на шее у дядьки зашевелились, и Тимофей разглядел, что это

и не шарф вовсе, а гладкая чёрная змея, разукрашенная жёлтыми пятнами. Питон! Тимошка застыл на одной ноге и чуть не упал на циркача.

Господин живо отпрыгнул в сторону и сердито выкрикнул:

— Be careful, boy! You can fall down on my snake!¹

Он выглядел таким недовольным, что Тимошка невольно попятился назад.

— Дяденька, я не хотел тебя обидеть, — примирительно пробормотал он, во все глаза глядя на толстенную змеищу.

— Go away, little boy², — повторил мужчина ещё более рассерженным голосом, и змея на его груди неторопливо заворочалась и повела хвостом по рукаву циркача.

— Дяденька, я тебя не понимаю, — взмолился Тимошка, — скажи помедленнее.

— Он боится, что ты упадёшь на его змею, и просит тебя уйти, — звонко сказал за его спиной голос Всеволода. — Это англичанин, как мой гувернер мистер Найтли.

— Да, я есть from England³, — закивал головой мужчина.

— Don't be afraid. We are only looking at this beautiful pet, — вежливо обратился к не-

¹ Осторожно, мальчик. Ты можешь упасть на мою змею! (англ.)

² Уходи, малыш (англ.).

³ ...из Англии (англ.).

му князь. — I am prince Esersky. Я сказал, что я князь Езерский и мы хотим только посмотреть на его прекрасного любимца, — быстро перевёл он Тимошке свои слова.

Мужчина снял шляпу и низко поклонился. Змея снова шевельнулась, как бы включаясь в разговор своего господина.

— Вы прекрасно говорить мой английский язык, — сказал иноземец с сильным акцентом. — Вы должны меня простить, я боюсь ужасных уличных детей. Они хотят обижать мою Нелли, — артист погладил змею рукой и принялся разматывать тугой хвост гада, успевший обвиться вокруг его запястья.

Мальчики заворожённо следили, как под тонкой змеиной кожей волнами перекачиваются сильные мышцы. Тимошка несмело поинтересовался:

— Милостивый государь дядя циркач, скажи, где ты купил эту змею?

— В Африке, где река Нил, — немедленно отозвался англичанин. — Это есть далеко на край земли. Там растут джунгли, а чёрный туземцы бьют чужой человек — пуф, пуф.

Он жестами изобразил, как стреляют из лука, и довольно усмехнулся:

— Такой, как моя Нелли, больше ни у кого нет.

Господин важно поклонился, надел шляпу и двинулся вдоль набережной, что-то нежно шепча своей необычной подруге. Тимошка по-

грустнел. В глубине души он надеялся, что в цирке ему обязательно расскажут про тайное место, где этих змей хоть пруд пруди.

«Ваше сиятельство, Всеволод Андреевич!» — снова настойчиво зааукал голос старшего лакея. К нему присоединилось высокое женское контральто: «Монсеньор Севолод!»

Всеволод недовольно топнул ногой:

— Вот тюремщики, не дадут человеку полчаса побыть на воле!

Тимошка ласково взял князя за руку и заглянул ему в лицо:

— Ты иди, Сева, как бы тебе не попало, а я под твои окна иногда прибегать буду, тебе рукой махать.

В глазах князя Езерского показались слёзы.

— Бить будут? — предположил Тимошка.

— Нет, не будут. Оставят без десерта и заставят сто раз написать: «Я поступил очень дурно».

Он вздохнул и положил Тимке руку на плечо:

— Давай попросимся сейчас на всякий случай!

Мальчики обнялись, и Тимка почувствовал от волос Всеволода тонкий аромат душистого мыла.

— Вон, смотри, мои мучители, — князь указал на другую сторону площади, откуда прямо на них надвигались кряжистый старик в очень длинном чёрном сюртуке и вертлявая женщина, без умолку тараторившая по-французски.

— Всеволод Андреевич, — взревел лакей, усмотрев сквозь мутное марево ночного петербургского солнца стоящего около цирка князя, — всё маменьке доложу!

Всеволод обречённо сделал шаг навстречу преследователям, но его прервал весёлый окрик «поберегись», и на площадь выкатился изящный закрытый экипаж. Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы мальчики шмыгнули в гостеприимную тень старой аллеи. Карета остановилась, и из отворившейся дверцы на мощёную мостовую легко прыгнула нарядная дама в сиреневом платье и бархатной накидке густо-вишнёвого цвета. Несмотря на сумерки, Тимошка разглядел, что барыня необыкновенно красива, словно сошла с картинки на жестяной крышке печенья «Эйнемъ».

— Сама Евгения Рассолова! Вот это да! — восхищённо выдохнул князь Всеволод.

18

Дама, нетерпеливо притопывая каблучком, по-хозяйски огляделась вокруг, что-то шепнула своему кучеру и оперлась на кружевной зонтик.

— Она кто? — одними губами спросил князя Тимошка.

Тот удивился:

— Ты что, разве не знаешь Евгению Рассолову? Это знаменитая актриса, прима Императорского театра. В неё весь Петербург влюб-

лён, — добавил он шёпотом. — Меня самого ещё в театр не берут, но я один раз видел Рассолову на званом приёме у моей тётки. Она там декламировала стихи.

Всеволод закатил глаза и начал читать с подвыванием:

Прорезав тучу, — тёмную, как дым,
Последний луч в предчувствии заката,
Горит угрюмо — он, что был живым
Когда-то!¹

— Невесело звучит, — заметил Тимошка и сжал руку Севы: — Смотри, смотри!

Мальчики высунули головы из пышного куста белого жасмина и увидели, как к актрисе веретеном подкатилась невысокая тёмная фигура. Тимошка напряг зрение и удивлённо присвистнул — около Евгении Рассоловой стояла давешняя бабка, умыкнувшая дяди Петины часы. Тимка узнал её с одного взгляда: то же изношенное синее пальто, подпоясанное верёвкой, длинная чёрная юбка, обшитая красной каймой, та же нелепая шляпка. Он посмотрел на Всеволода и увидел, что его друг уже отвернулся и ищет глазами своего лакея с гувернанткой.

«Да, видать, нелегко быть князем, — в который раз за эту ночь пожалел Езерского Тимошка, —

¹ Строки из романса «Последний луч», музыка М. Штейнберга (1883–1946), слова К. Бальмонта (1867–1942). — *Прим. ред.*

а я-то думал, что барская жизнь слаще сахара. Ан, нет!»

Его внимание привлекла резкая брань у кареты. Ребята взглянули в направлении шума и увидели, как старушонка охаживает знаменитую актрису кулачком по спине. Странное дело, та совершенно не защищалась, да и кучер не бросился на выручку своей госпоже, а равнодушно сидел на облучке и задумчиво изучал начинавшее розоветь небо в клочьях ночных облаков.

«Чудеса, да и только», — заключил про себя Тимошка и хотел было поделиться мыслями с наперсником, как из-за кустов на мальчиков накинулись два человека. Один из них сцапал Тимку за рубашонку и хрипло дал команду другому:

— Хватай его, Вивьенка, да держи покрепче, чтоб не выскользнул.

— Уи, уи! — заверещал женский голос. — Моншер Ладислав.

Тимошка понял, что несчастный князь тоже попался в ловушку и сейчас будет водворён в свои неласковые хоромы.

— Надо защитить Всеволода, а то неправильно получается — бегали вместе, а накажут его одного, — успел подумать Тимошка.

Он перестал вырываться и покорно позволил вытащить себя из их жасминового укрытия. На мостовой с опущенной головой уже стоял князь Езерский.

— Что же вы себе позволяете, ваше сиятельство? — принялся отчитывать Всеволода старый слуга, всё ещё крепко держа Тимошку за шиворот. — Даже и не знаю, как буду докладывать княгине о вашем своеволии. Непорядок это. Ваш папенька так никогда не делал в детстве. Он был очень примерным мальчиком.

Лакей сурово сдвинул брови и встряхнул Тимошку так, что у него голова замоталась из стороны в сторону:

— Ты, небось, князюшку сбил с панталыку? Признавайся, басурманин, кто тебя к князю подослал?

— Отпустите, дяденька, я не убегу, — попросил Тимка и высвободился из рук лакея. — Никто меня не подсылал, я хотел посмотреть, как около цирка циркачи со зверями гуляют, а Сева меня проводил. Не ругайте его, он не виноват.

— Ишь ты, Сева, — хмыкнул слуга. — Сева он для папеньки с маменькой да для государя-императора. А для тебя «ваше сиятельство князь Всеволод Андреевич». Запомнил?

Тимошка кивнул головой:

— Запомнил.

— То-то же!

— Пожалуйста, не браните его сиятельство Всеволода Андреевича, — снова принялся заступаться за друга мальчик. — Я бы без него заплутал. Я совсем недавно в Петербурге живу. Всего два дня. Братишку в больницу привёз. Его бешеная лиса укусила.

— Это я виноват, Никодим, — смело вступил в разговор князь, — мне и ответ держать. Езерские за чужие спины не прячутся.

Француженка что-то бурно ему залопотала, но Всеволод лишь махнул на неё рукой и пояснил Тимошке:

— Заступается.

Все обернулись на звук отъезжающей кареты и увидели, что площадь перед зданием цирка опустела.

— Ну и ночка, — пробурчал лакей Никодим. — Не приведи, Господи.

Он поскрёб рукой лоб под белым курчавым париком и обвёл глазами ребят.

— Пожалуй, промолчим мы с Вивьенкой о вашем вояже, князюшка. Но уж этого пострелёнка одного домой не отпустим, не обессудьте. Не ровён час, ваш дружок снова какой фортель выкинет, а нам потом переживай.

Он вопросительно посмотрел на гувернантку, и та по его улыбке поняла, что дело, пожалуй, заканчивается миром. Обрадованный Всеволод сказал ей что-то по-французски. Она энергично затрясла головой и защёлкала пальцами:

— Ванька, Ванька!

Тимошка уже слышал, что в Петербурге так часто называют извозчиков, и понял, что его хотят довести до самого дома.

— Поезжай, Тимошка, не отказывайся, — попросил его Всеволод. — Я тебя никогда не забуду.

— Дай Бог, ещё увидимся, — по-взрослому попрощался с ним Тимка. — Если выпадет минутка и я мимо твоего дома буду пробегать, может, повезёт хоть мельком тебя увидеть.

Глядя на такое трогательное прощание, лакей прослезился от умиления и уже ласково подтолкнул Тимошку к подъехавшей пролётке:

— Садись, не задерживайся, да дорогу не забудь показать.

Он расплатился с извозчиком и сурово угрозил ему пальцем:

— Не балуй у меня, доставь парня по назначению. Я твой номер на всю жизнь запомнил.

— Не сумлевайтесь, ваше благородие! Домчим в наилучшем виде, — лихо отрапортовал возница и щёлкнул кнутом. — Вези, касатка!

Коляска, шурша колёсами на резиновом ходу, двинулась по уже знакомым улицам вдоль набережной небольшой речушки с названием Фонтанка. Тимошка, откинувшись на сиденье, думал о том, что князь Всеволод, наверняка, очень одинок в своём роскошном особняке, битком набитом людьми, и живётся ему там в сто раз хуже, чем самым распоследним, но дружным беднякам в их селе. Он вспомнил сельского пастуха дядю Колю, всегда окружённого ватагой детишек, и с грустью подумал, что ещё не скоро увидит его младшую дочку Любку, с которой так весело было бегать на пастбище — относить дяде Коле нехитрую

еду, а взамен приносить целые охапки душистых берёзовых веников с чуть липким молодым листом.

— Сюда? — извозчик остановил лошадь около закрытых ворот дома Арефьевых.

— Сюда.

Тимошка дождался, когда коляска скроется за поворотом, осмотрелся по сторонам, перелез через решётку и на носочках пробрался в свою комнату. Всё тихо. Он посмотрел на часы: они показывали три часа утра. Тимка разделся, юркнул под одеяло и мгновенно провалился в сон.

Разбудила его горничная Маша. Она с шумом откинула занавеску, распахнула окно, наслаждаясь свежестью ясного летнего утра, и ехидно прощбетала:

— А для тебя, Тимошка Петров, есть новость.

19

Тимошка вскочил с уютной кровати, словно подброшенный вверх тугой пружиной. Первая мысль была о том, что кто-то из соседей заметил его, перемахивающего через ворота, и нажаловался Нине Павловне или Юрию Львовичу.

Тимка тщательно оделся и вышел поздороваться с хозяйкой. В гостиной сидела одна Зиночка. Девочка подозрительно посмотрела на него и вздёрнула носик:

— Тебе принесли посылку. Любопытно, от кого бы это?

Изящным жестом она указала на лежащий на столе свёрток в мелованной бумаге с чёткой надписью «Тимофею в собственные руки». От радости Тимошку прямо в жар кинуло. Точно от дяди Пети! Раз шлёт посылку, значит, у него всё хорошо, и он жив и в добром здравии. Но тут же остановился — нет, наверное, не от дяди Пети, иначе Зиночка не спрашивала бы его, от кого это, и не сидела в карауле около посылки, не сводя с неё удивлённого взгляда.

Мальчик потрогал пакет ладонью. Он был тяжёлый и плотный. Интересно. Тимошка позвал Нину Павловну, с волнением разрезал бечеву тяжёлыми ножницами и развернул похрустывающую свежестью бумагу. Под ней оказалась толстая книга в зеленоватом кожаном переплёте с тиснёной надписью «Альфред Брем. Путешествие по Нилу».

— Весьма загадочно, — заметила Нина Павловна, внимательно исследовав неожиданный подарок, — ни надписи, ни визитки. Дворник сказал, что пакет передал какой-то важный старик. — Она лукаво посмотрела на Тимошку: — Вы делаете успехи в обществе, молодой человек.

Тимка покраснел, прижал книгу к груди и торопливо пошёл к себе в комнату. Его душа была переполнена любовью и благодарностью. Он догадывался, что эту книгу прислал для него Всеволод.

«Я буду хранить подарок князя Езерского на самом видном месте, — думал Тимошка,

поглаживая рукой яркие картинки неведомых животных и разглядывая страницу за страницей. — Вот она, моя змея».

Он остановился на странице с рисунком королевского питона и долго любовался затейливым узором на змеиной коже. И какая только животинка не появится на свет Божий! Тимошкины мысли перекинулись на ночное приключение и странную старуху, которая второй день кряду попадаетеся ему на глаза.

«Как же звали ту знаменитую актрису, которую шальная бабка лупила по спине? — подумал он. — Кажется, Сева назвал её Евгения Рассолова. Надо будет разузнать о ней у Нины Павловны».

Он услышал неуверенные шаги Танечки по коридору и выбежал ей навстречу поздороваться. Танюша словно бы ожидала Тимошкиного прихода. Она смело протянула к мальчику руку, и он, повинувшись какой-то неясной идее, сложил её пальцы в воронку, наподобие телефонного рожка, и громко сказал, поднеся губы к самому отверстию: «Тима, Тима», — а потом, как вчера, написал на её ладошке большую букву «Т».

Губы слепоглухой шевельнулись в безмолвном ответе, и Тимка обрадовался, что они с Танюшей сумели так быстро подружиться. Он взял девушку за руку и подвёл к открытому окну. Её лицо, освещённое тёплым летним солнцем, было удивительно спокойным и милым.

— Как жалко, что ты не можешь видеть этой красоты и никогда не услышишь моих слов, — сказал ей Тимошка. — Но ты не расстраивайся, мой дед говорил, что у каждого свой путь, и только Господь Бог знает, как для кого лучше.

Во дворе дома Тимошка заметил дворника Ивана Лукина и помахал ему как старому знакомому. Иван шутовски отдал ему честь и вытер вспотевший под пышным картузом лоб:

— Пора на прогулку. Ишь, какой денёк разгулялся. Нынче будет жара.

«А ведь и впрямь пора, — подумал Тимка. — Кирьян, поди, заждался».

На этот раз в больницу его повела горничная Маша. Как хорошо бежать впереди Маши по уже знакомому пути. Если бы девушка по дороге то и дело не останавливалась, чтобы поболтать с прислугой из соседних домов, они дошли бы за десять минут. Приятельницы Маши были, как правило, такие же, как она, — бойкие и симпатичные девушки, едва начинающие обживаться в столице. Особенно Тимошке понравилась острая на язык толстенькая Лена, которая смешно окала и ежесекундно хохотала, прихлопывая по бокам пухлыми ладошками.

— Иди, вон твоя больница, — сказала наконец Маша и подвела Тимошку почти к самому корпусу, около которого выстроилось несколько военных. — Я смотрю, здесь и солдатики есть.

Она проводила глазами строй молодых парней в артиллерийской форме и кокетливо поправила воротничок своей шёлковой блузки.

— Ты, Тимошка, беги по своим делам. Мне барыня приказала через пару часов тебя забрать. Будешь меня во дворе поджидать. А я — домой. У меня столько дел! Столько дел, прям не знаю, за что хвататься!

С этими словами она уселась на лавочку и принялась обмахиваться кружевным платочком, то и дело посматривая в сторону служивых и явно не собираясь в ближайшее время бежать по своим неотложным делам.

Кирьян уже не сидел горестно в палате, как в прошлый раз, а ковылял на забинтованных ногах по коридору, путаясь под ногами сестёр милосердия и распугивая случайно зашедших сюда больных.

— Ишь, как брательник твой разошёлся, — поприветствовал Тимошку фельдшер Яков Силыч, — прямо удержу на него нет, хоть верёвкой к койке привязывай. Уж два раза прикрикивать пришлось, чтоб не баловался.

— Да он и дома такой шустрый.

Тимошка солидно пожал руку Якова Силыча и схватил пробежавшего Кирьяку за подол рубахи:

— Будешь озоровать здесь — всыплю по первое число, — он украдкой показал Кирьяну кулак.

— Мороженое принёс? — вместо ответа спросил брат и скорчил недовольную рожу, когда

Тимка отрицательно покачал головой. — Пойдём, что интересное покажу!

Кирьян потащил Тимошку в дальний конец больничного коридора и приоткрыл дверь в одну из палат:

— Видишь мужика? У него ноги поездом отрезаны. Помрёт скоро. Я тут поблизости верчусь, мне посмотреть охота, как его душа отлетать будет. Как думаешь, душа какого цвета? Чёрная или белая?

Он воззрился на Тимошку, ожидая одобрения. Но Тимке его оживление совсем не понравилось. Он сурово нахмурился и строго взглянул на брата:

— Не подоспей к тебе вовремя мой дядя Петя, лежал бы ты сейчас и помирал, как этот мужик. Интересно тебе было бы?

Кирька призадумался и зачесал рукой в затылке:

— Не-а, не интересно.

— То-то же. Ты чем взад-вперёд по больнице гонять от безделья, подошёл бы и спросил, чем можешь помочь этому калеке. Вдруг ему водицы испить захочется, а ты тут с кружкой наготове и стоишь.

Тимошка решительно отправил Кирьку спать, открыл дверь крошечной палаты на одну койку и подошёл к больному, выглядевшему странно коротким под просторным больничным покрывалом. Глаза несчастного были полузакрыты, а по обросшим щетиной щекам

размазана чёрная грязь. В камерке было невыносимо душно. В ноздри ударил тяжёлый запах застоявшейся крови и пота. Тимошку затошнило, он подошёл к окну и попытался распахнуть тяжёлые рамы. Не получилось.

Раненый на постели пошевелился и застонал: «Пить, пить». Мальчик поискал глазами кружку, не нашёл и бросился к посту дежурной медсестры:

— Там больной без ног просит пить!

Пожилая сестрица скатывала в трубочку свежевыстиранные бинты. Она нехотя оторвалась от своего занятия и громко возмутилась:

— Твоё какое дело? Пришёл к своему брату и сиди там. Нечего по палатам скакать. Мы без тебя знаем, кто хочет пить, а кто нет.

— Тётенька, ну пожалуйста, разреши попить умирающего, — взмолился мальчик.

— Сказала нет, значит нет, а ты мне не указ, — отрезала сестра.

От обиды у Тимошки сжались кулаки, но он не отступил.

— Когда я буду лекарем, я всегда буду помогать больным, — чуть не закричал он.

В тихом коридоре его возглас прозвучал так громко, что из соседней палаты высунулся Яков Силыч.

— Почему шум? — спросил он строго.

— Мальчишка разорался. Все бинты мне перепутал, — не шевельнув бровью, соврала сестра.

— Это неправда! — чуть не плача, посмотрел на фельдшера Тимка. — Там больной пить просит, а она не даёт. Неужели дяденька без ног так и умрёт не попивши?

— Ну, Дарья Ивановна, дождёшься ты у меня. Опять у тебя на посту непорядок, — пригрозил женщине фельдшер.

— Да я ничего, я бы и сама пациента напоила, — заюлила сестра, пряча глаза. — На, мальчик, пои своего больного.

Она налила полный графин воды, накрыла его покорёженной жестяной кружкой и подала Тимофею.

— Она сказала «своего больного», — отметил Тимка, — значит, у меня уже есть свой больной. И я должен ему помогать. — Дядя Яков, разреши мне ухаживать за тем безногим. Я справлюсь. И с Кирькой посидеть успею, — горячо попросил Тимошка фельдшера.

Тимка так хотел, чтобы Яков Силыч позволил ему это, что в ожидании ответа у него даже сердечко заколотилось. Но старик не собирался спорить. Он хлопнул Тимошку по плечу и весело сказал:

— Я тоже мальчиком на подхвате в военном госпитале начинал. Раз ты решил выучиться на лекаря, значит, действуй. Если что, зови меня. А с Дарьей Ивановной, — он кивнул на сестру, — я этот вопрос улажу.

Фельдшер улыбнулся Тимошке сквозь длинные седые усы и снова скрылся в палате, откуда

уже слышался нетерпеливый зов больного: «Яков Силыч, помоги ради Бога, натри поясницу, дюже кости ломит».

Когда Тимка прибежал к умирающему, тот уже даже не стонал, а только безнадежно-тоскливо смотрел на бившуюся в стекло жужжащую жирную муху.

— Пей, дяденька, — Тимошка поднёс к запёкшимся от жара губам безногого кружку с водой, и тот принялся жадно пить, стуча зубами об её жестяной край.

Мальчик намочил водой край бинта, валявшегося рядом, и бережно обтёр больному лицо.

— Потерпи, потерпи чуток, ты поправишься, вот увидишь, — приговаривал мальчик так, как говорила ему мама.

Ему отчаянно хотелось помочь этому незнакомому человеку и хоть чуть-чуть облегчить его страдания.

Мужчина невнятно замычал и заворочался. «Буду сидеть около него, — решил Тимошка, — вдруг ему что понадобится».

Он пристроился на краешке постели да так и просидел всё отведённое ему время, не сводя жалостливого взгляда с лица своего больного. Кирька, похоже, набегавшись за утро, крепко спал, сестра милосердия не заходила, а больной снова впал в забытье.

— Тебе пора, — заглянул в палату Яков Силыч, — за тобой такая красавица явилась, что впору картину с неё писать. Эх, где мои моло-

дые годы! Я бы за такой барышней хоть на край света побежал!

Он молодцевато подкрутил ус и уже серьёзным голосом пообещал:

— Я пригляну за твоим больным. Не волнуйся, всё будет в порядке.

20

— Ты представляешь! — возмущённо сказала Тимошке запыхавшаяся Маша. Она ждала его на улице под раскидистым старым тополём и, казалось, буквально кипела от ярости. — Ну, люди! Ну, люди! Не дают приличной девушке прогуляться!

Она погрозила кулаком куда-то в пространство и дёрнула Тимошку за руку:

— Пойдём отсюда, покуда эта старая карга ещё чего не учудила.

— О чём ты говоришь, Маша? — непонимающе спросил Тимка. — Ты объясни толком.

— Да что тут объяснять, — затараторила горничная. — Сижу я спокойно себе на лавочке, никого не трогаю, вдыхаю благоухание сирени, — она зарделась и потупила глаза, — которую мне знакомый солдатик подарил, а из кустов полоумная бабка как выскочит! Выхватила у меня цветы и ну бежать! Весь букет! Представляешь! — Маша сокрушённо покачала головой. — Кто же из знакомых теперь поверит, что мне кавалер симпатию оказал?

Тимошка остановился от удивления:

— Что ты говоришь, Маша?! Мне с этой старухой тоже довелось знакомство свести! Только знаешь, она совсем не злая и не воровка. Она мне мою вещь вернула.

— Да знаю, что не злая, — немного остыла девушка. — Эту бабку весь наш околоток знает. Она тут дни и ночи ошивается. Вроде как блаженная. Где кусок хлеба перехватит, где переночует, а где и сама подаст нищему кой-какую копейку.

Тимошка хотел было рассказать Маше, что этой ночью видел, как бабка лупила по спине знаменитую артистку Рассолову, но вовремя спохватился — тогда придётся признаться и в своей ночной прогулке.

— Давай пойдём домой по этой улочке, — предложила Маша и свернула в тесный проход между домами.

Тимошка уже знал про знаменитые петербургские проходные дворы, поэтому совсем не удивился, когда перед его глазами открылась небольшая площадь, от которой лучами бежали улицы, ровные, как пять пальцев одной руки.

— Это место называется «Пять углов», — пояснила Маша, — нам туда.

Она повернулась и быстрым шагом пошла в противоположную от дома сторону.

— Маша, ты, наверное, дорогу перепутала, — попытался вернуть девушку к действи-

тельности Тимошка, но горничная не останавливалась, а прибавляла ходу.

— Мы скоренько, — не оборачиваясь проговорила она, — живой ногой туда и обратно. Я только солдатику за букет спасибо скажу. Ты Нине Павловне не говори, что мы сюда бегали, ладно?

Тимошка согласно кивнул. Ему было интересно ходить по незнакомому, завораживающе красивому городу. Он засмотрелся на большое здание с куполами и башнями, похожее на дворец, и потянул Машу за рукав:

— Там сам царь живёт?

Маша захохотала, и на её щеках появились задорные ямочки:

— Ой, выдумашь, царь живёт! Да это вокзал! Оттуда поезда в Царское Село и в Павловск отправляются. Я тоже один раз ездила, — похвасталась она, — меня Нина Павловна гулять в Павловский парк брала.

— Вон они, казармы Семёновского полка, «семенцы» по-нашему, — Маша перевела дух, указала на длинные жёлтые здания, тянущиеся вдоль улицы, и сменила быструю походку на медленный прогулочный шаг.

Мимо них то и дело проходили стайки нижних чинов, с интересом провожая глазами раскрасневшуюся девушку с мальчиком. Деловые унтер-офицеры отдавали приказания на построения, козыряя подъезжающим на пролётках офицерам в нестерпимо блестящих на солнце сапогах.

— Эй, красавица, не проходи мимо, — шутливо окликнул Машу кареглазый солдат, — у меня сестра такая, как ты, давай познакомимся.

— Прохода не дают воспитанной девушке, — вздёрнула носик горничная, — негде променад сделать.

Она нарочито безразлично два раза прошла вдоль здания туда и обратно, крепко держа Тимошку за руку. Паренёк так засмотрелся на крепких рослых солдат в бледно-зелёных гимнастёрках, что вздрогнул от неожиданности, когда у него за спиной чей-то тоненький голосок пронзительно вывел короткую частушку:

Медна мера загремела,
Красна девка заревела.
Не реви, родная мать,
Иду с японцем воевать!

Он резко обернулся — чуть позади них стояла давешняя старушка, лукаво перебирая пушистую охапку цветов. Сегодня она снова водрузила себе на голову странную шляпку с чучелом птицы, и теперь заморская птаха казалась сидящей на кусте пряной сирени.

— Это мой букет! — вскинулась на бабушку Маша. — Отдай сию же минуту!

Старуха отскочила, притопнула тоненькими ножками и запела:

Ты не вей, матаня, кудри
На моей головушке,

Всё равно мне пропадать
На чужой сторонushке.

— Да ты, бабка, никак войну нам пророчишь! А ну, брысь отсюда! — командным голосом зыкнул на старуху пожилой унтер-офицер. — Ты мне агитацию тут не разводи.

Старуха игриво погрозила служивому пальцем и посеменила по пыльной мостовой, беспрестанно кланяясь рядовым и бросая под ноги молодым солдатам гроздь бел^{ой} сирени.

— Причём здесь ваша война? — завелась Маша перед унтером. — Старуха у меня цветы умыкнула, а вы со своей войной встречае^{те}!

Военный сурово посмотрел на распалившуюся горничную, и она мгновенно притихла под его тяжёлым взглядом:

— Ты, барышня, глупость сейчас сказала, война — дело серьёзное. Не бабское. Не дай Бог, враг зашевелится, не до букетиков нам будет. А старуха-то не зря беду предсказывает. Ох, чует моё сердце, не зря...

Весь обратный путь Тимошка думал о войне. Он вспомнил, что последняя война была с турками. Его дед Илья воевал тогда канониром на пушечной батарее. Как же старуха сказала? Тимошка мысленно перебирал её слова: «Всё равно пропадать на чужой сторонushке». Интересно, что она имела в виду? Дед Илья тоже воевал на чужой сторонushке. Она называлась «Болгария». Дедушка рассказывал, что

наша армия освобождала болгар от иноземного ига. Что такое «иго», Тимошка не знал, но представлял нечто ужасное. Всякий раз, когда дед вспоминал войну и своих погибших друзей-солдатиков, он плакал.

«Наверное, очень страшно погибнуть в чужой стране, — думал мальчик, — и на могилку к тебе никто не придёт, и русскую молитву над тобой не прочитают».

Тимошка вздохнул.

«Хорошо, что на той турецкой войне русская армия победила и освободила от ига болгарских братушек, теперь будет кому нам на помощь прийти, если враг нагрянет».

На подходе к дому Тимошка усмотрел быстро промелькнувшую мимо них закрытую карету, и ему показалось, что за глянцево отсвечивающим стеклом маячит светлая головка его нового друга Севы — князя Всеволода.

— Ах, как благостно быть при деньгах, — завистливо вздохнула Маша, глядя на сытых лошадей барского выезда, резво перебирающих копытами по брусчатке. — Карета — это тебе не конка.

Она презрительно покосилась в сторону забитого простым людом фанерного вагончика, который с трудом тащила по рельсам понурая мохноногая лошадка.

— Была бы я барыней, нипочём бы на конке не ездила. А ещё накупила бы себе серёг, как у генеральши Мосиной, что на третьем этаже

живёт, вот с такими брульянтами, — она сунула Тимошке под нос свой розовый ноготок на мизинце. — А шубу справила бы, как у актрисы Евгении Рассоловой. С соболями. Ты представляешь, какая у неё шуба? — напористо спросила Тимку горничная.

Он не представлял. Поэтому отрицательно мотнул головой и подумал, что, наверное, в Петербурге нет ни одного человека, который бы не знал знаменитую приму Императорского театра.

Маша раскланялась с важным почтальоном в форменной тужурке и с огромной брезентовой сумкой через плечо:

— День добрый! Нет ли мне письмаца какого или открыточки?

— Пишут тебе, Марья, пишут, — ответствовал мужчина. — А вот господам вашим есть весточка. Только что доставил по назначению.

Он поправил фуражку с гербом и многозначительно посмотрел на девушку. Тимошка встрепнулся:

— Это от дяди Пети! Маша, пойдём скорее!

Маша подобрала юбки, так что стали видны высокие шнурованные ботиночки, и, совсем как девчонка, перепрыгнула высокий порожек ворот:

— И то верно, время поспешать к обеду. Скоро Юрий Львович со службы придут, надо на стол подавать.

В квартире Арефьевых царила тишина. Зиночка, забравшись с ногами в кожаное кресло,

рассматривала Тимошкину книгу про животных Африки, Танюша безмолвно перебирала руками бархатную тряпочку, время от времени поднося её к своей щеке, а Нина Павловна озабоченно читала какую-то бумагу. Рядом лежал белый конверт, и Тимка понял, что это и есть то письмо, про которое говорил почтальон.

21

Нина Павловна со вздохом сложила бумагу и убрала её в конверт, не забыв запереть письмо в ящик орехового бюро на гнутых ножках:

— Это от Петра Сергеевича. У него всё хорошо, завтра санитарный поезд прибудет на место. Он пишет, что для врачей уже подготовлен палаточный лагерь и поставлен полевой госпиталь. Пётр Сергеевич передаёт тебе поклон и велит прилежно готовиться в гимназию, — пояснила она Тимошке, но в её голосе чувствовалась необычно тревожная интонация, которую она постаралась скрыть за искусственным спокойствием.

Мальчик забеспокоился. Весь вечер он напряжённо ловил каждое слово и каждый взгляд, которым обменивались хозяева квартиры, но атмосфера дома была по-прежнему уравновешенной и безмятежной: Нина Павловна музицировала, а Юрий Львович пересматривал толстую кипу газет, накопившихся за неделю.

Тимошка посмотрел на Зиночку, которая старательно причёсывала большую фарфоровую

куклу, изредка бросая на Тимошку недобрые косые взгляды, и подошёл к Танюше. Слепоглухая радостно повернулась навстречу, доверчиво протянув обе руки.

— Обрати внимание, Юра, насколько Танечка симпатизирует Тимофею, — обратилась к мужу Нина Павловна, не прерывая игры на рояле. — Они замечательно нашли общий язык.

Тимошка пожал Танюшины пальчики, так же, как утром, сложил из них кулачок и чётко сказал в этот живой рупор: «Тима. Тима. Меня зовут Тима».

Мальчик увидел, что Таня напряглась, облизнула губы и неясно замычала в ответ, отчаянно пытаясь разнообразить звуки.

— Юра, Зина! Наша Танечка заговорила! — вскрикнула Нина Павловна, и рояль умолк на оборванной ноте. — Она пытается разговаривать! Тимошка, ты сотворил невероятное!

Родные подбежали к Танюше и, как на чудо, уставились на её раскрасневшееся от усилий лицо. Танечка почувствовала, что она окружена людьми, заволновалась и замолчала.

— Всё хорошо, милая, — погладила её по голове мама. — Ты у нас умница.

— А я глупая, что ли? — недовольно пробурчала сзади Зиновья и демонстративно бросила куклу на пол.

Юрий Львович недовольно поморщился и посмотрел на жену:

— Не вижу я в нашей Зине истинной доброты. Меня это очень тревожит.

— У неё сейчас возраст сложный, — возразила Нина Павловна, — она перерастёт, вот увидишь. Я верю, что у неё добрая и чуткая душа, как у Тимофея.

Она полуобняла Тимошку и поцеловала его в макушку:

— Даже не представляю, как ты догадался этаким манером объясняться с Танечкой. Ведь мы сколько ни бились, стараясь до неё достучаться, но так и не нашли возможности сказать так, чтобы она услышала.

Тимошка зарделся от похвалы:

— Я увидел, как дядя Петя разговаривает по телефону, — смущённо ответил он. — Вот я и подумал, а что, если попробовать сделать из Таниных пальцев трубку на манер телефонной и говорить в неё. Вдруг Таня что-то почувствует?

— Просто, как всё гениальное, — потрясённо сказал Юрий Львович и тоже взял Танину руку.

— Папа, папа, я твой папа, — несколько раз повторил он и с волнением посмотрел на дочь.

Она неуверенно кивнула, и Юрий Львович порывисто обнял Танюшу.

— Понимаешь, Тимошка, мы возили Таню к английскому психиатру, обращались к самым лучшим педагогам, чтоб научить её общаться с окружающими, но никому из них не удалось достичь хотя бы минимального результата. А ты

так легко и непринуждённо принёс в наш дом такую радость, такую радость...

Глаза мужчины предательски заблестели, и он поспешно отвернулся, чтобы не выдать своей слабости. Тимошка посмотрел на брошенные на пол Юрием Львовичем газеты и подумал, что, возможно, из них он узнает новости об эпидемии холеры — те, о которых не хочет ему сообщать Нина Павловна.

— Можно я возьму почитать газеты? — спросил он у хозяина.

— Конечно, читай на здоровье, — кивнул Юрий Львович, не отрываясь от дочери. — Хочешь, бери их себе в комнату, а мы тут с Танюшей ещё побудем.

Тимошка живо подхватил растрёпанную пачку и побежал к себе. На письменном столе он ещё раз полюбовался томиком Брема — подарком Всеволода, погладил рукой его кожаный переплёт и, разложив газеты вокруг себя, принялся читать новости.

Первым в его руки попался «Московский листок». Мальчик быстро просмотрел мелкие газетные строчки и остановился на странном заголовке: «Каков будет конец света». От таких потрясающих известий Тимошка даже поёжился и, торопясь, зашевелил губами, стараясь не пропустить ни одного слова:

Профессор Чикагского университета Мариенбург сообщает, что очень скоро нужно ожидать конца света. Он открыл,

что наша земля «вышла из своей орбиты» и что по своему неровному движению она напоминает выпившего человека. Как говорит знаменитый ученый, такое неправильное движение породит самые большие пертурбации, лето с каждым годом будет становиться все жарче и жарче, а зима — все холоднее. Спустя пятнадцать или двадцать лет, согласно его вычислению, все человечество или изжарится, или замерзнет.

По арифметике у Тимки всегда был самый высший балл, поэтому он быстро подсчитал, что конца света надо ожидать в 1923 году. Ну, через двадцать лет это ещё не скоро, решил он, к тому времени царь обязательно что-нибудь придумает. Ведь наверняка министры доложат ему, что конец света не за горами. Эта мысль успокоила мальчика, и он взял в руки газетный лист «Новостей дня».

Самый жирный текст на странице гласил следующее:

Смерть от электричества. В Одессе, на углу Софиевской и Торговой ул., на глазах многочисленных прохожих, ударом электрического тока от проволоки убит наповал рабочий «Акционерного общества одесского телефона» Иван Юргилевич.

«Я и не знал, что ток может убить», — удивился Тимошка, с опаской посмотрев на

настольную лампу под зелёным абажуром, и на всякий случай выключил её от греха по-дальше.

Без света читать стало труднее, поэтому нужную заметку он разглядел не сразу. Она располагалась в самом низу листа газеты, которая так и называлась «Русский листок». Чёрным по белому там было написано:

Об эпидемии холеры в Поволжье нам телеграфируют следующие подробности: на сегодняшний день число заболевших достигает нескольких тысяч человек, около трёхсот из них умерли или находятся при смерти. Уездная медицина не в силах предотвратить распространение заразы. Вся надежда на столичных врачей.

«Вот оно то, о чём промолчала Нина Павловна, — понял Тимошка, — не захотела меня расстраивать». Желание читать пропало. Мальчик собрал газеты в стопку, ещё раз коснулся пальцами драгоценной книги от князя Всеволода и начал писать письмо доктору Мокееву:

*Дорогой названный батюшка, дядя Петя!
Кланяется тебе Тимошка Петров, а ещё
Нина Павловна, Юрий Львович и Таня...*

Он немного подумал, опустил перо в чернила и, с сомнением поджав губы, дописал:

... и Зина.

Таня начала мне улыбаться и кивать головой! Она меня понимает.

Кирька пошёл на поправку. А ещё у меня есть свой больной. У него нет ног.

Он снова глубоко задумался и решительно приписал:

Береги себя, дорогой батюшка, храни тебя Бог.

Навеки твой Тимошка.

И для верности добавил:

Жду ответа, как соловей лета.

22

Пошла уже вторая неделя, как Тимошка поселился в доме Арефьевых, а писем от Петра Сергеевича больше не приходило, хотя паренёк исправно караулил у окна приход почтальона и внимательно пересматривал всю корреспонденцию, лежащую в прихожей на тоненьком серебряном подносе с резной каёмкой.

Танечка с каждым днём всё лучше и лучше общалась с окружающими, подготовка к гимназии шла полным ходом, Кирькины ноги, покусанные лисой, уже вполне зажили, и он целыми днями весело носился по больничному двору, распугивая наглых голубей. Даже капризуля Зиночка начала посматривать на Тимошку по-

благосклоннее и уже не фыркала при его появлении, словно рассерженная кошка.

Всё бы хорошо, только Тимкин личный больной никак не мог выжить. Неделю за неделей проводил он между жизнью и смертью, приходя в себя лишь на те короткие мгновения, когда Тимошка старательно обтирал его тело слабым раствором уксуса, выпрошенного у кухарки. В больницу Тимошка ходил теперь исправно, как на работу. Сразу после занятий с Алексеем Модестовичем он наскоро перекусывал, отпрашивался у Нины Павловны и вприпрыжку бежал по знакомым улицам, сожалея лишь о том, что путь не лежит мимо особняка князей Езерских.

«Хоть одним глазком посмотреть бы на Севу да поклониться ему за подарок, — мечтал Тимошка. — Как он там, бедняжка, один на один со своим злобным гувернёром-англичанином?»

Все прошедшие дни в Петербурге стояла невероятная жара, а сегодня, на счастье, небо затянуло пузатыми тучами, и на уставший от непривычной суши город потрусил мелкий частый дождик. Когда Тимошка добежал до больницы, на нём ни одной сухой нитки не осталось.

«Ну да мне не привыкать, не сахарный, не растаю», — подумал он, отряхивая с русого чубчика тёплые дождевые капельки.

— Похоже, сегодня твой больной отдаст Богу душу, — сказала пробежавшая мимо него сестра милосердия Елизавета, которую он выделял

из всех других сестёр за доброту и приветливость, — всю ночь в жару метался.

— Жалко его, — Тимошка с опаской переступил порог палаты и подошёл к низкой кровати с шевелящимся на ней человеческим обрубок, ожидая увидеть на лице несчастного какую-то особую смертную печать, но, к его удивлению, больной выглядел бодро и смотрел по сторонам вполне осмысленно.

— Где я? — спросил он еле слышным голо-сом, больше похожим на стон.

Тимошка обрадовался: вдруг да ошиблась сестрица, и его больной с этого дня начнёт крепнуть час от часу.

— Ты, дяденька, в больнице, — он поправил мужчине одеяло и примостился на загодя поставленную табуретку, — у тебя ноги поездом отрезаны. Но ты не бойся, ты обязательно поправишься. А я тебе подсоблю и ухаживать за тобой буду.

Мужчина отвёл взгляд от Тимки и тяжело сглотнул:

— Помру я, — он помолчал, а потом хрипло добавил: — Да и поделом мне, за грехи свои погибаю.

— Не говори так, дяденька, — горячо запротестовал Тимошка, — раз ты опомнился, значит, выправишься. А ноги... И без ног можно жить да людям служить.

Лицо больного исказила мучительная гримаса.

— Зови меня Максимыч.

Он бессильно откинулся на набитую сеном подушку, прикрыл глаза и прошептал:

— Пить.

Тимка поспешно выпростал из кармана пузырёк с куриным бульоном, которым все эти дни подпаивал своего больного вместо воды. Он хорошо помнил, каким вкусным показался ему бульон тети Симы, когда он очнулся в доме Петра Сергеевича.

— Спасибо.

Мужчина одним глотком осушил бутылочку и тревожно посмотрел на Тимошку.

— Исповедаться перед смертью уже не успею... Чую, последние минуты доживаю. Так и уйду на тот свет со страшным грехом на душе. Таким страшным, что не будет мне прощения во веки вечные.

Он некрасиво скривился от боли, и около его запавших глаз появились влажные дорожки слёз.

— Послушай хоть ты меня.

Тимошка согласно кивнул и погладил мужчину своей тёплой ладошкой по заскорузлой руке с выступившими жилами. Больной немного успокоился и начал рассказывать:

— Родился я в слободе около Финского залива. Об отце я ничего не ведаю, а мать моя была цапкой. Знаешь, что это такое?

— Нет, дядя Максимыч, слыхом не слыхивал.

— Был у местных баб такой разбойничий промысел — когда возы с сеном на рынок шли,

бабы подбегали и цапали с телеги полные руки сена — кто сколь сумеет. Проворная цапка за день несколько мешков сеном набивала. А потом ямщикам подешёвке продавала. Так сызмальства я и привык к воровству. За особую честь почитал обирать добрых людей да куражиться над ними. А как в силу вошёл, меня вожаком над цапками признали. Только я не захотел с бабами работать, а пошёл сам воровской фарт искать. Стал поездным вором. Катался с напарником по чугунке и высматривал богато одетых господ. Выхватим, бывало, у нарядного господинчика саквояжик, у расфуфыренной барыньки ридикюльчик стянем, а то и серьги из ушей выдернем — в накладе не останемся...

У Тимошки в мозгу словно молния сверкнула: «Максими́ч!» Это имя он слышал в поезде, когда хотел предупредить Петра Сергеевича, что того хотят ограбить. Так вот кто это был! Он во все глаза уставился на Максими́ча, боясь пошевелиться от волнения. Тот понял его взгляд по-своему.

— Что смотришь? Противно с вором разговаривать? То-то же. И мне противно такой груз греха на тот свет за собой волочить. Но и это ещё не всё. Он перевёл дыхание и вдруг захрипел.

— Умирает! — прошептал Тимка и хотел было кинуться за фельдшером, как почувствовал, что его схватили за рубашку.

— Не уходи, парень, дослушай, не дай встретить смерть один на один.

Тимка покорно уселся на табурет.

— Самое страшное моё преступление, — с трудом выговорил Максимыч, — это то, что я мальчонку, аккурат такого, как ты, в Гатчине под поезд столкнул.

Тимка похолодел:

— Не может быть!

— Может, — заплакал вор, — верь мне, может! До последнего края я дошёл в своей подлости. Ну а потом уже вообще как с цепи сорвался: пил, дома поджигал. Ну, да что там говорить...

Он слабо махнул рукой и отчаянно приподнялся на локтях:

— Дай ответ, как умереть спокойно? Кто меня простит?

Тимка растерялся. Он с такой заботой пытался выхаживать этого страшного человека, оказавшегося вором и убийцей, так привязался к нему, желал выздоровления. А вон оно как сложилось... Ему было отчаянно жаль этого сильного русского мужика, бессмысленно и глупо прожившего свою единственную, подаренную ему Богом жизнь.

— Я прощаю тебя, дядя Максимыч, — неожиданно для себя сказал Тимошка. — Это меня ты столкнул под паровоз в Гатчине, и я прощаю тебя от всей души. Ну а за другие грехи тебе не передо мной ответ держать.

Мужчина напрягся, впился в Тимошкино лицо враз расширившимися зрачками и вдруг

нечеловечески закричал, разрывая цепкими руками полотно тонкого покрывала:

— Господи! Господи, сила Твоя!!!

На его крик в палату вбежали фельдшер Яков Силыч и сёстры. Они оттеснили Тимошку в тёмный коридор и принялись хлопотать около кровати умирающего. Постепенно крики смолкли, из палаты показался бледный Яков Силыч и с сожалением посмотрел на мальчика:

— Скончался твой больной.

23

— Тимка, не плачь, — уговаривал Кирьян, чуть касаясь своей головой Тимошкиного лба, — ну, помер твой больной, жалко, конечно, но все говорили, что он скоро Богу душу отдаст.

Тимошка обнял братца и прижался к его тёплому боку:

— Эх, Кирька, знал бы ты...

Он не договорил и снова заплакал. Горько и безутешно. Разве расскажешь Кирюхе, что несчастный безногий, которого он с такой любовью выхаживал, оказался форменным разбойником? Они сидели на самой дальней скамейке больничного парка, закрытой густыми кустами только что отцветшей сирени, куда Тимошка забился, чтобы пережить тяжёлый разговор с умирающим.

— Оставь его, Кирьян, — сказал подошедший Яков Силыч. — У каждого лекаря, даже

будущего, есть своё кладбище, где покоятся все, кому он закрыл глаза. А ты поплачь, поплачь, сынок, а то и свечечку в церкви поставь за упокой души новопреставленного. Легче будет.

Он взял Кирьку за руку и повёл в больничный корпус, ободряюще потрепав Тимку по плечу на прощание. Добрый фельдшер! Он даже не догадывался, какую ношу своих грехов перевалил на Тимошку только что умерший вор и поджигатель Максимыч.

«Что мне делать, кому рассказать? — думал Тимка, сглатывая солёные капли, разъедавшие глаза и потоком скатывающиеся со щёк. — Здешних батюшек в церкви я не знаю, дяди Пети нет, Нине Павловне и Юрию Львовичу такое не расскажешь, Танечка меня не услышит, а как повидать Севу, князя Езерского, я и представить не могу».

Он лёг спиной на влажную от моросящего дождя скамью и подставил пылающее лицо под свежий ветер с Финского залива. Над головой в неведомые страны плыли серые облака, похожие на рваные застиранные тряпки, и весь мир вокруг Тимошки казался ему серым и измятым. Вдруг он почувствовал, что рядом кто-то есть. Мальчик выпрямился, встретившись взглядом с небольшими остренькими глазками, поглядывающими из-под затейливой шляпки с чучелом птицы. Бабка!

«Только её мне нынче и не хватает, — с раздражением подумал Тимка и отодвинулся на

самый край скамейки, — скорее бы она убралась восвояси».

Но старуха не собиралась никуда уходить. Она по-хозяйски расположилась на лавке, порылась в старой, но изящной меховой сумке, висящей у неё на шее, и выудила оттуда носовой платок. На удивление чистый.

— На, утри слёзы, — сунула она платок Тимофею, — да не лей их зря. Побереги слезу-то. Она тебе ещё пригодится.

Тимошка насторожился. Интересно, что обозначают эти последние слова старухи? Он послушно взял носовой платок и вытер щёки.

— Так-то лучше, — удовлетворённо промурлыкала старуха. — А слёзы разливать — самое распоследнее дело. Помяни моё слово, не пройдёт и полвека, как вся наша Русь-матушка так слезами умоется, что никаких платков не хватит.

Она наклонила голову набок и оглядела Тимошку с головы до ног.

— Который день к тебе присматриваюсь и в толк взять не могу, из каких краёв ты такой объявился? Вроде бы самый обычный паренёк, собой не красавчик, а видно, что доброта в тебе есть особенная. Она-то и спасёт тебя в лихие годы. Ни одна змея не сможет в твою душу яда напустить...

— Что ты говоришь такое, бабушка, — протестовал Тимошка, — о каких таких змеях ты рассуждаешь? Объясни! Мне про змей уже один старичок говаривал.

В ответ старуха лукаво хихикнула и, как маленькая, захлопала в ладоши:

— Угадай, угадай!

Тимошка в сердцах махнул рукой:

— Плохой я отгадчик. Ты вот, бабушка, наверно, со всеми в городе знакома?

— А то... — горделиво приосанилась собеседница. — Я в Петербурге всех знаю от последнего нищенца до великих князей.

— Вот-вот, — уцепился за словечко Тимошка, — князей мне и надобно. Точнее, одного князя, — он нахмурил лоб, припоминая, как старший лакей приказал ему величать друга Севу, и старательно выговорил: — Его сиятельство князя Всеволода Андреевича Езерского.

— Севу? — живо отреагировала бабка. — Хороший мальчишка, душевный. Под стать тебе. Всегда странников привечает. Один раз даже своё бланманже мне передал. Я с детства бланманже уважаю.

Она мечтательно улыбнулась, вспоминая лакомое блюдо, и спросила:

— А тебе князюшка на что?

— Друг это мой. Хочу ему письмо написать.

— Дру-у-уг, — протянула старуха и решительно пристукнула каблучками стоптанных сапожков. — Друг — это святое. Коли так, то помогу тебе. Пиши послание. Так и быть, отнесу его к Езерским и в самые княжичевы ручки передам.

Тимошка с уважением посмотрел на вездесущую бабулю и расстроено подумал, что

у него здесь нет ни бумаги, ни пера с чернилами. Старушка поняла его мысли:

— Ты вот что, касатик, отписывай весточку и приходи сюда, на лавочку. Я частенько здесь обретаюсь.

— Спасибо тебе, бабушка, — поклонился Тимошка и хотел поинтересоваться, как скоро она передаст Всеволоду его письмо, но старуха его уже не слушала. Она деловито отобрала у него платок, громко высморкалась в него и затолкала в сумочку.

— Запомни: меня зовут Досифея Никандровна.

Бабуля на прощанье кивнула так, что птица на её шляпке, как живая, затрепыхала крыльями, потом спрыгнула со скамейки и живо юркнула в мокрые от мороси кусты.

— Досифея Никандровна! Не перепутай! — донесся да Тимошки её задорный тоненький голосок.

Мальчик вышел вслед за новой знакомой на больничную дорожку, но она была уже пуста. На душе у него стало спокойно и ясно, словно Досифея Никандровна вытерла все его мятежные мысли своим большим носовым платком. Особенно радовало то, что можно передать поклон князю Езерскому.

«Хорошо, что всё устроилось таким образом, — успокоенно думал Тимошка об исповеди своего больного по пути домой. — Главное, что Максимыч успел повиниться перед смертью.

А ведь не приведи меня судьба в эту больницу, так и помер бы человек без прощения».

Мальчик тихонько перекрестился, поминая новопреставленного, засмотрелся на разносчика газет и чуть не столкнулся с дворником Иваном Лукиным.

— Тю, никак Тимка собственной персоной, — поприветствовал его односельчанин. — А вам почтальон письмо принёс. Видать, от твоего папашеньки с холерной эпидемии, потому как от конверта карболкой разит так, что дух перехватывает.

Письмо от дяди Пети! Тимошка прямо подпрыгнул от радости. Зря Досифея Никандровна слёзы напроорочила. Какая тут печаль, если долгожданная весточка голубем прилетела. Он припустил домой во все лопатки, не замечая, как из-под его башмаков фонтаном разлетаются грязноватые брызги петербургских луж, до колен обляпывая свежестиранные брюки.

— Нина Павловна! Нина Павловна! Правда, что нам от дяди Пети письмо пришло? — выкрикнул он, с лёта перемахнув порог квартиры.

— Правда, Тима, — тускло отозвался непривычно тихий голос хозяйки, и он услышал, что Нина Павловна плачет.

Тимошка почувствовал, как у него пересохло во рту и ноги стали ватными.

— Письмо про дядю Петю? — ожидая ответа, он смятенно посмотрел на Нину Павловну.

Она кивнула, не выпуская из рук продолговатого конверта с коричневой маркой:

— Да. Не хотела тебе говорить, да шила в мешке не утаишь. Беда у нас. Пётр Сергеевич заболел холерой.

От такого известия у Тимошки земля ушла из-под ног: дядя Петя сейчас болен, лежит в бреду, не пивши, не евши, а он, Тимошка, ничем не может ему помочь. А вдруг дядя Петя уже умер? От такой ужасной мысли у Тимки даже голова закружилась. Нет! Этого не может случиться! Господь не допустит, чтобы он стал сиротой ещё раз и снова из-за этой проклятой холеры! Дядя Петя должен обязательно поправиться, ну что ему стоит, ведь он доктор.

Мальчик почувствовал, как сзади его мягко обняли чьи-то ласковые руки, и понял, что его жалеет Танюша, которая сквозь пелену своего безмолвия смогла ощутить его отчаяние.

— Юрий Львович сегодня будет телефонировать в канцелярию генерал-губернатора и постарается узнать все подробности, — пообещала Нина Павловна, — нам надо немного подождать.

Легко сказать «подождать»! Часы ожидания, казалось, никогда не закончатся. Сначала Тимошка без дела слонялся из комнаты в комнату, изредка поглядывая на притихшую Зиночку. Потом попросил кухарку Нюшу по-

ручить ему почистить картошку и долго скоблил тупым ножом свежие лохматые клубешки нового урожая. Каждой картофелине он придумывал своё имя и с каждой разговаривал о своей беде.

— Понимаешь, Катя, — шептал он крутобокому розовому клубню, — холера — это очень плохая болезнь, но фельдшер Яков Силыч мне рассказывал, что её уже умеют лечить.

Картофелина Катя внимательно слушала его, посверкивая чисто вымытыми боками, но не возражала. А картофелина Дуся капризничала и ни за что не хотела чиститься, поэтому Тимошке пришлось взять более острый нож. Когда он выковыривал глазки из картофелины Муси, раздался телефонный звонок. Тимошка молнией выскочил в прихожую, где стоял телефонный аппарат, и схватил телефонную трубку, хотя делать это детям категорически воспрещалось.

— Алё, Нина? — раздался в трубке голос Юрия Львовича.

— Нет, это я, Тимошка, — чуть не плача от волнения, проговорил мальчик и оглянулся на Нину Павловну.

Она дала ему знак рукой: «разговаривай», и он, поощрённый её разрешением, уже более уверенным голосом спросил:

— Юрий Львович, что с дядей Петей?

А потом не удержался и предательски шмыгнул носом.

— Жив, — коротко ответил Юрий Львович, — это всё, что пока удалось узнать.

Тимошка отдал трубку Нине Павловне и, обессиленный, словно из него все косточки вынули, побрёл в свою комнату. Ну как же так? Как дядя Петя мог заболеть? Он же сильный, отменного здоровья! Он сам объяснял, что врачи редко болеют.

Тимошка сел за письменный стол и обхватил руками голову, но напряжение не отпускало его. Он медленно открыл крышку хрустальной чернильницы, обмакнул тонкое перышко длинной костяной ручки и стал писать, стараясь выводить буквы как можно ровнее:

*Дорогой, любимый батюшка, дядя Петя!
Я люблю тебя и каждую минуточку молю
Бога о твоём драгоценном здравии.
Поправляйся, пожалуйста, дорогой батюшка.
Много раз тебе кланяюсь.
Навсегда твой сын Тимофей Петров.*

Он наклонил голову, ещё раз перечитал своё коротенькое послание и решительной рукой добавил к своей фамилии ещё одно слово: «Петров — Мокеев».

Пусть дядя Петя поймёт, как он его почитает. Что бы ни случилось, он, Тимошка, всегда будет ему верным и любящим сыном.

После письма для Петра Сергеевича на душе у Тимошки чуть посветлело, и он решил написать послание ещё и князю Езерскому, раз

смешная бабулька Досифея Никандровна взялась переправить его адресату. Он немного подумал, как правильнее начать, переложил лист бумаги поудобнее и написал:

Ваше сиятельство, князь Всеволод Андреевич, дорогой Сева!

Кланяется тебе твой верный друг Тимошка Петров, сын Николаев.

Покорно благодарю тебя за твой подарок — книгу про животных Африки.

Я читаю её каждый день и уже дочитал до жирафа.

У меня большое горе — заболел холерой мой названный батюшка, дядя Петя.

Помолись, пожалуйста, за его здоровье.

А ещё сегодня умер мой больной. Он был вор, и у него отрезало поездом ноги.

А ещё я познакомился с бабкой Досифеей Никандровной.

Она принесёт тебе это письмо.

Скучаю по тебе. Храни тебя Господь.

Навсегда твой Тимофей Петров-Мокеев.

Тимошка тщательно промокнул письмо тяжёлым пресс-папье, украшенным медной шпечкой, и удовлетворённо свернул оба письма.

«Бабка Досифея сказала, что её всегда можно найти в больничном дворе, — припомнил он, — значит, завтра, в крайнем случае послезавтра, князь Сева получит это письмо. А если будет в настроении, то отпишет ответную записочку».

Порыв ветра ворвался в приоткрытое окно, и Тимошка вздрогнул от резкого удара грома. Гроза. Весёлый дождь забарабанил по кирпичной стене дома, стекая ручьями с покатой крыши в подставленные под водостоки дождевые бочки, и почти сразу же, прорывая тучи яркими лучами, засияло весёлое солнце, а над городом повисли две радуги.

«Хороший знак, — сам себе сказал Тимошка и улыбнулся. — Радуга — это к добру».

Этот вечер в доме Арефьевых, окрашенный заботой о здоровье Петра Сергеевича, прошёл необычайно тихо. Казалось, даже самовар на небольшом столике около окна пыхтел и свистел не так радостно, как обычно. Тимошке было приятно, что хозяева разделяют его тревогу об отце, но в то же время и беспокойно: а ну как положение серьёзнее, чем ему говорят, и Арефьевы знают что-то такое, о чём он даже не догадывается.

Тимофей долго сидел рядом с Танюшей, произнося в её кулачок несложные словечки и давая ей потрогать разные предметы. Она уже знала слова «яблоко» и «груша» и уверенно нащупывала эти фрукты среди других, лежащих в полой серебряной вазе.

— Если так пойдёт дальше, то наша Танюша выучится читать, — заметила Нина Павловна.

Она оторвалась от своей вышивки и одобритительно улыбнулась Тимошке. Он удивился:

— Разве слепые могут читать?

— Могут, — сказал Юрий Львович, — только они читают не глазами, а пальцами. Для слепых используется специальная азбука, которую изобрёл великий французский учёный месье Луи Брайль. Он сам был слепым, поэтому догадался, что для невидящих людей можно накалывать буквы точками по бумаге. Они ощупывают текст кончиками пальцев и понимают, что написано.

— Но ведь все слепые умеют говорить, — возразил Тимка, — а Танюша не разговаривает.

— Она не умеет говорить лишь потому, что не слышит звуков, — грустно сказала Нина Павловна. — Если бы она их слышала, то говорила бы не хуже нас с тобой.

Как бы в ответ на эти слова Танечка взяла в руки грушу и несвязно промычала: «Уша, уша». Первые Танины слова были самой радостной новостью за весь этот длинный безрадостный день.

Спать Тимка лёг с тяжёлым сердцем, всю ночь его мысли металась от надежды к полному отчаянию и опять возвращались к надежде. Лишь под утро он забылся коротким сном, а вскочив, сразу стал собираться в больницу — туда, где его ждали новые события.

— Правду старики говорят, что утро вечера мудренее, — сказала Нина Павловна, накладывая Тимошке полную тарелку гречневой каши

с жареным луком. — Я подумала на ясную голову и поняла, что, если письмо о болезни Петра Сергеевича шло к нам пять дней, а ещё вчера, когда Юрий Львович телефонировал в министерство здравоохранения, доктор был жив — значит, он уже не умрет. Если бы болезнь развивалась по наихудшему пути, то пяти дней он бы не прожил.

А ведь верно! Тимошка так и застыл с поднятой ложкой. Соседи рассказывали, что Тимкины родители за два дня умерли. Самого его тогда не было — бабка Дарья, мать крестная, брала его с собой на богомолье в дальний монастырь. Тем и спасся. Тимка повеселел и отхлебнул большой глоток какао.

— Как это невоспитанно, — не преминула заметить ему Зиночка, — пить надо деликатно и маленькими глотками. В нашей гимназии девочкам с грубыми манерами прикалывают на фартук записку с надписью «невежа».

— Ещё чего не хватало, — с полным ртом каши пробурчал Тимошка, — я тогда в гимназию не пойду, лучше при больнице на лекаря учиться буду, как фельдшер Яков Силыч.

— Дети, не пикируйтесь, — остановила их Нина Павловна. — Зина, смотри в свою тарелку, а Тимофей не набивай полный рот.

Зиночка тайком скорчила Тимке рожицу, но он уже привык к её ужимкам и не обратил на это ровно никакого внимания. Все его мысли были заняты болезнью дяди Пети и предсто-

ящим походом в больницу. Тимошка вспомнил ужасную смерть своего больного. И почему люди умирают? Непонятно. Жили бы себе и жили... Хотя нет. Если бы никто не умирал, то земля бы развалилась напополам от тяжести. Интересно, удастся ли сегодня передать письмо Всеволоду?

Тимка закончил завтрак и подбежал к окошку, чтобы не пропустить прихода почтальона. Выглянул на улицу и оторопел: на скамеечке около дворницкой Ивана Лукина, чинно сложив руки на коленях, сидела тётка Маня в праздничной кофте с красными бусами и не сводила взгляда с двери их парадной.

«Зачем тётка сюда припожаловала? — испугался Тимошка. — Она ведь разрешила дяде Пете забрать меня к себе!»

Но тут же опомнился:

— Как же я про Кирьку забыл? Наверняка тётка Маня его проведать наладилась.

Тимошка торопливо сунул в карман письмо для Всеволода, отпросился у Нины Павловны и быстро спустился во двор.

— Тимка, ты? — всколыхнулась тётка при виде Тимошки. — А я тут тебя поджидаю. Меня Ванюша на лавочку пустил и окошечки ваши показал, — заискивающе проговорила она, и Тимка увидел, что её руки задрожали. — Мне от доктора записочка пришла с разъяснением, куда Кирьяшу определили, вот я и решилась в город податься к Ванюше Лукину. Всё же не чужой. Мне

и адресок его мамашенька дала. А здесь такая радость, такая радость — оказывается, что и ты рядышком проживаешь. Ты уж уважь меня, Тимошенька, проводи до сыночка. Как он там, моя кровиночка?

Тётка Маня приподнялась со скамейки и попыталась бухнуться Тимошке в ноги.

— Что ты, тётя Маня! — испугался он. — Кирька уже совсем поправился. Фельдшер говорит, что со дня на день домой выпишут. Пойдём, я тебя в больницу отведу.

Женщина поспешно подхватила сумку и засемила рядом с Тимкой, ежеминутно оглядываясь по сторонам и громко причитая от удивления.

— Я ведь в первый раз в городе, — объяснила она Тимошке, — таких чудес и видом не видела, — она кивнула на рельсовую конку, со всех боков облепленную пассажирами, и охнула: — Ну и ну, диво дивное! Одна лошадь, а столько народу волочёт.

Особенно восхитил тётку Маню маленький фонтанчик посередине круглого сквера.

— Ловко здесь городским бабам бельё стирать! — позавидовала она горожанкам, зачерпнула полную пригоршню воды, вымыла лицо и отпила пару глотков. — Бельё стирать сгодится, а пить — нет, наша водица из речки Утки куда вкуснее.

И лепнину на фасадах домов тётка Маня не одобрила:

— Баловство это, — сказала она как отрезала, глядя на полураздетых кариатид с оголённой грудью, подпирающих затейливые балкончики углового дома, — я на свою избу эту срамоту нипочём не приспособила бы.

В ворота больницы Тимошка с тёткой Маней входили рука об руку, как лучшие друзья. Тимка дивился такой перемене в тёткином характере. Совсем недавно она была готова его с потрохами схрумкать, а нынче, смотри-ка ты, — чистый мёд!

В это утро Кирька сидел верхом на деревянном заборчике между больничными корпусами на манер лихого кавалериста и нахлёстывал длинным прутom густо росшую вниз темнo-зелёную крапиву.

— Маманя, — радостно заорал он, увидев тётку Маню, и мешком рухнул в жгучую траву. — А-а-а-а-а!

— Сыночек, родимый, ты ещё живой? — рванулась к нему мать, но он уже и сам подбежал к ней и с плачем повис на шее родительницы.

— А потолстел-то как! — не могла налюбоваться она на сына. — Словно барчук!

— Мне Тимка каждый день пироги носил, — всхлипывая и потирая обожжённые крапивой ноги, похвастал он, — и ещё мороженое.

Тётка Маня повернулась к Тимошке и робко затеребила бусы на объёмистой груди.

— Прости меня, Тимушка. Виновата я перед тобой, — тихо, со слезами, проговорила она. —

И перед родителями твоими виновата. Нешто я не понимаю, что ты из-за меня из дома ушёл. Дура я баба.

Тимошка ясно улыбнулся тётке и порывисто обнял её, неловко ткнувшись носом в оборку сатиновой кофты:

— Бог простит, тётя Маня, и я прощаю, — сказал он так, как говаривал его дед Илья, если ему случалось повздорить с сыновьями.

— Ура! — сверху на них навесился повизгивающий от боли и счастья Кирька и басовито забубнил о том, как хорошо ему жилось в больнице и как он хочет, чтобы маманя тоже немножко здесь полежала и полечилась.

— Нам домой, Кирька, пора, — отстранилась тётка Маня, — время подоспело картоху окучивать. Соседи-то уж справились, а мне всё недосуг. Помощников-то нетути. Папаня у нас ненадёжный, сам знаешь... — она безнадёжно махнула рукой, вспомнив о не просыхающем от пьянок муже. — Я тебя завтра заберу, ежели лекарь дозволит. Ночку здесь на лавочке пересяжу, а утром и поедем, благословясь.

— Тётя Маня, пойдём к Арефьевым, у них переночуешь, — позвал женщину Тимошка, — они добрые. Нина Павловна тебя не прогонит.

— Спасибо тебе, Тимка, за ласку, но я уж лучше тут обустроюсь. Мне не впервой на улице время коротать. Не ходок я в барские дома, не обессудь. Ночи нынче тёплые, зорьки ранние.

Тётка поставила торбу на колени и достала оттуда варёные яйца и подсохший кусок хлеба:

— Давайте пообедаем, что ль?

Сытый Кирька, которому по малолетству перепали все самые вкусные кусочки с больничного стола, презрительно отвернулся от немудрёной материнской еды.

— Ишь ты, разбаловался на казённых харчах, — ласково попеняла она сыночку и протянула хлеб Тимошке.

Волнуясь, он взял в ладони этот живой кусочек из своего бывшего дома и блаженно поднёс к лицу. Как вкусно пахнет! Тимошка закрыл глаза и представил, что сидит за столом в Соколовке. Мать позвякивает ухватами возле печи, а батя, дед Илья и он хлебают ложками нажористую уху из местных карасей. Ему даже почудилось, что откуда-то сверху потянуло свежей рыбой. Тимошка открыл глаза, и чары рассеялись. Он сидел всего-навсего на больничном дворе.

Тимошка не стал есть заветную краюшку, а завернул в носовой платок и бережно спрятал в карман куртки — пусть всегда будет с ним и напоминает о родимой сторонке. Тётка Маня с Кирькой пошли к доктору, а Тимка рванул к оговорённому с бабкой Досифеей Никандровной укромному местечку. Письмо к князю Езерскому лежало в кармане. На всякий случай Тимошка ещё раз провёл пальцами по ткани, нащупывая хрустящий бумажный конверт. Если повезёт, то уже сегодня Сева прочитает его записочку.

— Тимошка, заглядывай к нам! Доброго здоровья, Тимофей Николаевич! — со всех сторон зазывали его знакомые медсестрицы.

— Недосуг мне! — весело открикивался Тимка и убавил шаг, чтоб не спугнуть Досифею Никандровну — вдруг старушка придремала на солнцепёке.

Но на знакомой скамейке никого не было. Тимка пошарил глазами по кустам, высматривая, не качается ли где знакомое чучело на шляпке, — тоже никого. Он сокрушённо вздохнул: похоже, не судьба письмецу отправиться сегодня в княжеский особняк.

— Эх, бабка Досифея, бабка Досифея, — посоветовал он вслух.

— Какая я тебе бабка? — возмущённо сказал за его спиной тонкий голосок. — Никакого уважения нет от нынешней молодёжи. То ли дело в наше время: мы старикам в пояс кланялись да по имени-отчеству величали.

— Досифея Никандровна! Это ты! — обрадовался Тимошка. — А за моим Кирькой тётка Маня приехала.

— Уж знаю, — махнула рукой старушка и захлопала в ладошки:

— Догони! Догони! Чур, ты салка!

Бабуля подобрала полы длинной юбки и стремительно побежала вокруг куста, только шляпка с птицей подпрыгивала.

— Стой, я тебе письмо принёс для князя Езерского, — в два шага догнал её Тимка, — вот оно.

Он протянул письмецо, и бабка Досифея проворно засунула его за пояс.

Ты купи мне, милый тятя, швейную машинку,
Буду, девка молодая, вышивать ширинку, —

завела она частушку и, не сказав больше ни слова, умчалась вскачь по еле заметной тропке, заросшей лютиками.

26

— Знаешь, Тимофей, — озабоченно произнесла Нина Павловна, когда мальчик рассказал ей про визит тётки Мани, — мы не можем отпустить её обратно в деревню с пустыми руками. Мне страшно представить, что с таким трудом вылеченный от бешенства ребёнок снова попадёт в нищету. Ты ведь говоришь, что их отец пьёт горькую?

Тимка согласно кивнул головой и призадумался: «Знамо дело, из города надо с гостинцами вернуться, хоть кулёчек леденцов, да привезти, а то тётку Маню соседи засмеют. Да и сеструху Катьку жалко, небось, подарочка поджидает. Она сейчас и так одна без матери на хозяйстве мается».

Он по-старушечьи подпёр щеку рукой и вздохнул: «Только чем тётку одарить? Кроме Севиной книги про животных, у меня и нет ничего».

— Вот что я надумала, — Нина Павловна развернула свежую газету и продемонстрировала

Тимке большое объявление с картинкой, на которой была нарисована нарядная дама в широкополой шляпе с огромными ножницами в руке. — Здесь написано, что в магазине господина Зингера на Невском проспекте состоится продажа первых швейных машин, изготовленных в России. Не купить ли нам твоей тётушке швейную машинку?

— Швейную машину? — подскочил от неожиданности Тимошка. — Это никак невозможно. Такая вещь огромнейших денег стоит. Тётке Мане их вовек не отработать.

— Не надо отрабатывать, мы с Юрием Львовичем с удовольствием подарим машинку семье твоей тёти. Люди должны помогать друг другу. Ты согласен с этим утверждением?

Ещё бы не согласен! Тимошка просиял от радости: о швейной машинке деревенские бабы и мечтать не могли! Тёткина семья со швейной машиной будет как сыр в масле выкатываться. Тётка Маня до того, как дядька запил, была наизнатнейшая рукодельница. Приспособится она по селу рубашки да юбки бабам строчить — начнёт копеечка в кармане шевелиться. Накупят припасов в дом, Катьку с Кирькой оденут-обуют и будут жить, словно в сказке.

«А Досифея Никандровна вчера как раз про швейную машинку частушку пела, — с изумлением сообразил Тимка. — Не она ли тётке Мане дорогой подарок наворожила?»

Он с признательностью взглянул на Нину Павловну и подумал, что если бы ещё и от Петра Сергеевича пришла хоть одна строчечка в письме, то он был бы совершенно счастлив.

Но от доктора Мокеева вестей по-прежнему не поступало, хотя Юрий Львович настойчиво телефонировал во все концы объята́й эпидемией губернии, разыскивая его. Каждый день Тимошка от корки до корки перечитывал все номера свежих газет в поисках новой информации, но репортёры как сговорились и слали одни и те же сведения: положение тяжёлое, эпидемия в разгаре, холера собирает всё новые и новые жертвы.

— Вырасту, выучусь на врача и выдумаю особую микстуру, от которой проходят все болезни, — мечтал мальчик. — Принял бы дядя Петя такое лекарство и сразу стал здоров. И другие бы люди исцелились. У Танечки глаза открылись, у безногого калеки ноги выросли, а тётки Манин муж бросил пить горькую. Вот выдумал же француз Луи Пастер средство от бешенства. А я чем хуже?

— Барыня, на пожарной каланче шары выкинули! — ворвалась в квартиру запыхавшаяся Маша. — Я как раз с рынка шла, а мимо меня скачок промчался! Пожар! Вот бы поглядеть! — она возбуждённо бросилась к окну и свесилась через широкий подоконник. — Эх, жалко, шаров не видно!

— Каких таких шаров? — поинтересовался Тимошка.

Подоспевшая Зиночка с презрением посмотрела на него:

— Не знаешь про шары? Это известно даже девочкам.

Она потеснила Машу у окна и обернулась к Тимке:

— Когда дозорный на пожарной каланче замечает дым, он вывешивает на длинном шесте разноцветные шары, чтобы другие пожарные знали, в какой части города горит. А вперёд пожарной команды всегда мчится разведчик — скачок.

Зина посмотрела на Нину Павловну и нетерпеливо начала отвязывать кокетливый фартучек:

— Мама, отпусти нас с Машей на пожар! Так забавно!

Нина Павловна нахмурилась.

— Понимаешь, Зина, — вмешался Тимошка, — пожар — это совсем не забавно.

Он вспомнил погорелицу с маленькой девочкой, которым отдал свой лотерейный билет, и забеспокоился: неужто и после этого пожара люди без крова останутся, а то и вовсе жизни лишатся?

— Ой, держите меня четверо! — захлёбываясь от восторга, завизжала Маша. — Гляньте! Пожарный обоз!

Тимошка и Нина Павловна, чуть не столкнувшись головами, выглянули в окно и успели заметить, как мимо дома на большой скорости прогрохотала длинная повозка, запряжённая

четвёркой могучих лошадей одной масти с развевающимися гривами. На длинной скамейке посредине повозки спиной к спине сидели пожарные в отливающих золотом касках. Сразу за возницей, под развевающимся знаменем с эмблемой части, стоял трубач, одной рукой держась за поручень. Он непрестанно трубил в горн и звонил в колокол.

Всё это выглядело так внушительно и грозно, что Тимошка буквально задохнулся от восхищения: «Здорово!» Ничего страшного не произойдёт, если он сбегает и хоть одним глазком издали посмотрит, как работает пожарная бригада, подумал Тимка.

«Я быстро обернусь, — решил он, — никто даже и не заметит моей отлучки».

Мальчик тихонько попятился к двери, выскользнул в коридор и уже через несколько секунд вместе со взбудораженной и гомонящей толпой обывателей неся по направлению к чёрному столбу дыма.

— Горе, горе! — голосила в середине людской массы растрёпанная простоволосая баба. — Неужто это дом купца Пызина полыхает? У меня там сеструха живёт.

Она на несколько секунд замолкала, а потом снова начинала выкрикивать:

— Люди! Кто-нибудь! Скажите, где горит? Неужели это дом купца Пызина?

— Пызина, Пызина, — пробурчал старик, бегущий рядом с Тимошкой.

— И поделом этому Пызину, я в его лавке зимой селёдку с душком купил. Дурит народ, купчина толстопузый, а на наши денежки себе хоромы отстраивает!

— Зря ты говоришь такое, — вскинулся мастеровой в поддёвке. — Я у Пызина завсегда всё самое свежее покупаю. И в долг он даёт, не жлобится, как некоторые.

Дым становился всё чернее и ближе. Вскоре уже стали видны выбивающиеся из окна верхнего этажа жёлтые языки пламени, с жадностью облизывающие конёк крыши. В запруженный народом двор было не продрасться. Рядом истошно орали женщины, были слышны решительные мужские голоса, на все лады дававшие советы, и односложные резкие команды брандмайора, распорядившегося тушением пожара.

Тимошка встал на колени и полез между ног зевак по направлению к пожарищу.

— Куда собрался, мазурик? — подкинула его вверх чья-то сильная рука.

— Пустите, дяденька, мне очень надо, — соврал Тимошка и покраснел.

— Всем надо.

— Расступись! Воду везут! — прозвучал громкий приказ, и толпа мигом разлетелась в разные стороны, пропуская телегу с огромной бочкой.

Тимка юркнул в образовавшуюся щель и очутился прямо напротив объятых пламенем дома. Расширившимися от ужаса глазами смотрел он,

как огонь гудит и бушует внутри чёрных стен бывшей квартиры и как в это страшное раскалённое пекло бесстрашно лезут ловкие пожарные. Двое из них стояли на самой верхушке лестницы, и Тимошка испугался, что они сейчас упадут. Но огнеборцы не только не падали, но ещё и долбили длинными баграми стены внутри здания. Наконец один из пожарных приподнялся на руках, на мгновение исчез в клубях дыма и появился, волоча за собой закопчённого паренька, чуть старше Тимки. Толпа ахнула. Пожарный щедро окатил мальчишку водой из шланга и отправил спускаться по лестнице. Люди внизу замахали пареньку руками:

— Давай сюда, здесь доктор.

Но спасённый и не думал никого слушать. Одним скачком он подскочил к Тимке, оттолкнул его в сторону и скрылся в узком проёме подвального окна. С ума сошёл от страха, подумал Тимошка, надо бы его догнать. Не раздумывая, он тем же путём, что и вытащенный из пламени паренёк, прыгнул в пропахший гарью и застоявшейся водой глубокий подвал.

В тёмном подвале Тимошку немедленно охватило чувство тревоги, подкрепляемое тишиной, от которой звенело в ушах и перехватывало дыхание. Трудно было представить, что в нескольких метрах от них полыхает большой

пожар и исходит криком возбуждённая толпа народу.

— Эй, парень, ты где? — негромко позвал погорельца Тимошка.

В ответ ему замаякала кошка, а справа, в крошечной тьме, раздался еле слышный шорох.

«Крысы? Да нет! Откуда здесь крысы, раз полно кошек?» Тимка присел на корточки и протянул руку:

— Кис, кис.

Кошка сердито зашипела, а шорох в конце подвала зазвучал явственнее. Тимка встал и сделал несколько шагов в темноту наугад. Никого. Не провалился же парень под землю, подумал Тимошка и тут же рухнул вниз. Падать пришлось совсем недолго, он даже не успел растеряться. Ноги сами собой мягко спружинили, а разведённые руки нащупали плотную кладку по сторонам.

Тимошка несколько раз подпрыгнул, пытаясь вылезти обратно, но это не удавалось. Оставалось только одно — продвигаться вперёд по подземному ходу. От страха у него затряслись руки: а ну как впереди бездонная яма или, того хуже, каменный мешок без выхода наружу. Будь что будет, принял решение Тимка и, прощупывая ногой тропку впереди себя, начал продвигаться вперёд. Он прошёл, наверное, шагов двадцать, как вдруг руки упёрлись в металлическую поверхность. Тимошка навалился на неё всем телом, дверь подалась вперёд, и он

ввалился в какую-то комнату, едва освещённую бледным рассеянным светом.

В помещении было смертельно холодно. Тимошка поднял голову и увидел, что свет струится через узенькое, в ладонь шириной, окошечко, забранное кованой решёткой. Похоже, что это было какое-то хранилище, сплошь заставленное ящиками и лоханями. Тимошка заглянул в металлический короб рядом со своими ногами и застыл от изумления: пересыпанные льдом, там извивались чёрные скользкие гады.

— Здесь змеи! — громко сказал он сам себе.

— Это не змеи, — ответил ему незнакомый голос, и Тимошка увидел, что к нему мягко шагнул высокий мальчик в обгоревшей и мокрой одежде. — Это не змеи, — повторил он, — это миноги.

— Миноги? Кто это?

— Рыбы. Ты что, в первый раз их видишь?

— В первый, — кивнул Тимка и строго спросил: — Ты почему убежал с пожара?

Паренёк повесил голову и вдруг звучно заревел в голос:

— Да убьют меня дома, как пить дать, убьют. Ремнём папашенька насмерть заперет — это ведь из-за меня дом загорелся. Я у отца пахитоски стащил и покурить попробовал, вот и уронил спичку на газеты. А пока кашлял от табака, всё и запылало ярким пламенем.

— Да что ты! — охнул Тимка. — Убить не убьют, но по шее точно накостыляют. Меня, кстати, Тимка зовут. Тимофей.

— А меня Николай. Но ты зови, как все, Кока.

— Кока, как тебе удалось спастись в таком огне? Я видел, что пламя до самой крыши полыхало.

— Повезло. Я в угол забился, а там никакой мебели не было. Да и пожарные на моё счастье быстро подоспели. Водой из шланга облили. Видишь, я мокрый. Ну и холодина здесь, — он поёжился и дохнул паром изо рта. — Похоже, что мы попали в ледник. Так насмерть простудиться недолго, — Кока с сомнением осмотрел свою изорванную мокрую одежду из тонкого льна и перевёл взгляд на летние брючки Тимки.

Тимофей глянул по сторонам и только сейчас заметил, что ящики и кадки с рыбой стоят не на полках, а на аккуратных квадратных глыбах льда, похожих на гигантские прозрачные кубики. Он встал на цыпочки, подтянулся и заглянул в ближайшую бочку, которая доставала ему до подбородка: она была полна жирных карпов с крупной чешуёй, отсвечивающей живым серебром. Карпы зашевелились, и из бочки пахнуло настоящей январской стужей. Морозный воздух в леднике пробирал до костей и инеем оседал на волосах. Было слышно, как в лоханях шуршит живая рыба.

— Я полагаю, что это рыбный магазин господина Пызина, — сказал Кока. — В той стене должна быть дверь в торговый ряд.

Мальчики прошли в конец склада и остановились перед внушительной железной дверью. Кока протянул было руку постучать, но тут же нерешительно опустил её.

— Нет. Давай лучше обратно пойдём через подвал, а то от нашего вида покупатели упадут в обморок.

Тимка подумал, что в Кокиных словах есть доля правды, но, с другой стороны, ему надо было спешить, поэтому вновь карабкаться по подземелью вслепую не хотелось. Он и без того не представлял, как будет оправдываться перед Ниной Павловной. Мало того, что убежал без разрешения, так ещё и совсем не на минуточку получилось. Тимофеем обречённо вздохнул, представив, как изумятся продавцы, когда из рыбного ледника выйдут два обтрёпанных мальчика, и решительно побарабанил кулаком в дверь.

Дверь не открывалась. Он постучал ещё громче — снова никакого отклика. Несколько минут пареньки руками и ногами дружно лупили в крепко запертую дверь, слушая, как по леднику разносятся гулкие удары. Наконец, когда они вспотели от усилий, Кока сообразил, что купцу Пызину из-за пожара не до торговли и он, скорее всего, закрыл магазин. Может быть, даже на несколько дней.

Кока с Тимошкой переглянулись и поплелись к той двери, из которой проникли в ледник. Тут их ждало горькое разочарование: мало того, что окованная железом дверь была очень плотно закрыта, но к тому же у неё не было ручки.

Обламывая ногти, мальчики попытались потянуть дверь на себя, но она не поддавалась ни на дюйм. Округлившимися от ужаса глазами Кока уставился на Тимошку и почти простонал:

— Замурованы, и Бог знает, как надолго.

28

Холодный воздух ледника пробирал до костей, изо рта валил пар, зуб на зуб перестал попадать уже давно, а ноги замерзли так, что ребята не чувствовали кончиков пальцев.

— Нам конец, — заявил Тимошке Кока, заледеневший, как сосулька, — я больше не могу.

Свернувшись калачиком и обхватив поджатые колени руками, он пристроился на куче мёрзлых опилок и чуть не плакал.

— И зачем я попробовал эти проклятые пахитоски! Сначала из-за них чуть в огне не сгорел, а теперь вот замёрзну насмерть. Найдут наши бездыханные трупы рядом с рыбами...

Он шмыгнул носом и скривил замёрзшие губы:

— Слово даю, если живы останемся, никогда в жизни к табаку не прикоснусь. И ты не кури, слышишь?

— Я и не собираюсь, — отозвался Тимофей. — Наш сельский священник, отец Василий, учил, что курение — это грех. К тому же я буду лекарем, как мой названный батюшка, а доктор курить вообще не должен.

Тимка немного попрыгал, чтобы согреться, и подумал, что нужно выдумать какое-нибудь дело, чтоб и впрямь не замёрзнуть и не заболеть. Иначе как он узнает, что случилось с дядей Петей? А если ему придётся ехать на эпидемию за доктором Мокеевым или выхаживать его после болезни? Нет! Никак невозможно Тимофею заболеть. Никак. Он стал бегать от бочки с карпами до лохани с миногами и громко считать вслух: «Раз, два, три, четыре».

На тридцатом повороте Тимка почувствовал, что ему стало тепло. Он подсел к Коке и прижал его к себе, пытаясь согреть. Сколько же времени сидят они в этом подвале? Тимошке казалось, что целую вечность. Он представил, как его ищут дома. Наверное, Нина Павловна послала Машу высматривать его по улицам, а Юрий Львович, сокрушённо качая головой, пишет письмо Петру Сергеевичу о том, что Тимошка сбежал в неизвестном направлении. Зиночка, скорее всего, довольна, а вот Танюша точно расстроится, потеряв близкого друга.

— Кока, как думаешь, нас разыскивают?

Но Кока не мог сказать ни словечка от холода.

— Давай, давай, Кока, вставай, — потянул его Тимошка за обе руки, — надо двигаться, иначе точно помрёшь. Хочешь, давай подерёмся — враз согреемся. У нас в деревне парни за-
всегда в мороз на кулачках тешились.

Кока вырвал руку, снова скукожился и ничего не ответил. Тимошка сбегал к проходу в магазин и снова постучал в запертую дверь.

— Эй, кто-нибудь, ау! Спасите! — на всякий случай покричал он в замочную скважину.

Но в магазине было тихо и пусто. Тимка вспомнил, что, когда ребяташки в Соколовке загуливались зимой и отмораживали себе щёки, то матери крепко растирали их снежком. Надо бы растереть Коку. Подпрыгивая, он походил по леднику, заглядывая во все углы в поисках снега, но кругом был лишь толчёный лёд. Тогда он подошёл к Коке и, несмотря на сопротивление, стал тереть ему лицо найденной возле лохани с осетрами белой тряпкой.

Тряпка нестерпимо воняла рыбой и была чуть влажная, но Кока явно оживился. Так. Теперь руки. Тимошка представил, что он чистильщик обуви, а Кокины руки — это штиблеты важного господина. Он даже начал напевать песенку, которую бурчал себе под нос смуглолицый дядя Ашур — чистильщик, обосновавшийся в будке на углу дома Арефьевых.

— Согрелся хоть немного? — спросил он нового знакомого.

Но Кока оттолкнул его и спрятал руки за пазуху:

— Не трать на меня силы, Тимка, всё равно к утру мы умрём.

— Не смей так говорить! — закричал на него Тимошка, бросился к закрытому входу в под-

вал и принялся неистово колупать пальцами неподдающееся железо:

— Открывайся!

Непослушная дверь словно бы устыдилась этого яростного приказа и медленно, сама собой, плавно открылась. Из тёмного подземного хода высунулась знакомая шляпка с чучелом птицы.

— Досифея Никандровна! — невольно вырвалось у Тимошки.

Бабуля кокетливо поправила сбившуюся шляпку, не торопясь отряхнула юбку от налипшего мусора и с гневом воззрилась на Тимку:

— Ты письмо от князя ждёшь или нет?!

— Жду, — оторопело проронил он.

— Вот и заberi у меня весточку. Догонишь — отдам!

Бабка развернулась на одной ноге и скрылась в тёплой темноте подземелья.

— Кока, за мной, дверь открыта! — закричал Тимошка товарищу по несчастью.

Но Кока, как оказалось, совершенно не обрадовался. Он безучастно сидел в той же позе, в которой оставил его Тимка, и смотрел в одну точку.

— Кока, путь открыт, — снова повторил Тимофей.

Кока не шевельнулся.

Тимошка подскочил и с размаху влепил замороженному парню крепкую оплеуху. Кокина голова дёрнулась, и он посмотрел на Тимку уже вполне осмысленно.

— Давай, давай, пойдём!

Тимошка схватил паренька под руки и потащил за собой. Кока был выше его почти на целую голову и очень тяжёлый.

— Кокошка, ну пожалуйста, шевелись.

Мало-помалу Кока начал перебирать ногами, и сразу стало легче. Через несколько шагов Тимка поставил Коку на ноги, взял за рукав и повёл за собой, как бычка на верёвочке. Время от времени он останавливался и прислушивался, нет ли рядом неугомонной Досифеи Никандровны, но единственными звуками, гулко раздававшимися в затхлом подвале, было мяуканье голодных котят.

Вскоре Тимошкины ноги упёрлись во что-то твёрдое. Он отпустил Коку и пощупал преграду рукой — это была короткая лесенка.

— Кока, лезь впереди, — пропустил товарища Тимка и стал подталкивать его вверх. Ещё чуть-чуть. Подтянуться на руках. Вот и всё. Щурясь от яркого света, Тимошка вылез во двор. Кока был уже там.

— Кокоша! Сынок! Мы думали, что ты сгорел! — с диким криком кинулась к Коке молодая женщина с распухшим от слёз лицом. Не добежав до сына, она вдруг обмякла и боком повалилась на асфальт с непросохшими после тушения пожара лужами. Её кинулся поднимать пожилой господин в котелке, успев погрозить Коке пальцем, и Тима понял, что Коку родители точно не убьют, по крайней мере, за этот случай.

Хотя досужего народа во дворе стояло густо, Досифеи Никандровны нигде не наблюдалось, да и Тимке сейчас было не до письма от Всеволода Езерского. О том, чтобы показать-ся на глаза Арефьевым, Тимошка думал с раскаянием и страхом. Он стоял посреди двора, повесив голову, и не знал, как поступить. Идти домой было зазорно. Что он скажет Нине Павловне? Тимка понуро переступил с ноги на ногу, бросил прощальный взгляд на выгоревшие окна Кокиной квартиры и нехотя поплёлся к Арефьевым.

По обеим сторонам тротуара толпились люди и горячо обсуждали последние новости. Хозяин чайной лавки «Три слона» сердито кричал, что ему рассадили витрину пожарным багром, а разносчик сбитня довольно хихикал, наливая возбуждённым обывателям дымящегося медового напитка стакан за стаканом. На душе у Тимки было темнее ночи, да ещё и Досифея Никандровна сгинула без следа.

— Я и спасибо ей не сказал за то, что она нас с Кокой из ледника вызволила, — запоздало подумал он. — Кругом грешен.

«Пызин, Пызин идёт!» — пролетело по толпе, и все взгляды обратились на невысокого пожилого господина в котелке и коротком пиджаке с галстуком-бабочкой. Он стремительно шёл посередине тротуара, не обращая ни малейшего внимания на любопытные лица и сочувственные возгласы.

— У-у-у, купеческое отродье, — злорадно прошипел рядом с Тимкой изрядно подвыпивший извозчик. — У него дом сгорел, а ему хоть бы хны. Ишь, каким козырем выступает. Чаю, у купчины таких домов по десятку в каждом городе. Одно слово: мироед!

Внезапно Пызин остановился, как будто опомнился, и беспомощно огляделся по сторонам.

— Батюшка, не желаете ли экипаж? Послужу со всем усердием, — кинулся к нему извозчик, только что костеривший купца на все лады.

Пызин отрицательно махнул рукой и посмотрел поверх людских голов, явно высматривая кого-то в толпе. Тимка проследил за его взглядом и заметил знакомую шляпку с чучелом птицы. Он обрадовался — хоть письмо от князя Севы получит, а не только нагоняй от Нины Павловны. Но Досифея Никандровна шла не к нему, а шагала напрямиком к купцу Пызину.

— Ничего, Вася, — громко, на всю улицу, сказала она ему. — Бог дал, Бог и взял. Что ни делается — всё к лучшему.

Пызин снял котелок и покорно склонил перед старушкой голову.

— Ну, то-то же, — она перекрестила его круглую лысину, подтянула верёвочку у себя на поясе и повернулась к Тимошке, запевая на ходу очередную частушку:

Милый мой, калоши спали,
Под горой остались.

По какой же мы причине,
Дорогой, расстались?

Как ни был расстроен Тимка, он не удержался от улыбки, припомнив частушки, которыми весенними вечерами перекликались за околицей неугомонные девки, и притопнул ногой в ответ:

Получаю письма — радуюсь,
Читаю — хохочу;
Издалёка не указывай,
Гуляю с кем хочу!

Поскольку настроение у Тимки было буквально «из рук вон», то прозвучала частушка довольно уныло, но бабка Досифея Никандровна всё равно обрадовалась:

— Это по-нашему! — одобрила она его и обняла за плечи: — Накось письмецо от дружка! Да не забудь ответ отписать. А сейчас беги домой, твои тебя по всему городу рыщут.

Эти слова гибким ивовым прутom щёлкнули по Тимкиной беспокойной совести. Он устыдился и быстро помчался домой. Навстречу ему бежала растрёпанная Маша, а в воротах поджидал Юрий Львович. В квартире пахло валерьяновыми каплями. Тимка сразу понял, что это из-за него. Тётя Сима всегда пила валерьянку, когда разволнуется.

— Ниночка, всё обошлось. Вот он, наш герой. Явился — не запылится, — крикнул с порога

Юрий Львович и подтолкнул Тимошку к софе, на которой сидела бледная Нина Павловна с мокрым полотенцем на лбу.

— Тимочка, — она вскинулась и с облегчением заплакала, — мы уже всё передумали. Хотели ехать в полицию справки наводить. Танюша места себе не находит. Где ты пропадал, мальчик наш дорогой?

Тимка готов был сквозь землю провалиться. Он поднял глаза на серьёзное лицо Юрия Львовича, посмотрел на возмущённую Зиночку, взял для смелости за руку Таню и, как на духу, принялся выкладывать всю правду о своих сегодняшних приключениях. Когда Тимошка дошёл в рассказе до того места, как они с Коккой оказались запертыми в леднике рыбного магазина, Нина Павловна тихонько охнула, приложив к сердцу скрещённые руки:

— Вы только подумайте, как чутко Танюша все поняла на расстоянии: именно в то время, когда ты сидел в подвале, я заметила, что она плачет, мычит, потом принесла мне одеяло и пыталась натянуть на себя. Я решила, что ей холодно. А это, значит, не ей было холодно, а Тимофею!

— Поразительно, — поддержал её Юрий Львович и с уважением посмотрел на Таню.

Нина Павловна вытерла покрасневшие глаза и, чтобы разрядить обстановку, весёлым голосом позвала всех пить чай с ватрушками. Когда был выпит почти весь самовар, а ватрушек на го-

лубом фарфоровом блюде изрядно поубавилось, Юрий Львович сокрушённо покачал головой:

— Нынче выпал очень неудачный день. С утра я узнавал насчёт Петра — никакого ответа. Потом стряслась беда с экономом из нашего департамента. Представляете, помогал мальчишке достать воздушного змея и упал с дерева. Чуть ли не насмерть. И угораздило же его. А ведь солидный мужчина.

От слова «змей» Тимка насторожился. Мало того, что на земле существуют разные типы змей: питоны, гадюки и полозы, так, оказывается, есть ещё и воздушные змеи. Может быть, они-то ему и надобны. Тимошка немного поколебался: спросить у Юрия Львовича про них или нет? Уж очень не хотелось выглядеть дурачком в глазах окружающих. Но любопытство пересилило, и он поинтересовался, в какой же стране водятся эти диковинные змеи.

Как Тимка и предполагал, Зиночка иронично улыбнулась, но Юрий Львович не преминул обстоятельно ответить.

— Воздушные змеи не живые существа. Они сделаны из бумаги или ткани. Когда поднимается ветер, воздушного змея привязывают за длинный шнур и отпускают летать в небо по воле воздушных потоков. Это очень красивое зрелище. Хотя воздушных змеев изобрели в Древнем Китае, в мире более известны японские воздушные змеи. Японцы — большие искусники. Я сам видел огромного японского

воздушного змея в виде дракона. Ты, кстати, знаешь, где Япония? — спросил он Тимошку.

— Нет.

— Обязательно попроси Алексея Модестовича ознакомить тебя с картой мира. Япония граничит с Российской империей, и ты должен знать наших ближайших соседей. Ну а сейчас иди, займись своими делами, а мы с Ниной Павловной поторопимся за швейной машинкой для твоей тётушки Мани, пока магазин не закрылся. Ты говорил, что она завтра уезжает?

— Завтра, — с раскаянием кивнул Тимошка.

Его сердце буквально разрывалось от благодарности. Он сегодня такое безобразие учудил, а его не только не отругали, но ещё и за дорогим подарком для его тёти едут. Тимка твёрдо решил, что когда вырастет, то будет вот так же, как доктор Мокеев или Арефьевы, без лишних вопросов делать для людей добрые дела.

Тут Тимка спохватился, что за всей сегодняшней суматохой он совершенно забыл о письме князя Езерского и поспешил в свою комнату.

В отведённой Тимошке комнате было прохладно и тихо. Он сел за массивный письменный стол с тремя ящиками для бумаг и вытащил из кармана основательно помятый конверт, больше похожий на нечто среднее между использованным носовым платком и ту-

алетной бумагой. Хотя с тех пор, как Тимка поселился у Петра Сергеевича, он видал разные конверты, а в прихожей Арефьевых их вообще лежала целая груда, такой ему ещё никогда не встречался. Во-первых, конверт был длинный и голубой, а во-вторых, в его правом углу располагался красивый тиснёный герб. Мальчик крепко разгладил письмо ладонью и потрогал герб: он был настолько выпуклый, что можно было понять, как скрещиваются на нем две чёткие линии. Именно так читают пальцами слепые люди, понял Тимка.

Сдерживая любопытство, он разрезал конверт костяным ножом для бумаг и вытащил письмо, испещрённое ровным почерком с завитушками на концах букв.

Мой дорогой друг Тимофей! — писал князь Езерский. — Спешу сообщить тебе, что наша ночная вылазка оставила в моей душе глубокий след! Благодарю тебя за то, что помнишь обо мне. Я сейчас очень занят фехтованием на шпагах, потому как на днях папа заявил, что России надо готовиться к войне с японскими самураями. Жаль, что ты не можешь тренироваться вместе со мной. Мой учитель, меcье Жильбер, весьма искусен в фехтовании и смог бы сделать тебя настоящим мастером.

Ты помнишь нашего старшего лакея Никодима? С его сыном произошло большое несчастье: он доставал с дерева воздушного

змея и расшибся о землю. Лучше бы это был мистер Найтли. Никодим стал совсем плох, и мама отпустила его домой для поправки здоровья. Утром помолился за здоровье твоего названного батюшки, надеюсь на благополучный исход его болезни.

Я рад, что книга господина Альфреда Брема оказалась тебе полезной. Надеюсь, что смогу и впредь иногда доставлять тебе, мой милый друг, маленькие радости.

За сим заканчиваю своё послание с надеждой на скорую встречу.

*Кн. В.Езерский
июль 1903 года.*

Письмо от князя Всеволода озадачило Тимофея. Он ещё раз перечитал слова о войне с Японией и стал вспоминать: совсем недавно он где-то слышал об этой войне. Где же это было? В памяти промелькнула прогулка с горничной Машей к казармам Семёновского полка, улыбающаяся Досифея Никандровна с букетом белой сирени и её загадочная частушка:

Медна мера загремела,
Красна девка заревела.
Не реви, родная мать,
Иду с японцем воевать!

Значит, не только князь Езерский, но и бабушка Досифея войну с Японией пророчит? Интересно, что же это за страна такая Япония, в которой живут одни самураи, и почему они

хотят с нами воевать? Может быть, эти самые «самураи» и не люди вовсе? Надо обязательно спросить у Юрия Львовича или у учителя.

Тимошка подошёл к висящей на стене карте и долго искал на ней Японию. Страна оказалась малюсеньким островком, уютно расположившимся около огромного полотна Российской империи. Эти самураи, наверное, совсем сумасшедшие, если хотят напасть на такую могучую страну, как наша, решил мальчик. По несколько раз он перечитывал диковинные названия городов и рек, нарисованных на карте. Особенно позабавило Тимку словечко «Ляо-дун», которым называли целый залив на берегу Тихого океана возле жирно обозначенной точки с именем города «Порт-Артур».

В коридоре раздались знакомые шаги Танюши, и Тимошка поспешил отворить ей дверь. Девушка ответно улыбнулась и провела по Тимошкиному лицу мягкой ладошкой, пахнущей земляничным мылом:

— Тыма, Тыма, — глухо, но вполне внятно выговорила она. Было видно, что человеческая речь даётся Тане с великим трудом, но она старается изо всех сил.

Тима благодарно сжал в кулачок её хрупкие пальчики и отдельно выговорил в него:

— Пойдём на балкон.

Таня согласно кивнула. Они вспугнули двух наглых голубей, обосновавшихся на причудливо выкованной решётке небольшого балкончика,

и немного постояли, наслаждаясь неярким закатным солнышком. Тимка так сильно устал в леднике, что в голове даже мыслей никаких не было. Он вяло перебрал в памяти подробности пожара и решил, что стоит как-нибудь на днях сходить навестить несчастного Коку. Вдруг с него родители и вправду шкуру спустят. Надо будет тогда его пожалеть. Тётка Маня один раз выдрала Тимку по спине берёзовым голиком за случайно перевернутую крынку с козьим молоком, после этого он неделю не мог рубаху надевать — грубая ткань липла к вздувшимся рубцам.

Глазастый Тимка усмотрел на крыше весёлого дядьку с чёрным шаром на верёвке и понял, что это трубочист. Мужичок ловко карабкался от дымохода к дымоходу и с размаху опускал в выложенные из красного кирпича трубы своё немудрёное орудие, успевая своевременно отворачивать лицо от облачка чёрной пыли.

Жалко, что мне обязательно надо стать лекарем, вздохнул Тимошка, быть трубочистом тоже неплохо. Прыгай себе по крышам. Весь город внизу как на блюдечке. Над головой птицы парят, ветерок обдувает. Даже можно было бы к князьям Езерским в гости набиться. Ведь, наверняка, им тоже трубы чистят. Вот бы Сева удивился!

С высокого тополя во дворе на Танино плечо слетел свежий тополиный лист. Она растёрла пальцами его пахучую зелень и вдохнула терпкий аромат робкого северного лета.

— Листок, листок, — сказал ей в кулачок Тимка, и девушка послушно повторила:

— Ыок.

Время от времени мимо стеклянной двери балкона демонстративно прогуливалась Зиночка, старательно делая вид, что Тимошка и Таня её совершенно не интересуют. Когда Зина проследовала мимо них, наверное, в десятый раз, Тимка не выдержал:

— Зина, иди к нам. Посмотри, на крыше трубы прочищают.

Перед таким приглашением Зиночка устоять не могла — разве найдётся хоть один человек в мире, который не хотел бы посмотреть на работу трубочиста-верхолаза? Втроем на балкончике стало уже тесновато, поэтому Зиночка решила, что ничего не случится, если она заберётся ногами на стул, на котором любила здесь сидеть Нина Павловна. Она мигом вскочила на лакированное деревянное сиденье и свысока взглянула на Тимошку: смотри, мол, какая я умная, мне всё в сто раз виднее, чем тебе. Зина вытянула шею и стала внимательно наблюдать, как трубочист приставил лесенку к самой высокой трубе на соседнем доме и, беспечно посвистывая песенку, стал карабкаться вверх.

— Некоторые девочки в нашем классе такие трусливые, что боятся залезать даже на гимнастическую лестницу, — изрекла Зиночка, глядя, как трубочист, стоя на верхней ступени лесенки, отвязывает от пояса свой шар, — не то, что я!

Я ничего не боюсь. — Она гордо выпрямилась, её нога скользнула по лаку сиденья, и девочка забалансировала, стараясь сохранить равновесие и не рухнуть на каменную мостовую.

Всё случилось так стремительно, что Тимошка не успел даже осознать происходящее: Зина закричала, стул грохнулся на бок, а Танечка, наступив Тимке на ногу, рванулась к сестре и поймала её на самом краю балконных перил.

— Девчонки, вы что? — только и смог сказать Тимка, глядя на рыдающую в голос Зиночку и напряжённо мычащую Танюшу.

То, что глухонемая девушка смогла почувствовать смертельную опасность, было вообще поразительным. Зина высвободилась из Таниных рук и встала на колени:

— Таня, Таня, прости меня за всё! — почти кричала она, глядя в растерянное лицо сестры. — Я плохая, а ты хорошая! Но я обещаю тебе, что тоже буду такой доброй, как ты. Поверь мне!

Она теребила Таню за руку и просительно смотрела на Тимошку округлившимися от ужаса глазами:

— Скажи ей, она тебя понимает.

Тимка заботливо поднял Таню с пола и её рукой погладил Зину по лицу. Зина поймала Танюшину ладонь, несколько раз благодарно поцеловала и срывающимся голосом обратилась к Тимошке:

— Тима, давай не будем ничего говорить маме с папой.

Мальчик согласно кивнул головой и подумал, что для одного дня событий уже более чем достаточно.

30

Хотя новый день родился солнечным и ясным, хороших новостей он не принёс. От Петра Сергеевича по-прежнему не было ничего слышно. Тимка сам лично подкараулил почтальона на лестнице и с надеждой заглянул в его увесистую сумку: вдруг заветная весточка завалялась на самом дне. Но почтальон в зелёной форменной фуражке отрицательно покачал головой и вздохнул:

— Пишут. Пишут...

На завтрак Тимка пришёл в подавленном настроении и без удовольствия принялся макать белый хлеб в чашку с какао. Он так расстроился, что даже не взглянул на раздумывавшуюся Зиночку, которая намазывала сливочным маслом свежеспечённый утренний кренделёк для Танюши. «Нашу Зину за ночь как подменили», — отметила Нина Павловна, глядя, как девочка заботливо хлопочет возле сестры, подавая ей завтрак.

— То, что нам нужно ехать в больницу, чтобы проводить твоего братца с тётушкой, оказалось очень кстати, — обратилась Нина Павловна к Тимошке. — Перед уходом на службу Юрий Львович попросил меня навестить его знакомого, что упал вчера с дерева. По стечению обстоятельств

тот помещён именно в больницу принца Ольденбургского.

— Можно, я с вами поеду? — спросила Зиночка. — Я не помешаю.

Когда экипаж остановился около больничных ворот, тётка Маня с Кирьяном уже стояли наготове. Кирька в новой рубаше беспокойно вертел головой, высматривая Тимошку, а тётка сосредоточенно копалась в жалкой заплечной котомке, пытаясь затолкать туда большую стеклянную бутылку с молоком, выданную им на дорогу сердобольным фельдшером.

— Тимка, Тимка, на мою койку нового больного положили, — во всё горло оповестил подъезжающих Кирьян, — представляешь, как здорово! Этот мужик вчера с дерева упал, — Кирька таинственно понизил голос, — говорят, что он ловил там здоровенную змеюку. Вот таковскую, — мальчик широко развёл в стороны руки, чтобы показать, о какой змее идёт речь.

Тимофей и Нина Павловна понимающе переглянулись. Они уже догадались, что речь идёт именно о сослуживце Юрия Львовича.

— А ещё этот упавший с дерева дядька — сын старшего лакея князей Езерских, — подумал про себя Тимка, — поэтому я тем более должен о нём позаботиться, ведь Езерские мне теперь не чужие.

Нина Павловна подошла к тётке Мане и приветливо поздоровалась. Тётка настороженно кивнула в ответ и нахмурилась:

— Вы, барыня, это... — она замялась, — не думайте, что я совсем совесть потеряла. Я за Тимку вам благодарная. Вот только оплатить мне вам нечем. Бедняки мы.

— Бог с вами, Мария, — ответила Нина Павловна, и Тимка понял, что она тоже волнуется, — это мы должны быть вам благодарны за такого чудесного мальчика. Он принёс в наш дом много добра и радости.

Она помолчала и кивнула извозчику:

— Доставай.

Тот, крихтя, выволок тяжёлую швейную машину в деревянном корпусе вишнёвого цвета и поставил около самых ног тётки Мани.

— Это вам швейная машинка. Примите её, пожалуйста, от нас в подарок, — просто-сердечно предложила Нина Павловна. — Мы с мужем надеемся, что она будет неплохим подспорьем. Тимофей нам рассказал, что вы рукодельница.

Тётка Маня посмотрела на машинку и оцепенела, как будто увидела перед собой привидение.

— Это мне? — спросила она севшим голосом, и Тимка понял, что тётка сейчас упадёт в обморок.

Но, видать, тётка Маня была крепким орешком, потому что в обморок она не упала, а выпрямилась, будто кол проглотила, и застыла на несколько минут, глядя в пространство одуревшим взором.

— Этого вам хватит на дорогу, — мягко тронула её за локоть Нина Павловна. — Вы ведь на себе тяжёлую машинку не унесёте, — она открыла ридикюль и протянула тётке Мане новенькую купюру в пять рублей.

Тётка машинально взяла деньги, зажала их в кулак, но осталась стоять на месте, как приколоченная.

— Мамка, ура, мы на извозчике поедem! — радостно запрыгал вокруг матери Кирька. — Мамка! Ну, мамка же! — он дёрнул тётку Маню за подол, и только тут она опомнилась.

— Барыня, Тимка, и вы, барышня, — посмотрела она на Зину, — не знаю, как вас и благодарить, — она закланялась в пояс, доставая руками до земли, норовя при этом прикоснуться пальцем к футляру швейной машины. — Мы теперь, знаете, как заживём! Ровно бояре! Каждый день будем чай с белым хлебом есть, а сахаром прикусывать. Самовар купим...

Она сладко зажмурилась, представляя ожидающую их семью роскошную жизнь, и ещё раз от души поклонилась, на этот раз Тимке:

— Тебя, видать, мне Бог послал, чтоб я через тебя свет увидала. А я-то сразу этого и не поняла по жестокосердию своему. Урок мне на всю жизнь. Приеду, пойду в церкву каяться. Прощай, Тимушка, не поминай лихом. А когда проведать надумаешь, будешь самым дорогим гостюшкой. И вы, барыня, к нам пожалуйста, места у нас богатые, ягодные, по ночам соловьи в лесу заливаются.

Нина Павловна очень смутилась от выражения столь великой благодарности и с облегчением усадила Тимкину родню на подъехавшую телегу с неказистым извозчиком на облучке. Тимка почувствовал к брату лёгкую зависть: к вечеру Кирьян будет уже гонять кур по знакомому двору в родной Соколовке и рассказывать сестре Катьке про свои приключения. Поглазеть на вылеченного в столичной больнице парня наверняка придут и Тимкины друзья. Скоро ли он сам сможет их увидеть?

Тимошка обречённо повесил голову, но сразу же вспомнил, что ему теперь надо учиться на лекаря. А это — самое важное дело. Для этого можно и разлуку потерпеть. Не успела отъехать повозка с Тимкиными родичами, как из больничных ворот неторопливо вышли две дамы, пожилая и молодая.

— Вот это да! — ахнул Тимошка, глядя на богато разодетую барыню с крупными ярко-красными серьгами в ушах и в зелёном шёлковом платье, увенчанном бантом. — Сразу видно, что знатная особа со своей служанкой!

На фоне такой роскоши её скромно одетая спутница в сереньком платье с тонкой ниткой жемчуга на шее казалась совсем юной и незаметной.

— Это княгиня Езерская! Я встречалась с ней однажды, — шепнула детям Нина Павловна, — мы должны поздороваться.

Значит, эта роскошная госпожа — Севина мама, восхищённо воззрился на нарядную даму

Тимка, ну, чисто царица! Он посмотрел на Нину Павловну и с удивлением увидел, что она решительно шагнула к прислуге в серой одежде и сделала реверанс:

— Добрый день, ваше сиятельство.

— Вы, кажется, Арефьева? — негромко поинтересовалась княгиня. — Я вас помню.

— Да. Я — Нина Павловна, а это — моя дочь Зина и Тимофей — приёмный сын нашего друга доктора Мокеева.

— Очень приятно, — ласково улыбнулась детям Езерская, — ваш мальчик чрезвычайно напоминает мне моего сына Всеволода и, наверное, такой же непоседа. Правда? — обратилась она к Тимке.

Тот словно язык проглотил. Княгиня звонко рассмеялась:

— В точности, как мой сын.

Она посерьёзнела и посмотрела на Нину Павловну:

— У вас кто-то болен?

— Мы пришли навестить сослуживца моего мужа, — ответила та, — вчера произошёл нелепый случай. Эконом их ведомства свалился с дерева.

— Какое совпадение, — удивилась княгиня, — мы с Любашей здесь именно по этому поводу. Дело в том, что этот несчастный — сын нашего старшего лакея и моей няни, — она показала рукой на нарядную госпожу. — Ему уже лучше. Впрочем, увидите сами.

— А я-то думал, что княгиня — это та толстая, пожилая барыня в пышном платье с бантом, — разочарованно протянул Тимошка, когда женщины распрощались и уехали.

— Как ты мог такое подумать? — возмутилась девочка. — Разве может светская дама позволить себе надеть такой вульгарный туалет!

— Повезло, что я не светская дама, — облегчённо подумал Тимка, — я бы нипочём не освоил такую мудрёную науку, как женские наряды.

31

— Нина Павловна, кто такой «эконом»? — поинтересовался Тимошка, когда они неспешно шли к больничному корпусу.

— Это человек, отвечающий за хозяйство, — объяснила Арефьева. — Гаврила Никодимович — очень ответственный эконом, он держит всё хозяйство департамента в наилучшем порядке, поэтому сослуживцы его любят и уважают. Я смотрю, тебя, Тимофей, здесь тоже любят, — заметила Нина Павловна, глядя как Тимошка то и дело здоровается с проходящими мимо сестрицами милосердия.

Первым, кто попался им навстречу в больничном корпусе, был неизменный Яков Силыч, который, казалось, дневал и ночевал в своём крошечном кабинетике у входной двери, сплошь заваленном кипами бумаг. Фельдшер деловито пересматривал больничные карты

и делал в них какие-то пометки, то и дело окуная перо в старенькую чернильницу с отбитым краешком.

— Кого я вижу! Наш лекарёк пришёл, — запанибратски приветствовал он Тимку.

Мальчик зарделся от удовольствия и гордо, как свой, поздоровался с ним за руку.

— Замечательный человек у вас растёт, — обратился Яков Силыч к Нине Павловне. — Я гляжу, вы и барышню привели на подмогу. Докторицей хочет стать?

Зина решительно одёрнула платице и выступила вперёд:

— Я буду учительницей. У нас дома есть сестра Танечка, она глухонемая. Я придумала открыть специальную школу для слепых и глухих. Когда вырасту, конечно, — добавила она чуть тише.

— Ну и ну! — поражённо прошептала Нина Павловна и украдкой смахнула слезинку с глаз. — С нашей Зиной произошло чудо.

Тимка с уважением посмотрел на Зину и подумал, что это она очень правильно решила про школу для глухонемых. Особенные люди не должны быть заперты в четырёх стенах, им необходимо жить так же, как все остальные: иметь друзей, гулять, читать, работать, разговаривать друг с другом, пусть и на своём, понятном только им, языке. А для этого им, конечно же, нужны наилучшие учителя. Девочка заметила его взгляд и по привычке

капризно дёрнула плечиком, но тут же опомнилась и приветливо улыбнулась Тимофею, как бы говоря: «Я исправлюсь, как обещала. Вот увидишь».

— Окажи нам честь, будь проводником, — обратилась к мальчику Нина Павловна, — ведь ты тут, как дома.

Это была сушая правда. За тот месяц, что он каждый день ходил к Кирьяну и ухаживал за «своим больным», так огорчительно оказавшимся бандитом, Тимошка сжился с больничными стенами и полюбил устоявшийся распорядок лечебного учреждения. Каждый врач и каждая сестра, даже самая молоденькая и неумелая, казались ему счастливейшими существами. Ведь их заветная мечта помогать больным уже осуществилась, а ему ещё Бог знает сколько времени надо учиться и учиться. Сначала в гимназии, а потом в Хирургической академии, которую заканчивал дядя Петя. Тимка торопливо прикинул в уме, через сколько лет он станет настоящим доктором. Получалась, что через пятнадцать. Тогда ему сравняется двадцать пять годков. Он горько вздохнул: двадцать пять лет — совсем старик.

Тимка распахнул толстую, крашенную белой краской дверь и продемонстрировал Нине Павловне и Зине перевязочную комнату.

— Здесь больным накладывают повязки и делают инъекции, — авторитетно объяснил он. — Видите, какая тут чистота. Это очень

важно, чтобы не занести пациенту инфекцию в рану.

— Верно разъясняешь, — похвалил его Яков Силыч и обернулся к Нине Павловне:

— Не успеете, госпожа Арефьева, оглянуться, как Тимоша станет таким же отличным врачом, как Пётр Сергеевич.

Зря фельдшер упомянул доктора Мокеева, потому что Тимошкины глаза сами собой вдруг часто-часто заморгали, а на щеках появились тоненькие мокрые дорожки. Яков Силыч сразу всё понял:

— Нет вестей?

— Нет, — обреченно махнул рукой Тимошка и, как ни старался удержаться, всё-таки засопел носом, — совсем нет. Пропал бесследно.

По лёгкому шороху женского платья Тимка понял, что Нина Павловна тоже полезла в ридикюль за носовым платком и постарался взять себя в руки — неровён час, ещё и она расплачется. Стыдобушки тогда не оберёшься.

— Да-а-а, — задумчиво протянул Яков Силыч и положил Тимке на плечо пахнущую лекарством руку, — служба наша непростая, тяжёлая. Куда только ни приходится лекарю добираться, чтобы помочь больному. Помню, в русско-турецкую войну я под Ловчей в плен попал, когда за раненым солдатиком на передовую полз. А плен у турок — это, я вам доложу, не сахар. Родным моим полковой писарь похоронку успел на меня отписать, жена по мне каждый день панихиды заказывала...

Он помолчал, заново переживая события почти тридцатилетней давности, и тихонько покачал головой:

— А, как видите, вернулся живой и здоровый. Иногда такие чудеса случаются, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Так и вы не убивайтесь раньше времени и не хороните живого человека. Слышите? — требовательно спросил он у Тимошки с Ниной Павловной. — Пётр Сергеевич обязательно вернётся. Сейчас не война и пропавших без вести не бывает. Небось, работает себе спокойно в глухом селе и знать не знает, что по нему в Петербурге слёзы льют. Заболтался я с вами, — внезапно заторопился Яков Силыч, извиняюще улыбнувшись. — Вот ваш знакомец, — он показал рукой на бывшую Кирьянову койку, — а я вынужден откланяться.

Он галантно поцеловал руку Нине Павловне, улыбнулся Зиночке с Тимошкой и поспешил к выходу, а они подошли к кровати, на которой едва помещался забинтованный темноволосый мужчина. Увидев изящную миловидную Нину Павловну, мужчина густо покраснел и стал натягивать на себя одеяло. Но, прикрыв грудь, одеяло обнажило его голые волосатые ноги, от чего бедняга смутился ещё больше, и его щёки стали совершенно бордовыми.

— Добрый день, Гаврила Никодимович, — как бы не замечая его усилий выглядеть благопристойнее, произнесла Нина Павловна. —

Я — Арефьева, жена Юрия Львовича и бывшая сестра милосердия.

Нина Павловна — бывшая сестра милосердия, поразился про себя Тимошка. Так вон оно что, оказывается! Поэтому она и пошла в больницу, нимало не смущаясь мужской палаты и не обращая внимания на окровавленные бинты в тазу перевязочной комнаты. Упоминание про сестру милосердия быстро помогло Гавриле Никодимовичу побороть смущение, и он смог уже спокойно поздороваться с пришедшими.

— Мы видели, что к вам приходили ваша матушка и княгиня Езерская, — сказала Нина Павловна, чтобы завязать разговор.

— Да нет, сюда только матушка заглядывала, — улыбнулся мужчина, — её сиятельство княгиня не стали меня конфузить, на улице отдохнули, — он снова покраснел. — Какой резон меня навещать, госпожа Арефьева, если у меня только рёбра переломаны. Заживёт, как на собаке.

— У меня к вам поручение от мужа и сослуживцев, — объяснила Нина Павловна и достала из ридикюля конверт, — мне велено передать вам письмо с соболезнованиями и сообщить, что департамент с радостью оплатит вам наилучшее лечение и отдельную палату.

— Ай, спасибо! — жизнерадостно проговорил Гаврила Никодимович и подкрепил свою благодарность белозубой улыбкой. — Но только отдельная палата мне не надобна. Я человек не гордый, нрава кроткого и здесь перележу за

милую душу. А Юрию Львовичу и всем моим товарищам по работе низкий поклон передавайте. Жаль, сам поклониться не могу, сломанные рёбра мешают.

— Как угодно, — распрощалась с весёлым пациентом Нина Павловна и положила на больничную тумбочку скромный букетик бегоний, который принесла с собой Зиночка. — Если позволите, мы ещё навестим вас.

— Милости просим, — пробасил Гаврила Никодимович и выразительно посмотрел на Тимошку, — а молодого человека ко мне почаще присылайте, он здесь персона известная, больные про него прямо поэмы сочиняют.

— Прибегай к нам, Тимошка, не забывай, — подхватили слова Гаврилы Никодимовича пациенты на соседних койках, — завтра прямо с раннего утра и прибегай. Мы тебя ждать будем.

Тимка остановился, обвёл глазами хворых мужчин, с которыми давно успел подружиться, и согласно кивнул:

— Приду! Ждите!

Когда Тимошка, Нина Павловна и Зиночка присели отдохнуть в тени старых тополей небольшого скверика, опутанного кованой стрельчатой решёткой, Тимошка принял решение вернуться в больницу. Он никак не мог

уйти домой, не попытавшись повидаться с бабушкой Досифеей Никандровной. Чтоб свернуть разговор на больницу, Тимка дождался паузы в беседе и, глядя в глаза Нине Павловне, пылливо спросил, как она смогла выучиться на сестру милосердия.

— Как смогла? — легко произнесла Нина Павловна. — Да очень просто. Я ведь, как и ты, сирота. Мало того, подкидыш. Родная мать подкинула меня под двери сиротского приюта, как только я появилась на свет. Он и стал для меня родным домом.

Тимка своим ушам не поверил. Удивительно! Мало того, что Нина Павловна медсестра, так ещё и горькая сиротинка. Он сокрушённо подпёр щеку рукой и посмотрел на Зину. Девочка тоже притихла и ласково придвинулась к матери:

— Мама, и мне расскажи, — попросила она тихо.

Нина Павловна на секунду задумалась, а потом нежно приобняла детей за плечи, возвращаясь памятью в своё далёкое детство:

— Нечего особенно рассказывать. Наш приют для девочек-сирот располагался в уютном уголке Старопетергофского проспекта, посреди яблочного сада, сразу за дивной церковью царицы Александры. Ты помнишь, Зина, я как-то водила тебя туда?

— Это тот храм с лазоревыми куполами, похожий на готический замок? Помню.

— Ну, вот. Там и прошло моё детство. Все наши воспитательницы были очень душевными женщинами, своих семей у них не было, поэтому мы, девочки, любили их, как своих родных тетюшек. И хотя у нас не было собственных отцов, их нам сумел заменить отец Михаил Николаевский, настоятель церкви царицы Александры. Добросердечный, весёлый, всегда благожелательный. Когда он шёл по школьному коридору, то казалось, что за его плечами летит ангел. Нет, несмотря на сиротство, моё детство совсем не было горьким благодаря добрым людям. Летом приют выезжал на дачу на побережье Финского залива, а зимой, на Рождество, отец Михаил всегда устраивал для нас весёлую ёлку со спектаклем и подарками. У нас были отличные учителя, и те девочки, которые хорошо учились, могли продолжать учёбу и становиться учительницами или сёстрами милосердия. Я подала прошение в медицинскую школу и закончила её с похвальным листом.

Нина Павловна немного зарделась и смущённо отвела глаза.

— Потом семья Арефьевых наняла меня сиделкой к своему больному сыну Юрию, у которого было тяжелейшее воспаление лёгких. Его лечил Пётр Сергеевич. Женщина мягко дотронулась до Тимкиной руки, ожидая, что упоминание дорого имени снова вызовет у него слёзы, но мальчику, наоборот, было очень приятно ещё раз услышать про любимого приёмного отца.

— А что было дальше? — нетерпеливо поторопил он Нину Павловну.

— Дальше Юрий Львович выздоровел и сделал мне предложение руки и сердца, а Пётр Сергеевич стал нашим самым близким другом.

— Я тоже хотела бы, чтоб мне сделали предложение руки и сердца, — заявила Зиночка. — Валюше Курочкиной из нашего класса один мальчик из мужской гимназии уже сделал такое предложение. Она по секрету рассказала об этом Оленьке Шарко, та рассказала Нине Суворовой, а Ниночка — мне.

Нина Павловна с изумлением посмотрела на дочь, и около её рта появились лукавые морщинки, а Тимошка был буквально сражён наповал Зиночкиным признанием. Зиночка ждёт предложение руки и сердца! Чтобы не захохотать, Тимка даже рот себе руками зажал. Ну и девчонки! Правду мальчишки говорят, что у них на уме одни глупости — как бы поскорее замуж выйти или новую куклу заполучить. Мы, мальчишки, — совсем другое дело. Никому из пацанов и в голову не придёт ждать предложения руки и сердца, у нас всегда есть дела поважнее, чем любовь-морковь. Вот Сева Езерский, например, целыми днями упражняется на шпагах, а я собираюсь учиться на доктора и лечить больных...

Ой, как же он забыл про больницу! Тима вскочил с уютной лавочки.

— Нина Павловна, позвольте мне ненадолго отлучиться в больницу, — Тимка немного по-

колебался, но решил, что врать не будет и пояснил: — Мне необходимо повидаться с одним товарищем.

— Хорошо, дружок, ступай, но долго не задерживайся, скоро обед, — не стала с ним спорить Нина Павловна и, взяв Зину за руку, поспешила по направлению к дому.

Тимка проводил глазами две стройные фигурки и подумал, что Зина, когда вырастет, будет, пожалуй, очень похожа на свою маму: такая же нежная и хрупкая, как берёзка. Настоящая горожанка. Он вспомнил свою деревенскую подружку Любаху, дочку пастуха, зимой и летом бегавшую в коротких валенках с обрезанными голенищами. Вот уж кто бой-девка! Не то что Зиночка, которая даже не представляет, как правильно окучить картошку или сметать стог. Если пастухову Любаху нарядить, как Зину, в розовое платье с оборками и соломенную шляпку, то она будет ничуть не хуже городских девочек. Одна беда, в такой одежде на огороде работать несподручно, да и в лапту или салки особо не поиграешь.

За этими размышлениями о женских туалетах Тимошка не заметил, как оказался около обвитой красными и белыми цветами арки, ведущей в роскошный сад с пышной клумбой посередине. Над аркой переливалась яркая надпись «Сад-Буфф». Он осмотрелся по сторонам и понял, что забрёл довольно далеко от намеченного маршрута. Мальчик хотел было

повернуть к больнице, как внезапно его слух привлекла знакомая фамилия: «Евгения Рассолова». Разговаривали два господина, похожие друг на друга как две капли воды. Только один был в полосатом костюме и с тростью, а другой — в светлом пиджаке с воткнутой в кармашек алой розой.

— Рассолова бесподобна. Согласитесь, милейший Алексей Романович, бесподобна, — на возвышенных тонах произносил полосатый. — Жаль, что она отказалась от выступлений в «Театре-Буфф». Я разочарован. Поговаривают, что она совершенно околдовала великого князя. Комильфо! Фея! — Он поцеловал сложенные щепотью кончики пальцев.

— Нет, нет, относительно князя ни за что не поверю, — возражал ему любитель роз. — Она же из наших, из купецких, хватит ума не лезть туда, где можно обжечься. Я слышал, что ей покровительствует сам банкир, барон Штиглиц.

Первый господин расшвырял тростью рассыпанные на тротуаре тополиные серёжки и снизил тон:

— Не знаю, как насчёт Штиглица, но я имею достоверные сведения, что завтра госпожа Евгения будет выступать в музыкальном салоне князя Езерского.

Тот, которого называли Алексеем Романовичем, оживился:

— Что вы говорите? Хорошо бы достать приглашение к князю Езерскому. У вас, слу-

чайно, нет знакомцев, которые могли бы поспособствовать?

«Есть! У меня есть знакомства у Езерских, — возликовал в душе Тимошка и с благодарностью глянул на купчика. — Вот что значит вовремя сказанное словечко! Хорошо бы передать Севе, чтобы княгиня прислала Арефьевым приглашение на концерт. Тогда мы с Севой могли бы свидеться». — Он резко развернулся и, чуть не сбив с ног вальяжную даму с тремя маленькими собачками на поводках, задал стрекача в сторону больницы.

«Только бы Досифея была там!» — как заклинание, твердил он про себя, перелезая через забор около заветного уголка их ежедневных встреч. Ему повезло: среди уже начинавших опадать сиреневых гроздьев маячило знакомое чучело заморской птицы с изрядно выщипанным хвостом. Уютно устроившись на лавочке, Досифея Никандровна мирно дремала, время от времени тоненько всхрапывая. Тимошка остановился в двух шагах от неё и перевёл дыхание, прерывающееся от быстрого бега: «Не буду будить. Пусть поспит бабуля».

Но, видно, вправду люди подмечают, что старики спят вполглаза, потому что правый глаз Досифеи Никандровны открылся в ту же секунду, как только Тимошка переступил с ноги на ногу.

— Прилетел, сизый голубок? — довольно промурлыкала старуха и приглашающе постучала ладонью по скамейке рядом с собой. — Присаживайся.

Тимка благостно откинулся на горячее от летнего солнца сиденье и подумал, что рядом с Досифеей Никандровной ему, по неизвестной причине, всегда безмятежно, как малышу в люльке. Чем-то она напоминала Тимошке деда Илью, Царствие ему Небесное. С одной стороны, смешливая, ровно девчонка-однолетка, а с другой, — спокойная и мудрая.

— Что примолк? — бабка игриво подтолкнула его локтем в бок и прищурилась. — Я ведь не слепая, вижу, что у тебя ко мне великая нужда. Вон как бежал, даже лоб мокрый.

Тимка машинально дотронулся рукой до лба, вытер пот тыльной стороной ладони и в который раз подивился Досифеиной прозорливости:

— Верно думаешь, Досифея Никандровна, дело у меня к тебе.

Он соскочил с лавки и церемонно поклонился, как всегда делали просители в их селе.

— До меня дошёл слух, что завтра у князей Езерских выступает знаменитая актриса Евгения Рассолова...

Он чуть запнулся, быстро подумав: сказать бабке, что он видел её с артисткой возле цирка, или нет? Но решил промолчать. Захочет — сама расскажет. Тимка посмотрел старухе в глаза и продолжил:

— Я очень хочу передать Севе, чтоб нас с Арефьевыми пригласили на концерт госпожи Рассоловой. Мы бы с ним тогда и свиделись.

— Хитёр-бобёр, — протянула Досифея Никандровна и захихикала, — ишь, как на Рассолову народ валом валит, даже слухи по городу ходят.

Она с осуждением потрясла головой и призадумалась:

— Непростую загадку ты мне задал — достать приглашение к князьям Езерским. Это тебе не морковину из грядки выдернуть. Да уж так и быть, попробую ради тебя расстараться. Пиши Севке записку, чтоб завтра был дома.

— Бабуля Досифея Никандровна, — робко возразил Тимка, — как ты приглашение достанешь? Я думал, что это Сева, то есть его сиятельство, своих родителей попросит нам приглашение выправить.

Бабуля воззрилась на Тимошкино простодушное лицо и закатила ему крепкий щелбан.

— Глупый ты. Сам подумай, каким макарон Сева для тебя билетец выпросит? Подойдёт к княгине и скажет: «Извольте, мол, маменька-княгиня, пригласить на концерт моего дружка Тимошку, с которым я без вашего соизволения на заднем дворе шабашничал»?

Она так потешно передразнила Севу, что Тимка не выдержал и фыркнул от смеха.

— Цыц! — прикрикнула на него Досифея Никандровна. — Делай, как я указываю. Это тебе не твоя деревня, тут надо церемонию соблюдать.

Она порылась в своей сумочке-муфте и выудила оттуда замусоленный грифельный

карандаш и мятый-перемятый листок с надписью «ТДР» в уголке. Тимофей заинтересованно прочёл вытянутые буквы и поинтересовался, что они означают.

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, — отрезала старушка и досадливо нахмурилась. — Пиши давай, а то мне недосуг.

Тимофей с сомнением посмотрел на выдавший виды карандашный огрызок и для верности обильно поплюнул его.

«Дорогой князь Сева, ваше сиятельство.
Кланяется тебе...»

Он не успел дописать, потому что старушка бесцеремонно ткнула пальцем в неровные буквы и прошелестела ему в самое ухо:

— Пиши покороче: «Будь завтра дома. Тимофей».

Тимка послушно кивнул и написал, как было сказано. Бабка схватила записку, сунула её в бездонную муфту, махом преодолела кое-где покосившийся забор и растворилась среди пёстрой толпы фланирующих по бульвару прохожих.

Дважды в сутки, ровно в восемь часов утра и в шесть часов вечера, к дверям Арефьевых подходил почтальон. В один день — дядя Вася, а в другой — дядя Саша. Дядя Вася был солидный и басовитый, а дядя Саша — маленький

и юркий. Оба они носили тёмно-зелёную форму с красивой кокардой почтового ведомства на щеголеватой фуражке. Каждый раз, когда Тимошка с замиранием сердца следил за пачкой писем в руках почтового служащего, он гадал: кто принесёт дорогое письмецо — дядя Саша или дядя Вася? Но сегодня, привычно прибежав на звук дверного звонка, Тимошка увидел совсем не почтальона, а мальчика-подростка в сером костюмчике и аккуратной шапочке.

— Это квартира господ Арефьевых? — поинтересовался посыльный.

— Да, — подтвердил Тимошка и замер от напряжения: вдруг это пришло долгожданное известие от доктора Мокеева?

— Вам письмо.

Посыльный протянул уже знакомый Тимофею продолговатый голубой конверт с гербом, и Тимка сразу понял: от князей Езерских. Не подвела бабка Досифея, выхлопотала приглашение! Стоит ли упоминать, что дальнейший вечер прошёл в возбуждении и суматохе. Как только Юрий Львович извлёк из конверта красивую открытку и прочитал, что князь и княгиня Езерские приглашают господ Арефьевых вместе с детьми на музыкальный вечер актрисы Рассоловой, Зиночка с визгом помчалась выбирать себе наряд.

— Мама, папа, как замечательно! — без умолку верещала девочка и бессчётное количество раз перечитывала упоительные строки

приглашения: «...Для дам будет накрыт чайный стол, мужчинам предложены прохладительные напитки, а детям — мороженое». — Мне будут завидовать все девочки в нашей гимназии, — закатывала она глаза и глубоко вздыхала от избытка чувств, прижимая к груди сжатые ладошки. — Интересно, меня представят самому князю Езерскому? А вдруг там будет сам император с императрицей?

Не в силах остановиться, Зина металась из комнаты в комнату, прикладывая к себе то одно, то другое платье так быстро, что у Тимки от неё в глазах зарябило. Он втихомолку подсел к Танечке на маленький диванчик, и они весь вечер просидели в уголке гостиной, рисуя друг другу на запястье разные буквы. Тимошку совершенно не занимали мысли, какой костюм надеть или как себя вести, он думал про одинокого Севу, ждущего его в большом, красивом, но невесёлом доме без друзей, и про то, что он совершенно не хотел бы родиться князем.

На следующий день после обеда Арефьевы с Тимошкой при полном параде отбыли в особняк Езерских. Всю дорогу Тимка волновался: как-то они встретятся с его сиятельством князем Всеволодом? Вдруг Сева его уже забыл или вдруг родители отправили сына к бабушке с бабушкой, чтоб не мешал? Ну и, конечно, ему очень хотелось посмотреть вблизи на актрису Рассолову, с которой так непочтительно обходится бабуля Досифея Никандровна.

Ещё на подъезде к особняку Езерских было видно, что у княжеской семьи сегодня приём. Со всех концов набережной и с узких боковых переулочков к ажурным чугунным воротам, увенчанным вензелем, съезжались элегантные ландо и самые обыкновенные пролётки. У входа, в ожидании прибытия примы Императорского театра, с букетами цветов дежурили бравые полковники в золотых эполетах, а затянутые во фраки господа шептали друг другу на ухо самые последние новости театральной жизни.

— Гори-гори ясно, чтобы не погасло, — звонко разрезал воздух весёлый крик с другого берега узенькой речушки Фонтанки. «И мы в Соколовке в эту игру играли», — встрепенулся Тимошка, заслышав знакомую с малолетства закличку. Он глянул на противоположную набережную, и у него потеплело на душе: среди пёстро одетой городской ребятни, гонявшей друг за другом в пятнашки, он рассмотрел мелькание знакомых ярко-жёлтых крыльев чучела на бабкиной шляпке.

«Досифея Никандровна меня караулит», — понял Тимка и сразу почувствовал себя спокойно, чего нельзя было сказать о Зиночке. Всегда бойкая и самоуверенная, девочка шла рядом с ним тише мыши, крепко вцепившись в руку Нины Павловны. Ливрейный лакей, с поклоном отворивший Арефьевым дверь, был такой важный, что Зина от смущения даже в лице изменилась.

— Надо было мне остаться дома, — едва слышно прошептала она Тимке. Он ободряюще ей улыбнулся, поднял голову и встретился глазами с сияющей улыбкой Севы Езерского.

— Севка! — чуть не закричал Тимошка от радости, но тут же спохватился. Надо было делать вид, что они незнакомы.

— Какой душка! — выдохнула Зиночка. — Девочки в гимназии умрут от зависти, что я знакома с таким красивым мальчиком.

Почти сразу же к ним подошли князь с княгиней, и, когда все приветствия были сказаны, а гости представлены хозяевам, детей отправили в дальние покои, где для них был сервирован сладкий стол.

— Значит, вот как живет Сева! — думал Тимошка, вертя головой во все стороны и дивясь на высоту стен и потолка. — Скажи кто моим родичам, что я буду запросто по дворцам ходить, нипочём бы не поверили. А дед Илья, пожалуй, и тумака бы поддал, чтоб глупости в голове не задерживались.

— Ваше сиятельство, князь Всеволод, — громко спросил он так, чтобы Зина не поняла, что они с Севой давние друзья, — а где же другие дети?

— Никого, кроме вас, не приглашено, — живо отозвался Сева и с одобрением посмотрел на симпатичную Зиночку. — На музыкальные вечера детей звать не принято, но я слышал, как утром маме кто-то протелефонировал и попросил пригласить Арефьевых с детьми.

«Ай да Никандровна!» — ахнул про себя Тимошка и крепко призадумался, что же она за важная особа, раз по её слову такие дела делаются?

— Ваше сиятельство, а кто этот дядька, который за нами ходит, словно пришитый? — не удержался он от ещё одного вопроса.

— Мистер Найтли, — коротко ответил Сева и подмигнул. — Ты не обращай на него внимания, только старайся произносить слова быстро, он тогда ничего не поймёт — плохо русский язык знает.

Тимка понятливо кивнул Всеволоду и указал непривычно молчаливой Зиночке на хрустальную люстру, переливающуюся, как сказочный водопад: «Красота!»

— Ваши глаза сияют, как электрические лампочки в ней, — сделал девочке комплимент юный князь.

Она горделиво повела бровью, как взрослая дама, привыкшая к восхищению, и сразу стала выглядеть гораздо увереннее. Когда Всеволод подвёл гостей к небольшому столику, на котором стояли три розетки, наполненные фисташковым мороженым, и графин с сидро, Зина уже вполне освоилась.

— Мы дома едим мороженое целыми блюдами, — укоризненно попеняла она.

Сева рассмеялся:

— Мама считает, что мороженое крайне вредно для детей, зато сидро мы можем пить,

сколько угодно. — Он вежливо подал девочке бокал с золотистым напитком.

Пока Сева любезничал с Зиной, Тимка исподволь разглядывал мистера Найтли, который, не глядя на детей, устроился в углу комнаты с книгой, бесцеремонно положив ногу на ногу. Мистер Найтли ему совершенно не понравился. То, что он тощий, — это ерунда, люди всякие бывают. У них в деревне Сенька-рыбак ещё тощее был. Но как жить на свете с таким вредным лицом, Тимошка совершенно не представлял.

— Может быть, все англичане такие? — подумал он. — Они ведь живут не в России, а в забытой Богом Англии — с какой радости им веселиться?

Ему было немного досадно, что Сева принялся напропалую ухаживать за пустой девчонкой, вместо того, чтобы обстоятельно обсудить с ним грядущую войну с Японией и показать пару приёмчиков фехтования.

— Ох уж эти дамы, — вздохнул он про себя и тут почувствовал, что в комнате, кроме них и мистера Найтли, незримо присутствует кто-то ещё.

Тимка внимательно осмотрел просторный кабинет, где они находились: мраморный камин с золочёными часами на полке, столик с мороженым, три диванчика, причём один из них на-

крепко занят мистером Найтли, ещё один столик на витых ножках примостился перед окном, и в самом углу — чёрная лакированная ширма, расписанная розовыми фламинго.

Пожалуй, стоит туда заглянуть, решил Тимошка и сделал вид, что любит изысканной росписью. Шаг. Ещё шаг. Точно, он не ошибся — за ширмой кто-то дышал. Тимка вспомнил, как дед Илья учил его подкрадываться к убежавшей от хозяев скотине, и осторожно, на цыпочках скользнул по гладкому паркету прямо в логово затаившегося незнакомца. Мысленно мальчик уже приготовился всей грудью встать на защиту Зиночки и молодого князя Езерского, но, к его удивлению, за ширмой оказалась прехорошенькая молодая особа с пышным букетом чайных роз. Она, не шевелясь, стояла спиной к стене и так внимательно вслушивалась в происходящее в комнате, что в первый момент Тимошку даже не заметила.

Он чуть кашлянул, и девушка буквально подскочила от неожиданности. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, не зная, что предпринять и как действовать. Первой опомнилась незнакомка:

— Прошу прощения, — пролепетала она Тимошке и робко вышла на середину комнаты.

Мистер Найтли поспешно вскочил и возмущенно уставился на непрошеную гостью. Он открыл было рот для вопроса, но Всеволод его опередил:

— Извольте ответить, кто вы такая, мадемуазель, и откуда здесь появились? — отдельно произнёс князь и решительно выпрямился. — Вас сюда не приглашали, — он потянулся к колокольчику вызвать слугу, но девушка поспешным движением остановила его руку:

— Умоляю вас, ваше сиятельство. Я просто гостья. И я заблудилась. Мне страшно неловко, но вы должны меня извинить. Вот, — она показала Всеволоду букет цветов и просительно заглянула ему в глаза. — Я хотела сделать сюрприз любимой актрисе, поэтому спряталась.

Взгляд девушки заметался от лица к лицу, но, видя, что никто не предпринимает никаких действий против неё, она успокоилась:

— Позвольте мне пройти в салон.

Всеволод молча освободил ей дорогу и сделал упреждающий жест мистеру Найтли: don't worry — не беспокойтесь.

Англичанин сурово кивнул головой и, не говоря ни слова, снова уселся читать свою книгу, закинув ногу на ногу, а Сева выразительно посмотрел вслед удаляющейся девушке:

— Не нравятся мне случайные гости.

Тимошка с нарастающим раздражением слушал, как щебетала Зиночка, рассказывая графу последние новости о своей женской гимназии, и пытался уговорить себя не гневаться, но, когда она дошла до описания причёски своей классной дамы, дёрнул Севу за руку:

— Ваше сиятельство, на пару слов.

Сева вежливо поклонился девочке:

— Мы вынуждены вас оставить, развлекайтесь.

Он подошёл к Тимке и, когда Зиночка смотрела в другую сторону, скорчил выразительную гримасу:

— Надоел мне этот светский этикет хуже горькой редьки.

— Пойдём, посмотрим на Рассолову, — скороговоркой шепнул ему Тимофей. — Можешь устроить?

— Попробую. Я и сам хотел тебе это предложить.

Всеволод подошёл к мистеру Найтли и сказал ему несколько слов. Тот кивнул в ответ.

— Поторопимся, путь свободен. Я сказал, что ты просишься в туалетную комнату. Он будет долго читать, потому что я подсунул ему детектив про сыщика Ната Пинкертона.

Тимка покраснел и поспешил за его сиятельством в боковую комнату.

— Отсюда есть ход за сцену через отцовский кабинет, — подгонял его Сева, — теперь сюда, ещё поворот.

Они прошли через длинную залу, сплошь уставленную столиками со сладостями. Около одного из них Тимка притормозил и сглотнул слюну: глядеть на блюда с разнообразными пирожными и гроздьями винограда, свисающими с многоярусных ваз, было выше его сил. Сева, не обращая внимания на снующих мимо слуг,

смело выбрал два самых красивых пирожных и протянул одно из них Тимошке:

— Угощайся.

— А разве можно? — заколебался мальчик.

— Ты что? Боишься? Ешь, никто не узнает.

Сева на ходу надкусил шоколадную корочку кругленькой корзиночки из теста, и Тимка, чуть посомневавшись, последовал его примеру. В конце концов, князь Всеволод у себя дома. Там, в Соколовке, Тимка тоже угостил бы его мамкиным пирогом. И мама только похвалила бы его за доброту. Пирожное таяло во рту, оставляя на языке еле уловимый аромат миндаля, и, когда ребята добежали до нужного помещения, от лакомства не осталось ни единой крошки.

Сева завёл Тимошку в маленькую костюмерную, заваленную грудями диковинной одежды, с развешенными по стенам разноцветными париками, и раздвинул тяжёлую бархатную портьеру:

— Смотри в щёлку и всё увидишь.

Тимка прильнул к просвету в занавеси и понял, что они с Севой стоят вплотную к небольшой круглой сцене посреди зала. На подмостках, молитвенно сжав руки, стояла прекрасная дама в греческой тунике с распущенными каштановыми волосами и, понизив голос, декламировала какие-то заунывные стихи:

Счастье души утомлённой
Только в одном:

Быть, как цветок полусонный,
В блеске и шуме дневном,
Внутренним светом светиться,
Всё позабыть и забыться,
Тихо, но жадно упиться
Тающим сном¹.

— Это Константин Бальмонт, — прошептал Тимошке Сева, — мама зачитывается его стихами, но мне они совершенно не нравятся.

— Мне тоже, — согласился Тимка и обвёл глазами небольшой зал с рядами удобных кресел, на которых расположились посетители салона.

С первого взгляда было видно, что в зале находится много офицеров. Каждый из них сидел рядом с разодетой дамой, обмахивающейся веером. Господа во фраках выглядели не так внушительно, как офицеры в шитых золотом мундирах, но зато у многих из них на атласных ленточках висели ордена. В третьем ряду он заметил Нину Павловну с Юрием Львовичем и подумал, что, несмотря на скромный наряд, Нина Павловна всё равно лучше всех женщин, даже лучше княгини и дерзкой юной незнакомки, прятанной за ширмой. Вон она сидит в первом ряду с букетом роз.

Тимка пристально посмотрел на девушку и обратил внимание, что, хотя она не отрываясь

¹ Строки из стихотворения К. Бальмонта «Белладонна». — *Прим. ред.*

смотрит на сцену, стихи слушает невнимательно. Наверное, ей тоже не нравится этот Бальмонт, решил он и во все глаза уставился на Евгению Рассолову, которая, резко возвысив голос, закончила стихотворение на высокой ноте.

— Браво! Брависсимо! — закричали зрители, а девица с букетом вскочила с места и бросилась на сцену к Рассоловой.

То, что произошло дальше, Тимошка будет вспоминать до глубокой старости. Вместо того, чтобы вручить букет знаменитой актрисе, девица развернулась лицом к залу, словно факир из ярмарочного цирка шапито, неуловимым движением выудила из букета пачку бумаги и принялась палить в потолок из крошечного пистолетика, невесть откуда оказавшегося у неё в руке. Дамы в зале истошно завизжали и вцепились в кавалеров. Одна пышная барыня рухнула в обморок прямо в проходе, несколько офицеров кинулись к сцене, а несколько других закрыли собой хозяев дома.

Тимка даже не понял, как оказался на сцене, но, когда опомнился, обнаружил, что лежит на полу, вцепившись руками в ботинки преступницы.

— Долой самодержавие! — срывающимся голосом вопила девица, одновременно пытаясь освободиться от Тимошки. — На виселицу царских сатрапов! — одной рукой она швырнула в зал кипу бумажных листов, и они, как белые хлопья, закружились в людской суматохе,

скользя по головам растерявшихся зрителей. — Свободу трудовому народу!

— Свободу тебе надо?! — вдруг перекрыл шум в зале хорошо поставленный голос Евгении Рассоловой, которая, уперев руки в боки, возмущённо смотрела на этот балаган. — Получай! — правой рукой прима Императорского театра вырвала у девицы пистолетик, а левой от всей русской души вlepила ей звучную оплеуху: — Вот теперь ты свободна!

Девuца перестала пинать Тимошку и как-то скисла, видно, рука у знаменитой артистки оказалась тяжёленькой. Она ойкнула, жалко скукожилась и, закрыв лицо руками, неуклюже сползла на гладкий пол.

— Убрать её! — скомандовал седой генерал, и слуги моментально увели террористку за кулисы.

На секунду-другую в зале воцарилась тишина, а потом стены особняка буквально вздрогнули от бурных аплодисментов: «Браво! Богиня! Афина Паллада! Да здравствует наша несравненная Евгения Рассолова!»

Пока все бурно радовались, к лежащему поперёк сцены Тимошке уже полз на выручку друг Сева с зелёным сарафаном на голове и, расталкивая восторженную толпу, пробирались Арефьевы с князьями Езерскими.

— Мальчики, вы целы? Сева, что у тебя на голове? Тимочка, ты не пострадал? — наперебой загомонили взрослые, поднимая детей с пола.

— Господа, господа, — повелительным жестом остановила славословия зрителей Рас-солова, — поблагодарим моих юных защитников!

— Гип-гип, ура! Ура! Ура! — гаркнули офицеры, а дамы замахали растерявшимся мальчикам платками.

Сева наконец стянул сарафан с головы и спрятал его за спину.

— Я побежал к тебе на помощь, стукнулся головой о косяк и запутался в костюмах, — пояснил он упавшим голосом и расстроено за-моргал. — Никудышный из меня князь.

— Из тебя лучший на свете князь! — горячо заверил его Тимошка. — Ты ведь не раздумывая кинулся мне на помощь. Замечательно, что ты не успел. Подумай сам, ведь если бы ты не стукнулся, то, может быть, лежал бы сейчас, сражённый вражеской пулей.

Княгиня взяла мальчиков за руки и, извинившись перед Арефьевыми, поспешила с ними в тишину боковых комнат. По пути Тимка ухитрился подобрать с пола затоптанный множеством ног листок, брошенный девицей, и сунул его в карман.

Хозяйка ввела детей в кабинет и повернулась к Тимошке:

— Ты очень смелый и самоотверженный мальчик, и мне было бы приятно сделать тебе подарок, чтобы ты запомнил этот день надолго. Чего бы ты хотел?

Княгиня пытливо смотрела в Тимкины глаза, ожидая ответа.

«Что бы попросить? — лихорадочно думал он. — Можно было бы попросить что-нибудь для тётки Мани, но Арефьевы уже купили ей швейную машинку. Книжку мне Сева уже прислал, а подарить Танюше слух и зрение не может даже сам царь».

Он немного подумал и вдруг вскинулся от радостной идеи:

— Ваше сиятельство, госпожа княгиня, Христом Богом прошу, разыщите моего дядю Петю!

35

Всю дорогу до дома Зиночка не переставая бушевала.

— Никогда тебе этого не прощу, — чуть не плача, выговаривала она Тимошке, — убежал от меня, увёл с собой князя Всеволода, а меня бросил вдвоём с противным мистером Найтли! Очень мне было интересно! Он мне за всё время ни одного словечка не сказал. Пока я в окно на кусты, как дурочка, любовалась, вы там, оказывается, знаменитую актрису спасали! Нам в дальних покоях даже ничего не было слышно. А у вас было так захватывающе! И из пистолета стреляли, и листовки разбрасывали!

Она отвернувшись, пересела от Тимки на другую скамью экипажа и сердито надулась:

— Я с тобой больше не разговариваю.

«Вот и хорошо», — подумал Тимошка. Разговаривать ему совершенно не хотелось, тем более с Зиной. Он думал про дядю Петю и про то, что очень удачно догадался попросить княгиню Ольгу Александровну Езерскую раззнать, где он сейчас. Судя по газетам, эпидемия идёт на убыль, Юрий Львович ежедневно наводит справки о положении дел, а новостей о пропавшем отце по-прежнему нет как нет.

Тимка вспомнил рассказ старого фельдшера о турецком плене и посмотрел на Арефьева, шептавшего что-то на ухо жене:

— Юрий Львович, правда, что в тех местах, где холерная эпидемия, нет турок?

— Нет, конечно, откуда там взяться туркам. Почему ты спрашиваешь?

Тимошка вздохнул и поник головой:

— Думаю, вдруг дядя Петя попал в плен.

— Потерпи, дружок, — сочувственно сказала Нина Павловна, — если княгиня пообещала тебе немедленно начать розыски, значит, вскорости дождёмся вестей. Надеемся, хороших вестей.

— Разумеется, хороших, — нарочито бодро сказал Юрий Львович, — плохие вести нам не надобны.

Зина снова пересела на лавку к Тимошке и, сложив руки ковшиком, зашептала ему на ухо:

— Расскажи ещё раз, как на вас террористка напала.

— Зина, если ты заново заведёшь об этом разговор, останешься без сладкого, — строго остановила её Нина Павловна.

— Барин, вас тут спрашивают, — кинулся к экипажу дворник Иван Лукин, едва только извозчик остановился около подъезда Арефьевых. Он показал на невысокого юркого толстяка в клетчатом костюме, который нетерпеливо шагнул навстречу Тимошке и отсалютовал ему тростью с набалдашником в виде серебряной уточки.

— Вот он, наш герой! Виват русскому Давиду, победившему Голиафа!

— Что вам угодно, сударь? — остановил его Юрий Львович. — Кто вы такой?

Господин стащил с головы чёрный котелок и смешно выпятил губы трубочкой:

— Я — корреспондент газеты «Русский инвалид», пишу под псевдонимом Леопольд Дерзкий, — он картинно отставил в сторону руку со шляпой и поклонился чуть не до земли. — Нижайше молю вас, дозвоьте взять интервью о преступлении в особняке Езерских у вашего мальчика. Из первых рук, так сказать! Это будет сенсация, уверяю вас. Вы проснётесь знаменитыми.

Он торопливо выхватил из кармана блокнот с карандашом и приготовился записывать.

— Никаких интервью, — жёстко отрезал Юрий Львович, — и попрошу вас больше нас не тревожить, иначе я буду вынужден обратиться в полицию.

— Щелкопёр, — ворчал он, поднимаясь по лестнице, — часу не прошло, а эти газетные писаки всё уже пронюхали. Теперь проходу не дадут.

«Жаль, что я не могу рассказать дяде Пете про нападение, — рассуждал про себя Тимка, — да и Танюше было бы интересно узнать о преступнице. Интересно, зачем она это сделала и чего хотела? Вор Максимыч, которому отрезало ноги, — это ясно. Он не хотел работать и поэтому воровал. А эта девица ничего не кра-ла, разбрасывала листовки и кричала о свободе для трудового народа. Какую ей свободу надобно? Непонятно. Может быть, ей в городе не нравится, где нужно только по тротуарам ходить и нельзя купаться в фонтанах? Так ехала бы к нам в Соколовку и гуляла, где хотела. Вот уж где свобода, так свобода. Хочешь — в лес иди, желаешь — беги на реку или в поле, по работе руки соскучились — сажай картошку или за скотиной ухаживай. А хочется из ружьяца пострелять, так дичи в борах полным полно. Зачем же в потолок палить да ещё при людях? Севин папа, князь Езерский, после дознания сказал, что патроны были холостые. Но кто же об этом знал? Никто».

Тимофей сунул руку в карман и обнаружил там забытый листок, один из тех, которые шальная девица разбрасывала по залу княжеского особняка. Любопытно, что там написано? Дома, поздоровавшись с Танюшей, Тимошка поспешил в свою комнату и разгладил на столе ском-

канный кусок бумаги. Очень жирным шрифтом крупными буквами было набрано воззвание:

Царская монархия должна быть уничтожена восстанием народа. Петербургский союз РСДРП призывает пролетариат, вооружившись, решительно напасть на царскую монархию и её приспешников и смести их с лица земли как класс эксплуататоров и бездельников.

Долой самодержавие!

Да здравствует революция!

В возмутительной бумажке было столько незнакомых слов, что Тимка решил завтра с самого утра расспросить об этом учителя Алексея Модестовича. Он выписал все мудрёные слова на клочок бумаги и попробовал запомнить, как их правильно читать. Слов получилось целых шесть: «монархия», «пролетариат», «эксплуататоры», «самодержавие», «революция», «прокламация».

— Много же мне ещё надо учиться, — расстроился Тимофей, — придётся день и ночь сидеть над книжками, чтобы все иностранные словечки зазубрить, иначе в гимназии беда будет, а я дядю Петю позорить не должен.

Он задумчиво покатал по столу карандаши, нарисовал ручкой смешную рожицу и террористку с пистолетом, а потом решил пойти к кухарке и попросить у нее пару пирожков. От пережитого волнения очень хотелось есть.

Проходя мимо спальни Арефьевых, Тимка услышал слова, заставившие его остановиться:

— Нина, я ума не приложу, как сказать Тимошке про Петю. Я делаю всё, что могу: задействовал все службы, нанял частного сыщика, но результатов так и нет.

«Про дядю Петю!» — понял Тимка и впечатался в стену около полуоткрытой двери, стараясь не пропустить ни слова.

— Ты точно знаешь, что все врачи из Гатчинской больницы сегодня благополучно возвратились?

— Разумеется, — ответил голос Юрия Львовича, — главный врач сказал, что Петя переболел холерой, выздоровел, а потом выехал в соседний лазарет и по дороге исчез.

Тимошка почувствовал, как у него задрожали ноги. Дядя Петя исчез! Поэтому от него нет никаких вестей. Не в силах сдерживаться, он заревел в голос и кинулся к Арефьевым:

— Почему вы мне сразу не сказали? Почему?

Три дня Тимошка метался от окна к двери в ожидании вестей о докторе Мокееве от князей Езерских. Он, как потерявшийся щенок, бежал на каждый шорох и округлившимися глазами провожал любое движение Нины Павловны и Юрия Львовича: вдруг они узнали что-то новое, а от него опять скрывают. Ему уже было всё

равно, хорошим будет это «новое» или плохим. Неизвестность выматывала его душу.

Арефьевы обращались с ним, как с тяжело-больным, и пытались угадать каждое Тимкино желание, Зиночка всё время сочувственно улыбалась и порывалась почитать ему вслух любимого Брема про жизнь животных Африки. Но животные Африки не шли в Тимкину голову, и он наотрез отказался от чтения.

Лишь Танюша своей чистой и ясной любовью немного скрашивала ему эти тяжёлые дни, лишь около неё Тимошка мог думать о чём-то другом, кроме страшной вести об исчезновении дорогого человека. Слепоглухой девушке он мог без опаски поверять все свои мысли и задумки — всё равно Танечка ничего не услышит и никому не разболтает.

На третий день отсутствия вестей Тимошка решил самостоятельно отправиться на поиски дорогого названного батюшки. У Арефьевых отпрашиваться не буду — не отпустят, прикинул мальчик, оставлю им письмо на столе, поблагодарю за всё хорошее и пойду на вокзал. Дядя Петя в Поволжье по чугунке ездил, я про эту дорогу разужнаю. Возму с собой хлебца побольше, Севину книгу, чтоб буквы не забыть, да и двину на поиски. Жалко, что я не догадался сделать это раньше, сокрушался Тимка, перебирая газеты в поисках информации о той местности, где бушевала эпидемия. А как же иначе? Надо знать, куда едешь.

Он выбрал из кипы газет три листка с короткими пометками о Поволжье и нашёл на карте Российской империи длинную реку с названием Волга. Если пройти пешком вдоль реки и у каждого встречного-поперечного расспрашивать про Петра Сергеевича Мокеева, то кто-нибудь обязательно его вспомнит, рассуждал он, чужаков в деревнях за версту видно.

Он слышал какой-то шум во дворе, подбежал к окну, но успел увидеть лишь окончание странного поединка: дюжий дворник Иван Лукин спасался бегством от маленькой воинственной старушонки в дурацкой шляпке с птицей.

— Погоди у меня, — негодовала бабка и трясла сухим кулачком вслед широкой Ивановой спине, — в следующий раз я тебя крапивой по мордасам нахлещу. Будешь знать, как с приличными дамами разговаривать.

— Досифея Никандровна! Как же я мог про неё забыть?! — обрадовался Тимошка и изо всех сил замахал руками из окна.

Ему показалось, что бабка Досифея его заметила, потому что она вдруг лихо подбоченилась, притопнула каблуками изношенных ботинок, бывших лакированными во времена её молодости, и на весь двор пропела одну из своих частушек:

Приходи ко мне, милёнок,
Посидеть на берегу!
Без тебя, родное сердце,
Дня прожить я не могу.

Баба Досифея меня выкликает, видать, по делу, раз сама за мной пришла, понял Тимошка и, наскоро отпросившись у Нины Павловны, мигом вылетел во двор, чуть не сбив с ног горничную Машу.

Во дворе было почти пусто, только на пороге дворницкой Иван Лукин добродушно поругивал напавшую на него бабу, да соседский мальчишка Славка гонял мяч под присмотром сварливой няни.

— Доброго здравия тебе, Иван, — поклонился Тимошка. — Не видал, куда бабуля убежала?

— Досифея? — уточнил дворник и почесал пятернёй затылок под фуражкой. — Не знаю и знать не желаю. Уж больно лютая старушенция. Так меня расчихвостила — куда с добром! А я всего-то и хотел, что порядок соблюсти. Не положено посторонним лицам тут ошиваться — значит, не положено. Мы, дворники, хозяевами поставлены порядок сторожить. Точно? — решительно спросил он, глядя на Тимку.

— Верно говоришь, — подтвердил мальчик.

— Ну, то-то же. Заведи князя Езерские такого бравого дворника, как я, никакая террористка к ним не подобралась бы.

Он забросил в рот горсть семечек и принялся по одной выплёвывать в кулак шелуху.

— Тимк, а Тимк, Расскажи, как ты террористке ногу сломал и зубы выбил, все газеты про это писали!

— Ничьих ног я не ломал, — обиделся Тимошка, — глупости ты говоришь.

Ему было недосуг точить ляды с желающим поговорить дворником, и он решил поспешить за Досифеей на их укромное место встреч. На улице было непривычно тихо. Похоже, что июньская жара дочиста вымела из города всех обывателей. Даже керосиновая лавка господина Шипулькина, обычно открытая до ночи, и та была заперта на огромный блестящий замок. В скверике на углу их улицы, у поилки для коней, обычно облепленной лошадьми, как мухами, вздымала мокрыми боками одна-единственная кауряя кляча, а на скамейке в тени пожухлых тополей дремал какой-то подгулявший купчик.

«Хорошо бы сейчас посидеть в леднике у купца Пызина. Только недолго. Минут десять-пятнадцать», — подумал Тимка и расстегнул верхнюю пуговку рубахи, чтоб вспотевший живот хоть немного обдуло ветерком.

В больничном дворе, как и во всей столице, царило ленивое полуденное запустение. Тимошке стало стыдно, что он несколько дней не забегал проведать своих больных. Ведь они не виноваты, что у него случилась беда. Они его ждут, да и он обещал заходить помогать.

— Досифея Никандровна, отзовись, — негромко позвал он свою подругу и для верности заглянул под куст: вдруг ей пришла охота в прятки поиграть?

Старушонка точно оказалась там. Она сидела в самой гуще сиреневого куста на брошенной на землю доске и старательно расчёсывала свою жидкую косицу. Время от времени бабуля подносила к глазам гребень и тщательно пересчитывала оставшиеся на нём редкие зубья. Тимку она, казалась, в упор не видела. Пару минут он потоптался рядом с ней, но Досифея даже бровью не вела в его сторону. Наконец Тимошка не выдержал, и его голос тоненько задрожал от сдерживаемых слёз:

— Зачем звала? Или не знаешь, какое у меня горе приключилось? Дядя Петя пропал!

Бабка выдрала у себя клочок волос, ойкнула, с досадой бросила гребень в сумку и схватила хворостину:

— Горе, говоришь? Горе у тебя будет, когда ты очертя голову бросишься неизвестно в какие края. Ишь, что удумал! Бежать!

Она два раза ожгла его поперёк спины гибкой зелёной веткой.

— Голова твоя дубовая, пузо еловое, а пятки осиновые! Неужели ты не знаешь, что весь наш путь человеческий в книге судьбы уже написан? У кого золотым пером, у кого — медным, а у шальных да глуповатых — вилами на воде. Слушай моё слово: брось дурить, иди домой и читай молитвы за своего батюшку. Это самая лучшая ему помощь от тебя будет. Знаешь пословицу, что без воли Божией ни один волос с головы не упадёт?

— Вестимо, знаю, бабушка, — пристыженно прошептал Тимка.

— Вот и жди Господней воли, а сам, пока не вырос, ни о каком своеволии и думать не моги. А то, ишь, какой шустрый!

И откуда Досифея знает, что я дядю Петю сам без взрослых искать решил, подивился про себя Тимошка, она ведь меня даже не видела ни разу с тех пор, как я её за приглашением к князьям Езерским послал.

Бабка будто подслушала звучащий в его голове голос. Она вопросительно взглянула ему в глаза и ехидно захихикала:

— Думаешь, откуда я про твои мыслишки ведаю?

Тимошка согласно кивнул головой:

— Думаю.

— Ведаю я их потому, что жизнь твоя проще пареной репы, и вся, как есть, у меня на ладошке.

Когда-то он уже слышал такие слова. Тимофей вспомнил весенний лес, кишачий клубами змей, и усталого странника, пообещавшего ему, что он проведёт всю жизнь со змеей на груди.

— Досифея Никандровна, если ты всё знаешь, скажи, с какой такой змеей на груди мне посулили жизнь прожить.

— А ты ещё не понял? — удивилась бабка. — Да ты, оказывается, глупее, чем я думала. Догонишь — скажу.

Бабка юркнула под куст, перебежала за больничный корпус и в один миг пропала из виду. Тимка рванул было следом, но Досифея как на небо взвилась. Кругом была лишь тишина да палящее солнце.

37

На обдуваемой вялым ветерком набережной Фонтанки было чуть оживлённее, чем на прогретых ярким солнцем улицах, где от толстенных домов несло жаром, словно от протопленной русской печки.

— Холодка бы сейчас, — вяло переговаривались друг с другом разносчики пирогов, — а то товар тухнет.

— Лучше бы не холодка, а крепкого дождика, да так, чтоб до костей пробрало, — мечтал сбитенщик, булькая полным термосом тёплого сбитня за плечами. — Ежели народишко обмокнет как следует да ветром продуется, то мой сбитень в одну минуту разойдётся.

— Да уж, пропала сегодня наша торговлишка. Ни копеечки не заработаем, один убыток. Эй, малец, хочешь пирожка? — обратился к Тимошке круглолицый пирожник в растоптанных лаптях. — Даром отдам.

— Благодарствуй, дяденька, — отказался мальчик, — кусок в горло не лезет. Лучше скажи, не видал ли ты бабушку с птицей на голове?

— Досифею? Она туда побёгла, — мужик небрежно ткнул пальцем куда-то под мост.

Туда, так туда. Тимка, не раздумывая, потрусил в указанном направлении, но скоро возле одного из спусков к воде заметил какое-то странное существо с квадратной головой.

— Что за сколопендра? — припомнил он любимое словечко своей сельской подружки Любки и соскользнул поближе к диковинному созданию.

Вблизи стало понятно, что чудовищем оказался обыкновенный человек небольшого роста с квадратной лоханкой на голове.

— Сумасшедший, — сделал вывод Тимошка, наблюдая за необъяснимыми действиями незнакомца. Тот старательно привязывал к своей ноге толстую верёвку. — Ну, точно — сумасшедший...

Тимка вытянул шею в поисках прохожих — вдруг больной нападёт на него или ещё чего вытворит. Кто знает, какие мысли у человека в голове, когда на неё надето железное корыто. Но все прохожие, как сговорившись, исчезли из виду, даже мужики с лотками переместились в тенистый парк неподалёку и оттуда лениво зазывали покупателей: «Пироги, кому горячие пироги», «А вот сбитень-сбитенёк, подходи-ка, паренёк».

Услышат, если заорать погромче, решил Тимошка. Он успокоенно облокотился о парапет и уставился на чудака в железной лохани. Тот

ещё немного повозился с верёвкой, покрепче прилаживая петлю на щиколотке, скинул лохань с макушки, поднял голову, и Тимка с удивлением узнал недавнего погорельца.

— Кока!

— Виват! — обрадовался Тимке паренёк. — Давно не виделись!

— Я гляжу, с тебя шкуру не спустили, а ты боялся.

— Не спустили, — махнул рукой Кока, — так были счастливы, увидевши меня живым, что только тумakov навешали. А тумак — это мне, как пряник съесть. Я вот, видишь, решил испытать подводный костюм для хождения по дну, — он показал на свою амуницию. — Ты читал книжку французского писателя Жюль Верна про подводную лодку «Наутилус»?

— Нет, — помотал головой Тимка, — я изучаю господина Брема про животных Африки.

— Фу, это ерунда! — презрительно сморщил нос Кока. — Настоящие мужчины должны думать о приключениях и изобретениях, а не о зверюшках в Африке. В книжке господина Жюль Верна рассказывается, как капитан Немо построил подводный корабль и плавал под водой, собирая сокровища затонувших кораблей. Ты представляешь, сколько в океанских пучинах богатства утоплено? Тьма-тьмушая. Целые груды золота, — он широко развёл руки в стороны и продемонстрировал Тимке, какие, по его мнению, клады валяются на морском дне

где ни попадая.— Чтоб ходить по дну, как посуху, моряки надевали специальные костюмы для подводного плавания, иначе и задохнуться недолго.

Кока деловито постучал костяшками пальцев по лохани, и она гулко отозвалась жестяным звуком:

— Гляди, как ловко я выдумал кухаркину лоханку на голову приспособить, в точности, как на картинке в книге. Засуну туда голову и буду, как в колоколе, спокойно дышать под водой.

Тимка подумал, что в Кокиных словах определённо есть резон и поинтересовался:

— А верёвка зачем?

— Как это зачем? Чтобы в случае опасности меня вытаскивать. Иди, держи конец. Вообще-то я должен был испытывать подводный костюм со своим другом Волькой Никитиным, но его учитель заставил прописи писать, представляешь? Кошмар! Летом — прописи!

Он закатил глаза, изображая крайнюю степень ужаса, сокрушённо вздохнул и протянул Тимофею верёвку:

— Помогай. Намотай конец на руку покрепче, чтоб я не выскользнул. А то, знаешь, — он замялся, — я плаваю не очень-то хорошо.

Тимошка подумал, что ему надо бы поспешить домой, вдруг без него прибыл гонец от князей Езерских с известием об отце, но Кока с такой надеждой глядел в его глаза, что Тимошка заколебался.

— Ладно, только быстро. Окунись разок и сразу обратно, а то меня дома ждут.

Кока не стал раздумывать. Он мигом скинул рубаху, водрузил на голову ведёрко и, прямо как был в лёгких парусиновых брючках, бултыхнулся в тёмную воду Фонтанки, кое-где покрытую зелёной ряской. Раздался звучный шлепок волн, вода выплеснулась на низкий парапет, а тяжёлый Кока, словно топор, пошёл ко дну.

— Держись! — едва успел выкрикнуть Тимошка, когда верёвка, намотанная на его запястье, натянулась, и он ласточкой спикировал вслед за приятелем.

Тёплая вода мигом наполнила штаны и запузырила рубашку. Тимка встряхнул головой и стал поспешно разматывать верёвку с руки, чтоб не утонуть вместе с Кокой. Плавал он хорошо, да и речка, судя по всему, была не самая глубокая. Но Кока из воды не показывался, и Тимошка, набрав полные лёгкие воздуха, нырнул вниз, стараясь не стукнуться головой о гранитную набережную.

Разглядеть что-либо через мутную воду было трудновато, но Коку Тимка увидел сразу — он, как часовой на посту, стоял столбом на дне во весь рост и чуть покачивался из стороны в сторону.

«Что делать? Закричать? Не успеют на помощь!» — сполохами мелькали мысли в Тимкином мозгу. Он ещё раз глубоко вздохнул и опустил на дно к Кокиным ногам. Так и есть.

Верёвка запуталась за лежащий на дне старый фонарный столб. Ножа нет, а отвязать не получится. Что делать? Тимка принялся изо всех сил дёргать верёвку. Не получается!

Он ещё раз вынырнул. Выкрикнул: «Помогите!» — и снова погрузился во взбаламученную донную грязь. «Не могу. Это конец!» — подумал он, когда внезапно почувствовал, что в его волосы накрепко вцепились Кокины пальцы. Он отчаянно дёрнул ногами, пытаясь выбраться из воды. Воздуха уже не хватало, в ушах зазвенело. Мальчик замолотил руками по воде и вдруг ощутил, что его тянет наверх неведомая сила.

«Прими парня!» — раздался мужской крик, и чьи-то руки подхватили Тимку. Через секунду из воды показались две головы: Кокина и ещё одна, мужская. Тимошка глянул на спасителя и обмер: прямо на него плыл похудевший и поседевший, но родной и любимый доктор Мокеев.

— Дядя Петя! — срывая голос, завопил Тимошка. — Дядя Петя! — он захлебнулся от чувств и чуть не заплакал.

Доктор мельком посмотрел на него, отодвинул в сторону, словно чужого, и положил на набережную бесчувственное тело неудавшегося подводника.

— Подожди, — коротко бросил он Тимке, перевернул Коку лицом вниз через колено и принялся ритмично нажимать ему на спину. — Дыши, дыши, дыши!

Кока закашлялся, и из его рта потекла вода.

— Отлично! — обрадовался доктор. — Значит, будет жить. Надо отвезти спасённого ребёнка домой, — обратился он к извозчику и только после этого обнял Тимошку, с которого ручьями стекала вода. — Как же я истосковался по тебе, мой дорогой мальчик.

Тимка изо всей силы обнял доктора, всем телом прильнул к его мокрой груди, не в силах сказать ни слова.

— Пóлно, пóлно, Тимофеюшка, — гладил поддрагивающие мальчишеские лопатки Пётр Сергеевич, — всё закончилось, я с тобой. Обещаю, больше мы никогда не расстанемся.

Он легко поднял Тимошку и усадил в экипаж рядом с обмякшим Кокой. Тот повёл на друга мутным глазом, и его звучно вырвало чёрной водой с коричневой ряской.

— Езжай, голубчик. За испорченную коляску заплачу особо, — сказал извозчику Пётр Сергеевич, и коляска немедленно тронулась, везя экспериментатора Коку к родителям на очередную расправу.

Весь вечер Тимка не мог оторваться от доктора Мокеева, чем бы тот ни занимался. Даже когда Пётр Сергеевич купался в ванне, Тимка ежеминутно подходил к двери ванной и прислушивался, слышен ли там плеск, как будто Пётр Сергеевич мог смыться в отверстие для слива воды.

Да он и сам ещё не просох как следует после купания в Фонтанке. Когда они оба, мокрые до нитки, возникли на пороге квартиры Арефьевых,

Нина Павловна чуть не упала в обморок. Тимошка вспомнил, как она всплеснула руками, засмеялась и заплакала одновременно, и довольно улыбнулся: хорошо, когда все дома. Это счастье, что он не успел уехать в Поволжье на поиски дяди Пети. Спасибо Досифее Никандровне за выволочку — не дала сорваться с места. А то не видать бы ему доктора, как своих ушей. Он бы в поисках Петра Сергеевича по деревням бродил, а доктор Мокеев лечил бы больных в столичном Петербурге.

Зиночка неслышно подошла сзади и дёрнула его за рукав:

— Завтра домой уедете?

— Не знаю. Наверно, — пожал плечами Тимошка. — Как дядя Петя решит.

А про себя подумал, что, может быть, имеет смысл намекнуть дяде Пете про петербургский зверинец, в котором живут полосатая лошадь и настоящий жираф из далёкой Африки. Он посмотрел на Зиночку и, к своему удивлению, заметил, что слова об отъезде её не обрадовали. Она жалко улыбнулась и часто-часто заморгала пушистыми ресницами.

— Ну и уезжай...

— Зин, не расстраивайся, я буду часто приезжать в гости, — примирительно сказал Тимка. — Куда я без вас с Танечкой? Вы мне ближе родных.

Зиночка поднялась на цыпочки, неловко чмокнула его в щёку и резко отшатнулась:

— Ты ничего плохого не поминай.

— Не сомневайся.

— Дети, за стол, — из дверей гостиной вышла Нина Павловна, такая нарядная, что у Тимошки от её вида даже дух захватило. — У нас сегодня праздничный ужин.

Обеденный стол ломился от всяких яств: посередине его красовалось блюдо жареной рыбы, обложенной дольками лимона, дымилась посыпанная укропом молодая отварная картошка, а рядом с ней посверкивали глянцевыми боками пирожки с подсолненным творогом и капустой, томлёной со сливочным маслом.

Тимошка почувствовал, что мог бы съесть все это один, без помощников.

— Какая красота! — восхищённо сказал подошедший Пётр Сергеевич, и Тимошка немедленно вцепился в его руку:

— Я сяду рядом с тобой.

Когда все отдали долг мастерству кухарки и поблагодарили Нину Павловну за чудесный ужин, Юрий Львович отложил салфетку, устроился в кресле с чашечкой кофе и потребовал от доктора Мокеева подробного отчёта.

— Ты понимаешь, Петя, произошло нечто странное, — заявил он. — Я ежедневно запрашивал о тебе госпиталь и департамент здравоохранения, выслал в Поволжье частного сыщика, но никто, решительно никто, не мог тебя отыскать. Ты просто обязан поведать нам о своих приключениях.

— Обязан, так обязан, — поправил пенс-не Пётр Сергеевич и, как маленького, посадил Тимошку к себе на колени, — слушайте всё по порядку.

38

— Итак, — начал свой рассказ доктор Моке-ев, — наш врачебный эшелон выехал в середине июля. Ещё в дороге начальник госпиталя нас предупредил, что эпидемия холеры необычайно жестокая. Из-за жары и заражённой воды она распространяется быстро и захватывает всё новые и новые области.

К такому повороту событий мы были готовы. Правительство выделило нам палатки для полевого лагеря, медикаменты, продукты. Оно не смогло лишь предусмотреть, что местное население решительно откажется показываться врачам. Оказалось, что незадолго до лета по деревням проехали какие-то революционно настроенные студенты, которые всем рассказывали, что царское правительство задумало известить население и заселить эти земли приезжими немцами. Ну, не бред ли! — Пётр Сергеевич возмущённо стукнул кулаком по колену. — Я бы этих революционеров из кутузки не выпустил, а крестьяне слушали их рассуждения, кормили-поили, читали агитационные прокламации с призывами уничтожить царизм.

Тимошка сразу вспомнил девушку с листовками и пистолетом, прорвавшуюся на приём к Езерским, и подумал, что надо не забыть рассказать про это дяде Пете.

— Ну, так вот, — продолжил Пётр Сергеевич, — из-за этих провокаторов население уверовало, что эпидемия холеры подстроена специально, а врачи едут отравить тех, кто не успел скончаться самостоятельно. К слову сказать, сами сосланные в те края революционеры лечились охотно, с малейшим насморком бегали к нашим докторам, но население против нас и правительственной помощи продолжали настраивать.

В таких нелёгких условиях нам приходилось работать ежечасно — доктора и сёстры милосердия почти везде ходили пешком, старались прийти в деревню внезапно, пока мужики не выставили у околиц кордонов. Шли от избы к избе, смотрели больных, сами на глазах сельчан пробовали лекарство, чтобы показать, что оно доброкачественное, а уж потом предлагали его пациентам. Сами понимаете, ни о какой санитарии в деревенских домах речи не шло: кругом грязь, больные лежат вповалку со здоровыми, одни несут мертвецов на кладбище, другие тут же справляют поминки по умершим.

Первым среди врачей заболел детский доктор Громов, следом за ним слёг доктор Яковлев, ну а третьим был ваш покорный слуга. — Он

показал на себя и покрепче обнял Тимошку. Тот потёрся носом о плечо Петра Сергеевича и подумал, что если есть на свете Ангелы, то сейчас они, наверное, радуются вместе с ним, что его названный батюшка цел и невредим.

— В полевом госпитале не было свободных коек, — продолжил доктор Мокеев, — поэтому меня отправили в уездный город Заморшанск. По дороге наш обоз окружили крестьяне и отогнали на заброшенный хутор, подальше от человеческого жилья. Видно, у них рука не поднялась лишить меня жизни, вот они и решили, что если меня оставить без помощи, то я и сам умру.

— Господи, — охнула Нина Павловна и судорожно сжала руки, — Петенька, сколько же тебе пришлось вынести!

Пётр Сергеевич утвердительно кивнул головой и вздохнул:

— Мне повезло, что медицинская сестра Варенька положила в мои вещи большую бутыл раствора соли для внутривенных вливаний и набор стерилизованных инструментов. Если б не она, быть бы Тимошке снова сиротой.

Тимка зажмурился от таких страшных слов и дал себе обещание всю жизнь ставить в церкви свечки за здоровье рабы Божией Варвары.

— Дядя Петя, как тебе удалось выбраться из этого страшного места? — вклинилась в разго-

вор Зиночка, которая пристроилась на скамеечке около ног Юрия Львовича и не спускала глаз с рассказчика.

— Как выбрался? — переспросил доктор Мокеев. — Слушайте дальше.

Привезли меня в полуразвалившуюся ригу для льна, оставшуюся от прежних хозяев хутора, положили на землю, усыпанную гнилой соломой, и оставили одного. Лежу, чувствую — температура высокая. Во рту сухо. Ну, думаю, скоро отдам Богу душу. Как там Тимошка без меня останется? Одна надежда, что он не один остался, а в хороших руках.

Но мир не без добрых людей. К вечеру открываю глаза и вижу — стоит около меня какой-то старичок. Очень странного вида — на лешего из русской сказки похож: седой, как лунь, сгорбленный, одноглазый, а через всё лицо шрам идёт — видно, был в бою вражеской саблей порубан. Я сначала думал, что он мне в бреду привиделся. Но нет. Посмотрел старик на меня, да и говорит так грамотно, словно мы не в деревне, а на светском рауте:

— Вижу, сударь, что вы больны холерой. Позвольте вам помочь.

— Как, — спрашиваю, — вы можете мне помочь? Это смог бы сделать только медик, если бы ввёл мне в вену солевой раствор.

— Если у вас есть это средство, то я вам его введу, — смело отвечает дед и идёт копаться в моих вещах.

Дальше не помню, сознание потерял, но, когда очнулся, незнакомец сидел неподалёку, а рядом со мной стояла опорожненная на треть бутылъ физиологического раствора.

Старик увидел, что я пришёл в себя, и говорит:

— Вы, сударь, не сомневайтесь во мне: я на русско-турецкой войне младшим фельдшером служил и дело своё, смею вас известить, хорошо знаю. А звать меня Прохором Игнатьевичем Суровым.

Тут уж я удивился не на шутку: мыслимое ли дело, больному, брошенному умирать в лесу, встречается один-единственный человек, который к тому же оказывается медиком. Старик как будто подслушал мои мысли:

— Вы не удивляйтесь, милостивый государь, я в здешних местах числюсь вроде отшельника. Живу уединённо в дальнем скиту, к людям не выхожу, брожу по лесу да питаюсь, чем Бог пошлёт.

— Давно ли вы здесь? — спрашиваю.

— Порядочно, — отвечает, — около тридцати лет. Судьба занесла меня сюда сразу после русско-турецкой войны. Меня сильно изувечили при взятии Плевны. К невесте в Петербург я не рискнул вернуться. Она была богатого купчины дочка, модница первостатейная, певунья да озорница. Зачем ей одноглазый калека? Вот и надумал я уйти от мира, никого не беспокоя. И концы, как говорится, в воду.

Поплакала, небось, моя невестушка, поплакала и за хорошего человека замуж пошла. Наверное, уже давно внуков-правнуков нянчит.

В этом месте рассказа Нина Павловна не выдержала и смахнула с ресниц набежавшую слезинку:

— Невероятная история! Петя, твой спаситель совершил романтический, но очень глупый поступок. Если бы мой жених, — она любовно посмотрела на мужа, — пришёл с войны искалеченным, я бы день и ночь Бога благодарила, что он вообще вернулся. А если ему суждено было погибнуть, то ни о каком новом замужестве речи бы не шло.

— Я тоже так думаю, Ниночка, относительно его действий, но слушайте, что дальше было, — обвёл глазами присутствующих Пётр Сергеевич.

— Поговорили мы с Прохором Игнатьевичем, познакомились, и стал он меня каждый день навещать и выхаживать. Чудный, доложу я вам, старик. Душа, как у ребёнка. Много интересного он мне рассказал про свою жизнь, про военные действия в Болгарии, про битву около городка Плевны. Да так образно рассказывал, как будто я сам там побывал.

На десятый день встал я на ноги. Только хотел было через лес в больницу уйти, как в деревне, чьи мужики меня под арест взяли, случилось несчастье — тяжело заболела жена местного старосты. Уж не знаю, кто из деревенских вызнал, что я выжил, но только однажды ночью за мной приехали два мужика и с порога повалились мне в ноги:

— Прости, доктор, нас глупых! Хочешь — плёткой побей, хочешь — волосы нам повыдери, но только поехали с нами, а не то наша сестра помрёт.

— Дядя Петя, ты поехал? — возмутилась Зиновья. — Я бы ни за что им помогать не стала.

— Что ты, Зина! Нельзя помнить обиду, если человек умирает, — возмутился Тимошка. — Тебе бы потом стыдно было.

— Верно, Тимошка, — отозвался доктор Мокеев, — человеческая жизнь для врача, да и не только для врача, должна быть дороже всего на свете. Вот я и поехал.

Две недели не отходил от постели старостихи. Едва спасти смог. Очень уж у неё была болезнь запущена. А пока я в доме у старосты жил, со всей деревней познакомился, всех жителей осмотрел. Кому совет дал, кому лекарство выписал, а троем даже несложные операции сделал.

Юрий Львович осуждающе посмотрел на своего друга и сдвинул брови:

— Пётр, я понимаю, у тебя был резон остаться в деревне, потому что ты не вправе бросить тяжелобольную. Но ты ведь мог хотя бы написать нам!

— В том-то и дело, что не мог. Оказывается, жители этой деревни ещё при царе Петре Первом всей общиной ушли в леса и с внешним миром не общаются. Так что письмо отправить было некому. Как я ни просил, жители наотрез отказывались ехать на станцию к почтовому по-

езду. Кроме того, как я понял, староста надумал оставить меня в своей общине навсегда.

Тимошка поёжился и крепче обвил рукой шею дяди Пети.

— Они меня не отпускали, даже старостову дочку-красавицу мне в жёны предлагали. А уж когда я отказался от такой чести, решили меня держать под домашним арестом. Куда ни пойду, везде меня сопровождает один из мужиков. Чтоб не сбежал. Видно, думали, что я рано или поздно смирюсь со своей участью и привыкну.

— Неужели во всей деревне не нашлось ни одного здравомыслящего? — возмутилась Нина Павловна. — Задерживать человека против его воли противозаконно!

— Именно так. Но что мне было делать? Если бы в деревне имелся священник, я мог бы обратиться к нему. Но батюшки я не видел. Раз в неделю жители собирались в какой-нибудь избе, и староста читал им Священное Писание вслух.

Оставалась одна надежда на старого фельдшера Прохора Игнатьевича. Он мне и помог. В один из вечеров, когда большинство народу было на покосе, а в деревне остались лишь дети и старики, я сидел на завалинке и пытался подсчитать, сколько времени нахожусь в неволе. Охранник мой устроился в отдалении и не торопясь баловался чайком, прихлёбывая прямо из носика медного чайника. Я заметил, что мужика начинает клонить в сон — он пристроился под раскидистой ивой и вскоре захрапел.

«Сюда, Пётр Сергеевич», — услышал я приглушённый голос из-за бани.

Это был Прохор Игнатьевич. Он торопливо сунул мне в руки ржаной каравай, бутылку молока и повесил мне на шею небольшой кинжальчик в потёртых ножнах:

— Я напоил вашего сторожа сон-травой. Вы должны немедленно бежать отсюда.

Он негромко свистнул, и из леса вышла молодая лошадка:

— Садитесь на Ветку и езжайте прямо на закат, никуда не сворачивайте. Через двадцать вёрст увидите почтовую станцию. Там вы будете в безопасности и сможете добраться до уездного Заморшанска.

— А как же вы, Прохор Игнатьевич? — заволаговался я. — Вас могут обвинить в пособничестве.

— Обо мне не беспокойтесь. Местные мужики не посмеют меня тронуть. Храни вас Господь! Чутьё подсказывает мне, что я ещё получу весточку от вас.

Он перекрестил меня, помог взобраться на лошадь и шлёпнул её по крупу:

— Пошла!

Пётр Сергеевич замолчал, заново перебирая в памяти прошедшие дни, наполненные событиями и волнениями. Его рука непроизвольно

потянулась к кожаному шнурку, висящему на шее, и нащупала дарёный кинжал.

— Вот, смотрите, кинжал Прохора Игнатьевича, — он протянул слушателям маленький клинок, больше похожий на перочинный нож.

— Изумительно тонкая работа, — с видом знатока восхитился Юрий Львович, — сразу видно, что это изделие кубачинских мастеров из Дагестана. Обратите внимание, в рукоятку вделана настоящая бирюза. Это очень дорогая вещь.

Любопытная Зиночка немедленно взяла кинжал из рук доктора Мокеева и поднесла его к настольной лампе:

— Действительно красивый камень. Я бы хотела, чтоб у меня были такие серьги.

— Рано тебе ещё о серьгах думать, — перебила её Нина Павловна и вернула кинжальчик Петру Сергеевичу.

Тот усмехнулся, вложил клинок в ножны и повесил его Тимошке на грудь:

— Поноси пока.

Мальчик потрогал пальцами холодную сталь и задохнулся от гордости:

— Спасибо!

Он немного походил по комнате, ощущая, как на его груди покачивается самый настоящий кинжал. Взял со стола яблоко, чтоб успокоить волнение, и снова уселся около Петра Сергеевича:

— Дядя Петя, — Расскажи, что было дальше.

— Действительно, Петенька, продолжай, мы слушаем, — поддержала его Нина Павловна, и доктор Мокеев, отхлебнув чаю из тонкостенного стакана в серебряном подстаканнике, снова принялся за повествование.

— Часа через четыре после того, как распрощался с Прохором Игнатьевичем, выехал я на большую дорогу. Погони за собой не заметил и понял, что, судя по всему, спасён. Ещё через несколько вёрст показалось здание почтовой станции. Я зашёл, поздоровался. Заспанный станционный смотритель отвечал, что до уездного города ещё сорок вёрст и что лошадей нет и не будет. Потом он покопался в своих записях, поднял голову и поинтересовался:

— Как ваше имя, сударь?

— Я доктор Мокеев из Петербурга.

Он подскочил на месте:

— Пётр Сергеевич?

Я удивился:

— Да, именно так.

— Пётр Сергеевич, дорогой! — засуетился смотритель, и сон с него как рукой сняло. — Радость-то какая! А ведь вас по всей России разыскивают! Тому, кто вас найдёт, полагается вознаграждение от князя Езерского!

— До сих пор не понимаю, при чём здесь князь Езерский? — Пётр Сергеевич удивлённо развёл руками, и ложечка звякнула о тонкий край стакана.

— Это я попросил её сиятельство княгиню Езерскую разыскать тебя. Я дружу с Севой Езерским, — обрадованно выкрикнул Тимошка и покраснел: всё дяде Пете расскажу. Ничего не скрою. И про ночную встречу не забуду. Пусть ругает, сколько хочет.

— Да, да, Петруша, это наш Тимоша за тебя хлопотал, — подтвердила Нина Павловна, — он без тебя весь извёлся.

«Ещё чего», — хотел смущённо возразить Тимошка, но промолчал, потому что это была правда, а он уже давно решил для себя никого не обманывать.

Пётр Сергеевич любовно посмотрел на своего названного сына и подумал, как пуста и бесцветна была бы его жизнь без этого светлоголого мальчика, который сейчас не сводит с него восхищённых глаз. Он отпил глоток сладкого чая и принялся рассказывать дальше:

— Станционный смотритель вскочил, принёс самовар, тарелку со свежими ватрушками и умчался по своим делам. Буквально через несколько минут он вернулся и доложил, что меня ожидает повозка с кучером.

— А куда ты дел лошадку Ветку, одолженную тебе стариком-фельдшером? — спросила Зина.

— Прохор Игнатьевич велел мне отпустить её и сказал, что она сама найдёт дорогу домой. Так я и сделал. Надеюсь, что она благополучно доскакала до нужного места. Я тоже прибыл

в Заморшанск без всяких приключений. Билет на петербургский поезд мне выдали немедленно. И вот я здесь.

— Да! Как же я мог забыть?! — Пётр Сергеевич радостно прихлопнул себя ладонью по груди и торопливо достал из кармана пиджака свёрнутую бумажку. — Смотрите, какую необыкновенную депешу я получил в дороге на узловой станции.

Он протянул Тимке узкий желтоватый листок с надписью «телеграмма». Мальчик аккуратно взял его, развернул хрустнувшую бумажку и прочитал вслух неровные буквы, написанные на узкой бумажной ленте: «Санкт-Петербург. Мокееву П.С. Решением Управления по здравоохранению вы переводитесь старшим ординатором в больницу принца Ольденбургского».

Несколько мгновений Тимка смотрел на Петра Сергеевича, не понимая, о чём гласит телеграмма. Тот улыбнулся:

— Радуйся, мы переезжаем в Петербург. Будем жить рядом с нашими друзьями.

— Замечательно! Великолепная новость! — зааплодировали Нина Павловна и Юрий Львович.

Тимошка растерялся:

— А как же тётя Сима?

— Тётя Сима переедет сюда, — успокоил его Пётр Сергеевич, — завтра же начинаем заниматься поисками квартиры.

Тимошка украдкой посмотрел на Зиночку, она выглядела довольной, но, заметив его взгляд, высокомерно свела брови и ехидно сморщилась в улыбку:

— Забудь всё, что я тебе наговорила. На самом деле ты мне совершенно безразличен.

— Ох уж эти женщины, — понимающе вздохнул про себя Тимошка, — правду говорил дед Илья, что у них семь пятниц на неделе.

40

Почти всю ночь Тимошка лежал с открытыми глазами, смотрел на косые тени на потолке, отбрасываемые лёгкими льняными портьерами, и думал. Мысли скакали в его голове, как шустрые лесные белки, лишь ненадолго останавливаясь на самом важном.

Перво-наперво надо написать письмо Севе Езерскому и попросить его сто раз поклониться в ножки маменьке-княгине за дядю Петю, перечислял он про себя. Затем обязательно разыскать Досифею Никандровну и облобызать ей ручку за вразумление хворостиной по спине, а не то бродил бы сейчас вдоль Волги и слезами умывался. Ещё хорошо бы проведать «утопленника» Коку и постараться уговорить дядю Петю сводить в зверинец. Хотя теперь, когда мы станем столичными жителями, зверинец никуда не убежит, но всё-таки очень важно своими глазами поглядеть на

полосатую лошадь. Интересно, какого цвета у неё полосы?

На этом серьёзном моменте своих размышлений Тимошка почувствовал, что у него пересохло во рту. Он сполз с кровати и на цыпочках пошёл в кухню попить воды, на минуту задержавшись у двери дяди Петинной спальни. В тишине квартиры было слышно, как надсадно дышит доктор Мокеев. Не простудился бы после речки, заботливо подумал Тимошка, надо ему утром липового чаю с мёдом сварганить.

За Таниной дверью раздавались какие-то звуки. Наверное, Танюша опять не спит, а бродит по комнате, переставляя предметы с места на место, или копается в своей корзине. Ей ведь что день, что ночь — всегда темно. Тимка знал, что у неё на столе всегда стоит большая корзина с ворохом разных тряпочек. Чтобы занять время, Танюша любила разбирать их по сортам и раскладывать на кучки. Девушке особенно нравилось гладить пальцами ворсистый бархат и глянцевого шёлк. Тимошка хотел было заглянуть к подруге, но одумался: стука в дверь она не услышит, а без предупреждения в чужие спальни врываться совсем негоже.

В кухне кто-то был. Тимошка озабоченно засопел и схватился за подвешенный на шее кинжальчик старого фельдшера — вдруг в квартиру Арефьевых проникли жестокие враги или, не дай Бог, революционеры-террористы с про-

кламациями. Тогда он, Тимошка, бесстрашно задержит преступников и спасёт хозяев и дядю Петю, а глупые листовки сожжёт в кухаркиной плите — пусть кастрюли греют, хоть какая-то польза от них будет.

Но ничего подозрительного в кухне не оказалось. Около распахнутого окна стояли не вооружённые до зубов грабители, а всего лишь горничная Маша.

— Ты что? — встревожено обернулась она к Тимке, и он заметил, что Маша что-то прячет за спину.

— Я водички попить, — объяснил он и жадно осушил полный стакан воды. — Наверное, лишний кусок рыбы за ужином съел. Я большой охотник до жареной рыбы, в Соколовке однажды сковороду окуньков умял, а после целый день животом маялся.

— Попил? Иди отсюда, спать пора, — недовольно сказала Маша.

— Сейчас пойду, — миролюбиво ответил Тимошка, сделал шаг вперёд и увидел в Машиных руках кружевную шаль Нины Павловны, которую та надевала по большим праздникам.

Горничная проследила его взгляд и вызывающе выпрямилась:

— Ну и что? Подумаешь, взяла померить! Неужели я хуже хозяйки? Тоже хочу жить, как генеральша или купчиха. Тебе повезло — доктор к себе взял. Вот ты из деревенского лапотника барчуком и сделался.

— Маша, о чём ты говоришь? — шёпотом спросил Тимошка и заглянул в лихорадочно горящие глаза девушки. — До того, как меня доктор к себе взял, у меня мама с папой и дед Илья умерли! Ведь я — круглый сирота. Неужели ты думаешь, что я мечтал стать барчуком, когда один в лесу ожидал лютой смерти от змеиного жала?

Маша фыркнула и зло улыбнулась:

— Все мечтают в люди выбиться. Донесёшь на меня барыне?

Тимошка заколебался:

— Нет. Не донесу, но больше не бери чужих вещей. Грех это. Нешто не знаешь?

Он отвернулся и, горбясь, точно волок за собой мешок с картошкой, побрёл в свою комнату.

— Грех! — прошипела ему в спину Маша. — Грех красной девке нарядов не иметь. Вот это — грех. Ух, будь моя воля, я бы всех этих барынь в дугу скрутила!

Само собой, после Машиных слов сон к Тимошке уже не шёл. Мальчик только поворачивался с боку на бок и никак не мог взять в толк, за что же милая и симпатичная Маша невзлюбила добрую Нину Павловну. Неужели только за то, что у Нины Павловны есть красивая шаль, а у Маши — нет?

Тимка вспомнил безногого вора Максимыча, который тоже не считал зазорным прикарманить чужое и лишь перед смертью понял, что прожил жизнь напрасно. Но Максимыч был вор, бездельник. А Маша работает, и работает

старательно. Нина Павловна её постоянно хвалит. Только учиться Маша не желает. Сколько раз госпожа Арефьева предлагала ей почитать книжку или записаться на курсы грамотности, так ведь ни в какую. Упёрлась, и всё. Нет, говорит, барыня, учёба не для моей чувствительной натуры. У меня от буковок в глазах рябит, а от умных книжек кружение в голове приключается, вы меня лучше замуж за приказчика сватайте. Хорошо, что тётя Сима у дяди Пети совсем не похожа на Машу, к тому же у доктора Мокеева нет ни одной шали.

Тимка представил завёрнутого в кружевной палантин Петра Сергеевича и рассмеялся. На душе сразу стало легко и радостно. Ну её, Машу, пусть злится сколько угодно. «На сердитых воду возят», — говорил дед Илья. Главное, что дядя Петя вернулся, что жить они будут теперь рядом с Арефьевыми, с другом Севой, шебутной бабкой Досифеей Никандровной и бестолковым Кокой. Глаз да глаз за этим Кокой нужен, по-стариковски подумал Тимошка и, наконец, уснул.

Наутро Пётр Сергеевич и Тимошка отправились нанимать квартиру. Перед тем, как уйти, Тимка заглянул в гостиную, где Маша протира-ла тряпкой большое зеркало. Время от времени горничная отстранялась от работы и любовно оглядывала своё отражение в трельяже.

— Барыня, дозвоьте мне сегодня сходить к куме чаю попить? — как ни в чём не бывало пропела она сладким голосом. — У кумы нынче именины.

— Конечно, Маша, обязательно сходи, — отозвалась из прихожей Нина Павловна, — да презентуй ей от нас большую коробку ландриновых леденцов. Я дам тебе деньги на покупку.

— Благодарствуйте, Нина Павловна. Уж такая вы у нас добрая, такая добрая...

«Наверное, Маше очень стыдно за свой ночной поступок, — довольно подумал Тимофей, — вот она и старается угодить хозяйке».

— Искать апартаменты надо непременно в этом квартале, — напутствовала Петра Сергеевича Нина Павловна, — отсюда недалеко и до лечебницы, и до нас.

Она задумчиво повертела в руках Тимкину фуражку и шутя примерила её Зине на макушку.

— Можно было бы подыскать подходящую квартиру в доме купца Пызина, но там ещё не привели в порядок домовое хозяйство после пожара. И к тому же там нестерпимо пахнет гарью, — добавила Зиночка и так выразительно посмотрела на Тимошку, что он почувствовал себя поджигателем.

Пётр Сергеевич лукаво поглядел на детей и остановил начинавшую разгораться пикировку:

— В этом округе достаточно неплохих домовладений, и я надеюсь, что к обеду мы уже будем писать Серафиме письмо с распоряжениями к переезду.

— Хорошо бы! — согласно кивнул доктору Тимошка и взял его за руку.

Хотя в его возрасте ходить за ручку с папенькой было уже не солидно, но ему так хотелось прикоснуться к надёжной руке дяди Пети и почувствовать тепло его крепких и ласковых рук. На лестнице им встретился почтальон дядя Саша. Он уважительно поклонился Петру Сергеевичу и радостно улыбнулся Тимошке, от чего его нос картофелиной уморительно сморщился:

— Дождался батюшку?

— Дождался! — счастливо выдохнул Тимошка и не преминул похвастаться: — Мы идём квартиру нанимать.

— Квартирку арендовать желаете? — живо поинтересовался дядя Саша и хлопнул рукой по набитой корреспонденцией кожаной сумке на широком ремне. — Дозвольте, барин, отрекомендовать вам домовладение Тарасовых на Большой Мещанской — отличнейший дом, недавно после ремонта. И жилыцы все уважительные, не шушера без роду и племени.

— Благодарю, туда и отправимся.

Пётр Сергеевич легко сбежал вниз по лестнице и блаженно зажмурился от неяркого петербургского солнышка:

— Какая благодать кругом!

Они прошли наискось через сбрызнутый водой чистый двор и оказались на длинной улице, наполненной городской суетой.

— Как мне не хватало этих запахов, — заметил доктор Мокеев, наслаждаясь ароматом свежеиспеченного калача, сливающегося с крепким запахом кофе и лёгким флёром едва распустившихся цветов душистого табака. — Я, определённо, истинный горожанин.

— Дядя Петя, ты просто в деревне никогда не гостил долго, — возразил Тимошка, — наверно, и на сеновале никогда не спал, и по полной корзине брусники из леса не нашивал. Вот и думаешь, что в городе лучше всего.

— Ты прав, мой мальчик, — ласково согласился Пётр Сергеевич, — везде хорошо на родной земле. Вот и пришли, — они остановились около массивного коричневого здания с лепными карнизами и огромным стеклянным фонарём, свисающим на цепях под высокой стрельчатой аркой. — Ты поиграй во дворе, а я пойду поговорю с управляющим. — Пётр Сергеевич не торопясь скрылся в ближайшем подъезде.

Тимошка послушно присел на лавочку около клумбы. Тут под скамейкой раздалось громкое пыхтение, и оттуда по-пластунски выползла маленькая девочка лет четырёх от роду с глазами такой голубизны, что казалось, будто в них отражается не петербургское сероватое марево, а небо его родной Соколовки.

— Ты кто? — спросила она и запустила обе руки в лохматую голову, засыпанную песком.

— Тимка, — машинально ответил Тимофей и огляделся по сторонам, не видно ли её родителей. — Ты одна гуляешь? Как тебя зовут?

Девчонка, молча разглядывая Тимошку, перестала чесать голову, а потом смущённо прошептала:

— Крыся.

— Крыся? — поразился Тимошка.

Девчонка кивнула, задрала платье и принялась скрести ногтями голый тощий живот, изодранный чуть не в кровь.

— Что ты делаешь? Не чеши, — принялся уговаривать её Тимошка, — это у тебя, видать, чесотка. Её нельзя руками трогать. Посиди со мной. Скоро придёт мой папа, он доктор, я попрошу его, чтобы он тебя вылечил.

Но малышка совершенно не собиралась слушать умные Тимкины речи, а боком-боком засеменила на другую сторону узкой улицы в невысокий флигель песчаного цвета и юркнула в полуоткрытую дверь.

— Стой, ты куда? Тебя надо лечить! — Тимошка вскочил и поспешил вслед за девчушкой. Он оказался в затхлом помещении с характерным для подвала сладковатым запахом плесени и застоявшегося воздуха.

— Крыся, Крыся! — негромко позвал Тимошка.

Он спустился на пару ступенек вниз и оказался в слабо освещённом жилом подвале с оштукатуренными стенами, отсвечивающими влажным блеском. Четыре угла комната были отгорожены застиранными ситцевыми занавесками неопределённого цвета, а в середине располагалась большая плита.

— Крыся! — ещё раз позвал Тимка.

Один из пологов откинулся, и оттуда высунулась голова старухи с повязанным под подбородком платком.

— Угловым жильцом стать желаете, господин хороший? — вежливо поинтересовалась бабка.

— Угловым жильцом? Как это?

— Обыкновенно, снял уголок в комнатке — вот и угловой жилец. Да только у нас тут все углы разобраны. Намедни хозяйка последний сдала сапожнику из Варшавы. Вот этот.

Она ткнула пальцем в синюю занавеску, за которой явно шла какая-то тихая жизнь: что-то шуршало и позвякивало.

— Вишь, жена-то у этого варшавского померла, вот он сюда с горя и подался да шелудивую девчонку с собой притащил. Дочку, значит, Крыську.

Её тонкий рот с двумя жёлтыми зубами презрительно скривился:

— Фу, имя-то какое поганое. Нешто русский человек таким имечком свою девку припечатает?

Бабка ехидно захихикала и поправила сползающий на один глаз платок:

— Ты к этой девчонке не подходи, а то сразу подхватишь. Да и что с ней разговаривать, она по-русски почти не понимает. Всё время шипит по-своему, ровно змея под лопухом: «пшепрашем» да «пшепрашем», — передразнила она польский выговор. — А что такое это «пшепрашем», никто в толк взять не может. Чужаки и есть чужаки. Понаехали тут! Я просила хозяйку, чтоб она сапожнику с золотушной девкой от дома отказала, да он ей, видишь, вдвое против обычной цены заплатил.

— Что ты, бабушка, разве можно людей на улицу гнать? — возмутился мальчик. — Креста на тебе нет.

— Умный какой, ещё указывает! — обиделась старуха. — В наше время мы так со старшими разговаривать не смели. А ну, марш отсюда!

Она сурово насупила брови и постаралась дотянуться до паренька деревянной клюкой с железным набалдашником. Тимошка покосился на её палку, отскочил на всякий случай в сторону и шагнул за указанную бабкой занавеску, где, кроме железной койки, кое-как застланной, и небольшого плетёного сундука, ничего не было.

— Крыся? Не бойся, я тебя не обижу.

Тимофей заглянул под кровать — пусто. Куда она могла надеваться? Мальчик решительно

откинул крышку сундука и увидел скорчившегося в три погибели ребёнка.

— Крысенька, вылезай, пойдём со мной.

Он протянул руку погладить девочку по голове, но она ловко извернулась и пребольно укусила его за запястье.

Тимошка не сдавался:

— Крыся, вылезай!

Он поддел тощее тельце и подхватил извивающуюся Крысю на руки:

— Пойдём к моему папе, он доктор, он тебя вылечит.

Девчушка пару раз дёрнулась и затихла — видно, поняла, что сопротивление бесполезно.

— Слышь, бабушка, где её отец? — спросил Тимошка злую соседку сапожника.

— Кто знает, где его черти носят? — пробурчала старуха из своего угла. — Шляются тут всякие, а у нас потом вещи пропадают.

Худенькая на первый взгляд Крыся оказалась совсем не лёгкой ношей. Тимошка изрядно утомился, таща её через улицу. Петра Сергеевича ещё не было видно. У него явно шёл очень серьёзный разговор с управляющим. Тимошка усадил накупившуюся девочку на лавку и пошарил у себя в карманах — вдруг там что-нибудь интересное завалюсь. Но карманы были пусты. Тогда Тимка взял веточку и принялся рисовать на песке перед скамейкой хорошенький домик. Сперва Крыся даже не смотрела

в его сторону, но потом заинтересовалась и стала внимательно наблюдать за действиями своего нового друга.

— Дом, — сказала она и показала пальчиком на рисунок. — Дом.

— Верно, это дом, — обрадовался Тимка тому, что девочка перестала дичиться, — сейчас я тебе ещё дерево нарисую.

Он, было, принялся чертить на песке ствол, но тут громко хлопнула дверь, и во двор вышел довольный доктор Мокеев.

— Удачно договорился о найме пятикомнатной квартиры вместе с мебелью, — объявил он Тимошке, — на днях переедем.

— Это твоя новая подружка? — он внимательно посмотрел на ребёнка и поправил пенсне на носу. — Ну-ка, ну-ка, барышня, дай я тебя осмотрю.

Девочка испуганно прикрыла лицо ручонками:

— Не засцепей мене!

— Да она полка? — удивился доктор и нежно отвлёл её маленькие пальчики от щёк, покрытых воспалённой кожей. — Досталось, видно, бедняжке. Вон какая пугливая. Где ты её нашёл? — спросил он Тимку.

— В том доме напротив. Они угловые жильцы, — мальчик показал рукой на флигель.

— Понятно. Давай отведём её домой, а сами прогуляемся до аптеки и закажем лекарство для нашей панёнки.

— Панёнки? — удивился Тимошка.

Пётр Сергеевич улыбнулся:

— Так в Польше называют девочек.

— А где это, Польша? В Африке, где питоны? — спросил Тимошка. — Бабка-соседка сказала, что поляки шипят, как змеи.

— Это на западе Российской империи, — рассмеялся дядя Петя. — Если события будут благоприятствовать, то на следующее лето мы с тобой съездим посмотреть Варшаву. Чудесный город. Я там познакомился со своей женой, она наполовину полька. — Его глаза погрузнели, и Тимошке даже показалось, что доктор украдкой поморгал ресницами, прогоняя слезинку.

Они отвели Крысю домой и не торопясь прошли до ближайшей аптеки с выразительной надписью «Аптека доктора Баумгартена. Наилучшая рецептура». Не успел доктор Мокеев открыть дверь, как его схватил за руку запыхавшийся молодой незнакомец в потёртом сюртуке и с длинными бакенбардами, свисавшими, как лыковая мочалка:

— Вы преступник, сударь! — закричал он на всю улицу. — Я буду жаловаться на вас полицмейстеру!

Мужчины вызывающе стояли друг напротив друга у стеклянной двери аптеки, загора-

живая проход, и вокруг них постепенно начала собираться толпа любопытствующих.

— Вы преступник, вы хотели украсть ребенка! — по-иностранному пришепётывая, напористо кричал молодой жилистый мужчина, хватая Петра Сергеевича за отвороты сюртука.

Его громадные кулаки с узловатыми пальцами то сжимались, то разжимались, приближаясь к самому лицу доктора. Тимошке показалось, что он сейчас примется драться с Петром Сергеевичем врукопашную.

— Дяденька, ты ошибаешься! — кинулся он к незнакомцу. — Ты нас с кем-то спутал, мой батюшка не похищает детей, он доктор, он лечит больных.

— Ах, доктор! — взревел мужик, как паровозная сирена. — Гляньте, панове! Врачи посреди бела дня воруют детей для своих изуверских опытов!

— Да брось ты, парень! У нас про такое бесчинство слыхом не слыхивали, — старался урезонить буяна приказчик из мануфактурного магазина, выскочивший на шум с портновской линейкой в руке. Он, как саблей, лихо разрезал ею воздух, едва не задев Тимошкиного носа, и залиvisto захохотал, сверкая безупречными зубами. — Ох, и люблю я драчки! Куда веселей день проходит, коли потасовка приключается!

— Верно, верно говорит приказчик, — зашумели зеваки, — у нас за живодёрство быстро загребут на каторгу.

— Сударь, сударь, уверяю вас, произошла какая-то ошибка! — пытался вставить своё слово и остановить нечленораздельные крики нападавшего доктор Мокеев.

Стоящие вокруг зашумели. Купчик в жилетке, надетой на рубаху навывпуск, тронул нападавшего за плечо и указал на Тимошку:

— Твой парнишка?

— Нет, не мой, у меня дзевчинка, — немного остыл мужчина, — дочка, дома осталась...

— Значит, вы отец больной девочки? — строго спросил доктор Мокеев.

— Ну я, — вызывающе скрестил руки на груди кричавший.

— Что же вы, папаша, за ребёнком плохо смотрите, — строго сказал Пётр Сергеевич. — Я осмотрел вашу девочку, нашёл малышку больной и иду с сыном за лекарством для неё. Хотел вам презентовать.

Мужик опешил:

— Как презентовать? Лекарство? Мне? Для Крыси?

— Именно, — подтвердил доктор Мокеев. — И соблаговолите нам поведать, откуда у вас сведения, что я ворую чужих детей?

— Действительно, откуда? — встрял между ними приказчик и требовательно посмотрел на возмущённого папашу. — Признавайся, мужик, а то мы за наведение на праслины на добрых людей живо тебе бляху начистим.

— Господа, — повернулся к толпе Пётр Сергеевич, — мы разберёмся между собой приватно. Благодарю вас всех за поддержку и убедительно прошу разойтись.

— Ну вот, всегда так, — заворчали зеваки, предвкушавшие развлечение, — не успела заваруха начаться, как сразу «разойдись».

Доктор взял мужчину под руку и отвёл в сторону.

— Извольте объясниться, чем вызвано ваше столь странное поведение? Мне кажется, я не давал повода сомневаться в моей благонамеренности.

Крысин папа сдвинул на лоб замусоленную кепку и крепко потёр затылок.

— Соседка поведала, что мою Крысю пан желает украсть, — сказал он, перемежая русские и польские слова. — Нижайше прошу простить меня.

«Вот ведь какая бабка вреднющая, — подумал Тимошка, — точно, как мельничиха из соседней деревни. Та, если ни с кем за день не поругается, ночью не заснёт. У неё даже фамилия была Злюкина».

— Как ваше имя? — дружелюбно спросил сапожника доктор Мокеев.

— Марек. Марек Липский, — представился мужчина. — Я починая обувь. Наша матка померла. Остались только я и дочка.

— Если вы меня подождёте несколько минут, — сказал Пётр Сергеевич, — я куплю мазь для Крыси, а завтра-послезавтра мы с сыном

зайдём провести вашу девочку. Мы будем жить в доме Тарасова напротив вашей квартиры.

— Дзиекуе, — низко поклонился мужчина, доставая рукой чуть не до земли.

По его растерянному виду было видно, что ему очень стыдно за своё поведение. Тимошке стало жалко Крысиного папу — наивный сапожник даже не догадывался, что коварная соседка нарочно подговорила его затеять ссору с доктором, наверняка надеясь, что Липского заберут за скандал в полицию и выселят из города.

Когда через полчаса Марек ушёл, сжимая в руке баночку со свежей мазью для Крыси, Тимошка уже знал, что семья Липских долго жила в пригороде Варшавы, до тех пор, пока не умерла молодая и красивая пани Катаржина, мама Крыси. Остаться в стране, где умерла любимая жена и где каждый камень напоминал о безвозвратной потере, Марек не мог, и вместе с дочуркой подался в столицу Российской империи. Русский язык он знает прилично, а вот Крыся пока понимает только по-польски.

— Говорят, что здесь, в России, можно быстро разбогатеть, — горячо объяснял поляк, дергая ворот рубахи, как будто он душил его. — Я очень хочу, чтобы моя девочка ни в чём не знала нужды и не умерла без лечения, как моя любимая жена.

Тимошка сочувственно поглядел в глаза разволновавшегося мужчины и от всего сердца пообещал, что будет заботиться о Крысе, как брат.

— Только, — он замялся, — почему у неё такое странное имя? У нас так не называют девочек.

— Это есть Крыстина, — тепло улыбнулся Марек. — Очень красивое имя.

«Крыстина, так Крыстина, — подумал Тимка, — вроде бы и правда звучит неплохо».

— Дядя Петя, давай купим баранок к чаю! — предложил Тимошка, — Танюша очень любит их грызть.

Он весело бежал рядом с Петром Сергеевичем, прикидывая, будет ли учитель Алексей Модестович, с которым Тимошка успел подружиться, приходить к нему на новую квартиру, или дядя Петя наймёт нового репетитора. Лучше бы Алексея Модестовича, он так интересно объясняет сложную науку физику, а недавно объяснил, как работает паровая машина! Тимошка собрался было спросить у доктора Мокеева, слышал ли он про паровой двигатель, но необыкновенное событие буквально ошарашило мирных прохожих: прямо посередине улице, беспрерывно гудя, как пастуший рожок, ехал самодвижущийся экипаж.

— Силы Небесные! — охнула рядом с ними дородная баба с бидоном молока. — Коляска без лошади! Не иначе, как грядёт конец света!

Тимка застыл на месте, словно его к асфальту гвоздями приколотили. А что оставалось делать, если открытая повозка с тремя пассажирами ехала сама собой, будто в сказке. И было у неё пять

колёс. Четыре колеса, как у обыкновенной повозки, а пятое колесо — тоненькое и деревянное — приделано внутри, и его крутил во все стороны бородатый дядька в клетчатом костюме и английской кепи с помпоном. Завидев такое диво, лошади по обеим сторонам дороги начали рваться из упряжки и вставать на дыбы, а прохожие — испуганно креститься и охать.

— Дядя Петя, что это? — с восхищением выдохнул Тимошка.

— Автомобиль — новейшее изобретение, — не моргнув глазом, объяснил доктор. — Я читал в газете, что великий князь Дмитрий Константинович Романов выписал его себе из Европы вместе с водителем.

— Да вон и сам великий князь. Видишь, высокий и худой.

Пётр Сергеевич указал мальчику на стройную фигуру, затянутую в военный мундир, неподвижно возвышавшуюся рядом с шофёром. Но Тимофей смотрел совсем не на великого князя, а на того, кто пристроился на сиденье рядом с владельцем автомобиля и, не отрывая взгляда, следил за действиями водителя с помпоном. Там, наряженный в белый сюртучок, сидел юный князь Езерский. Счастливый! В эту минуту Севе завидовали, наверное, все мальчики Санкт-Петербурга от мала до велика!

— Сева! Сева! Ваше сиятельство, князь Всеволод Андреевич! Мой папа вернулся! Слышишь, ваше сиятельство! Спасибо твоей маме! —

заорал Тимошка, словно оглашенный, и ринулся вслед за автомобилем, за которым с улюлюканьем неслась бойкая гурьба местных мальчишек.

Среди мелькавших, как листья на воде, ребячьих лиц, Сева его не заметил, а повернулся к великому князю и что-то сказал тому на ухо. Тимошка понял, что друг его не видит, и хотел повернуть назад к дяде Пете, но резвая толпа взбудораженных невиданным чудом ребят увлекла его за собой, не давая возможности развернуться или отбежать в сторону.

— Пропустите! Посторонитесь! — выкрикивал Тимка, но внезапно получил подножку и рухнул лицом вниз на шершавую корку свежего асфальта.

Он почувствовал острую боль разбитого носа, кто-то запнулся об него, дав ему крепкий пинок, совмещённый с сочным ругательством. Рот наполнился кровью, и противно зазвенело в ушах. Тимошка встал на четвереньки, заплывшим глазом глянул вслед умчавшейся за автомобилем шумной ватаге и, собрав последние силы, хрипло выдавил:

— Папа!

Три дня Тимошка пролежал в постели с холодным компрессом на разбитом носу, разглядывая одним глазом большую книгу с заковыристым названием «Энциклопедия для детей».

С той самой минуты, как дядя Петя, а точнее папа, поднял его с асфальта, Тимку мучила совесть — вспоминая последние события своей жизни, он все более утверждался в мысли, что причиняет всем одни хлопоты. То у него украли папины часы, и он побежал за бабкой Досифеей Никандровной, а потом едва не заблудился в незнакомом городе. То без спросу сбежал на пожар и чуть не замёрз в подвале-леднике. То сунулся на сцену под выстрелы террористки. Ну а теперь его понесло за самодвижущимся экипажем. Перечисляя свои прегрешения, он загибал пальцы. Серьёзных проступков набиралось целых пять штук. Многовато для одного лета.

Если бы батюшка знал, что я такой шалопутный, выбрал бы себе не озорного мальчика, а спокойную, домовитую девочку, которая день и ночь штопала бы ему носки и пекла пироги с луком и яйцом, корил себя Тимка. Всё! С сегодняшнего дня начинаю новую жизнь — буду тихим, послушным, ничего не буду делать без разрешения и перестану лезть в чужие дела.

Вставать с кровати ему запрещали — доктор Мокеев опасался сотрясения мозга, поэтому Тимошке ничего не оставалось, как ворочаться с боку на бок и предаваться невесёлым размышлениям. Время от времени его навещала Танюша. Она подолгу сидела на краешке Тимошкиной кровати и удручённо трогала мизинчиком его горячий расплывшийся нос. Иногда в ком-

нату заглядывала оживлённая Зиночка и радостно сообщала последние новости о взрослых.

— Дядя Петя поехал в Гатчину за вещами, — докладывала она Тимофею. — Маме принесли заказ от шляпницы. Ты не представляешь, какая там чудная шляпка с голубым бантом и рюшкой понизу! Папа на работе, а Маша познакомилась с сыном мясника из лавки купца Сытникова, и он презентовал ей полфунта превосходной ветчины. Маша одна съела всё до крошечки и не поделилась с кухаркой. Я думаю, что у неё должен заболеть живот.

Когда «Энциклопедия для детей» была прочитана от корки до корки, а Зиночкины новости иссякли, приехал Пётр Сергеевич и, наконец, разрешил Тимошке вставать.

— Я заказал на завтра три подводы для вещей и двух подёнщиц, чтобы помогли тёте Симе распаковывать вещи, — сказал он с порога и на всякий случай потрогал Тимошкин лоб, нет ли температуры. — Я полагаю, что ты тоже сможешь подключиться к работе и обставить свою комнату по собственному желанию.

Свою комнату! От таких слов Тимошке захотелось заплесать камаринскую. У него будет своя собственная комната! Не место на сундуке в углу, как у тёти Мани, и даже не подушка на печных полатах, как у родителей, а целая комната! Тимофей стремглав кинулся к письменному столу и прижал к груди большой том «Животных Африки» — дорогой подарок от

друга Севы. Он поставит его в своей комнате на самое расчётное место рядом с красным углом, будет каждый день любоваться, как отливают золотом толстый книжный переплёт, и вспоминать их встречу около цирка.

— Папа, если я напишу письмо Севе, что мы переезжаем, можно я сам его отнесу? — спросил Тимошка, помня своё недавнее обещание быть послушным.

— Конечно, это будет очень вежливо с твоей стороны, — сразу согласился Пётр Сергеевич, и Тимка немедленно уселся за письменный стол.

Мой дорогой друг Сева, князь Езерский! — уверенным почерком прилежного ученика начертал он ровные буквы. — Низкий поклон тебе и твоей драгоценной матушке-княгине от нас с папой! Ты знаешь, папа вернулся! Он тяжело болел, а потом был в плену в лесной деревне. Ему помог бежать один старик. Он подарил папе красивый кинжал. Господин Арефьев сказал, что этот кинжал сделан в Дагестане. Папа разрешает мне носить его на шее. Три дня назад я видел тебя в автомобиле и хотел сказать тебе «спасибо», но ты меня не заметил.

Как твои занятия фехтованием и подготовка к войне с японцами?

У нас большая новость. Мы переезжаем в Петербург и будем жить в доме Тарасо-

вых на Большой Мещанской улице. У меня будет своя комната! Рядом с нами живёт девочка из Польши. Её зовут Крыся.

Кланяюсь тебе множество раз. Навеки твой друг. Тимошка Петров-Мокеев.

— В письме обязательно ставится дата, — сказал Пётр Сергеевич, пробежав глазами письмо для Севы, и Тимошка послушно поставил внизу страницы: «5 августа 1903 года».

Тимошка аккуратно положил письмо в конверт и надписал, как учил его старший лакей: «Его сиятельству, князю Всеволоду Андреевичу Езерскому».

— Папа, я сбегаю отнесу письмо? Здесь недалеко, — протянул Тимошка и просительно посмотрел на отца.

Пётр Сергеевич на минуту задумался и нехотя кивнул:

— Ладно, прогуляйся, а то ты уж весь извёлся от безделья. Только туда и обратно. Уяснил?

Тимошка просиял и мгновенно почувствовал себя совершенно здоровым:

— Само собой уяснил. Ты, папенька, не сомневайся! На мне уже воду возить можно.

Он пригладил вихры, растрепавшиеся от долгого лежания в кровати, тщательно осмотрел своё отражение в зеркале и заметил, что, хотя нос по-прежнему красный и распухший, синяк под глазом уже не фиолетовый, как был вначале, а нежно-жёлтый и почти незаметный.

«Ерунда, я в деревне шибче разбивался, а Любка пастухова один раз себе три зуба вышибла о кадку, и всё зажило, как на собаке», — вспомнил он свою деревенскую жизнь и бодро побежал на улицу. Иван Лукин, посверкивая бляхой с надписью «дворник» на груди, чертыхаясь, подстригал разросшиеся кусты.

— Что, пострел, никак снова озоровать полетел? Смотри, вдругорядь не балуй на дороге, а то не нос, а всю голову расквасишь, — напутствовал он Тимошку.

— Я и не баловал вовсе, — отговорился Тимка, но вступать в спор не стал, а миновал сумрачную арку и резво побежал по знакомой улице к особняку Езерских.

Через полчаса он, запыхавшись, отдал письмом важному привратнику, который, подозрительно оглядев Тимошку с ног до головы, не преминул заметить, что его сиятельство сейчас в отъезде. Потом Тимка на всякий случай пробежался взад-вперёд по набережной и повернул к дому.

— Папа сказал «туда и обратно», — благоразумно вспомнил Тимошка и заколебался, — но я же должен повидаться с Досифеей Никандровой и поведать ей свои новости.

Он немного постоял в раздумье, посмотрел, как в речке под мостом весело пробегают рыбацкие лодки, заваленные ещё живыми налимами, и решил, что ничего страшного не произойдёт, если он на пару минут заскочит на

их с Досифеей заветную скамеечку. К счастью, Досифея Никандровна оказалась на месте. Ещё издалека Тимошка услышал её дребезжащий голос, распеваящий страдания:

Ягодиночка уехал
Через наше поле-то,
Все берёзки наклонились
На моё на горе-то.

Тимка подумал, что частушка звучит совсем невесело, и заспешил к старушке, чтобы немного её подбодрить. Досифею Никандровну он нашёл сидящей под кустом на голой земле. Бабка пела, обхватив руками колени и уставившись вдаль на мелькавший возле больничного корпуса белый докторский халат.

— Что, Тимка, удивляешься? — она вытерла рукавом слезинку и высморкалась. — Думаешь, я всегда весёлая? Нет, брат, есть и у меня резоны слёзы по щекам поразмазывать да погоревать. Она поправила шляпку и затянула новый куплет:

Все вагоны сероватые,
Последний голубой,
На последнем, на голубеньком
Уехал дорогой.

Её песня сорвалась на плач. Досифея хлебнула воздуха, отчаянно взглянула на Тимофея и, закрыв лицо руками в рваных кружевных перчатках с отрезанными пальцами, безутешно зарыдала.

— Досифея Никандровна, не плачь! — сочувственно зашептал ей Тимошка и тоже всхлипнул от жалости. — Всё пройдёт, вот увидишь!

— Давно всё прошло, — сквозь слёзы проговорила Досифея. — Сегодня ровно двадцать шесть лет исполнилось с тех пор, как мой любезный дружок уехал на проклятую русско-турецкую войну. На этом самом месте с ним и распрощались. Словно голубок белокрылый из моих рук в небушко выпорхнул да и сгинул в чужих краях.

Она мягко привлекла к себе Тимошку и поцеловала прямо в распухший нос:

— Спасибо тебе, добрая душа, за сердечную ласку. Беги домой, тебя там батюшка, небось, уже жаждался. А я тут одна побуду, повспоминаю своего милого. Вдруг он в эту минуточку там, в лучшем мире, тоже обо мне мечтает.

Словно в подтверждение её слов, среди ясного неба раздался громовой удар, и разразился освежающий ливень.

Домой к Арефьевым Тимошка примчался вымокший до нитки и с порога повинился Петру Сергеевичу, что слова своего сбегать до Севы и обратно он не сдержал и не только письмо отнёс, но и заскочил к бабке Досифее Никандровне.

— Эх, Тимофей, Тимофей! — покачал головой доктор Мокеев. — Когда ты отвыкнешь от деревенской вольницы? Тут, брат, бал правят

дисциплина и порядок. Не приучишься к нему — грош тебе цена в базарный день.

«Верно говорит папа Петя, — повесил голову Тимка, — грош мне цена».

Он немножко посидел около Танюши и рассеянно написал ей на ладошке слово «дождь», а потом подставил её руку под падающие с верхнего этажа тёплые капли. В его ушах продолжали звучать слова Досифеи Никандровны о без вести пропавшем женихе. Как же ей, бедняжке, безотрадно. Вон сколько лет прошло — почти тридцать. Интересно, сколько бабке лет? Он приблизительно посчитал в уме, выходило, что старухе никак не меньше пятидесяти лет, а то и все шестьдесят. Столько же, сколько было деду Илье.

— Совсем древние, — сочувственно вздохнул мальчик. — Полвека — это тебе не шутка. Я до стольки, может, и не доживу. Пятьдесят лет мне сравняется к 1943 году. Наверное, в это время в России уже настанет полное благоденствие. Царь наведёт в стране такой порядок, что не будет ни бедных, ни больных, ни сирот. Да и как иначе, раз он так старается — если где вспыхивает эпидемия, то доктора туда целыми поездами едут, и всё за казённый счёт. Для сирот, таких, как Нина Павловна или он, Тимошка, открыты хорошие приюты, в которых, стоит только захотеть, на сестру милосердия или на доктора или инженера выучиться можно. Что ни день, то новые церкви освящаются. Красота! Нет! Надо постараться не болеть и дотянуть до

пятидесяти лет, чтобы своими глазами увидеть, как дивно будет тогда жить в родной стране.

Тимошка ещё немного попереживал за свой необдуманный поступок, повздыхал на балконе, глядя, как под застрехой прячутся от дождя нахохлившиеся голуби, и побежал к отцу мириться. Пётр Сергеевич был на кухне и пил чай с чёрным хлебом, густо посыпанным солью. Рядом с ним пристроилась Нина Павловна и горячо убеждала его позволить Тимошке по-прежнему приходить к ним заниматься с Алексеем Модестовичем.

— Нина, ну как я могу? — возражал Пётр Сергеевич. — Ты же видишь, его совершенно нельзя выпускать одного. Бог знает, куда Тимофею вздумается убежать в следующий раз.

Он лукаво подмигнул Нине Павловне и высил голос так, чтобы Тимошке было слышно каждое слово:

— Нет, нет, и не проси. Вышел он у меня из доверия.

— Папа Петя, — не выдержал Тимошка, — верни мне доверие! Я больше не буду без дозволения уходить!

Он уже готов был пустить слезу, но доктор Мокеев сменил гнев на милость и в знак примирения пододвинул Тимке свободный стул:

— Ну, так и быть. Поверим тебе на слово.

Остаток дня прошёл в сборах и суете, а на следующий день Тимошка, Пётр Сергеевич и тётя Сима ночевали уже в новой квартире. Наутро

Тимка проснулся ни свет ни заря и долго разглядывал свою первую в жизни комнату. Она была не особенно большая, но зато квадратная, светлая и необыкновенно уютная. Наверное, потому, что на письменном столе стояла такая же настольная лампа, как в доме Арефьевых. Кроме того, в новом книжном шкафу орехового дерева блестел золотым переплётом подарок князя Езерского, напоминая о необыкновенной прогулке в поисках таинственного змея, с которым он, Тимошка, должен прожить всю жизнь.

Взволнованный новизной ощущений, он быстро вскочил и подбежал к окну, чтобы ещё раз окинуть взором свои новые владения и двор, который стал теперь своим. Вчера, когда разбирали подводы с вещими и метались, как полошные, разглядеть всё в подробностях было недосуг, а сегодня — вот он, двор. Виден с их третьего этажа, как на ладони. Вон скамейка, под которой сидела маленькая Крыся, вон дверь в конторку управляющего. Все остальные выходящие во двор двери были дверьми в парадные. Тимошка уже знал, что во всех петербургских домах есть два хода — парадный и чёрный. В парадном подъезде всегда дежурит швейцар, а по чёрной лестнице бегают прислуга с покупками, прачка со стиркой или истопник носит дрова. Проход с чёрной лестницы открывается прямо на кухню, чтобы было удобнее. Тимошка подумал про кухню и с удовольствием вспомнил, что, несмотря на трудный вчерашний день, тётя

Сима успела испечь вкусный пирог с картошкой и жареным луком.

Он сунул ноги в тапочки и побежал на кухню, чтобы перекусить. Тётя Сима уже поднялась и затопила плиту, на которой сиял боками мельхиоровый чайник. Она ласково чмокнула Тимошку в розовую ото сна щёку и сунула ему в руки кружку парного молока:

— На-ко, попей, пока тёпленькое. Только что чухонка-молочница ушла. Каждый день нам молочко носить будет.

Тимошка не в первый раз слышал про чухонских молочниц, которые считались самыми лучшими и аккуратными поставщиками молока в столицу. Ему тоже нравились эти приветливые женщины, одетые в красные шерстяные юбки и ослепительно-белые накрахмаленные передники. Совсем недавно Нина Павловна объяснила ему, что «чухна» — это старинное русское название жителей Финляндского царства, которое сейчас — часть Российской империи.

Тимошка отпил первый глоток густого молока и зажмурился:

— Вкуснотища!

Но тут же отставил чашку в сторону и нерешительно взглянул на тётю Симу.

— Тётя Сима, можно, я отнесу немного молока Крысе?

— Крысе? — всплеснула руками женщина. — Ты в своём уме? Нешто мы парным молоком будем крыс подкармливать? Их от сы-

тости тьма-тьмушая разведётся, ни один кот не передушит.

— Крыся — это девочка, — засмеялся Тимошка Симиной непонятливости, — она в доме напротив живёт. Угловым жильцом. Она маленькая совсем, и у неё умерла мама.

— Ну и имечко, — осуждающе покачала головой тётя Сима, но, тем не менее, отлила молоко из высокой стеклянной банки в жестяную кружку.

— Позавтракаешь и отнеси, а потом сразу домой — дел у нас сегодня непроворот. Пётр Сергеевич затемно в больницу ушёл, так что вся домашняя работа нам с тобой осталась.

Тимка согласно покивал, мигом проглотил завтрак, осторожно, чтоб не расплескалось молоко, спустился по лестнице и лоб в лоб столкнулся с Кокой.

— Привет! — радостно хлопнул его по спине Кока так, что Тимофей чуть всё молоко на землю не вылил. — Я к тебе. Горничная Арефьевых сказала нашей горничной, что вы съехали на Большую Мещанскую в дом Тарасовых, вот я тут и караулю, — объяснил паренёк. — Утром сбегал в твой старый двор и выпросил у дворника ваш новый адрес. Какая у Арефьевых девчонка симпатичная! Вроде Зина зовут, — он мечтательно закатил глаза вверх. — Познакомишь?

Тимошка кивнул. Кока придвинулся поближе и всмотрелся в Тимошкино лицо с разбитым носом:

— Э, да у тебя никак боевые раны? Дрался?

— Нет. Сам упал. За автомобилем бежал.

Кока восхитился:

— За настоящим автомобилем? Везёт тебе.

А я его ещё ни разу не видел. Только в газете про него читал. Ради авто я бы и сам согласился морду расцарапать. У меня к тебе, понимаешь, очень важное дело. Надумал я провести один научный эксперимент. Поможешь? — он вопросительно посмотрел на приятеля и, путаясь в словах, принялся объяснять суть дела.

— Слышал про японских воздушных змеев?

Тимка насторожился. Он не только слышал про них, но и видел упавшего с дерева сына старшего лакея князей Езерских.

— Так вот, — серьёзно продолжил Кока, — если сделанный из бумаги воздушный змей может летать и даже переносить грузы, то почему бы не попробовать полететь и человеку.

Тимошка поставил кружку с молоком на скамейку и недоумённо посмотрел на Коку:

— Как человек сможет полететь? Если только с печки на лавку...

— Вот и нет! Если взять два матушкиных зонтика, скрепить между собой да спрыгнуть, скажем, с крыши дома, то наверняка полетишь. Надо только выбрать момент, когда будет дуть ветер с залива.

Тимка подумал, что доля истины в Кокиных словах есть. Однажды в парке порыв ветра унёс кружевной зонтик Нины Павловны, и Ти-

мошка бежал за ним чуть не полквартала. Но чтобы прыгать с зонтами с крыши? Ну уж нет!

Он решительно повернулся к Коке и взял его за плечи:

— Даже думать не смей!

— И ты туда же! — обиделся Кока. — Друг Волька тоже отказался. Эх вы, трусишки. Ну и не надо. Один прыгну. Без вас. А вам потом стыдно станет, когда я стану знаменитым воздухоплавателем.

Он резко направился к воротам, но Тимошка одним прыжком догнал товарища и перегородил ему дорогу:

— Не пушу! На прошлой неделе чуть на дно не пошёл рыб кормить, а нынче хочешь голову об камни расшибить? Дай слово, что не будешь прыгать, а не то я твоей маме расскажу.

— А, так ты доносить вздумал! — закричал Кока на весь двор и попытался оттолкнуть Тимошку. — Ну и ябедничай! Фискал!

— Кока. Дай мне слово, — не отставал Тимофей. Он растопырил локти по сторонам, чтобы Кока не проскользнул мимо, и приблизился вплотную к неугомонному исследователю.

— Не дам! — Кока отбежал назад и с разбегу прорвал Тимкину оборону.

Тимошка отлетел к стене, снова стукнулся о неё едва зажившим носом и попытался поймать Коку за рубаху.

— Вот тебе! — Кока показал язык, потом в знак презрения выставил локоть и был таков.

В знакомом уже подвале, где угловыми жильцами квартировали Липские, как и в прошлый раз, было безлюдно. Видно, все жильцы уже разбрелись по своим делам. Лишь из одного из углов за занавеской раздавался могучий мужской храп. Унесло куда-то даже вредную бабу, желавшую, чтобы семью польского сапожника выкинули из города. Тимошка на цыпочках прокрался в угол, где жила Крыся, и увидел, что девочка закатилась в уголок койки и мирно спит. Он пристроил свою кружку поустойчивее на сундук и так же неслышно вышмыгнул в раскрытую входную дверь.

Как Тимошка и предполагал, тётя Сима разохалась не на шутку:

— Смотрите, люди добрые, — призвала она в свидетели кошку, — на одну минуту ребенок на улицу вышел, а вернулся с расквашенным носом. Признавайся, где озоровал?

Тимошка призадумался. С одной стороны, он не хотел ябедничать на Коку, а с другой, он обещал себе говорить только правду.

— Эх, семь бед, один ответ, — наконец решил он и взглянул на тётю Симу. — Я с Кокой повздорил и нечаянно ударился носом об стенку.

— Нечаянно, значит? — уточнила тётя Сима и сердито принялась раскладывать вещи по ящикам комода.

— Нечаянно, нечаянно, — торопливо подтвердил Тимка, — а молоко для Крыси я отнёс. Ты не думай.

На обед домой пришёл доктор Мокеев. Когда Пётр Сергеевич съел полную тарелку супа с цветной капустой и принялся за жаркое, Тимошка не выдержал:

— Папа, как ты думаешь, может человек полететь, как птица?

Отец не торопясь отложил вилку, налил себе стакан холодного черничного киселя и с наслаждением сделал большой глоток.

— Как тебе сказать? Думаю, что да. Несколько лет назад французы, братья Райт, изобрели летательный аппарат и назвали его «аэроплан», а ещё раньше учёный Монгольфье осуществил полёт на воздушном шаре. С каждым днём человеческая мысль идёт всё дальше и дальше, — восхищённо говорил доктор, — помани моё слово, пройдёт пятьдесят лет, и мы не узнаем нашего Отечества!

Тимошка так и ахнул. Значит, прав был Кока, и если захотеть, то можно парить в облаках, как голубь или ласточка? Зря он ругал Коку.

Тимошкины мысли прервал вопрос Петра Сергеевича:

— Как Крыся?

— Не знаю, я её не видел, только молоко ей оставил, тётя Сима разрешила, — он обернулся к ней за подтверждением.

— Молоко — это правильно, — одобрил отец. — Молодец, правильно догадался, как настоящий доктор. Девочке необходимы свежие молочные продукты.

Он поблагодарил тётю Симу и поднялся из-за стола.

— Я — в больницу, принимать дела. Есть желающие пойти со мной?

— Есть! Есть! — с визгом бросился в прихожую Тимошка. — Я уже соскучился без фельдшера Якова Силыча и без моих больных!

— Яков Силыч наказывал тебе привет передать. Вот сам ему ответ и отнесёшь.

Доктор Мокеев надел сюртук и взял в руки свой докторский чемоданчик, с которого началось Тимошкино знакомство с названным батюшкой. Мальчик подумал, что ещё не успел рассказать папе про безногого вора Максимыча, который столкнул его под поезд и которого он, Тимка, от всей души простил перед смертью.

Мальчик споро зашнуровал ботинки, небрежно окинул себя взглядом в большом настенном зеркале с чёрной резной рамой и потянулся к лежащему на полочке кинжальчику, подаренному Петру Сергеевичу стариком-отшельником в заморшанских лесах.

— Папа, позволь я возьму его с собой? Я хочу показать клинок Якову Силычу.

Он так просяще посмотрел в глаза доктора Мокеева, что тот разрешающе махнул рукой:

— Ладно, бери.

Тимошка просиял и спешно надел на шею тонкий кожаный шнурок с висящими на нём ножнами.

Когда они шли по улице, Тимофея вдруг осенило:

— Ты знаешь, папа, Яков Силыч, как и твой спаситель, тоже был фельдшером на русско-турецкой войне. Вдруг он знал Прохора Игнатьевича?

— Да нет, не знал, я спрашивал. Мало ли на войне военных медиков. По несколько докторов в каждой бригаде, а фельдшеров и вообще больше десятка. Кстати, мой папа тоже был санитаром на русско-турецкой войне и однажды вынес с поля боя раненого командира.

— И мой дед Илья на ней воевал, он был бомбардиром-артиллеристом, — похвастался Тимошка.

— Вот видишь, сколько за нашу Россию-матушку пришлось народной крови проливать.

Тимошка озабоченно потрогал разбитый нос, снова начинавший зудеть от боли, и решил, что пора поделиться секретом:

— Князь Севка Езерский сказал, что скоро начнётся русско-японская война, — Тимошка таинственно округлил глаза и понизил голос, чтобы вражеский лазутчик не мог подслушать секретные сведения. — Сева сказал, что на нас могут напасть самураи. Он уже берёт уроки фехтования, чтобы поехать на фронт. Я тоже хочу!

Пётр Сергеевич нахмурился:

— Смею предположить, что на фронт вам с Севкой ещё рановато, но насчёт воинственных планов японцев, боюсь, он прав.

От таких важных слов про войну у Тимошки по спине холодок пробежал.

— Папа, мы ведь хорошие, наша страна никого не обижает. За что японцы хотят с нами воевать?

— За Манчжурию, — пояснил Пётр Сергеевич. — Это часть Китая, которая вплотную прилегает к нашему Дальнему Востоку.

— Ты ведь говоришь, что Манчжурия — это Китай, зачем же нам воевать из-за чужой страны? — удивился Тимошка.

— Потому что сейчас Россия взяла Манчжурию у Китая в аренду. Вроде как мы с тобой арендовали квартиру у домовладельцев Тарасовых. Дело в том, что восточные земли весьма важны для России, потому что являются для нашего флота выходом к незамерзающим Жёлтому и Японскому морям. Само собой, такое соседство очень не нравится недружелюбной нам Японии. Их император и сам хотел бы распоряжаться на этом участке Ляодунского полуострова.

— Мне бы не понравилось, если бы кто-то захотел выжить нас из квартиры, — заключил Тимошка. — Знаешь, как мне было обидно, когда тётка Маня меня из дедушкиного дома выгоняла.

— Больше тебя никто не выгонит, — на ходу обнял его отец и ласково положил мальчику на плечо свою руку. — Ты веришь мне?

— Верю, — зажмурился от счастья Тимка, и ему показалось, что солнце высыпало на его

голову целый ворох тёплых золотых бликов. — Вот увидишь, папа, я тебя никогда не подведу!

45

На больничном дворе стояла большая суета: то и дело пробегали санитары с носилками, сестры милосердия, переговариваясь на ходу, спешили в хирургический корпус, а двое мужиков в поддёвках тащили под руки стонущую бабу, чья голова бессильно болталась, как у тряпичной куклы. Время от времени баба стонала и сплёвывала на землю кровавые сгустки, которые тут же подбирали вездесущие вороны.

— Пётр Сергеевич, скорее! Привезли пострадавших от столкновения трёх экипажей, — издалека замахал рукой Яков Силыч.

Он едва кивнул Тимошке и, круто развернувшись, поспешил в хирургический корпус.

— Погуляй пока, — с сожалением сказал Тимошке Пётр Сергеевич, — думаю, это надолго.

Тимошка понимающе кивнул и пожелал в душе, чтобы все жертвы катастрофы отделались лёгкими ранами. Не такими, как у нашего соседа в Соколовке, которого лошадь закинула аж на сеновал, припомнил он ужасный случай в родной деревне, бывший по зиме, и вздохнул:

— Интересно, как там Кирька с Катькой и тётка Маня? Надо бы написать им письмо. Ничего, что они все неграмотные, отец Василий

из Покровской церкви наверняка не откажется прочитать весточку из города. Да и ответ напишет.

Он приблизился к скамеечке, на которой любила отдыхать Досифея Никандровна, но своей подруги там не нашёл. Не было её и в кустах сирени. Тимошка немного посидел на скамейке, пересчитал ступеньки у прислонённой к дереву лестницы, погладил приبلудившуюся рыжую кошку и нехотя поплёлся к больничному пруду. «Пойду хоть на уток посмотрю. В больнице сейчас не до меня, Досифеи нет, папа осматривает больных, а я больше без разрешения со двора ни ногой», — благонамеренно рассудил он.

Пруд располагался сразу за небольшой берёзовой рощицей, видимо, посаженной совсем недавно, потому что кроны деревьев ещё не обрели пышной красоты раскидистых российских рощ, наполняемых по ночам дивным соловьиным пением. Пока здесь раздавалось только заполошное кряканье уток, да из-за больничной ограды долетали окрики извозчиков, подбадривающих своих рысаков.

Навстречу Тимке проскакал на костылях незнакомый больной с окладистой бородищей, и вальяжно проплыла горожанка в красной кофте крупными горохами. Полуденный ветерок располагал к отдыху, что и не преминули сделать ходячие больные и редкие посетители.

Тимошка пристроился под корявым тополем и, задрав голову, долго смотрел на синее

небо, пробивающееся сквозь ажурные листья. Потом внимание мальчика привлёк большой селезень, который, увидев его, требовательно вытянул шею и забил крыльями по воде, явно требуя корма.

— Видишь, у меня ничего нет, — развёл руками Тимошка, — трудись сам, пока лето на дворе, еды-то в пруду полно.

Но селезень не отставал. Он вышел на берег и приковылял к Тимкиному ботинку, нороя клюнуть блестящий металлический кончик шнура.

— Кыш, не тобой куплены! — отогнал птицу Тимошка.

Двигаться не хотелось. Он повернулся на бок, закрыл глаза и стал представлять, как прыгает с двумя зонтиками с крыши дома Арефьевых, а внизу стоят Нина Павловна, Зиночка, Сева Езерский и Кока. Они бурно рукоплещут и восхищённо любуются смелым воздухоплавателем, а Зиночка преподносит ему букет роз, таких же прекрасных, как те, что Юрий Львович подарил Нине Павловне на годовщину свадьбы.

Разбудило его истошное гоготание на другой стороне пруда. Тимка вскочил и с опаской двинул на утиный крик — а ну, как там прибилась бешеная лиса. Тогда надо дать знать папе, чтобы он запретил больным выходить на улицу. Но это была вовсе не лиса, а всего лишь знакомый селезень, который запутался в силках, поставленных каким-то негодяем.

— Погоди немного, сейчас я тебя спасу, — успокаивающе сказал птице Тимошка и стал пробираться на помощь, раздвигая руками ивовые заросли и путаясь в жёсткой осоке. Навстречу ему с другой стороны озерца тоже кто-то двигался. Он поднял голову и с радостью увидел знакомое лицо Досифеи Никандровны. Она, казалось, совершенно не удивилась мальчику, а подобрала замызганную юбку, словно это был шлейф на бальном платье, переступила через яму на неровном берегу, изящным жестом поправила шляпку и кокетливо заморгала светлыми, чуть раскосыми глазами:

— Поклон вам, господин хороший. Каким счастливым ветром занесло вас в здешние места?

От такого изысканного приветствия Тимошка даже растерялся:

— Ты что, не узнала меня, Досифея Никандровна? Глянь получше, это же я, Тимка Петров-Мокеев.

— Ну а коли Тимка, то не скажи попусту, как пузырь болотный, а начинай птюшку из петли освобождать. Ишь, как ей там тягостно. Так и живая душа иной раз в силках бьётся, мается, сердешная, а выпутать некому.

Она проворно опустила на колени и принялась отвязывать от разлапистой коряги верёвку, крепко завязанную на несколько узлов. Селезень как будто понял, что люди пришли его спасать, и перестал трепыхаться и бить крыльями.

— Ой, лешаки, крепко бечёвку прикрутили, вас бы так за ногу примотать, чтоб в аду тошно стало, — бабка наклонилась и попробовала развязать узел зубами. — Давай, ты попробуй, — скомандовала она Тимке и подвинулась, давая место рядом с собой.

Он подцепил верёвочку кончиками пальцев, ободрал ноготь и покачал головой:

— Уж больно крепко затянуто.

Селезень вскрикнул, подскочил и ударил крылом Тимошку прямо в грудь. Мальчик почувствовал, как под тонкой рубахой на шее качнулся дарёный папе Пете кинжал, и просиял:

— Как же я мог забыть! Досифея Никандровна, гляди, что у меня есть! — он выпростал из ворота ножны и протянул старухе острый кинжальчик. — На, перережь путы.

Досифея не глядя резанула верёвку, отшатнулась от заполошно выпорхнувшей птицы, разжала руку с клинком, но внезапно обмякла и медленно начала оседать в воду.

— Баба До-си-фея? Ты куда? — недоумённо выкрикнул Тимошка и рванулся за ней, по колено провалившись в залившийся от жары берег.

Он успел схватить Досифею Никандровну за рукав и что есть мочи потянул за треснувшую ткань.

— Опомнись, не умирай!

От его выкрика старуха словно бы очнулась, и её остекленевший взгляд остановился

на правой руке, в которой она крепко зажала Тимошкин кинжальчик с яркой голубой бусиной на рукоятке. Она медленно, как во сне, вышла на берег, встала перед Тимошкой на колени и раскрыла трясущуюся ладонь с клинком:

— Христом Богом заклинаю, скажи, откуда у тебя это?

46

Чтобы никто им не помешал, Тимошка и Досифея Никандровна не пошли на свою скамеечку под сиреневым кустом, а сели на сухое поваленное дерево вблизи нагретой солнцем больничной ограды. Тимошка не помнил, чтобы в этот уголок забредал хотя бы один случайный прохожий. Больные не ходили сюда и подавно, предпочитая чисто подметённые дворниками ровные дорожки с удобными лавками по сторонам. Тёплый ветер, играя, ерошил Тимофею волосы и пушил жёлто-зелёные перья чучела на шляпке Досифеи Никандровны. Она немного пришла в себя и жалобно глядела в ясные глаза мальчика:

— Я сама, сама подарила этот кинжал своему жениху перед его отправкой на фронт, — севшим голосом говорила Досифея Никандровна, не замечая, как вокруг её головы, едва не касаясь лица, кружит крупная чёрная бабочка-махаон. — Мой жених был военным фельдшером. Мы познакомились, когда он лечил моего ба-

тюшку Никандра Порфирьевича от горячки. Батюшка был человеком недоверчивым, опасливым, вот и лечился не у дорогого доктора, а у сына своего управляющего. Всё же не чужой человек. Около батюшкиной постели мы и слюбились. Я потому здесь около больницы и обретаюсь, что мне нет-нет да и привидится мой ясный месяц, вроде как живой. Батюшка не очень одобрял наше жениховство, ну да я на это и внимания не обращала — отец любил меня без памяти и никогда бы не выдал замуж против моей воли. Только мы собрались повенчаться, и день свадьбы уже назначили на Покров, как царь объявил войну с турками.

Досифея Никандровна всхлипнула и прикрыла рукой глаза, словно заново представляя тот знойный день в июне, когда её любимый легко вскочил в седло и, белозубо улыбнувшись, отсалютовал ей шпагой: «Не печалься, суженая! Моё сердце принадлежит только тебе!»

— Ты говоришь, твой жених был фельдшер? — заволновался Тимошка. — Этот кинжал папе тоже подарил старый фельдшер из Заморшанска, спасший его от лютой смерти. Как же его имя? — он задумался и сосредоточено прикусил губу. — А, вспомнил! Его зовут Прохор Игнатьевич Суров.

— Он! Он! — вскочила на ноги Досифея Никандровна. — Жив, мой голубь! — но тут же резко осеклась: — Но почему он не вернулся ко мне? Может быть, женился на разлучнице?

Тимошка сочувственно вздохнул и тихо пояснил:

— Ни на ком он не женился. Он папе рассказал про себя, что не поехал к невесте, чтобы не портить ей жизнь. Его на войне очень сильно изувечили, и, кроме того, — Тимошка перешёл на шёпот и робко посмотрел на Досифею, — он одноглазый.

— Не портить жизнь, — обессиленно произнесла Досифея Никандровна и опустилась на бревно, — не портить мне жизнь... — снова повторила она и горько стиснула руки так, что побелели костяшки пальцев. — Он не мог испортить мне жизнь, потому что без моего Прощеньки никакой жизни у меня не было.

Тимка совершенно не знал, как её утешить. Он беспомощно погладил Досифею Никандровну по плечу и неловко поцеловал в щёку:

— Не горюй, теперь ты знаешь, что твой жених жив и здоров. Если бы мои мама с папой объявились хоть через сто лет, я был бы рад без памяти.

— Ты прав, мой мальчик. Я уже поняла, что тебя мне Бог послал за жизнь мою беззлобную. Не будь тебя, я бы так и сошла в могилу, веруя, что меня на том свете Прощенька поджидает. А теперь, глядишь, ещё и на этом свете с ним свидимся. Расскажи, каков он, мой голубчик?

Тимошка наморщил лоб и стал слово в слово повторять рассказ доктора Мокеева о своём освобождении. Досифея Никандровна слушала

его, не шевелясь и не проронив ни слова. Лишь чуть подёргивающаяся бровь выдавала её волнение.

— Жив, жив. Этот кинжал недавно держали его руки, — старушка прижалась к клинку губами и умоляюще посмотрела на Тимошку, — ты ведь отдашь его мне?

— Отдам! — мальчик решительно снял с шеи ножны и передал их Досифее Никандровне. — Возьми, тебе нужнее. Я знаю, папа меня ругать не будет.

— Прощай. Я должна побыть одна.

Бабка с усилием поднялась и, едва передвигая ноги, побрела к выходу по длинной больничной аллее, а Тимошка остался сидеть на месте, размышляя над таким поразительным оборотом событий. Мыслимое ли дело! За тысячу вёрст отсюда, в глубине заморшанских чащоб, обнаружился пропавший тридцать лет назад жених Досифеи Никандровны!

Мальчик вспомнил благодарный взгляд Досифеи, когда она приняла кинжал из его рук и бережно поцеловала, и утёр набежавшую слезу. Правду сказала Нина Павловна, очень глупый поступок совершил Прохор Игнатьевич. Хотел, как лучше, а получилось совсем наоборот. Нет. Я никогда не буду прятаться от невесты, решил Тимофей, хотя зачем она мне? Я никогда не женюсь. От девчонок одни неприятности.

Он слышал голоса около больничных корпусов и понял, что больные вышли на свою

обычную прогулку после дневного сна. Надо пойти поздороваться с Гаврилой Никодимовичем и расспросить его про воздушного змея, которого он так неудачно снимал с дерева. Но осуществить благое намерение Тимошке не удалось, потому что, как только он подошёл к лечебнице, из двери вышел папа Петя и тоном, не допускающим возражений, скомандовал:

— Тима, ступай домой и скажи тёте Симе, что сегодня я ночевать не приду. Пусть не беспокоится.

По серьёзному лицу отца и по тому, как суетливо бегали за его спиной санитары в забрызганных кровью фартуках, Тимошка сразу понял, что разговаривать Петру Сергеевичу некогда, так что повиниться за отданный Досифее Никандровне кинжал сегодня не получится. Он вспомнил, что давал себе слово никогда не подводить папеньку, поэтому без лишних слов развернулся и побежал на Большую Мещанскую, предусмотрительно обходя стороной продавцов мороженого и набережную Фонтанки с беспечно купающимися мальчишками, чтобы не было искушения.

Хотя дни стояли ещё жаркие, в воздухе уже неувовимо витало осеннее настроение. Это было заметно по возвращающимся с пригородных дач горожанам, то и дело проезжающим мимо Тимки в экипажах, заваленных разномастными коробками, или на громыхающих телегах, набитых кое-как упакованной мебелью. Он знал, что

столичные жители предпочитали вывозить с собой на дачи почти весь домашний скарб. Одна барыня, отдохавшая в их Соколовке, ухитрилась привезти с собой настоящую фисгармонию, на которой день и ночь играла одну и ту же протяжную мелодию, под названием «фуга Баха». Эту дачницу за глаза так и кликали «Фугабаха». Очень странное имя, да и дачница была странная. Тимка вспомнил тощую бесцветную тётку с неизменной пахитоской в зубах и покачал головой: нет, на Фугебахе он бы ни за что не женился.

Когда Тимка уже собирался повернуть за угол дома Тарасовых, его бег притормозила какая-то возня возле соседней подворотни, где, сбившись в плотный кружок, стояли несколько девочек в потрёпанной одежде и стоптанных башмаках. Девочки крепко держались за руки, явно не выпуская кого-то из круга, и одна, самая высокая и с чёрной косицей, перевязанной обыкновенной бечёвкой, неприятным голосом затянула дразнилку:

Что ты, милый, не пришёл?
Или брюки не нашёл?

Её товарки дружно подхватили частушку и сделали шаг по направлению к центру круга:

Ты бы дедовы надел
Да пришёл бы, посидел.

На этих словах Тимошка не смог сдержать любопытства, подошёл поближе к слаженной

девичьей стайке и встал на цыпочки, чтобы рассмотреть получше, что происходит в середине. То, что он увидел, повергло его в совершеннейшее изумление: сжатый плотным кольцом девочек, стоял растрёпанный Кока и с яростью отбивался от дворовых озорниц, старающихся его ущипнуть.

— Кока! Что ты там делаешь? Тебе помочь? — звонко выкрикнул Тимошка за спинами нападавших.

— Да! — обрадованно отозвался друг, и строй девочек моментально рассыпался по двору.

— Ещё один явился, не запылился! — воскликнула девичья атаманша с чёрной косой и, уткнув руки в боки, стала угрожающе подходить к Тимошке. — Здесь наш двор, нечего тут чужакам шлаться!

— Такой же твой, какой и мой, — парировал Тимка. — А будешь к людям приставать, все космы тебе повытаскаю, не посмотрю, что девка.

— Клавка, не лезь к нему, он и впрямь повытаскает, — крикнул ей кто-то, и девчонка нехотя отодвинулась, уступая Тимошке путь во двор.

Он презрительно повернулся спиной к обидчице, посмотрел на Коку и только сейчас заметил, что Кока был не один, а держал за руку маленькую Крысю, смотрящую на девочек большими, полными ужаса глазами. Тимка в секунду оценил всю ситуацию: так вот в чём дело! На самом деле девочки приставали вовсе не

к Коке, а хотели поглумиться над малышкой, не понимающей ни слова по-русски, а Кока лишь пришёл к ней на помощь.

У Тимки в деревне тоже были девчонки-заводилы, которые не упускали возможности поиздеваться над маленькими и слабыми. Он знал, что таких «зажигалок» надо сразу твёрдой рукой укорачивать, иначе они всех ребят под себя подомнут. Он повернулся к Клаве, продолжавшей вызывающе смотреть на него, и, глядя прямо ей в глаза, твёрдо произнес:

— Если ещё хоть раз тронешь Крысю или просто близко к ней подойдёшь, будешь иметь очень большие неприятности. Запомни.

Лицо девочки перекосила гримаса бессильной злости.

— Запомни, — ещё раз повторил Тимошка.

— Очень надо её трогать, — буркнула Клава после долгой паузы и показала ему язык. — Целуйся со своей Крысой.

— Вот и ладушки, — заключил Тимошка и взял Крысю за руку с другой стороны. — Пойдём с нами.

Они с Кокой не торопясь вошли во двор и уселись на скамейку под окнами дворницкой. Вздрагивающую от испуга Крысю Тимошка пристроил к себе на колени.

— Не бойся, больше тебя никто не обидит, — он тронул ладонью её светлые волосы, оказавшиеся на этот раз чистыми и мягкими, и благодарно положил руку Коке на плечо. —

Ты настоящий друг, и я рад, что ты не стал прыгать с крыши.

— Чего там, — засмутился Кока и объяснил: — Иду себе мимо, смотрю, девчонки собачонку в угол загнали, палкой в неё тыкают и дразнят: «Пшечка, пшечка». Дай, думаю, вызволю животное, ведь не игрушка. Смотрю, а это и не собачонка вовсе, а вот она, — он кивнул на Крысю, судорожно прижавшуюся к Тимошкиной груди. — В толк не возьму, почему её так странно обзывают?

— Потому, что она полька и по-русски не понимает. Её Крысей Липской звать. А Клава эта, заводила, — просто глупая и недобрая. Подрастёт — ей стыдно станет, — рассудительно заметил Тимофей.

— Может, станет, а может, и нет, — вздохнул Кока. — У нас в гимназии, знаешь, какой драчливый мальчишка есть. Его все боятся, только я не боюсь, — горделиво добавил он и спросил: — Ты в какую гимназию идёшь?

— Не знаю. Папа и Нина Павловна хлопотали насчёт гимназии, но ещё ничего не нашли. Все директора говорят, что я сильно отстал от программы, и вообще для первого класса я переросток. Сам понимаю, что отстал, но вот почему переросток? — Тимка недоумённо пожал плечами. — У нас в церковно-приходской школе почти все мальчишки были выше меня ростом.

— Не переживай, — успокоил друга Кока, — гимназия от тебя в лес не убежит. Ты

мне лучше вот что посоветуй: какой сначала аппарат изобретать — тот, который сам бельё стирает или который сам пыль убирает? Понимаешь, мне наша горничная хуже горькой редьки надоела. Такая язва, тебе не передать! Целыми днями за мной следит и про каждую мелочь сразу матери докладывает. Вот вчера, например, проводил я важный научный опыт по смешиванию сахара с чернилами, так она сразу же всё матери с отцом рассказала. А родители мало того, что всыпали мне по первое число, так ещё и отказались в зоопарк вести. Эти горничные все вреднящие. Я предполагаю, что их специально на вредность тренируют. Вот я и решил изобрести такие аппараты, чтобы духа этих пронырливых горничных в нашем доме не было. Вообрази, какая благодать!

Кока мечтательно откинулся на спинку скамейки, представляя, как по квартире проворно ездят два небольших аппарата на колёсах от велосипеда. Одна машина непрерывно стирает пыль с мебели, размахивая хвостом-пуховкой, как соседский пёс Шарик, а другая день и ночь намыливает грязное бельё и трёт его о стиральную доску.

Тимошка глянул на размечтавшегося друга, вспомнил, как недобро горничная Маша говорила про Нину Павловну, и согласился: придумать такие нужные в хозяйстве аппараты вполне разумно.

— Знаешь, Кока, когда будешь изобретать свои аппараты, то рассчитывай на мою помощь. Доброму делу я всегда рад помочь.

Он почувствовал, что Крысе надоело сидеть у него на коленях, и спустил девочку на землю.

— Ты молоко сегодня пила?

Девочка отряхнула о передничек измазанные в земле ручонки, старательно заправила в штанишки выбившуюся от бега рубашку и застенчиво уставилась на Тимошку, с трудом подбирая слова для ответа и стараясь выговаривать их по-русски:

— Пила млеко. Мне джего пржинес Ангел.

Ангел! Тимка вспыхнул до корней волос так, что Кока подозрительно покосился на него и дёрнул за рубаху:

— Ты что?

— Ничего, — ответил Тимофей Коке, а про себя подумал: — Пусть Крыся думает, что молоко сироткам носят Ангелы. У неё и так мало в жизни радости.

— Тимошка, долго ты будешь на улице рассиживаться? — раздался из окошка недовольный голос тёти Симы. — У нас тут гости его поджидают, а он на лавочке прохлаждается!

Тимка так и подскочил: и то верно! Ему ведь папа сказал сразу домой идти, а он снова забылся. Он пожал Коке на прощанье руку:

— Меня кличут, ещё увидимся! Отведи Крысю домой.

— Счастливо! — напутствовал друга Кока, и Тимка стремглав бросился в прохладную полутьму парадного подъезда, задыхаясь от любопытства: кто же его там поджидает?

47

— Вот, наконец, и наш герой, — объявила Нина Павловна, когда Тимошка заглянул в большую комнату.

Они с Зинойчкой устроились за большим обеденным столом под низко висящей лампой молочного стекла и неторопливо разбирали пухлые стопки книг, наскоро увязанных при переезде.

— Мы тебя уже заждались.

Нина Павловна посмотрела на Зиночку. Та согласно кивнула матери и в знак осуждения сделала Тимке серьёзное лицо:

— Очень некрасиво, не предупреждая, надолго уходить из дома.

— Но я предупреждал, — смешался Тимошка, — мы с папой ушли в больницу.

— Ушли в больницу, а сидел на лавочке перед домом, — фыркнула девочка, — да ещё с этим несносным мальчишкой Кокой, который вчера битый час допытывался у меня, куда вы съехали. Терпеть не могу таких приставал.

Она сделала паузу и как бы невзначай поинтересовалась:

— Это он живёт в доме купца Пызина?

Тимошка кивнул:

— Он.

Нина Павловна с усилием подняла тяжёлую стопку книг, расставила томики на книжной полке и только после этого достала из ридикуля длинный голубой конверт с гербом князей Езерских:

— Вам доставили письмо по нашему адресу. Будь добр, передай отцу. Это для него. Жаль, что нам не удастся с ним повидаться, но таковы обстоятельства. Мы с Зиной, к сожалению, должны тебя покинуть, сегодня к Танюше приходит новый учитель, обучавшийся общению со слепоглухими по английской методике. Нам надо непременно быть дома.

— Я тоже хочу присутствовать на этих уроках, — сказала Зина, завязывая под подбородком светлый летний капор, — я ведь планирую открыть школу для слепоглухих детей.

Тимошка с волнением взял в руки конверт и благоговейно положил посередине стола. Интересно, о чём папе пишут? И кто? Неужели Сева Езерский? Весь вечер Тимошку раздирало любопытство. Он рассматривал конверт и справа, и слева, и с обратной стороны, а один раз даже понюхал, но все равно не смог определить отправителя письма. Да и что можно узнать из короткой строчки: «господину П.С. Мокееву в собственные руки», написанной каллиграфическим почерком — в точности, как в прописях, по которым он учится красиво писать.

Пришлось лечь спать, так и не узнав, о чём пишут папе Пете из дома князей Езерских. Из-за этого Тимка долго не мог заснуть и сердито ворочался на удобной пружинной кровати, словно её матрас был набит не мягкой шерстью, а начинён сухим горохом или, того хуже, колючим репейником.

Утром, чуть свет, мальчик был уже на ногах. Конверт, отсвечивая голубым, так и лежал на своём месте. Значит, отец ещё не пришёл со службы. Тимошка сокрушённо вздохнул и поспешил к тёте Симе за молоком для Крыси. Он решил, что раз девочка думает, будто молоко приносят Ангелы, то он постарается доставлять его тайком и не портить ребёнку сказки.

Сегодня пронести молоко незаметно было труднее, чем в прошлый раз, потому что противная бабка-соседка за выцветшей занавеской была дома. Она криво взглянула на мальчика и угрожающе погрозила ему клюкой:

— Ужо я тебя! Убирайся прочь!

— Умолкни, Макаровна, надоела, — раздался за плитой весёлый голос, и оттуда высунулась женская голова в повязанной по-украински косынке с торчащими вверх накрахмаленными концами.

— Ты к кому?

Женщина подбросила в печку пару поленьев и поднялась с колен. Её светло-коричневые глаза под неожиданно густыми бровями

благожелательно усталились на Тимошку, а круглый рот сложился в умильное сердечко.

— Я к Липским, к Крысе, — шёпотом пояснил Тимофей и для верности показал на их уголок кивком головы.

— Та она ещё поживает, — певуче сказала молодка и представилась. — Я ихняя соседка, тётка Параска. Подёнщица. А на Макаровну ты внимания не обращай. Она шибко вреднющая.

Было слышно, как в ответ на эти слова бабка смачно сплюнула на пол и выругалась.

— Бачишь? Об этом я и гутарю, — показала на неё пальцем Параска. — Ты, барин, иди к подружке-то.

Она плавно отодвинула рукой полог, отгораживающий угол Липских, и Тимошка сразу увидел спящую девочку, а на сундуке — жестяную кружку, в которой он вчера принёс молоко. Кружка была начищена до блеска, а на её ручку неловкими детскими пальчиками был повязан розовый бантик. Стараясь не звякнуть, Тимка перелил в кружку молоко из стакана:

— Тётя Параска, не говорите Крысе, что я приходил.

Женщина понимающе улыбнулась:

— Не сомневайся, буду молчать, как могла, — и торопливо добавила: — Вы, барин, скажите своим, что если нужна работница, то я всегда отслужу со всем усердием.

— Обязательно скажу, — горячо пообещал Тимка.

Он попрощался с приветливой подёнщицей и загадал желание, чтобы Параска обязательно нашла себе отличную работу. А ему пора домой, вдруг отец уже пришёл и без него прочитал важное письмо.

Так оно и оказалось. Около окна сидел Пётр Сергеевич и вертел в руках распечатанный конверт.

— Что там, папа? — нетерпеливо бросился к доктору Мокееву Тимошка.

Он обнял отца и втянул носом знакомый больничный запах, намертво въевшийся в шерстяную ткань сюртука.

— Отличные новости, — весело сказал Пётр Сергеевич и потрепал Тимошку по макушке, — княгиня Езерская приглашает нас нанести ей визит. И, кроме того, она пишет насчёт твоего обучения. Впрочем, прочти сам.

Пётр Сергеевич протянул Тимофею глянце-
вый лист бумаги, и мальчик медленно стал
разбирать написанные скорописью слова, водя
пальцем по ровным строчкам текста:

*Милостивый государь, Пётр Сергеевич!
Позвольте пригласить вас с Тимофе-
ем к нам на приватный ланч. Надеюсь, что
в четверг, около пяти часов пополудни, вам
будет удобно нанести нам визит.*

*Предполагая, что с обучением Тимо-
фея у вас могут возникнуть некоторые
затруднения, я взяла на себя смелость ре-
комендовать его в гимназию номер десять,*

в коей являюсь попечительницей. Директор, господин Эрлих, заверил меня, что будет рад принять мальчика в первый класс в виде исключения. Так что если Тимофей приложит усердие, то будет встречен со всей благожелательностью.

Если вас устраивает моё непрошенное вмешательство, то вам надлежит дать согласие г-ну Эрлиху.

Всего доброго.

Кн. Езерская.

Он принят в гимназию и приглашён с визитом к князьям Езерским! Тимошка замахал письмом и от избытка чувств запрыгал вокруг стула:

— Ура! Ура! Папа, тётя Сима! Вы слышите, какие хорошие новости!

— Слышим, слышим, — ворчливо произнесла тётя Сима, заглянув в комнату, — мы с Венерой всё слышим. Правда, Венера? — посмотрела она на толстую полосатую кошку.

Вместо ответа кошка звонко зевнула и, задрав хвост, потёрлась спиной о ноги Петра Сергеевича. Тот рассмеялся, но смех его звучал как-то невесело. Тимошка внимательно присмотрелся к отцу и только сейчас заметил, каким уставшим выглядит Пётр Сергеевич: аккуратно зачёсанные волосы пересыпаны ранней сединой, а вокруг всегда приветливых глаз прочерчены тонкие морщинки, словно приклеилась лёгкая осенняя паутинка.

— А ведь папа совсем не старый, — озабоченно подумал мальчик. — Тётя Сима говорила, что ему всего лишь тридцать шесть лет.

Он забеспокоился и ласково потянул Петра Сергеевича за руку:

— Папа, иди поспи, ты ведь совсем не отдыхал ночью. Я не буду шуметь. А хочешь, сяду писать прописи, чтобы почерк был не хуже, чем у княгини Езерской или Зиновки Арефьевой?

— Хочу, — сказал доктор Мокеев, уходя в спальню. — Я буду спать ровно столько, сколько ты прозаанимаешься.

Тимка неслышно проскользнул в свою комнату, положил перед собой объёмистый том «Животных Африки» и принялся усердно переписывать главу про гиппопотамов.

— Пусть папа поспит подольше, потому что гиппопотамы ещё не скоро закончатся, — довольно рассудил Тимка, перелистав набранные мелким шрифтом страницы, — работы до самого вечера хватит.

На втором листе книги Брема у Тимошки от напряжения заболел палец на правой руке, а под левой ладонью образовалась чернильная лужа. Эх, Тимошка-картошка, недовольно подумал он про себя и решил, что обещание переписывать книгу не вставая до самого ужина было, пожалуй, слишком опрометчивым.

Тимка промокнул пресс-папье извоженный в чернилах палец, представил, как тётя Сима на кухне пьёт сейчас чай с малиновым вареньем,

и нарисовал на полях тетради большую кружку с идущим из неё кучерявым паром. Он хотел пойти посмотреть, чем же на самом деле занимается тётя Сима, но вспомнил, что папа будет спать ровно столько, сколько он будет писать, и, глубоко вздохнув, опять уселся за прописи.

Пётр Сергеевич проснулся, когда Тимкины силы были уже на исходе, а от африканских гиппопотамов рябило в глазах.

— Неужели ты действительно ни разу не вставал? — удивился Пётр Сергеевич, глядя на несколько листков, исписанных каллиграфическим почерком, — ведь я отдыхал почти четыре часа.

— Конечно, нет, — возмутился Тимошка, — тогда бы ты проснулся!

Пётр Сергеевич одобрительно хмыкнул и подумал, что сам он в Тимошкины годы вряд ли смог так долго просидеть за письменным столом. Определённо, из этого мальчика, умеющего твёрдо держать своё слово, будет толк!

Гимназия оказалась в двух кварталах от дома и в двадцати минутах ходьбы. Для сокращения дороги надо было идти не по широкому проспекту, а по тихим переулочкам, которые, петляя по проходным дворам, оборачивались таинственной, непостижимой для сельского жителя дорогой.

Приноровившись к широкому шагу приёмного отца и ловко огибая встречных прохожих, Тимка успел рассказать ему историю бабки Досифеи Никандровны и даже получить одобрение своим действиям.

— Разумеется, ты правильно поступил, отдав ей кинжал, — серьёзно сказал доктор. — Я рад, что мой сын оказался таким чутким человеком.

Он немного задумался и заключил:

— Поразительно, насколько грустным оказался конец этой истории двух влюблённых.

Когда они подошли к гимназии, городской хронометр отсчитал четыре пополудни. Тимка подумал, что до визита к княгине Езерской остаётся совсем немного времени, и он навряд ли успеет повидаться с Досифеей Никандровной.

Глядя на массивное здание, украшенное гипсовыми атлантами, перед которыми любой мальчик ощущал себя маленьким и незначительным, Тимошка проникся важностью момента и крепко взял отца за руку. Внутри здания тянулся длинный коридор с многочисленными дверями по обеим сторонам, в конце которого располагался зал, который Пётр Сергеевич назвал «рекреация».

Постучав в дверь с табличкой «Директор г-н Эрлих Иван Карлович», они оказались в неуютном кабинете перед глазами маленького горбатого человечка. Тимка сразу обратил внимание на его необыкновенно длинные

пальцы. Казалось, они совершенно не подчиняются хозяину, а живут своей тайной жизнью, непрерывно перебирая и перекладывая бумаги с места на место.

— Так-так, — сказал сидящий за письменным столом господин Эрлих, увидев вновь пришедших, и его пальцы забарабанили по полированной столешнице. — Значит, этот мальчик и есть протеже её сиятельства княгини Ольги Александровны Езерской?

— Именно так, любезнейший Иван Карлович, — вежливо наклонил голову доктор Мокеев и пояснил: — Мой сын по ряду причин не посещал подготовительных классов, поэтому просим вас великодушно принять его в порядке исключения.

— Так-так, — снова повторил директор, пристально рассматривая Тимошку с ног до головы, в то время как его пальцы сплелись между собой и образовали некое подобие ласточкиного гнезда. — Посмотрим, чего стоит этот молодой человек, столь горячо рекомендованный дражайшей княгиней.

Он разомкнул пальцы, обратил взор маленьких глазок на Тимошку и скомандовал:

— Прodeкламируй мне стихотворение нашего величайшего поэта господина Пушкина.

«Пропал, не видать мне гимназии», — мелькнуло в Тимкиной голове. Он взглянул на отца и увидел, что Пётр Сергеевич тоже пребывает в полнейшей растерянности. Тимошка сосредото-

точился и вдруг, как бы со стороны, увидел свой класс в церковноприходской школе, заиндевелое окно, за которым виднелись запорошенные снегом сосны, отца Василия с книгой в руке, услышал его негромкий голос:

— Запомните, дети, эти бессмертные строки Александра Сергеевича Пушкина:

Утихла брань племён; в пределах
отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб
военных;
С небесной высоты, при звуке
стройных лир
На землю мрачную нисходит
светлый Мир.

— «Свершилось!.. Русской царь, достиг ты славной цели!» — неожиданно для себя, звонко стал читать Тимошка.

На миг ему показалось, что он находится не в кабинете директора гимназии, а стоит на подмостках сцены, словно актриса Евгения Рассолова, и смотрит в лица внимательных слушателей.

— Довольно, гимназист Петров-Мокеев, — прервал его выступление директор. — Если в арифметике вы покажете такие же успехи, то мы будем рады приветствовать вас в нашем учебном заведении.

— Обязательно покажу! — выкрикнул Тимошка, ликуя. — Я люблю арифметику и обещал папе никогда его не подводить!

Директор поморщился от крика и вяло заметил Петру Сергеевичу, что над манерами мальчика следует поработать. При этом его рука уже тянулась к доктору для прощального рукопожатия, и через несколько минут счастливые просители места в гимназии уже были на улице.

— Слава Богу, теперь ты гимназист, — облегчённо сказал Пётр Сергеевич. — В гимназии учатся семь лет. Значит, когда ты выйдешь из этих стен, будешь уже умным и взрослым юношей. Я и не предполагал, что ты так хорошо знаешь стихи Пушкина. Когда ты успел их выучить?

Тимошка покраснел от похвалы, но решил не лукавить, а откровенно признался, что стихов господина Пушкина он не учил никогда в жизни, а просто случайно вспомнил.

— Словно мне помог невидимый защитник, — бесхитростно добавил он и посмотрел на небеса, откуда за ним, наверняка, наблюдали его мама с папой и дед Илья.

Отец подозвал извозчика и неторопливо уселся в пролётку.

— Мне будет приятно сообщить княгине Езерской, что её хлопоты не были напрасными и ты справился с заданием.

Тимошка затих на соседнем сиденье, глядя на мелькающие мимо него стройные ряды прямых улиц и предвкушая встречу с другом Всеволодом. С круглой тумбы, обклеенной театральными афишами, на него смотрело лицо Евгении Рассоловой в русском кокошнике.

— В жизни Рассолова в сто раз лучше, чем на картинке, — сказал он отцу, — но, знаешь, Нина Павловна ещё красивее.

Он немного подумал и решил, что Зина, когда вырастет, тоже будет очень красивая. Жаль, что такая вредная.

Когда за поворотом вырос особняк Езерских, Тимошка с первого взгляда высмотрел на балконе долговязую фигуру мистера Найтли, наводящего на противоположный берег реки блестящую подзорную трубу. Он проследил глазами направление, куда был направлен отсвечивающий на солнце окуляр, и увидел, что вдалеке, по набережной, неторопливо ступает та, которую он только что видел на театральной афише, — Евгения Рассолова собственной персоной.

Завидев её, Тимошка выпрямил спину и закрутил головой во все стороны, не видать ли где поблизости Досифеи Никандровны? Вдруг у них с артисткой снова назначено важное рандеву, как той июньской белой ночью, когда он познакомился с Севой Езерским? Но бабки на горизонте не виделось, а извозчик уже плавно подкатывал к воротам особняка. «Завтра утром обязательно увидаюсь с Досифеей», — твёрдо пообещал себе Тимошка.

Лакей у входной двери с поклоном пропустил их в просторный вестибюль и указал на приёмный кабинет. Княгиня с Севой ждали их за небольшим чайным столиком, накрытым

скромно, но изысканно. Пётр Сергеевич галантно поцеловал княгине руку и наклонил голову:

— Ваше сиятельство, примите мою искреннюю и глубокую благодарность за участие в судьбе нашей маленькой семьи.

— Полно, Пётр Сергеевич. Не ставьте меня в неловкое положение. Давайте обойдёмся без церемоний.

Княгиня изящным жестом указала Петру Сергеевичу на место рядом с собой и отправила детей на другой конец стола:

— Пусть мальчики поговорят между собой. Всеволод так редко общается с другими детьми.

Пётр Сергеевич согласно наклонил голову, и взрослые принялись обсуждать невыразимо скучные темы обустройства городского хозяйства в соответствии с новейшими требованиями гигиены.

Тимошка почувствовал, как Всеволод тихонько пнул его ногой под столом и глазами показал на дверь. Он согласно моргнул, не забыв запихнуть в рот небольшое пирожное.

— Мама, позволь, я покажу Тимофею моих новых оловянных солдатиков? — обратился Всеволод к княгине.

Та, не прекращая разговора, кивнула и позвонила в колокольчик для вызова лакея:

— Пригласите князю мистера Найтли.

— Ну вот, — пробурчал Сева по пути в свою комнату, — шагу нельзя ступить без соглядатая.

Можно подумать, что я без гувернёра не могу и в солдатики поиграть.

Он усадил Тимку на красный ковёр посреди комнаты и выкатил перед ним деревянный ящик на колёсиках:

— Смотри, что мне тётя из Австрии прислала. Это кирасиры, видишь, на них надеты доспехи на манер средневековых лат и шлем. Эта амуниция называется «кираса», — принялся объяснять Тимошке Всеволод. — Кирасиры — это тяжелая кавалерия.

— А это кто? — Тимошка выудил из ящика яркого солдата в синей форме с двумя белыми ремнями накрест через грудь и в высокой шапке с пером.

— Это солдат Преображенского полка. Видишь, у него красные чулки. Их пожаловал преображенцам царь Пётр Первый за то, что в сражении под городом Нарва они сражались по колено в крови.

Тимошка с уважением поставил солдата на пол и поздоровался с вошедшим мистером Найтли. Гувернёр сухо кивнул в ответ и проговорил на таком ломаном русском, что Тимошка сперва принял его речь за иноземное лопотание:

— Вам пора. Визит окончен.

В глазах Севы показались слёзы:

— Вот так всегда.

Он поднялся с колен, сурово зыркнул в сторону англичанина и прощально хлопнул Тимку по плечу:

— Не горюй, вот увидишь, скоро будет война, и тогда мы с тобой обязательно будем вместе.

Если бы мальчики знали, насколько точно сбудутся эти роковые слова!

49

— Тимошка, ты знаешь, что занятия в гимназиях начинаются двадцатого августа? — спросил за завтраком папа Петя.

— Не-а, — с набитым кашей ртом пробормотал Тимка и тайком от тёти Симы подбавил себе в тарелку ещё одну ложку варенья.

Он уже успел отнести Крысе парного молока и изрядно проголодался.

— Двадцатое августа ровно через десять дней, а нам ещё надо купить гимназическую форму, ранец и тетрадки.

— А ручку с чернилами? — напомнил Тимошка.

— Как же без ручки? — поддакнула тётя Сима, переворачивавшая на сковородке дымящийся оладушек. — Без ручки нельзя. И чернильницу надо непроливайку.

— Само собой, — прекратил разговоры за столом доктор Мокеев, — сразу после работы мы с тобой пойдём за покупками.

«Знала бы моя мамушка, что её сыночек Тимка будет гимназистом, то-то бы порадовалась, — взгрустнул Тимофей, и ему от рас-

стройства даже варенья расхотелось. — Буду учиться на одни пятёрки, чтобы стать таким же хорошим лекарем, как папа, тогда у моих родителей на небесах душа успокоится».

Он поспешил закончить завтрак и увязался в больницу за доктором, где его уже наверняка поджидала бабка Досифея. «Как Досифея Никандровна пережила ночь? — беспокоился Тимошка всю дорогу. — Вдруг заболела после такого невероятного известия о нашедшемся женихе? У них в Соколовке однажды дядька Митяй две недели с ярмарки не возвращался, так его жена, тётка Фрося, за это время чуть не обезумела. Целыми днями ревмя ревела и клялась, что проломит муженьку ухватом голову, ежели тот посмеет ей на глаза живым показаться. А тут человек на двадцать шесть лет пропал!»

Он издалека увидел женский силуэт около своей скамеечки, но торопиться не стал, потому что это явно была не Досифея Никандровна. Незнакомка стояла, опершись о спинку скамейки и, приставив к глазам руку козырьком, вглядывалась в белые облака, распластавшиеся по ярко-синему небу точно языки волшебного пламени.

Похожа на экономку из богатого дома, решил Тимошка, оценив скромную серую юбку, голубую блузку и чёрную шаль женщины. Наверное, пришла больного проводить. Дама обернулась, и Тимошка с изумлением понял, что это не заблудившаяся в больничном парке

неизвестная экономка, а Досифея Никандровна собственной персоной. Она оценила его замешательство и улыбнулась:

— Дай я тебя расцелую, моя радость. Всю ночь о тебе думала.

Она присела на скамейку и потянула за собой Тимошку:

— Садись. Я должна тебе многое объяснить.

Досифея Никандровна погладила рукой висевший у неё на шее кинжальчик, как будто набиралась от него сил для непростого рассказа, и, не торопясь, начала говорить, то и дело замолкая и припоминая давно прошедшие события.

— Как я тебе уже докладывала, мой батюшка, Никандр Порфирьевич, любил меня без памяти и во всём мне потакал. А был он богатейшим купцом и наиважнейшим во всей губернии поставщиком бочек. Наши бочки даже у самого царя в погребе стоят, — не удержалась она похвалиться. — И были у нас в продаже бочки от самой маленькой, величиной чуть больше напёрстка, до огромнейших, таких, что туда полк солдат вместе с пушками мог вместиться, — рассказчица чуть заметно улыбнулась, вспоминая, как девочкой играла с нянюшками в прятки на заставленном пузатым товаром дворе. — Папашенькино предприятие называлось «Торговый дом Рассоловых».

«Вот она, тайна надписи “ТДР” на клочке бумаге, данном мне Досифеей для записки Севе Езерскому», — понял Тимошка.

— Я, Досифея Никандровна, бондарей тоже уважаю, — вставил он своё словечко и пытливо посмотрел в лицо собеседницы: сегодня оно было необыкновенным и ясным, словно прошедшая ночь смахнула с него все прожитые без жениха годы.

«Да она совсем и не старуха, — подивился про себя Тимофей, — как же я раньше-то не замечал?»

Досифея перевела взгляд на Тимошку и продолжила своё повествование:

— Так с батюшкиного попустительства и выросла я совершенно без царя в голове. Только и были у меня на уме хиханьки да хаханьки. А уж модница я была, каких свет не видывал! Казны батюшкиной без счёта на наряды перевела. Сколько мне отец платьев да шляпок ни покупал, всё мне было не по носу. Бывало, закажу в Париже себе розовое платье, получу нарочным, радуюсь, а распакую коробку — глядь, оттенок у него не тот. Ногами затопаю, расфырчусь, ровно раскалённый самовар, да затребую новое — точно такое же, только голубое. Как меня, такую самодурку, Прохор Игнатьевич полюбить ухитрился, ума не приложу.

— Ты, наверно, добрая была, Досифея Никандровна? — осмелился предположить Тимошка.

— Добрая? — Досифея задумалась. — Знаешь, настоящая доброта — она тогда видна, когда о себе не думаешь. А какая доброта могла быть

у капризной девки, если она нарядами швырялась, в то время как бедные люди не могли своим дочкам даже платочек на голову купить. Хотя, по правде сказать, барышня я была не вредная, и если кто у меня помощи просил, то отказу никому не бывало. А как мой Прошенька пропал без весточки, точно во мне что-то переломилось.

Помню, смотрю я на свои туалеты, по всем шкафам рассованные, и думаю: «Какая это глупость всё. Какая глупость...» В общем, соломенные шляпки я лошадям скормила, туфли из окон в пруд пошвыряла, а платья да шубы свалила на подводу, вывезла на базарную площадь и прямо посередине неё и бросила: берите, люди добрые, кому что надобно. Долго потом нищие да побирушки в моих нарядах щеголяли. К слову сказать, я и сейчас нет-нет, да вижу, как ветхая старушонка в мою шаль кутается. А я и рада, что хоть такой малостью кому-то помочь смогла.

Вскоре после этого случая мой батюшка Богу душу отдал, а я совершенно от дел отошла: дома в Пскове и Самаре под приюты отказала, петербургский особняк купцу Пызину продала, а бондарное производство в казну подарила. Одну только малую вещь у меня рука не поднялась разорить — хочу её тебе презентовать. И не спорь, — пресекла Досифея Никандровна возражающий жест мальчика, — я ведь как сказала, так и сделаю. Мы, купцы первой гильдии, своего слова не меняем! — она пристукнула кулачком по Тимошкиному лбу. — Только беру

с тебя нерушимую клятву: распорядишься этим тогда, когда никакого другого выхода помочь людям у тебя не будет. Раньше того подарок не открывай. Обещаешь?

Она взяла Тимошу за плечи и посмотрела в его светлые глаза, выглядевшие чуть растерянно. Он кивнул.

— То-то же. Тебе верю, — она покопалась в сумочке и достала из неё запечатанный конверт. — В Успенский праздник отнесёшь его моей племяннице. Поздравишь да отдашь ей моё послание. Она тебе мой подарок и выдаст.

Досифея вздохнула и объяснила:

— Одни мы с ней остались изо всей семьи. Она баба хоть и треповатенькая, но неплохая — сильных, сибирских кровей, ты не сомневайся. Она тебе препятствовать не будет. А я сегодня же отбываю в Заморшанск, к своему голубчику Прохору Игнатьевичу. Всю губернию обшарю, землю носом рыть буду, но найду его. Построю рядом с ним келейку, а то и часовенку. Будем вдвоём молитовку Богу творить за то, что соединил нас на старости лет. Всё понял? — строго спросила она Тимошку, почти потерявшего дар речи от такого неожиданного поворота событий.

— Да, — хриплым шёпотом проговорил он. — Я только не понял, к кому мне идти с письмом? Кто твоя племянница?

— А я разве тебе не сказала? — удивилась Досифея Никандровна и величественно встала

на ноги. — Моя племянница — Евгения Рассолова.

— Вот это да! — так и впечатался в скамейку Тимошка, и ему сразу стало понятно, почему актриса не сопротивлялась, когда тётя по родственному вколачивала ей науку шлепком по спине.

Имеет право. Ему дед Илья тоже пару раз под горячую руку поддавал как следует, а однажды, когда Тимка переколотил из-за баловства целое решето свежих яиц, и ремешком отходить сулился. Правда, потом отошёл, и угроза так и осталось невыполненной. Тимоша вспомнил, как Пётр Сергеевич поцеловал руку княгине Езерской и поймал на лету сухую ладошку бабки Досифеи:

— Счастья тебе, Досифея Никандровна, спасибо тебе за подарок!

— Тебе благодарствую, — отозвалась она в ответ. — Даст Бог, ещё свидимся, а нет — не поминай лихом.

Она поклонилась мальчику и лёгкой танцующей походкой, едва касаясь земли, понеслась к выходу навстречу своей надежде и нашедшейся любви. Тимошка перекрестил удаляющуюся фигуру Досифеи Никандровны на счастье и побежал к отцу, чтобы поделиться последними новостями. Не каждый день обыкновенным мальчикам, хотя бы и будущим гимназистам, дарят секретные подарки, к которым можно прикоснуться лишь в тяжёлую минуту.

Когда он, задыхаясь и перебивая сам себя, выложил Петру Сергеевичу свою историю, доктор долго молчал, измеряя шагами небольшой кабинетик с портретом принца Ольденбургского на стене, а потом уселся в кресло, положил ногу на ногу и серьёзно сказал:

— Хорошо. Судя по всему, твоя подруга — женщина разумная, и свой поступок достаточно обдумала, поэтому ты вправе принять её подарок.

Он поправил пенсне на переносице и решительно сложил руки:

— Но, полагаю, что пойти с письмом к госпоже Рассоловой ты должен самостоятельно, поскольку моё имя названо не было и подарок Досифеи Никандровны предназначается исключительно тебе. В какой срок тебе указано явиться?

— В Успенье. Это через пять дней.

— Добро, — подвёл итог доктор Мокеев, — значит, пятнадцатого августа ты и нанесёшь обещанный визит. Ну, а пока у нас ещё масса всяческих дел, так что не будем предаваться пустым измышлениям и домыслам.

Если бы Тимошку спросили, чем он занимался целых пять дней, пока не истёк назначенный Досифеей Никандровной срок до подачи письма, он вряд ли смог бы вспомнить

что-то путное, так быстро мчались мимо него дни, часы и минуты. Казалось бы, день такой длинный. Ан нет! Не успел проснуться и отнести молоко маленькой Крысе, как пора торопиться к Арёфьевым — заниматься уроками с Алексеем Модестовичем, а потом часок без слов побеседовать с нежной Танюшей, бережно касаясь друг друга пальцами. Едва закончились уроки — время бежать в лечебницу помогать папёнке и ухаживать за больными. Из больницы надо мчаться во двор, чтобы встретиться с Кокой и поиграть с Крысей, а там не успеешь оглянуться, как тётя Сима загоняет домой ужинать, купаться и спать.

День Успения Пресвятой Богородицы, на который был назначен визит за бабкиным наследством, Тимошка ждал с таким нетерпением, как будто бы от этого зависела вся его дальнейшая жизнь. «Как странно, что всего два месяца назад я не знал никакой актрисы Евгении Рассоловой, а про Досифею Никандровну и подавно не слышал», — размышлял Тима, надевая свой самый лучший матросский костюмчик и тщательно разглаживая на лбу пушистую чёлку. Его русые волосы по обыкновению никак не хотели причёсываться «по-благородному» и торчали во все стороны.

Вчера за ужином Пётр Сергеевич сказал, что пятнадцатого августа в больничной часовне с самого утра будет праздничная Литургия, на которую обязательно пойдёт весь персонал,

а потом он разрешит Тимошке посетить госпожу Рассолову и передать ей записку Досифеи Никандровны. Благо, Миллионная улица расположена совсем недалеко.

Серым облачным днём, около полудня, по этой самой Милионной улице, застроенной величественными зданиями, каждое из которых подчёркивало богатство его владельца, бывший деревенский мальчик Тимошка Петров-Мокеев шёл с визитом к знаменитейшей актрисе Евгении Рассоловой. Прорваться к ней оказалось не так-то просто, как представлялось вначале. Обороняли знаменитую актрису лучше, чем племенного жеребца от цыган-конокрадов в Соколовке.

Для начала у дверей во двор дежурил уса-тый дворник весьма сурового вида. Он придиричиво осмотрел Тимку со всех сторон, выпросил имя и фамилию, а потом потребовал от него отчёт, к кому он направляется и по какому делу. Следующей преградой оказался представительный швейцар в красной ливрее с золотыми галунами. Он выглядел настолько внушительно, что Тимошка принял неподкупного стража ворот за генерала или, по меньшей мере, за фельдфебеля. Ему тоже пришлось доказывать, что Тимошка пришёл по неотложному делу и с важным посланием. И лишь только тогда, когда швейцар лично убедился в Тимошкиной благонадёжности, он допустил мальчика к широкой мраморной лестнице, покрытой чуть потёртым, но зато невероятно чистым ковром.

Парадная не хуже, чем у князя Езерского, сравнивал мальчик, перескакивая со ступеньки на ступеньку. Его сердце гулко выстукивало в ритм быстрым шагам от предчувствия, что с минуты на минуту будет раскрыт секрет подарка Досифеи Никандоровны.

Обитую коричневой кожей дверь с медной табличкой наверху открыла пожилая сухопарая женщина с кружевной наколкой на голове.

— Тебе кого, мальчик? Ты, часом, не ошибся адресом?

Тимофей скованно поклонился:

— Нет, не ошибся. У меня очень важное письмо к госпоже Рассоловой.

— Ишь ты, письмо, — подбоченилась горничная и поставила руку поперёк двери. — Много вас здесь шляется на мою госпожу поглазеть, а уж писем этих ей до конца жизни не перечесть. Почтальоны мешками носят. И всё от поклонников. Ступай отсюда восвояси. Не дорос ещё актрисами интересоваться.

Она решительно отпихнула мальчика от порога и захлопнула дверь прямо перед его носом. Такого оборота событий Тимошка явно не ожидал. Он недоумённо уставился на закрытую дверь, не представляя, как теперь поступить. Наверное, стоит ещё раз позвонить и всё заново растолковать этой непонятливой горничной. Он немного постоял, набираясь решимости, и осторожно покрутил металлический рычажок дверного звонка.

— Убирайся вон, пока уши тебе не надрала, — рывкнула на него через дверь горничная, и Тимошка услышал, как снизу загрохотали тяжёлые башмаки швейцара.

— Молодой человек, попрошу вас очистить помещение. Извольте видеть, госпожа Рассолова не желает вас принимать, — угрожающе проговорил он и твёрдой рукой взял Тимку за локоток.

— Но я... у меня письмо...

— Попрошу!

Швейцар вывел упирающегося Тимку на улицу и демонстративно погрозил ему пальцем:

— Попробуете сунуться к госпоже артистке, позову городского. У меня не забалуешь!

Он горделиво скрестил руки на груди, и Тимошке ничего не оставалось, как убраться восвояси. Он с обидой оглядел красивую, чисто выметенную улицу с высокими коваными фонарями, стоящими вдоль домов, словно солдаты, и в задумчивости прикусил нижнюю губу: нет, в родной Соколовке его, как котёнка, никто из соседей на улицу не вытолкал бы. Что же делать? Как попасть к знаменитой Досифеиной племяннице? Знать бы, где её окна, можно было бы туда малым камешком запулить, чтоб хозяйку на разговор вызвать. В деревне парни всегда так девок на гулянку выманивали.

На всякий случай он поискал глазами подходящий камушек, но, как на грех, мостовая была туго вымощена увесистыми коричневатыми

булыжниками, обкатанными так гладко, словно их корова языком лизала. И тут неудача. По водосточной трубе полезть? Тимка задрал голову и принялся изучать подходы к идущей с крыши толстой трубе, склёпанной из крашеной жести. Трудновато будет, да и как узнать, в какую квартиру надо стучаться.

— Ты кого-то ждёшь, мальчик? — раздался над его головой красивый, чуть вибрирующий женский голос.

Этот голос Тимошка узнал бы из целой тысячи, ведь именно он после дикой выходки террористки в особняке Езерских восторженно кричал толпе: «Господа, поблагодарим моих юных защитников!»

— Госпожа Рассолова! — просиял Тимошка и застенчиво улыбнулся красавице, окружённой несколькими офицерами. — У меня к вам письмо от Досифеи Никандровны.

— От тёти Доси? — удивилась Евгения.

По её изумлённому лицу Тимошка понял, что актриса не признала его.

— В таком случае, я попрошу тебя пройти со мной.

Она повернулась к провожатым и повелительно наклонила голову:

— Господа, я вынуждена с вами распрощаться. У юноши ко мне неотложное поручение.

«Вот это командирша, так командирша», — восхитился Тимошка, глядя, как офицеры беспрекословно щёлкнули каблуками, приложи-

лись к милостиво протянутой ручке актрисы и беззвучно удалились, словно по команде фельдмаршала.

— Пойдём, расскажешь, что там стряслось у моей дорогой тётушки.

Евгения изящно перебросила через плечо невесомую шаль, по виду сотканную из утреннего тумана с капельками росы, пропустила Тимку вперёд и повела мимо дворника и подозрительного швейцара, только что спустившего Тимошку с лестницы. Ах, если бы швейцар мог представить, каких героических усилий стоило Тимке не показать ему язык! Евгения Рассолова провела Тимошку в кабинет, обставленный белой с золотом мебелью, и, легко перекинув ногу на ногу, уселась в массивное вольтеровское кресло:

— Давай письмо.

Тимошка безмолвно протянул конверт и встал поодаль, не отрывая глаз от выразительного женского лица с ровными, точно выведенными углём, бровями, пытаясь по их движению понять содержимое послания. Уж больно не терпелось узнать, что там пишет бабка Досифея.

Актриса в молчании прочла письмо и вскинула на Тимошку золотистые глаза с едва уловимым раскосым разрезом — в точности, как у Досифеи Никандровны. Пауза затянулась. Тимошка уже хотел было вежливо покашлять, чтобы напомнить о себе, как вдруг Рассолова резко поднялась и, стуча каблуками, вышла из

комнаты. Вернулась она с небольшой полированной шкатулкой в руках.

— Тётушка моя — старушка нравная, — сказала женщина, — хоть и любительница почудить, но препятствовать её воле я не могу. Вот то, что она велела тебе передать.

Госпожа Евгения поставила шкатулку перед Тимошкой и протянула ему крошечный ключик на тонком шнурке:

— Теперь это твоё.

— А что там? — замороженно спросил Тимошка, не в силах оторвать взгляда от сундучка размером с буханку хлеба.

— Не знаю и знать не желаю, — коротко ответила Евгения, и в одну секунду её глаза стали беспомощными и жалобными. — Обижена я на тётю Досю. Уехала без предупреждения в забытый Богом Заморшанск и даже не пришла со мной попрощаться.

Рассолова всхлипнула и отвернулась:

— Скажи, разве так поступают с роднёй?

Тимошка сочувственно сморщил нос. Ему было жалко красавицу актрису так, что словами не выразить.

— Уж простите свою тётку, госпожа Рассолова, — заступился он за Досифею Никандровну, — ведь она по своему жениху тридцать лет убивалась.

— Тридцать лет... — механически повторила за ним Евгения. — А мне что прикажешь делать? В каких лесах её искать?

Тимошка пожал плечами:

— Бог знает.

— А ведь правда, знает, — зябка обхватила себя руками актриса, — не даром тётя Дося тебя на Успенье ко мне отправила. Это потому, что наш род ведёт своё начало из села Успенское. Это для нас особый праздник. Значит, тётушка не забыла меня, раз тебя ко мне именно сегодня отправила.

Она тихонько всхлипнула, как обиженный ребёнок, и вмиг из неприступной театральной дивы превратилась в милую простосердечную женщину.

— Ты ступай.

Евгения Рассолова протянула Тимке узкую руку, которую он неловко чмокнул в запястье и покраснел.

— Я тут одна поплачу, — она позвонила, и на пороге моментально выросла вредная горничная, которая с презрением воззрилась на мальчика, словно хотела изничтожить его на месте, как надоедливую и юньского комара.

— Муся, проводи Тимофея.

Евгения обняла его на прощание, обдавая восхитительным запахом цветочных духов, напомнивших Тимке про скошенные луга в родной Соколовке, и еле слышно шепнула в самое ухо:

— Ты прости меня, дружок, но я не хочу, чтобы мои слёзы видели посторонние.

Знаменитая актриса долго сидела перед высоким зеркалом, обхватив голову руками. Она

всматривалась в свое отражение, так похожее на лицо уехавшей Досифеи, и горько плакала от одиночества.

Едва выскочив за ворота, Тимошка заметил укромный уголок между двух массивных колонн на гранитном постаменте и повернул туда, чтобы без посторонних глаз рассмотреть наследство бабки Досифеи. Жгучее любопытство просто съедало его. Шкатулка, сделанная, по-видимому, из какого-то нездешнего дерева с затейливым петлевым узором, была совсем не тяжёлая. Тимофей осторожно потряс своё сокровище, но не расслышал ничего, кроме тихого шороха. Занятно... Он перевернул шкатулку вверх дном и почувствовал, как её содержимое переместилось вниз и цокнуло по крышке царапающим звуком. Тимошка покачал шкатулку из стороны в сторону — снова тишина. Нет, Досифея Никандровна, дай ей Бог здоровья, положительно решила испытать мальчика на выдержку. Он ещё немножко постоял, глядя на проезжающие мимо него богатые выезды на холёных лошадях, скинул курточку и завернул в неё бабкин подарок. Дома он ещё раз внимательно исследует его и, может быть, тогда угадает, какой секрет скрывается внутри. Главное, поторопиться попасть в свою комнату.

Тимошка припустил домой, не переводя духа, и через полчаса уже рассматривал через лупу крошечный ключик с вырезанными на нем буквами «Д» и «Р» — Досифея Рассолова.

Надо ли говорить, что весь вечер Тимошка то и дело бегал к ларцу, как будто ожидая, что он распахнётся сам собой.

— Хитрая ты, Досифея Никандровна, — мысленно пенял он своей подруге. — Ларец презентовала, а что в нём, узнать не позволила. Интересно, как долго придется мне ждать случая, чтобы воспользоваться наследством Досифеи для помощи людям? Вдруг в моей жизни такого никогда не произойдёт? И что? Придётся мне умереть, не зная, что положено в эту шкатулку?

Тимка настолько извёлся от любопытства, что Пётр Сергеевич не выдержал. Он позвал сына к себе в кабинет и распахнул дверцу несгораемого шкафа, в котором хранились важные документы:

— Ставь сюда своё сокровище, и пусть оно хранится под замком до поры до времени.

— А скоро настанет это время? — с надеждой спросил Тимофей.

— Я не сомневаюсь, что мы немедленно узнаем об этом. Обещаю тебе. Досифея Никандровна — старушка предусмотрительная, — усмехнулся доктор Мокеев и два раза повернул ключ в дверце шкафа. — А сейчас иди примеряй гимназическую форму, которую ещё днём доставил посыльный.

Сообщение о новенькой форме мгновенно избавило Тимошку от тяжких раздумий по поводу загадки бабкиной шкатулки, и он, радостно просияв, вихрем помчался к тёте Симе,

уже державшей наготове великолепную синюю форму с настоящей фуражкой и кожаным ремешком.

51

Первое гимназическое утро в Тимошкиной жизни выдалось пасмурным и настолько дождливым, что впору было пустые бочки под застреху подставлять.

— Виданное ли дело в такую непогоду детей в школу гнать, — ворчала тетя Сима, поглядывая на устроившихся за столом Тимку с Петром Сергеевичем и торопливо раскладывая по их тарелкам пузыристую овсянку с изюмом. — Учёба не волк, в лес не убежит.

Старалась тётя Сима напрасно — Тимошка её не слышал. Он так волновался перед началом занятий, что совершенно не чувствовал вкуса своей любимой каши. Кажется, если бы тётя Сима положила ему в тарелку варёную шляпу, он и её проглотил бы за милую душу и не поперхнулся.

Время от времени Тимошка исподволь рассматривал своё отражение в ярко начищенном мельхиоровом чайнике. Он видел аккуратного русоволосого гимназиста, в парадной синей форме, со светлым чубчиком и румяными щеками.

«Неужели этот городской мальчик — я собственной персоной? — размышлял Тимошка, втайне любуясь отражением сосредоточенного

гимназиста. — Как бы мне хотелось, чтобы мои родители увидели меня в эту минуту и порадовались, что их сыночек в первый раз собирается в самую настоящую столичную гимназию номер десять».

Он вспомнил, что Зиночка тоже сегодня идёт в свою женскую гимназию, только уже во второй класс, и беспокойно завозился на стуле — не опоздать бы. Пунктуальная Зина, небось, давно уже ушла.

Пётр Сергеевич посмотрел на часы, а потом серьёзно взглянул на Тимку:

— Тимофей, перед тем, как ты пойдёшь в гимназию, я обязан сделать одну вещь.

Он повёл сына в кабинет, выдвинул ящик письменного стола и дал ему в руки портрет бородатого старика в солдатском мундире с Георгиевским крестом на груди.

— Помнишь, я тебе рассказывал, что мой отец был санитаром на русско-турецкой войне и вынес с поля боя своего раненого командира?

Тимошка настороженно кивнул, не отводя взгляда от торжественного лица своего названного батюшки.

— Тот командир подарил отцу вот этот медальон, который папа надел мне на шею перед тем, как я переступил школьный порог. Теперь настала твоя очередь носить его и помнить, для чего ты учишься и кем тебе предстоит стать.

Пётр Сергеевич расслабил галстук, растегнул верхнюю пуговицу воротничка и снял

с шеи необычный медальон на тонкой золотой цепочке. Руки доктора Мокеева с длинными и сильными пальцами чуть подрагивали, когда он протянул Тимофею свою фамильную ценность. Тимошка благодарно обнял отца, мимолётно прижавшись щекой к его лицу, взял в руку медальон, чтобы поближе рассмотреть дедушкино благословение и ахнул, потому что прямо перед его глазами на тонкой цепочке раскачивалась золотая змейка с огненно-рубиновым глазком, плотно обвивавшая телом широкую золотую чашу.

— Так вот она, змея на шее, с которой я проживу всю свою жизнь, — прошептал Тимофей одними губами, — вот о чём толковал мне лесной дедушка!

— Чаша со змеей — это символ медицины, — объяснил Пётр Сергеевич, — он соединяет в себе мудрость змеи и чашу, наполненную жизненной силой.

Тимоша надел цепочку и благоговейно ощутил, как к его телу прикоснулся металл, еще хранивший тепло его названного отца. В душе словно зазвенел колокольчик, заполняя всё Тимошкино существо своим чистым и радостным звоном. «Я навсегда постараюсь запомнить этот день», — подумал Тимофей и выглянул в окно проверить, не закончился ли этот летний ливень. Там сияло солнце.

II. Бабкино наследство

1

Январь 1904 года выдался на удивление лютым и снежным. Буран на пару с метелью без зазрения совести трепали шубы вышедших из дома господ, забирались холодом под лёгкие пальто модных дамочек и насквозь прокусывали ледяными зубами тонкие шинелишки гимназистов, шитые на «рыбьем меху».

— Нынче зима — всем зимам зима, — приговаривала тётя Сима, заказывая измученному непогодой дворнику всё новые и новые вязанки дров.

— Да, зима суровая, — вторил ей доктор Мокеев и поплотнее закутывался в стёганую домашнюю куртку. — К нам в больницу беспрестанно привозят обмороженных и переохлаждённых. Трудно вообразить, сколько народу пострадает, если морозы продержатся ещё хотя бы две недели.

Тимошка согласно поддакивал взрослым. Он беспокоился за свою деревенскую родню: как они там? Соколовку, поди, давно под самые

крыши снегом завалило. Но в глубине души был рад зимней непогоде — очень уж уютно и славно было вот так, как сегодня, собираться вечерами около высокой, до потолка, кафельной печи и, прижавшись к отцовской ноге, слушать, как шуршит в его руках свежая газета «Петербургские ведомости» да потрескивают в топке сухие берёзовые поленья.

Тимофей смотрел в окно на непроглядную зимнюю темень и представлял, что заиндевшее стекло, словно волшебный фонарь, виденный им у Арефьевых, отражает все незатейливые картинки его короткой гимназической жизни...

Первая картинка показала, как он, робея, переступает порог своей десятой гимназии и на одной из переменок встречается взглядом с весёлыми глазами друга Коки из третьего класса.

За одной партой с Тимошкой усаживается тихий, как мышка, мальчик Федя — сын почтальона дяди Саши. Впереди них сидят толстенький кудрявый Фима Ефимкин и Серж Тараканов, сын приказчика из магазина купца Пызина. По всему видно, что Сержу совершенно не нравится Ефимкин, но добрый Фима всегда даёт списывать, поэтому лентяю Тараканову приходится мириться с нежелательным соседством.

Следующая картинка показала Тимке маленькую синеглазую Крысю, которая до сих пор продолжает верить, что каждое утро к ней чуть свет прилетает сказочный Ангел и льёт ей в жес-

тяную кружку небесное молоко. На Рождество Тимошка выпросил у Зиночки красивую куклу-барышню с пышными волосами. Зиночка, конечно, сначала поломалась, но потом, узнав, что Тимка собирается подарить её бедной девочке-сиротке, выбрала самую большую и нарядную, в кружевной белой шляпе и розовом платье. Соседка Липских, тётка Параска, тайком посадила её на Крысин сундук в самое Рождество. И хотя Крыся теперь думает, что Ангел не только носит молоко, но и упрасивает Спасителя дарить маленьким девочкам необыкновенные игрушки, её отец, сапожник Марек Липский, без труда догадался, что этот Ангел проживает в доме Тарасовых. Однажды вечером он пришёл к Мокеевым и долго стоял в дверях, тиская в руках картуз и бормоча слова такой горячей благодарности, что Тимка сконфузился и убежал прятаться в свою комнату.

...Тимошка вздохнул и пристальнее всмотрелся в чёрную ночь за оконной рамой, подумав, что не отказался бы увидеть в своём волшебном фонаре Досифею Никандровну, чтобы узнать, как поживает она в далёком Заморшанске с найденным женихом Прохором Игнатьевичем, ведь от неё до сих пор ни слуху, ни духу.

— На Дальнем Востоке тревожно, — сказал Пётр Сергеевич и, свернув газету трубочкой, озабоченно похлопал ею себя по коленке. — Корреспонденты пишут, что война с Японией неизбежна. Скверно. Очень скверно...

— Не дай, Господи, — перекрестилась в своём углу тётя Сима, споро вязавшая из грубой шерсти огромный носок «для сугреву». — Надо бы ситцу да коленкору прикупить, а то, помню, бабушка сказывала, что во время французской кампании у нас в губернии весь ситец из лавок исчез, ровно его корова языком слизнула.

— И князь Сева про войну говорил, — авторитетно заметил Тимошка, — но он думает, что мы япошкам быстро шею намылим.

— Любая война — это горе и человеческие жертвы, — посмотрел на сына доктор Мокеев, — и не употребляй, пожалуйста, выражения «япошки». Японцы точно такие же люди, как и мы с тобой.

Тимошка сначала нахмурился, а потом подумал и решил, что папа Петя, как всегда, прав. Какими бы воинственными японцы ни были, но у них тоже есть любящие родители и дети, которые не хотят остаться сиротами. Не каждому сироте везёт встретить такого душевного и умного названного батюшку, как Пётр Сергеевич.

Тимка отвернулся и украдкой поцеловал медальон со змеёй, подаренный отцом перед началом учёбы в гимназии. Ещё бы узнать, что за секрет хранится в бабкиной шкатулке, и на душе стало бы совершенно благостно.

Тимофей вспомнил, что к уроку по русской словесности у него ещё не выучено стихотворение поэта Баратынского, и заспешил в свою комнату. Учитель Франц Антонович — весьма

строгий, чуть запнёшься, сразу «неуд» поставит, а Тимошка, как обещал папе его не позорить, так и держит своё слово. Недаром дед Илья ему в голову вколачивал: «Давши слово — держись».

2

Под утро сквозь пелену ночной тишины настойчиво прорвался сигнал телефонного аппарата. Сперва Тимка подумал, что это ему приснилось, но звонок продолжал верещать, заставив его встать с кровати и выбежать в прихожую.

— Алло, это квартира доктора Мокеева?

— Да, сейчас я его разбужу, — потряс головой Тимофей, прогоняя остатки сна.

Будить никого не пришлось — моргая спросты глазами и торопливо натягивая на себя рубашку, Пётр Сергеевич босиком появился в дверях. Он отрывисто сказал в телефонный рожок несколько слов и, не попив чаю, ушёл в больницу.

«Случилось что-то важное», — понял Тимофей и не ошибся.

Про это «важное» он узнал, едва приоткрыл дверь на улицу, чтобы отнести Крысе свежего молочка.

— Гимназистик, ура! Войнушка началась! — стукнул его по голове растрёпанной кипой свежих газет мальчишка-разносчик. — Представляешь?! Вот здорово!

— Война с Японией! Японская эскадра вероломно напала на Порт-Артур! — перекрикивая друг друга, метались по улице закутанные в зипуны юркие продавцы газет. — Свежие новости! Покупайте свежие новости!

Тимошка поёжился от пробежавшего по спине холодка, второпях сунул в руки тётки Параски стеклянную банку, матово отсвечивающую белым молоком, и со всех ног дунул в гимназию. Учителя обязательно подробно растолкуют, что произошло сегодняшней ночью. Ещё не помешало бы увидаться с Севой Езерским, он наверняка знает самые последние новости, если вообще не сбежал на фронт, как планировал.

— Может быть, и мне с ним? — промелькнула мысль, но сразу же исчезла. — Эх, нет здесь бабки Досифеи Никандровны, — вспомнил свою подругу Тимофей и от расстройства чуть не споткнулся о кучу снега, — лучшей советчицы и придумать невозможно. Она всё наперёд знала.

У ворот гимназии, несмотря на мороз, толпились гимназисты в накинутых на головы башлыках с обмотанными вокруг шеи длинными концами.

— Слышали, война с Японией началась... — то и дело говорил кто-нибудь вновь подошедшему. — Японская морская эскадра ночью напала на российскую крепость Порт-Артур.

Внезапно тяжёлая дверь гимназии распахнулась, и на пороге замаячила короткая фигура директора господина Эрлиха.

— Господа гимназисты, попрошу всех пройти в актовый зал! — резко выкрикнул Иван Карлович, и его голос сорвался на фальцет. — Вам будет зачитан высочайший манифест.

— Виват, Россия! — пробасил над Тимошкиным ухом усатый выпускник. — Боже, царя храни!

— Боже, царя храни, — дружно подхватила многоголосая толпа гимназистов, сквозь которую прорывались богатые вибрациями дисканты старшекласников. — Грудью встанем на защиту Отечества!

Срывая по пути шинели, гимназисты затопали по лестничным пролётам, заполняя небольшое помещение актового зала.

— Чижииков пропустить вперёд, — раздалась чья-то звонкая команда, и первоклассников мгновенно вытолкали в первые ряды, чтобы им было лучше видно и слышно.

— Господа! Попрошу внимания! — господин Эрлих вышел на середину сцены и позволил в колокольчик.

Тимошка увидел, что за спиной директора на сцену выходят все преподаватели и выстраиваются в ровную линейку. Иван Карлович по-свиному покрутил головой в разные стороны, пару раз переплёл пальцы и вдруг жестом фокусника выудил из кармана сюртука сложенную газету. В зале стало тихо.

— Господа, от генерал-майора Флуга из нашей российской крепости Порт-Артур

в Манчжурии получена следующая телеграмма, — он перевёл дыхание, вытер вспотевший лоб и заглянул в газетные гранки:

Доношу: сего числа, около одиннадцати часов утра, японская эскадра в составе пятнадцати броненосцев и крейсеров подошла к Порт-Артуру и открыла огонь. Неприятель был встречен выстрелами приморских батарей крепости и огнём нашей эскадры, принявшей участие в бою. Около полудня японская эскадра прекратила огонь и отошла к югу. Наши потери во флоте:

Офицеров ранено два, нижних чинов убито девять, ранено сорок один, на береговых батареях нижних чинов убит один, ранено трое.

Генерал-майор Флуг.

Директор закончил чтение и обвёл глазами взволнованные лица гимназистов:

— А теперь, господа, прослушайте Высочайший манифест об объявлении войны:

Божиею поспешествующей милостью, Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лиф-

ляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северная страны Повелитель; и Государь Иверский, Карлинская и Кабардинская земли и области Арменския; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем Нашим верным подданным...»

Чтец так долго перечислял все земли, над которыми распростёрлась рука Его Императорского Величества, что Тимошка потерял нить повествования. Самое ясное из того, что он понял, это были страшные слова «Россия вступила в войну». Тимка покосился на свою ногу и подумал, что вступить, оно, конечно, куда проще, чем вылезти. Дай Бог, чтобы всё обошлось и война оказалась совсем не страшной. Не такой жуткой, как русско-турецкая, на которой изранили душу деда Ильи и изуродовали жениха Досифеи Никандровны.

Весь день в гимназии только и было разговоров, что о войне. Оказалось, что японцев

ребята видели лишь на картинках. Серж Тараканов уверял, что японские самураи носят шлемы с рогами и стреляют из особого лука с названием «аркебуза». Фима Ефимкин говорил, что японцы надевают на головы вовсе не шлемы, а исключительно соломенные шляпы, похожие на тарелки, и кушают палочками.

По поводу последнего утверждения Серж покрутил Фиме пальцем у виска. Это надо такую глупость выдумать — есть палочками! Сам бы попробовал! Есть палочкой щи или котлету не будет даже последний дурак.

Тихий Федя прошептал, что японцы живут в Китае, где совсем нет деревьев, а кругом одна пыль. Им приходится много щуриться, и поэтому у них такие узкие глаза.

Дискуссию о японцах прервал звонок на урок математики. Строгий учитель Афанасий Иванович, отступив от жёсткого учебного плана, вместо законов сложения и вычитания показал ученикам карту Российской империи и подробно рассказал про Японию и японцев. Самым поразительным оказалось то, что японцы действительно едят палочками! Посрамлённый Серж Тараканов невероятно расстроился и исподволь показал Ефимкину кулак, чтобы впредь не умничал.

Словом, когда Тимошка, доверху наполненный новостями и впечатлениями, ввалился домой, сил у него уже совсем не осталось. Всё, что он успел сделать перед сном, это аккуратно

разобрать свои вещи — вдруг придётся ехать с доктором Мокеевым на войну. Теперь он его одного нипочём не отпустит. Ещё Тимофеем догадался сунуть в вещевой мешок шкатулочку Досифеи Никандровны. Поди знай, когда наступит день, указанный бабкой Досифеей. Ведь война на дворе. Надо быть готовым ко всему.

3

На четвёртый день войны Россию потрясла ужасная новость из района боевых действий: погибли два корабля — крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Самой первой об этом узнала тётя Сима, ей рассказал мясник на Сенном рынке.

— Так сокрушался, сердечный, так сокрушался, ровно своими глазами всю морскую баталию наблюдал, — разматывая пушистый платок с прозрачными бриллиантами оттаявшего снега, говорила она Тимошке. — Даже лишнюю свиную ножку мне подкинул. Бери, говорит, тётка, пока я в расстроенных чувствах. Раз такая беда над Россией, должны мы друг другу служить, как братья и сёстры. Вся Сенная площадь переживает. Народец газеты от корки до корки перечитывает, там вся японская подноготная, как на ладони, расписана. А император у них пособачьи называется — «микадо». Слыханное ли дело, помазанник Божий, а такой поганой кличкой наречён!

Она поставила сумку на пол и гордо выпрямилась:

— Ну, да ничего! Мы этим врагам живо место укажем! — тётя Сима в боевом запале притопнула ногой и погрозила пальцем в направлении географической карты. — Мужики, что на площади сеном приторговывают, гуртом сбились и «Боже, царя храни» поют. Народ ждёт высочайшего выхода, — она многозначительно поджала губы. — И то правда, как без царя-батюшки обойтись? Он нам все события доподлинно разъяснит и успокоит православный люд.

Тимошка услышал незнакомые слова и с любопытством округлил глаза:

— Тётя Сима, что такое «высочайший выход»?

— Это, Тимка, когда государь-император с семьёй при всём параде к народу выходит. Ух, и красота! Я один раз девкой видала, как царь Александр Третий высочайший выход делал, так до сих пор в себя прийти не могу. — Тётя Сима мечтательно закатила глаза и приложила руку к сердцу. — А уж царица-матушка какая хорошенькая была! Ровно спелая вишенка — аккуратненькая, румяная. Головку с короной наклонит в сторону, а сама всё улыбается. Три раза на меня взглянула! Сам царь тогда впереди выступал. Крепкий, могучий, грудь колесом, на плечах — мантия из горностаев. Сразу видно, Самодержец Всея Руси.

Она осеклась и пристально посмотрела на Тимошку:

— Война войной, а жизнь — жизнью. Ты вот что, сбегай быстренько к Арефьевым, передай их кухарке от меня вот эту травку. Пусть Танюшке позаваривает, а то Нина Павловна жаловалась, что барышня плохо спать стала.

— К Арефьевым! — обрадовался Тимошка. Это он пожалуйста. Тем более, что время настало военное, суровое. Пока папа Петя на работе, может, хоть у Арефьевых что толковое про войну разузнает. Всё ж таки Юрий Львович не на рынке мясо рубит, а в серьёзном департаменте служит.

Он мигом вымелся на улицу, не забыв на минутку заглянуть к Крысе и передать ей мятный пряник, припрятанный от воскресного ужина. На улице опять холодало, и на город опускались ранние зимние сумерки. Столичная жизнь всю перестраивалась на новый военный лад. На круглых театральных тумбах, вместо афиш с воздушно-белоснежными балеринами, были наклеены плакаты, на которых коренастый русский мужик в косоворотке молотит увесистым кулаком крошечных желтолицых человечков в синей форме.

«Вася флотский спуску не даёт», — прочитал Тимка кричащую надпись поперёк рисунка и заметил, что из-под криво наклеенного плаката проглядывает изображение Евгении Рассоловой в накинутой на плечи русской шали с петухами.

— Не до песен сейчас, — согласно кивнул Тимошка «Васе флотскому». — Добро, если бы и вправду так: помахал кулаком, и нет войны.

Дверь квартиры Арефьевых отворила встревоженная Зиночка и с порога потянула его в укромный уголок за вешалкой.

— Папа плачет, — она приблизила губы почти к самому Тимошкиному уху, и он почувствовал на щеке её горячее дыхание. — Заперся в своём кабинете и плачет. Думает, что никто не догадается. Понимаешь, командир крейсера «Варяг» — Всеволод Фёдорович Руднев — папин друг. Говорят, что почти все матросы и капитан погибли вместе с кораблём. Я тоже знала дядю Всеволода, — Зина всхлипнула. — На прошлую Пасху он подарил нам с Таней по сахарному яичку с вырезанным кораблём внутри. Вот такусенькому, — она развела пальцы и показала, каким был заветный подарок.

— А Нина Павловна где? — так же шёпотом спросил Тимофей.

— Она с Машей пошла в дамский благотворительный комитет. Понесла тёплые вещи для солдатиков. Их ведь, наверное, скоро на фронт отправлять будут, а на улице мороз трещит.

Тимошка взял Зину за руку, и они на цыпочках проскользнули в гостиную. Тимофей подумал, что Зина очень повзрослела за последнее время, стала выше его почти на целую голову и уже не такая вредная.

— Папе рассказал начальник департамента, что крейсер утопил сам капитан Руднев.

— Как это, сам капитан? — не поверил Тимофей. — Что за ерунда?

— Совершенно не ерунда, а чистейшая правда. Папе телефонировали, что крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» стояли на рейде в Корее, когда четырнадцать японских судов вошли в порт, заперев в гавани наши корабли. Японцы приказали русским судам сдаваться в плен, но капитан Руднев отказался, и «Варяг» с «Корейцем» стали с боем прорываться в Порт-Артур. Двое против четырнадцати. Все русские матросы знали, что идут на верную смерть. Перед боем они переоделись в чистую одежду, а судовой священник, отец Михаил, благословил корабль на смертельную битву. Французские и английские суда, стоявшие неподалёку, в знак уважения к храбрости русских воинов выстроили на палубах свои команды для последнего приветствия и играли российский гимн. Завязалось сражение. «Кореец» затонул, а команда «Варяга» продолжала отбиваться от неприятеля, хотя почти все матросы и офицеры на корабле уже были убиты или ранены. Когда Всеволод Фёдорович понял, что им не выиграть сражения, то приказал открыть специальные люки, они называются кингстоны, через которые можно заполнить судно водой, — Зиночка побледнела и с волнением сжала руки. — Матросы открыли

кингстоны, и крейсер вместе с поднятым Андреевским флагом и со всей командой ушёл на дно на глазах у японцев.

Не удержавшись, она зашмыгала носом и уткнулась лицом в фартук незаметно подошедшей Танечки. Глухонемая сочувственно замычала, дрожащей рукой водя по Зининой голове и перебирая пальцами растрепавшиеся косички сестры.

— Вот это смерть! Настоящие герои! — Тимошка от напряжения стиснул кулаки и привстал со стула, не обращая внимания на обнявшихся сестёр.

Он представил, как стоит на палубе качающегося из стороны в стороны подбитого корабля, а мимо него с воем летают пушечные ядра. «Открыть кингстоны!» — отдаёт команду капитан с окровавленной головой, а он, Тимошка Петров-Мокеев, кидается в трюм и открывает круглое окошко, через которое врывается тугая морская волна. И корабль погиб...

Тимофей отвернулся и поморгал глазами, чтобы Зина не увидела, как по его щекам катятся крупные слёзы. Каково было этим людям, израненным и истерзанным пулями, тонуть в холодном чужом море за тридевять земель от родной земли за веру, царя и Отечество? Наверное, страшно, но они не дрогнули...

Он внезапно припомнил, как ходил летом с горничной Машей к казармам Семёновского полка. Тогда по всему городу пышно цвела си-

рень, весёлые солдаты в отутюженной форме лукаво поглядывали на прогуливающуюся по тротуару девушку и молодецки подкручивали холёные усы, а поодаль стояла Досифея Никандровна с Машиным букетом и пела свою частушку.

Ты не вей, матаня, кудри
На моей головушке,
Всё равно мне пропадать
На чужой сторонушке.

— И как только бабка Досифея будущее угадывала? А ведь у офицеров и матросов были дети, которые теперь тоже останутся сиротами, как и я, — подумал Тимошка. — Надо им помочь, но как? А ещё необходимо написать письмо князю Всеволоду и попроситься вместе с ним на фронт. Жалко только, что я не тренировался фехтовать, ведь с самураями голыми руками воевать не будешь.

Он так крепко задумался, что не заметил, как Зиночка перестала плакать и решительным движением промокнула слёзы кружевным платочком.

— Тимофей! — она положила руку ему на плечо и развернула лицом к себе. — Полно нам слёзы лить, пора и за дело приниматься. Я тут кое-что придумала. Завтра пригласи к себе этого несносного Коку из дома купца Пызина и ждите меня в субботу с самого раннего утра. Ну, скажем, часов в одиннадцать. Понял? — Зиночка

настойчиво посмотрела на Тимошку взглядом, не допускающим никаких возражений.

— Понял, — он машинально кивнул головой, не решаясь спросить, что задумала Зина и почему она так уверена в своих действиях.

— Надеюсь на тебя. Не подведи!

Зина приняла из Тимошкиных рук передачку для кухарки, заговорщицки приложила палец к губам, давая понять, что до поры до времени надо держать рот на замке, и бесцеремонно вытолкала его на лестницу.

— Иди, Тимофей, папе лучше сейчас побыть одному, а сколько слёз будет, когда мама вернётся, я даже думать боюсь. Не забудь! В субботу, в одиннадцать часов утра. И чтоб вы с Кокой были оба!

4

Каждое утро в мужской гимназии номер десять, как, впрочем, и в остальных гимназиях Российской империи, начиналось с краткого молебна. В эти военные дни молебен служился во славу русского оружия, и все мальчики, даже те, которые в обычные дни предпочитали украдкой смотреть в окно или тишком прицеплять на английскую булавку глупые записки к курточкам однокашников, дружно просили Господа даровать Государю Императору победу на Дальнем Востоке.

Хотя сразу после молебна, усердно звоня в колокольчик размером с корабельную рынду,

по гимназическим коридорам проходил сторож Пахомыч, школяры не спешили расходиться по классам, надеясь перекинуться хоть парой фраз об обстановке на фронте.

— Господа гимназисты, прошу пройти на занятия, — требовательно призывал на урок сиплый бас Пахомыча.

Тимошка поправил ранец за плечами, отпихнул в сторону плевавшегося жёванной промокательной бумагой Сержа Тараканова и через головы одноклассников помахал рукой Коке:

— Найди меня на перемене, дело есть.

Кока кивнул и приветственно поднял над головой сцепленные руки:

— Вас понял!

Урок арифметики пролетел совсем незаметно и всё потому, что серьёзный учитель Николай Иванович не давал гимназистам передохнуть ни минуты, подкидывая все новые трудные задачи на деление дробей. Вырасту — ни за какие коврижки не соглашусь решать математические примеры, стиснув зубы от напряжения, потел над задачкой гимназист Петров-Мокеев. Он уже хотел подсмотреть ответ у Фимы Ефимкина, но вовремя вспомнил, что это будет хоть маленький, совсем крошечный, но обман, вздохнул и начал решать всё заново.

На перемене его встретил изрядно помятый Кока и с ходу сообщил, что получил «неуд» по правописанию, поэтому его жизнь, вне всякого сомнения, теперь позорно закончена.

— Закончена, так закончена. Прощай, верный товарищ, — хлопнул его по плечу Тимофей. — А я хотел предать тебе привет от Зины Арефьевой.

— От Зины! — просиял Кока. — Вот здорово! — но тут же подумал, что радоваться привету от девчонки, пусть и очень красивой, несолидно, поэтому переменил тон и стал с нарочито рассеянным видом колупать пальцем пряжку на Тимошкином ремне. — Вообще-то все гимназистки — воображалы и кривляки. Ума не приложу, какой ей резон мне привет передавать?

— Зина велела, чтоб ты в субботу пришёл ко мне к одиннадцати часам утра, — объяснил Тимка, — а что ей надо, она сама нам расскажет.

— Я обязательно, обязательно буду! — восторженно заверил Кока, но спохватился своей горячности и сделал безразличное лицо, отчего уголки его рта плаксиво опустились вниз, словно подковка. — Хотя мне это абсолютно не интересно.

Он наморщил нос и недовольно отошёл в сторону, заметив, что сторож Пахомыч уже вовсю трясет колоколом, призывая гимназистов отправляться по классам и заполнять свои пустые головы необходимыми грамотному человеку науками.

С самого раннего утра субботы Кока околавался во дворе дома Тарасовых, нетерпеливо разгребая сугробы кончиком зимних ботов, надраенных до блеска. Тимошка, как глянул

на него, так и фыркнул: вместо гимназического башлыка на Кокиной шее трепался пышный бант в синий горошек, а тщательно расчёсанные на пробор волосы были так намазаны парикмахерским фиксатуаром, что издалека казались деревянными.

Зиночка пришла ровно в пять минут двенадцатого, когда оба мальчика в нетерпении топтались в тесной прихожей, поминутно перешёптываясь и гадая, что могло прийти в голову легкомысленной девочке. Одета в пышное пальтецо с меховой опушкой и хорошенькую белую шапочку, делавшую её похожей на сказочную Снегурочку, Зиночка была суха и деловита:

— Мальчики, — строго произнесла она, подозрительно осмотрев с головы до пят расфуфыренного Коку, — мы с вами пойдём сейчас делать кружечный сбор в пользу сирот русско-японской войны.

«Кружечный сбор! Ай да молодец! — мысленно похвалил её Тимошка, никак не ожидавший дельной мысли от такого беспечного существа, как Зиночка Арефьева. — Кружечный сбор в пользу сирот — это очень умно придумано».

Тимка посмотрел на Коку и увидел, что друг не вполне разделяет его восхищение.

— Подумаешь, деньги собирать, — презрительно заявил тот, — нашей доблестной армии надо не деньгами помогать, а живой силой.

Он согнул руку и продемонстрировал свои мускулы, выглядевшие, впрочем, довольно хило. — Я бы мог снаряды подносить или паруса поднимать.

Кока несколько раз сокрушённо вздохнул, покосился на Зиначку и сменил гнев на милость:

— Ладно, так и быть, поучаствую с вами в сборе средств. Отправим деньги прямо в Порт-Артур командиру армии, генералу Куропаткину, в собственные руки.

— Мы отправим сбор не в армию, а в дамский комитет помощи сиротам, — поправила его Зиначка. — Я вчера сбегала туда, поговорила с уполномоченными дамами, и они выдали нам вот это.

Она достала из шляпной коробки Нины Павловны, которую принесла с собой, большую жестяную кружку с крышкой, запечатанной сургучной печатью. Посередине крышки красовалась прорезь, куда требовалось опускать монеты. Тимошка с уважением посмотрел на такой важный предмет для сбора денег и попробовал подсчитать, сколько казны может там поместиться. Получалось никак не меньше ста рублей, а это — очень большие деньги. Жалованье папы Пети составляло сто двадцать рублей, и этого вполне хватало, чтобы не только жить втроем и платить за квартиру, но ещё и постоянно помогать кому-нибудь из бедняков, попадавших в больницу принца Ольденбургского.

— Теперь, мальчики, вы должны приколоть себе на пальто эти жетоны, — Зина достала из

кармана два латунных жетона, на которых стояли порядковые номера и было чётко выбито: «Ведомство Императрицы Марии».

— Это ведомство управляет почти всеми благотворительными учреждениями в России, — назидательным тоном объяснила Зина. — Оно санкционирует выдачу каждому сборщику денег особого жетона, который подтверждает его честность.

— Я и без жетона честный, — недовольно пробурчал Кока, — и вообще, собирать деньги — это ерунда. Я лучше изобрету такую большую бомбу, которую можно будет сбросить на Японию с неба.

— Как это с неба? — удивилась Зина.

— Запросто. Слышала, что во Франции изобретён летательный аппарат? Необходимо привязать бомбу за верёвку к аэроплану, незаметно перелететь через Японское море, перерезать ножом верёвку и сбросить снаряд на какой-нибудь город. Бомба взорвётся, японский император — микадо — испугается и подпишет мирное соглашение.

Тимошка с осуждением воззрился на Коку. Это ж надо такое придумать! На ни в чём не повинных людей бомбы с небес сбрасывать. Какая подлость!

Зина всплеснула руками:

— Ты, Кока, наверное, обезумел, раз предлагаешь изобретать такие ужасные вещи. Если ты ещё раз заикнёшься о чём-либо подобном,

я перестану с тобой знаться. А увижу на улице — на другую сторону перейду!

Зиночка покраснелась от негодования и в сердцах притопнула ножкой, обутой в аккуратный беленький валенок, обшитый кожей.

— На, надевай без разговоров. В тринадцать лет пора делом заниматься, а не прожекты строить, — она собственными руками приколола на отворот Кокиной шинели начищенный до блеска значок и сунула ему в руки кружку. — Ты самый старший, тебе и кружку носить.

Девочка удостоверилась, что привела сборщиков в надлежащий вид, и властно скомандовала, словно генерал на параде:

— Готовы?

— Готовы!

— Тогда пошли.

Сначала благотворительный сбор пошёл как по маслу, и через пару часов в кружке уже слышалось не только приятное побрякивание медных и серебряных монет, но и нежный шелест денежных купюр. Один господин унылого вида впихнул в прорезь кружки государственную облигацию, которая вполне могла выиграть большую сумму денег. Рабочие из каретной мастерской, весело зубоскаля, пустили шапку по кругу и собрали целый рубль серебром.

А в Спасском переулке разряженная в пух и прах пышнотелая купчиха из квартиры на третьем этаже пожелала во что бы то ни ста-

ло отправить солдатикам на фронт не деньги, а увесистый копчёный окорок собственного приготовления. Как Зиночка ни отнекивалась, охваченная патриотическим порывом дама все же всучила Тимошке лоснящийся от сала коричневый пакет со свиной:

— Дайте слово, что не съедите по дороге! Знаю я вас, мазуриков! — подозрительно осмотрела она растерявшихся сборщиков и с шумом захлопнула входную дверь, за которой слышались звуки фортепиано и беззаботный смех.

Зиночка недоумённо посмотрела на мальчиков:

— Я не знаю, куда нам девать копчёную свинину. Что скажете?

— Давайте продадим окорок на рынке, а деньги положим в кружку, — выдвинул идею Кока.

— Я не умею продавать, — сказала Зиночка. — А ты, Тимофей, как считаешь?

— Я думаю, что папины больные будут очень рады такому щедрому подарку, — ни на минуту не задумался Тимошка, — многим из них необходимо усиленное питание, на которое не хватает денег. Чем не благотворительность?

— Какой ты умный, — уважительно сказала Зина. — Я, пожалуй, даже разрешу тебе написать стихотворение в мой альбом.

— Вот ещё. Только стихи мне писать не хватало, — отказался Тимофей.

— Ты что, Тимка? Разве можно отказываться от такого заманчивого предложения? —

прошипел ему на ухо Кока. — Все мальчишки мечтают написать стихи для барышни.

— Нашёл барышню, — парировал Тимошка и подумал, что, судя по всему, Кока чрезвычайно равнодушен к Зинаиде.

Он украдкой взглянул на девочку, увлечённо рассказывающую его приятелю про учительницу рисования. Девчонка, как девчонка: розовые щёки, выбивающиеся из-под шапочки завитки каштановых волос и чуть вздёрнутый носик. Правда, глаза у неё красивые, с длинными густыми ресницами — в точности, как у Нины Павловны и Танюши. Только Танечкины глаза ничего не видят, а Зинины так и зыркают по сторонам, где надо и не надо. Он попробовал передразнить Зину и глянуть исподлобья, как делает это она, когда сердится, и именно в этот момент обнаружил очень подозрительного немолодого господина, пристально наблюдающего за ребятами.

5

Господин, одетый в серое незаметное пальто с бобровым воротником и остроконечную шапку с опушкой, что-то быстро черкал в большом блокноте. Он то и дело бросал мимолётный взгляд на непослушный Тимошкин чубчик, задорно топорщившийся из гимназического башлыка, а его карандаш так и мелькал в воздухе, выписывая немыслимые пируэты.

Тимка незаметно толкнул Коку локтем в бок и движением бровей указал на незнакомца:

— Смотри, похоже, за нами следят.

— Японский шпион. Знает, что мы делаем сбор в пользу армии, — мигом определил друг и на случай вражеского нападения прикрыл грудью Зину. — Надо его завлечь, чтоб не сбежал, а самим скрытно позвать городского. Пусть арестует агента.

Тимофей сделал вид, что рассматривает витрину магазина дамского платья с изящной надписью «Парижский модный Дом мадам Курочкиной», и постарался дотошно запомнить внешность подозрительного гражданина, совершенно не похожего на японца: сухощавый, седая бородка, длинные красивые пальцы. Шпион — не шпион, но с революционной террористкой Тимка уже встречался, а значит, надо быть всегда начеку, тем более в военное время.

— Я буду заходить слева, а ты — справа, — скомандовал Тимофей Коке, передавая Зиночке кружку с деньгами. — А ты, Зина, — он требовательно взглянул на девочку, — отойди в сторонку и не мешай. Не женское это дело — лазутчиков разоблачать.

Зина недовольно сузила глаза, взяла деньги и, ни слова не говоря, медленно пошла по направлению к чужаку.

— Зина, стой, — дёрнул её за руку Тимошка и, выступив вперёд, очутился прямо перед господином. Он ожидал всяческих неприятностей,

но мужчина миролюбиво улыбнулся и протянул Тимошке свой блокнот в великолепном велюровом переплётё.

— Какая красота! — закричала вдруг Зиночка, раньше всех сунувшая свой любопытный носик в записи незнакомца. — Тимошка, да это ты! Ну вылитый ты!

Она указала на листок в руке барина с чётко нарисованным портретом Тимки Петрова-Мокеева.

— Ух ты! — Тимка и Кока в восторге одновременно наклонились над рисунком и слегка столкнулись лбами друг с другом.

— Так даже наш учитель рисования не нарисует! — заявил Кока и, вежливо наклонив голову, обратился к портретисту:

— Разрешите представиться, мы сборщики благотворительной помощи для пострадавших в русско-японской войне, — он протянул господину кружку. — Не желаете пожертвовать в фонд дамского комитета помощи сиротам?

— С удовольствием, — мужчина порылся в кармане, опустил в кружку пожертвование и весело посмотрел на детей, — тем более что я как раз отправляюсь на фронт.

— Вы на фронт? — хором произнесли ребята.

— Именно. Видите ли, я художник-баталист. Моё имя Василий Васильевич Верещагин.

По замешательству в глазах детей он понял, что слово «баталист» им незнакомо, и пояснил:

— Я пишу картины сражений, в старину они назывались баталиями, отсюда и название «баталист». Мой друг, адмирал Степан Осипович Макаров, пригласил меня участвовать в морском походе российской эскадры против японских неприятельских сил на флагманском крейсере «Петропавловск». Сами понимаете, участвовать в настоящих морских сражениях и видеть бой собственными глазами — невероятная удача для любого баталиста.

«Этот человек, который минуту назад был для меня незнакомцем и которого мы с Кокой чуть не приняли за японского шпиона, скоро поедет на войну», — с раскаянием подумал Тимофей и почувствовал острую зависть, смешанную с восхищением. Ему захотелось как-то высказать господину художнику свою признательность, и он застенчиво дотронулся до рукава Василия Васильевича:

— Уважаемый господин Верещагин, где бы мы могли увидеть ваши картины с морскими баталиями?

— Да, да, сгораем от нетерпения, — подхватили Кока и Зина, во все глаза глядя на настоящего живописца.

— Я предполагаю, что мои первоначальные зарисовки с места событий будут опубликованы в журнале «Огонёк», — заулыбался художник. — Надеюсь, однажды на моей картине появится и твоё лицо, — обернулся он к Тимошке, — не возражаешь? Не часто удаётся

встретить такую выразительную и ясную личность.

Тимошка смешался от лестных слов и пробормотал что-то невнятное. Василий Васильевич достал из портмоне визитку и протянул её Тимке:

— Через пару лет милости прошу на мою выставку. Думаю, к тому времени война благополучно закончится, и я успею написать хотя бы несколько полотен по свежим впечатлениям.

Он прощально приподнял шляпу и остановил проезжавшую мимо пролётку:

— Удачи вам, друзья мои, в ваших хлопотах.

— Представляю, что скажут девочки в гимназии, когда узнают, что я знакома с настоящим художником-баталистом, — скинув с руки пуховую варежку, Зиночка помахала вслед господину Верещагину. — Правда, у Маши Колчиной папа тоже художник, но, насколько мне известно, он пишет только портреты и не собирается ехать на войну.

— Я думал, что на войне воюют только нижние чины и офицеры, — заключил Тимошка, — ну, и доктора, само собой. Но чтоб воевали художники...

— А я размышляю, не стать ли и мне баталистом? — испытующе посмотрел на Зиночку Кока, многозначительно округлив глаза. — Представляете, как здорово: ездил себе целыми днями на войну, участвуй в битвах, рисуй картины. Кругом почёт и уважение. В музее твои полотна висят! Красота!

Дети прошли вдоль по улице и остановились около книжной лавки. В прозрачном стекле витрины были развешаны цветные репродукции, одна из которых невольно привлекала внимание прохожих, наводя на них смертельную тоску и ужас: посреди истоптанного поля брани возвышалась пирамида из человеческих черепов, а над ними, распластав чёрные крылья, кружило ненасытное вороньё. Тимошка обратил внимание на фамилию художника. Чёрным по белому было написано: «Апофеоз войны». Художник В.В. Верещагин».

6

С той секунды, как Тимофей понял, что хотел сказать своей картиной «Апофеоз войны» художник Верещагин, он ни о чём, кроме войны, не мог думать. Раз за разом его мысли возвращались на страшное поле боя, усеянное бездыханными телами. Он даже спать спокойно не мог, а уныло лежал без сна, глядя в потолок, и представлял, что все эти черепа, запечатлённые на полотне, не так давно были полными сил и здоровья живыми людьми, чьими-то папами и сыновьями. Многие из них были красивыми, умными, весёлыми и добрыми. Но началась война, и от крепких мужчин осталась пирамида из жёлтых черепов с чёрными дырами вместо глаз, лежащая под палящим солнцем.

Наверное, он так громко вздыхал и ворочался, что разбудил Петра Сергеевича, кото-

рый сначала заглянул к Тимошке в комнату, а потом, увидев, что сын не спит, опустился на край кровати и ласково заглянул в Тимкины взволнованные глаза:

— О чём задумался?

Мальчик накрыл ладонью теплую отцовскую руку и смущённо спрятал лицо в подушку:

— Я не хочу, чтобы на свете была война.

— Милый ребенок, — грустно усмехнулся доктор Мокеев, — ни один нормальный человек на земле не желает войны, но иногда события складываются таким образом, что народ вынужден защищаться.

— Как в Порт-Артуре?

— Именно, — подтвердил Пётр Сергеевич, — и всё, чем мы можем помочь людям, втянутым в конфликт, это всесторонне поддерживать нашу армию и не забывать о пострадавших. Ты, кстати, знаешь, что отец твоего друга Всеволода, князь Андрей Георгиевич Езерский, отбыл в Манчжурию?

— Да что ты, папа! Я не знал! — Тимошка вскочил с кровати и сел рядом с отцом, не выпуская его руки из своей. — Это очень опасно!

— Безусловно. Но князь — морской офицер, и следовать воинской присяге — его прямой долг. Так же, как мой — любой ценой выполнять клятву греческого врачевателя Гиппократа, помогая больным.

— Доктора дают клятву? — удивился Тимка.

— Да. «В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далёк от всякого намеренного, несправедного и пагубного», — процитировал Пётр Сергеевич слова, которые произносят молодые врачи.

Они ещё долго сидели, обнявшись. Наконец, Пётр Сергеевич спохватился, что и Тимке нужно выспаться, и у него самого завтра очень тяжёлый день. Он пожелал спокойного сна, не забыв тщательно подоткнуть со всех сторон пуховое одеяло. Только за это заботливо подоткнутое одеяло Тимка готов был последовать за отцом хоть на край света. Он подумал, что ему надо быть очень благодарным тётке Мане и преступнику Максимычу — если бы тётка не отправила его одного в лес холодным весенним днём, а погибший вор не столкнул его под поезд, то он бы не встретил любимого папочку. Вот ведь как странно устроена человеческая жизнь: не случись тогда в Тимкиной жизни этих несчастий, не было бы его нынешнего счастья.

Как только за отцом закрылась дверь, Тимошка соскочил с кровати, решив сейчас же написать письмо Севе Езерскому. Он подвинул к себе тетрадку и торопливо вырвал из неё листок. Получилось криво, но Тимка не стал принимать это в расчёт — время сейчас суровое, не до церемоний. Он закусил губу и, царапая пером бумагу, размашисто написал короткую записку:

Дорогой друг, князь Сева!

Папа рассказал мне, что твой отец уехал на войну. Обещаю тебе, что каждый день буду молить Бога, чтобы он победил всех врагов и вернулся в Петербург целым и невредимым.

Кланяйся от меня своей маме, её сиятельству княгине Ольге Александровне.

Всегда твой, Тимошка Петров-Мокеев.

«Эх, была бы здесь Досифея Никандровна, она бы, наверняка, нашла, как меня утешить, — вспомнил он свою уехавшую подругу. — Живет, может быть, с Прохором Игнатьевичем в глухом лесу и знать не знает, что над Россией такая беда разразилась».

Он подпёр щеку кулаком и задумался: не пришло ли время отворить ларец бабки Досифеи? Нет, решительно откинул он эту мысль, буду ждать от неё знака. Она старушка чуткая, все события предугадывать умеет, так что обязательно пришлёт мне нужную весточку.

По шаркающим шагам тёти Симы на кухне Тимка понял, что незаметно наступило утро. Пора собираться в гимназию. Он нехотя выполз из-под тёплого одеяла, почувствовав босыми пятками остывшую гладкость дубового паркета, и сонно глянул в небольшое зеркальце, вделанное в настольный ящичек письменного стола. Чёлка торчком, нос пятачком — скорчил себе рожу Тимошка. Не понимаю, чем я мог понравиться художнику Верещагину?

По дороге в гимназию Тимошка занёс Крысе утреннюю кружку молока и краем глаза заметил, что из-за угла дома за ним подглядывает дворовая заводи́ла Клавка, дочка разбитной вдовы — прачки из флигеля. С тех пор, как Тимка чуть было с ней не подрался, она притихла — Крысю не трогала и Тимошкиных приятелей не зади́рала. Только один раз по осени неизвестный шкодник камнем разбил окно в Тимкиной комнате, и он почему-то сразу подумал про эту бесшабашную девочку с недобрым выражением лица. Но не пойман — не вор. Стекло вставили. Дворник каялся перед тётёй Симой за то, что недосмотрел, и обещал при случае найти озорника и оторвать ему оба уха.

Тимошка поднял воротник форменной шинели, подтянул ранец на плечах и поспешил к первому уроку. Благо, уже светало и было видно изда́лека, как по направлению к гимназии, перепрыгивая через сугробы, движутся лёгкие мальчишеские фигурки.

— После уроков снова пойдём с кружкой. Зина велела тебе быть непременно, — встретил его Кока.

Произнося Зинино имя, он всегда благоговейно прикрывал глаза и почтительно понижал голос.

— Влюбился по уши, — иронично фыркнул Тимка и побежал в класс, где Серж Тараканов, стоя у доски, изображал, как его соседка разговаривает со своим котом.

— Пусси, пусси, детка, беги к своей хозяйшке, — заливался Серж, складывая в трубочку губы и посылая воздушный поцелуй по направлению к воображаемому коту. — Целую твои серенькие лапки и полосатый хвостик, мой шаловливый тигрёнок!

Он протянул руки и, закрыв глаза, принялся похлопывать ладонями, ощупывая место вокруг себя. Серж так увлёкся, что не заметил, как в класс вошёл господин Эрлих.

— Кис-кис-кис, — обнял директора Тараканов и потёрся головой о его живот, обтянутый мундиром с золотыми пуговицами.

От такой немыслимой вольности надворный советник Эрлих буквально остолбенел, как каменная статуя на близлежащей площади. Гимназисты затихли. Господин Эрлих двумя пальцами отстранил Сержа, который, не понимая, что случилось, бессмысленно вертел головой по сторонам.

— Весь класс остаётся после уроков и сто раз пишет в прописях фразу «позор невоспитанным неучам», — Эрлих резко развернулся на каблуках, пропустив в класс учителя латыни, господина Сорокина, и подчёркнуто тихо прикрыл за собой дверь.

Пропал мой кружечный сбор, забеспокоился Тимошка, придётся Коке с Зиной ходить по домам без меня. Эта мысль серьёзно беспокоила его. Случись что непредвиденное, защитить их будет некому. Из Коки защитник — никудыш-

ный, мало ли что может взбрести в его бесшабашную голову.

Тимофей сурово глянул в сторону Сержа Тараканова, благодаря которому был наказан весь класс, и нехотя открыл учебник латыни — самого, по его мнению, скучного предмета на свете. Но папа сказал, что каждому доктору необходимо знать латинский язык, поэтому Тимка добросовестно заучивал латинские фразы и числился по этому предмету наипервейшим учеником в классе. А как иначе? Он всегда помнил своё обещание никогда не подводить отца и не срамить своей фамилии.

День пролетел незаметно, а когда Тимофей, отписав заданные господином Эрлихом сотни слов, явился домой, на столике около двери его дожидалось письмо с гербом князей Езерских.

7

Любезный друг Тимофей! — писал князь Всеволод Езерский изысканно мелким почерком со множественными завитушками на хвостах букв. — Благодарю тебя за заботу о моём батюшке. По моим расчётам, когда ты получишь это письмо, он уже будет на миноносец «Страшный». Я невероятно сожалею, что мне не позволили ехать вместе с отцом, хотя я очень просился и даже попробовал увязаться за ним тайком, без родительского дозволения. Но противный мистер Найтли меня выследил и силком

вытащил из курьерского поезда. Ну, ничего, я ещё найду случай, чтобы присоединиться к нашему доблестному воинству.

Когда будешь молиться за моего батюшку, ни в коем случае не поминай в молитве мистера Найтли.

Я передал матушке твой сердечный поклон. Она велела отослать тебе и твоему батюшке искренние пожелания благополучия.

Надеюсь, что гимназические учителя тебя не очень мучают.

Искренне твой друг.

Кн. В. Езерский.

Тимошка сложил письмо вчетверо и положил в карман, поближе к сердцу. Вечером, перед сном, он ещё раз его перечитает и, может быть, увидит во сне Севу Езерского.

После ужина Тимофею протелефонировала Зиночка Арефьева и расстроенным тоном сообщила, что они с Кокой собрали совсем мало денег, а завтра необходимо вернуть кружку в благотворительный комитет. Тимошка повесил слуховой рожок телефонного аппарата на крючок и просительно посмотрел на тётю Симу, уютно устроившуюся с вязанием в углу у тёплой печки:

— Тёточка Сима, у тебя не найдётся хотя бы одной монетки, чтобы добавить в благотворительную кружку? Я бы с удовольствием отдал все свои деньги, но те десять копеек, что ты дарила мне на Рождество, я проел на мороже-

ное, — Тимошка покраснел и опустил голову. — Ну, кто же знал, что начнётся война?

Женщина отложила вязание и задумчиво пошевелила кочергой догорающие угли. Они заново пыхнули жаром, отбрасывая отблеск на лицо тёти Симы, и Тимошка увидел, что она плачет.

— Тёточка Симочка, прости меня! — кинулся он к ней, покрывая поцелуями её мягкие чуть солоноватые от слёз щёки. — Миленькая моя, не плачь, я не буду больше просить у тебя денег.

Тётя Сима немного отстранилась и, сморкаясь, вытерла слёзы мужским носовым платком в крупную клетку:

— Зайчик мой, я не из-за денег горюю, они у меня как раз есть, я и сама хотела тебе их предложить, — она тяжело дышала, всхлипывая, как обиженный ребёнок, и Тимошка почувствовал, что тётя Сима хочет рассказать ему что-то важное.

Дрожащей рукой тётя Сима поправила растрепавшиеся волосы и подняла на мальчика покрасневшие глаза:

— Смотрю я, Тимошка, на твою доброту и душевность и всё время вспоминаю своего младшего братишку. Ты так с ним лицом схож, что у меня сердце обрывается.

Тётя Сима тяжело поднялась и повела Тимошку к старинному красному сундуку, всегда закрытому на небольшой навесной замок.

— Это сундук моей бабушки, — объяснила она Тимофею, вытащила из кармана изогнутый

ключ, больше похожий на крючок для шнуровки ботинок, и вставила его в замочную скважину.

Судя по нестерпимому скрежету распахнувшейся крышки, пользовались бабушкиным наследством крайне редко.

— Вот он, мой братец, — тётя Сима указала на приклеенный к крышке сундука рисунок, где неумелой рукой углём были нанесены человеческие черты, — смотри, чисто ангелок! Это соседский парень рисовал.

Тимошка согласно покивал головой, решив, что сейчас с тётей Симой лучше не спорить, тем более что её брат, может статься, и впрямь был писанный красавец. Тимка с любопытством вытянул шею и через тётино плечо заглянул в глубину ящика — он был заполнен яркой вышитой одеждой, поверх которой стояла жестяная коробка из-под монпансье.

— Вот тебе деньги, отдай их все сироткам. Им они нужнее, чем мне, — тётя Сима откопала пальцами плотно закрытую крышку с нарисованным на ней пасхальным зайцем, достала из коробки две аккуратно сложенные бумажки по десять рублей и протянула Тимошке. — Ты добрый мальчик, не в пример моему брату Федьке, который пошёл по кривой дорожке. Оттого и плачу, как его вспоминаю.

Женщина захлопнула крышку сундука и погладила рукой его красный бок:

— Федька всё нажитое нашей семьёй пустил прахом, лишь этот сундук у меня и остался.

Тётя Сима горестно замолчала, припоминая свою давно пропавшую семью и беспутного младшего брата, а затем, как бы нехотя, начала рассказывать о своём детстве, постепенно всё более и более увлекаясь.

Родом я из большого и богатого села Заречное Новоладожского уезда. И хоть было нас, детей, у родителей четверо, жили мы зажиточно. Три коровы держали да стадо овец. Сколько себя маленькую помню, в клетки всегда бочка льняного масла стояла, на крюках мороженые окорока висели. Молока вдоволь, изба крепкая, руки работающие, что ещё человеку надо для счастья?

Когда я появилась на свет, то старшие сёстры уже были замужем и жили своим хозяйством, а мы с братом Федькой, стало быть, подрастали при родителях. В наших краях издавна велось, что родители оставались в семье сына век доживать, вот батюшка с матушкой и принялись с малолетства Федьку баловать, чтобы он, помня об этом, их старость лелеял. Ни в чём ему отказа не было, на всё выходило полное прощение и оправдание. Старшие сёстры, бывало, корили родителей, что, мол, вы делаете, потачками парня портите. Но мать с отцом и слышать ничего не желали.

Вот и вырос молодец на наши головушки. Сперва стал родителям дерзко отвечать: они ему слово — он в ответ десять. Потом повадился в соседнее село в кабак ездить, винцо попи-

вать, а вскоре и вовсе исчез. Как ветром унесло. Мать с отцом тем временем от слёз в могилу сошли, а я в пору вошла и заневестилась. Но хоть и нравилась я парням, да никто ко мне не сватался — кому охота в свою семью брать девушку, у которой брат непутёвый.

Наконец, нашёлся один смелый паренёк из далёкого села, не испугавшийся моей худой славы. Бедный-пребедный. Его Васей звали. Едва успели сватов принять да день свадьбы назначить, тут и братец мой появился, ровно снег на голову. Да не откуда-то, а прямо с каторги. Оказывается, он в город подался, а там в драке человека изрядно покалечил. Ну и загремел в Сибирь на каторгу ровнёхонько на пять лет.

Тетя Сима прикрыла рот рукой, подавляя просящиеся на волю рыдания, и опустила глаза в землю. Стыд-то какой! Добро бы ещё вернулся тише воды, ниже травы. Так ведь нет! Притащил откуда-то товарищей, таких же забулдыг, как и он, да и устроил из родительского дома форменный балаган.

Поглядел мой Вася на это непотребство, поклонился мне до земли и ушёл искать девушку поприличнее. А мне куда деваться? Спасибо старшей сестре, не дала на улице погибнуть. Прислала своего мужа меня спасать. Он меня с этим сундуком на подводу взвалил и, ни живу ни мерту, из проклятого места вывез. Пару лет после этого я по разным хозяевам скиталась,

подённой работой занималась — бельё стирала, полы мыла, пироги пекла. За любой труд бралась, чтоб прокормиться.

Однажды по весне сию около церкви, слезами умываюсь, думаю: хоть бы меня Господь прибрал. Всё лучше, чем здесь мыкаться. Гляжу, рядом со мной молодая барыня сидит и тоже, как и я, невесёлая. Жалко мне её стало. Хорошенькая, молоденькая, а лицо такое потерянное, ровно у неё умер кто. Дозвольте, говорю, барыня, вам помочь. Может, подсобить чем надо или до дома вас проводить. Ах, отвечает, никто меня выручить не в силах, потому что мой молодой муж, младший доктор Гатчинской больницы, отправлен на целый год на обучение в Германию. А я, по скудости средств, не могу с ним поехать. Вот и сию здесь, около церкви, где мы с ним венчались, тоскую.

Слово за слово. Разговорились мы с ней. Познакомились. Она мне Марией Васильевной Мокеевой представилась. Ещё рассказала, что у них с доктором имеется годовалый сынок Вадик, который с соседями на полчаса оставлен. И так мы с Марией Васильевной друг другу понравились, что я ей предложила у них в няньках забесплатно работать, только чтоб обедом кормили. Марья Васильевна сначала было сконфузилась, а потом согласилась.

Привязалась я к ним ближе, чем к родным. Через три месяца Пётр Сергеевич вернулся,

и с ним я хорошо поладила. Вот с тех пор и живу тут. Сама как городская стала. Грамоте выучилась. А про братца моего я больше слыхом не слыхивала. Да и слышать не желаю. Он мне всю жизнь переломал.

Не найдя слов для ответа, Тимошка застенчиво потянул тётю Симу за рукав, приглашая пойти в кухню к самовару. «Чаёк, он всегда душу успокаивает», — говаривал дед Илья. Растревоженная воспоминаниями тётя Сима покорно встала и, поминутно охая, принялась заваривать душистый чай из коробки с нарисованным на ней индийским слоном.

«Самый лучший чай достала, — отметил про себя Тимошка, — значит, сейчас и банку с клубничным вареньем выставит. Ну и правильно. После таких страданий необходимо вкусненьким от души подкрепиться».

Он принялся хлопотливо помогать разливать чай и тонким слоем намазывать варенье на ломтики белого хлеба. Подходило время возвращения со службы Петра Сергеевича, а у них за разговорами еще и конь не валялся.

Чай пили уже втроём, умиротворённые растёкшимся по кухне теплом от пышущего жаром самовара и запахами ароматного индийского чая.

— Что вы сегодня такие молчаливые? — удивился Пётр Сергеевич, глядя, как Тимофей с тётей Симой понимающе улыбаются друг другу.

— Просто мы с тётей Симой вспоминали своё детство, — серьёзно пояснил ему Тимофей, — оно ведь уже давным-давно закончилось.

8

Этот первоапрельский день, начавшийся весело и приятно, Тимошка не забудет никогда в жизни. Хорошее настроение принесли и пятёрки по ненавистной латыни и любимой математике, и первоапрельские шутки одноклассников, поздравлявших друг друга с «Днём дурака». Позже смех и радость этого дня воспринимались как что-то мелкое, глупое и даже постыдное...

На третьем уроке дверь гимнастического зала резко распахнулась, и через порог, отдуваясь, перешагнул грузный учитель рисования Кирилл Кириллович, или, как называли его тайком гимназисты, Кир Кирыч. Всегда добродушный, с неизменной улыбкой на губах, Кир Кирыч выглядел совершенно потерянным.

— Господа гимназисты, — произнёс он срывающимся голосом, — я должен предупредить вас, что следующий урок рисования у вас отменяется. Произошло страшное несчастье. Россия потеряла великого живописца, — учитель закрыл лицо руками и несколько секунд стоял неподвижно, собираясь с силами.

— Кирилл Кириллович, объясните, что произошло, не томите, — обратился к нему учитель гимнастики и обвёл глазами учеников.

Кир Кирыч, не говоря ни слова, протянул ему свежий номер газеты и указал пальцем на первую полосу. Преподаватель гимнастики развернул свежий номер «Руси» и подрагивающим от волнения голосом негромко прочёл вслух в звенящей тишине зала:

Морской бой 31 марта.

На рассвете 31 марта, около 5 часов утра, державшиеся в море наши миноносцы, открыв противника, немедленно атаковали его. Произошло жестокое сражение. Во время боя надвинулся отряд японцев, состоявший из двух броненосцев и четырёх крейсеров и, поддерживая свои миноносцы, начал окружать наших, громя их страшным огнем с целью их истребить.

Но спешил уже на помощь «Баян» и, приблизившись на расстояние выстрела к японской эскадре, вступил один в бой, спасая расстреливаемые миноносцы. Миноносец «Страшный» уже погибал; спущенные с «Баяна» вельботы могли и успели подобрать под дождём снарядов лишь пять человек. Неприятель, открыв убийственный огонь по «Баяну», осыпал миноносцы из пулемётов. Все спасённые сильно изранены.

«Баян», приняв на себя всю силу огня противника и продолжая наступать, отвлекал этим внимание противника от наших миноносцев и тем дал возможность благополучно им уйти. Опасность же для «Баяна» с каждой минутой уве-

личивалась; огонь шести больших судов и отряда миноносцев сосредоточился на нём одном.

Эскадра наша спешила на помощь. «Петропавловск», а за ним в кильватере вытянувшиеся суда летели на подмогу. Выстроившись в боевой порядок и приняв в строй «Баяна», эскадра погнала противника, открыв по нему огонь. Повернув обратно и став под защиту наших батарей, эскадра начала разворачиваться, строясь в боевой порядок; в это время выходили на внешний рейд последние суда.

Вдруг у носа «Петропавловска» показывается огромный столб воды, слышится мягкий звук взрыва мины, непосредственно за ним второй взрыв, более интенсивный — вся средняя часть огромного броненосца объята пламенем и тучей жёлто-бурого дыма, корма поднялась кверху, винты беспомощно вертятся в воздухе, и через 2 минуты броненосца не стало, на его месте плескались волны, да подоспевшие миноносцы и шлюпки спасали выгребавших в ледяной воде людей.

В этом бою геройски погибли бесстрашный российский адмирал Макаров, капитан первого ранга князь Езерский и великолепный художник-баталист В.Верецагин.

— Севин папа и Василий Васильевич Верецагин! — непроизвольно вскрикнул Тимошка, и все взгляды обратились на него.

Видимо, у Тимофея был такой вид, что Кир Кирыч шагнул к нему на негнущихся ногах и хрипло спросил:

— Погибли ваши знакомые?

Тимка сдержанно кивнул и шевельнул губами, пытаясь выговорить «да», но изо рта раздалось лишь нечленораздельное мычание, как у Танюши.

«Погиб князь Езерский, мне надо бежать к Севе», — лихорадочно думал он, переводя взгляд с одного лица на другое.

К этой мысли добавлялись воспоминания о приветливом пожилом господине в шляпе, легко черкавшем карандашом в карманном блокноте. Как же он сказал тогда? То, что отправиться в бой вместе с командиром эскадры — невероятная удача для живописца...

— Мне необходимо уйти, — наконец смог вымолвить Тимофей, когда почувствовал, что язык стал его слушаться. — Господа учителя, поверьте, это очень важно.

— Идите, Петров-Мокеев, — без лишних расспросов кивнул ему учитель гимнастики, — раз надо, так надо.

— Сева, Сева, Сева, держись, я скоро... — приговаривал Тимошка, спеша по набережной к особняку князей Езерских.

Тяжёлый ранец колотил его по спине в такт каждому шагу, форменная фуражка сползла на один глаз, и Тимке приходилось то и дело поддёргивать её, чтобы не попасть под проезжающие

мимо экипажи. Около самого дома Езерских, в свежей речной промоине, бил крыльями крупный белый лебедь. Тимошка опасливо скользнул по нему взглядом, вспомнив, что односельчане судачили, будто душа усопшего иной раз птицей кружит вокруг родного очага, не находя покоя.

Чем ближе Тимошка подбегал к особняку, тем гуще становилась вокруг него толпа мальчишек-разносчиков газет, предвкушавших хороший доход от продажи горячих новостей.

— «Петропавловск» подорвался на мине! Ужасная гибель известных особ!

— Покупайте газету «Копейка»! Самые свежие новости с театра военных действий! — разливались на все лады разносчики, стараясь переорать друг друга.

— Эй, ты, подай листок, — щёлкнул пальцем представительный господин из притормозившего экипажа.

— С превеликим удовольствием, — немедленно подскочил к нему самый рослый паренёк-продавец, — не изволите взять две газетки?

Он вручил свежий номер, сунул деньги за щеку и обернулся к Тимошке:

— Куда бежишь, гимназистик? Купи газетку, узнаешь, как помер князь Езерский. Вон его дом. Сбегай, позырь, небось, слуги сейчас траур на окна будут вешать.

Тимошка исподлобья посмотрел на развесёлого газетчика с буграми монет за щеками, и его охватила бешеная ярость.

— У людей горе, — наступая на оторопевшего продавца, неестественно тихим голосом проговорил он, — а ты в их окна пальцами тычешь, чужим слезам радуешься...

— Ах ты, гадёныш! Учить меня вздумал! — парень отпихнул лёгкого Тимошку в сторону, как кулёк с сеном, и пнул ногой в бок. — Вали отсель. Ежели бы мне работа не мешала, я тебя в котлету отдал бы.

«Барыня, барыня, не проходите мимо!» — кинулся он к прогуливающейся даме, бросив на прощание злой, ненавидящий взгляд.

Тимка подобрал с земли свалившуюся фуражку и побежал вперёд.

«И вправду, что это я в драку стал ввязываться, до того ли сейчас?» — думал он, нажимая кнопку электрического звонка в княжеском особняке.

Дверь приоткрылась, и невидимый слуга оповестил в узкую щёлку:

— Её сиятельство не принимает.

— Не надо меня принимать, — глотая от спешки слова, прокричал Тимофей, вцепившись руками в массивную дверную ручку, — я к Севе. То есть к его сиятельству, князю Всеволоду Андреевичу. Пожалуйста, пустите меня.

— Его сиятельству не до гостей, — чуть смягчился голос, — оставьте визитку.

— Нет! Нет у меня визитки! Я Севин, тьфу, князев друг Тимошка Петров-Мокеев. Я должен быть с ним. Я хочу его утешить.

— Все соболезнавания велено принимать в письменном виде.

Высунувшаяся из-за двери рука в белой перчатке оторвала от косяка побелевшие от напряжения Тимошкины пальцы и со щелчком захлопнула замок. Тимофей в сердцах махнул рукой и в бессильной ярости уселся на каменные ступени:

— Буду сидеть тут, пока не увижу Севу.

Слуга сказал, что соболезнавания принимаются в письменном виде. Мальчик покопался в ранце, достал оттуда новую тетрадку и твёрдой рукой выдрал первый лист. Пусть Сева видит, что для него ничего не жалко. Писать пришлось простым карандашом, потому что свою чернильницу-непроливайку он второпях забыл в классе.

Мой любимый друг Сева!

Я горюю о твоём папе вместе с тобой.

*Если я тебе понадобится, то я прибегу
в любую минуту. Хоть днём, хоть ночью.*

Тимошка Петров-Мокеев

Тимка снова вызвал звонком слугу, просунул в дверь сложенную вдвое записку и опять опустил на холодные мокрые ступени, безотчётно глядя перед собой. Он так глубоко задумался, что даже вздрогнул, когда перед ним внезапно оказался Пётр Сергеевич.

— Я знал, что могу найти тебя у Всеволода, — отец посмотрел в полные слёз глаза сына. —

Пойдём, мой милый мальчик. Княгиня прислала письмо, что ждёт нас завтра с визитом.

9

Тимка с отцом прошли по длинному коридору с висящими по стенам старинными портретами и оказались в небольшом кабинете.

— Господа Мокеевы, — провозгласил слуга в красной ливрее и ослепительно-белых перчатках.

Княгиня уже ждала их. Тимошка обратил внимание на то, каким белым кажется её лицо в обрамлении чёрной кружевной накидки на скромно зачёсанных на прямой пробор волосах. Выслушав соболезнования, Ольга Александровна показала рукой на кресла:

— Прошу вас, господа.

Тимошка послушно присел и только тут заметил, что на соседнем кресле, съёжившись в комочек, пристроился князь Всеволод.

— Добрый день, ваше сиятельство, — одними губами прошептал ему Тимошка, не зная, что сказать и как поддержать друга в его горе.

В голове паренька теснилось множество сочувственных и нежных слов, которые он и сам был бы рад услышать прошлой осенью, когда дождливым днём увидел на сельском кладбище три наскоро сколоченных гроба, куда положили его родителей и деда Илью. Тимка смотрел

Севе в глаза и мысленно рассказывал ему, как было трудно после смерти мамы и папы, как он плакал по ночам и бегал на кладбище, чтобы поведать трём могильным холмикам про свою сиротскую долю.

— Пётр Сергеевич, я пригласила вас для обсуждения неотложного дела, — сказала княгиня Езерская, усаживаясь за письменный стол. Она достала какие-то бумаги из пухлой синей папки с красным крестом на обложке и протянула их доктору Мокееву. — Мы со Всеволодом приняли решение открыть в нашем доме лазарет для раненых воинов и поэтому нуждаемся в квалифицированной консультации. Я правильно излагаю? — обратилась она к сыну.

Заслышав ровный голос матери, юный князь встрепнулся, утвердительным жестом дал понять, что согласен с её словами, и только тогда посмотрел Тимофею в глаза:

— Ты сказал мне «добрый день», а этот день злой. И следующий день тоже будет злым.

Тимка не нашёлся, что ответить, и шёпотом спросил, кивнув на альбом, который Сева держал на коленях.

— Это что?

— Папины фотографические карточки.

Их беседу перебил голос Петра Сергеевича, который встал и с поклоном поднёс к губам руку княгини:

— Ваше сиятельство, я восхищён вашим мужеством.

Княгиня отняла руку и долгим взглядом посмотрела на Всеволода:

— Я думаю, нам предстоит не интересный для молодёжи, обстоятельный разговор, поэтому мальчикам лучше пойти пообщаться вдвоём. Мистер Найтли сегодня отсутствует, и я попрошу князя самостоятельно занять гостя.

Ребята одновременно поднялись на ноги и поклонились.

— Идите, дети, поговорите, — будничным голосом добавила Ольга Александровна, и сразу стало видно, как она устала и измучалась за последние сутки.

По дороге в покои Всеволода Тимошка отметил, что дом находится в глубоком трауре. Одетые в чёрные платья горничные с распухшими от слёз глазами двигались, словно в замедленном танце. У слуг мужского пола на рукавах были траурные повязки, а окна и зеркала в доме завешены непроницаемым плотным угольного цвета.

— Хочешь посмотреть фотографические открытки с моим папёнькой? — спросил Сева и, не дожидаясь ответа, раскрыл свой альбом.

— Это папа в офицерской форме.

Тимошка с интересом посмотрел на красивого морского офицера, прямо смотревшего перед собой гордым и уверенным взором.

— Это мама и папа в Ницце, во Франции. Меня тогда ещё не было, — пояснил князь, указывая на беспечную молодую пару под кокет-

ливым кружевным зонтиком. — А здесь маленький папа и дедушка с бабушкой со знатными горожанами.

Тимошка взгляделся в открытку, заполненную рядами людей в праздничной одежде, торжественно расположившихся вокруг княжеской семьи, и остановил взгляд на улыбающемся лице молодой барышни. Оно показалось неуловимо знакомым. Он поднес фотографию к свету и тут же понял, что видит свою любимую наперсницу Досифею Никандровну. Именно такой она была двадцать пять лет назад. У Тимошки сразу посветлело на душе. Так бывает, когда вдруг в толпе чужих людей встречаешь старого доброго знакомого.

«Спасибо, Досифея Никандровна, что дала о себе знать», — беззвучно поблагодарил он её и бережно вернул карточку его сиятельству.

— Знаешь, я хотел бы погибнуть так же, как мой отец, — внезапно заявил Всеволод после минутного молчания. — Для русских князей всегда особой честью было пасть на поле боя. Представляешь, кругом свищут пули, рвутся снаряды, а я впереди всех на флагманском корабле под Андреевским флагом. Если бы его миноносец «Страшный» не подорвался на мине, папа обязательно победил бы в этом бою и закончил войну.

— Само собой, — поддержал его Тимошка и спросил: — Ты слышал, что вместе с твоим папой и адмиралом Макаровым погиб и живописец Верещагин? Он меня рисовал. Мы с Зиной

и Кокой познакомились с ним, когда делали благотворительный сбор в пользу пострадавших на войне. Ты знаешь, живописец выглядел совсем не героически. Обыкновенный человек. А погиб, как герой. Вот бы поглядеть на его картины!

— Пойдём в библиотеку, покажу репродукции, — сказал Сева и взял Тимошку за руку. — Ты только не конфузься нашего библиотекаря Аполлона Сидоровича, он у нас несколько странный.

При первом взгляде на кряжистого лысого мужчину с крупным грушеобразным носом, обряженного в старомодный сюртук, стороннему наблюдателю становилось ясно, что выражение «красив, как Аполлон», к этому человеку совершенно не подходит.

— Рад засвидетельствовать своё почтение, ваше сиятельство, — приветствовал князя Аполлон Сидорович и сдержанно наклонил голову. — Чем могу служить?

— Тимофей хочет посмотреть репродукции художника Верещагина, — объяснил Сева.

Библиотекарь смерил Тимошку изучающим взглядом и остановил взор на расстегнувшейся пуговице парадной гимназической курточки.

— Ваш гардероб не в порядке, сударь, извольте привести себя в порядок, — побагровев от ярости, рявкнул он, при этом его нос-груша принял желтоватый цвет, подобно зрелому фрукту. — Вы пришли в хранилище мудрости, не забывайте об этом.

Тимка беспомощно оглянулся на Всеволода и поспешно застегнул пуговицу, которая непослушно расстегнулась снова.

— Вы издеваетесь?

Тимошке показалось, что Аполлон Сидорович сейчас уколошит его на месте.

— Она сама, — стал оправдываться мальчик, прикрывая рукой живот с нарушительницей спокойствия.

— Извольте исправить положение, — продолжал настаивать хранитель книг, всё больше впадая в неистовство.

— Сейчас затопает ногами, — прокомментировал обстановку Сева.

Тимка понял, что князь, несмотря на свою горе, забавляется ситуацией.

— Я застёгиваю, а она расстёгивается...

Он ещё раз застегнул пуговку и постарался не двигаться. Физиономия Аполлона Сидоровича приняла обычный цвет, подавая сигнал, что Тимошка прощён.

— Желаете видеть альбом новопреставленного Василия Васильевича Верещагина? — переспросил князь библиотекарь, размашисто перекрестив грудь. — Царствие ему Небесное.

Он натянул белоснежные вязанные перчатки, тщательно выбрав их из целой груды подобных, и ловко, как обезьяна, вскарабкался по приставной лестнице к самой верхней полке. Пока он перебирал толстые тома, Тимофей с благоговением рассматривал помещение библиотеки.

В библиотеке десятой гимназии тоже было немало изданий, да и в книжные магазины они с отцом частенько заходили, но такое невероятное количество книг, собранных в одном доме, мальчик видел в первый раз.

— Неужели ты всё это прочитал? — восхищённо спросил он у Всеволода.

— Нет, конечно. Я успеваю читать только то, что рекомендуют учителя. Жду не дождусь, когда вырасту. Тогда начитаюсь вволю. Эту библиотеку начал собирать ещё мой прапрадед во времена императрицы Елизаветы Петровны.

Аполлон Сидорович соскочил с лестницы, любовно выложил на столе планшет с репродукциями и метнул требовательный взгляд на мальчиков:

— Господа, соблаговолите надеть перчатки.

Он выбрал свежие пары и, не отводя взора, проследил, чтобы они были надеты должным образом. Лишь поле этой процедуры он позволил князю развязать тесёмки плоской папки. Затаив дыхание, Тимофей рассматривал искусно написанные картины, на которых с дошней точностью были изображены суровые дни прошедшей войны. Каждый новый рисунок, казалось, кричал о беспримерном героизме и бессмысленной жестокости на поле брани. Последняя репродукция называлась «Письмо матери». Тимошка указал на картину Севе и негромко заметил:

— Посмотри, как эта красивая сестра милосердия похожа на твою маму.

— Действительно, похожа, — согласился друг, присматриваясь к картинке, на которой сестрица писала письмо под диктовку раненого, — мы повесим эту картину в нашем новом лазарете.

Он бережно прикрыл альбом, и в тот же миг Аполлон Сидорович, как коршун, бросился к репродукциям и трясущимися руками принялся перебирать только что просмотренные листы и изучать их под лупой, периодически бросая на князя укоризненные взгляды.

— Бережнее надо было рассматривать, ваше сиятельство, вот здесь вы изволили оставить пятнышко. Этак вы всё своё драгоценное наследство пустите прахом. Книги — это вам не кирпичи. А вам, молодой человек, я так скажу, — рывкнул на Тимошку библиотекарь, — если хотите приобщиться к драгоценному знанию лучших умов человечества, извольте обращаться с книгами с должным уважением. Библиотека — это храм, наполненный мудростью предков.

Он затряс лысой головой и выразительно засопел, давая понять, что разговор с ничтожеством, захотевшим по непонятной прихоти подержать в руках книгу, закончен.

От Езерских ехали в пролётке, рассматривая рыхлый покров на реке, уже кое-где покрытый неровными трещинами.

— Скоро пойдёт лёд, — сказал Пётр Сергеевич, глубоко вдыхая свежий сырой воздух с Ладогои. — Вот и дожили до весны, — он помолчал. — Жаль, что не все.

10

Следующие дни для Мокеевых и Езерских начинались в шесть часов утра и заканчивались лишь тогда, когда от усталости уже всё вываливалось из рук, а в глазах появлялось бессмысленное выражение.

Превратить жилой особняк в военный лазарет — легко сказать, а сделать — ой, как трудно! Перво-наперво слугам было приказано очистить и до блеска вымыть все помещения. Работами руководила сама княгиня Ольга Александровна, по-деревенски повязав на юбку простой холщовый передник с огромными карманами.

Сева и Тимка вертелись тут же, принимая во всём живейшее участие. Надо ли перетаскать кровать, расставить в бане шайки по полкам, помыть полы — ребята по первому зову безотказно кидались на помощь. Вскоре к ним в товарищи напросился Кока, а затем присоединилась и Зиночка, тем более что Нина Павловна предложила свои услуги в роли сестры милосердия. Старшим врачом лазарета был назначен Пётр Сергеевич.

К первому мая в госпиталь должны были прибыть первые раненые. Накануне вечером

её светлость собрала весь персонал на торжественный ужин.

— Господа, — подняла она бокал с душистым сидро, — мы с сыном безмерно благодарны всем вам за самоотверженную работу, — глаза княгини влажно заблестели. — Я никогда не сомневалась в людской доброте и отзывчивости, и вы, мои дорогие, подтвердили эту уверенность. Благодарю вас.

Ольга Александровна была в глубоком трауре, и её чёрное вдовье платье с крошечным белым воротничком служило напоминанием о всенародной беде и подчеркивало важность того дела, ради которого собрались все эти люди.

— Настоящая русская красавица, — завистливо прошептал за Тимкиной спиной чуть пришепётывающий женский голос.

Он обернулся и исподволь взглянул на говорившую. Ею оказалась черноволосая, лет тридцати, сестра милосердия из вновь прибывших — кругленькая и свежая, как молодая репка. Женщина перехватила взгляд подростка, и её полные губы лукаво изогнулись:

— Всегда мечтала быть высокой и русоволосой.

Он улыбнулся. Сестрица приняла улыбку Тимофея за приглашение к разговору и, приблизившись к нему, тихо спросила, указывая глазами на Петра Сергеевича:

— Скажи, ты случайно не знаешь, женат ли наш главный врач, господин Мокеев?

— Это мой папа, — ответил Тимка, глядя, как лицо женщины от смущения раскрашивается красными пятнами, — он вдовец.

— Вдовец... — она тряхнула головой и выпростала из-под головного убора волнистую прядку волос. — А ты, значит, его сыночек. Очень похож. Одно лицо. Как же я сразу не разглядела? Как тебя зовут?

Ответить Тимошка не успел, потому что любопытную сестру строго окликнула незнакомая дама:

— Мария, вас ждут в перевязочной.

— Ещё увидимся, — Мария махнула Тимофею рукой, не преминув заговорщицки подмигнуть, — надеюсь, мы подружимся.

«И не надейся, — мысленно ответил ей Тимошка и подумал, что постарается больше не попадаться на глаза этой излишне бойкой особе. — Ишь, чего захотела — узнать, женат ли Пётр Сергеевич. Какое ей дело?» — размышлял Тимка.

Ему впервые пришла мысль, что отец ещё вполне может жениться. В деревне вдовец давно посватался бы к какой-нибудь вдовой бабёнке или девке-перестарке. В селе без хозяйки никак нельзя. Паренёк осмотрел стоящих в зале дам и нашёл, что никого из них не хотел бы видеть своей мачехой. Ну, если только такую женщину, как Нина Павловна или её сиятельство княгиня Езерская...

Тимке стало совестно от таких глупых размышлений. Ему казалось, что все окружающие

женщины угадали его мысли и теперь с презрением рассматривают его. Он боком выскользнул за дверь и, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, прошёл в комнату для гостей. К своему удивлению, он обнаружил там князя Всеволода, Коку и Зину, с аппетитом перекусывающих крошечными бутербродами-канапе.

— А вот и наша пропажа, — обрадовался Тимке Сева, отправляя в рот наколотый на деревянную шпажку кусочек белого хлеба с чёрной маслянистой оливкой, — а мы уж думали, ты со взрослыми хочешь остаться.

— Точно, — кивнул головой Кока и преданно покосился на Зиночку: что она скажет?

Девочка благосклонно указала на свободный стул и по-королевски вздёрнула носик:

— Присаживайся, Тима, вероятно, ты проголодался.

— Ещё бы. С самого утра маковой росинки во рту не было.

— Вы знаете, мальчики, я должна сказать вам нечто важное, — Зиночка тщательно вытерла пальчики льняной салфеткой и обвела глазами притихших товарищей. — Я заметила, что около нашего лазарета ходят очень подозрительные наблюдатели.

— Наблюдатели? — не поверил князь Езерский. — Наши слуги уже давно бы доложили мне о посторонних.

— И, тем не менее, это так, — твёрдо произнесла Зинаида, — посудите сами. Вчера, когда

я подходила к особняку, меня обогнали рабочий в синей косоворотке с девочкой. Я думала, что они спешат мимо по своим делам, но ошиблась. Мужчина остановился, огляделся, шмыгнул за куст и потянул за собой девочку. Они не обратили на меня никакого внимания. Наверное, думали, что я ребёнок, — возмущённо приподняла бровки Зина. — Вдруг я замечаю, что мастеровой поднимает девочку на руки и пересаживает через ваш забор.

Она насладилась изумлённым видом слушателей и таинственно понизила голос:

— И ещё я услышала слово «прокламация»!

Тимофей и Сева переглянулись. Это слово было им хорошо известно. Тимка моментально вспомнил, как революционная террористка, паля в потолок из пистолета, раскидывала по залу листовки, а он лежал, вцепясь ей в ноги, и думал лишь о том, чтобы спасти актрису Евгению Рассолову.

— Только заговорщиков нам и не хватало!

Сева взволнованно вскочил и прошёлся взад-вперёд по комнате от окна к камину:

— Пожалуй, я не буду волновать матушку. У неё сейчас и так невообразимо много хлопот, — заявил он. — Надеюсь, мы с вами выследим господ социалистов собственными силами.

— Превосходное решение! — взвился Кока, хлопая себя по коленкам. — Давайте выкопаем вдоль забора ямы-ловушки, как на кабанов. Прикроем сверху ветками, а на дно поставим

капканы. Террористы перелезут через забор и окажутся в западне! Ловко?

Он потёр руки, предвкушая обильный улов заговорщиков всех мастей, и окинул друзей победоносным взглядом.

— Кока! — охладила Зиночка Кокин пыл, — никаких ловушек я рыть не намерена. Впрочем, решать не нам, а князю.

— Будем бдительны, — подвёл итог Сева. — Слугам я дам отдельные указания. А сейчас у меня для вас сюрприз. Попрошу следовать за мной.

Юный князь провёл ребят в вестибюль, подвёл к центральной стене и дёрнул за свисающий угол ткани, укрывающей повешенную на днях картину. Она изображала сестру милосердия, пишущую письмо под диктовку раненого солдата.

11

Все без исключения знакомые доктора Мокеева замечали, как быстро подрастает и мужает его приёмный сын. Теперь редко кто называл паренька Тимошкой, всё чаще его уважительно величали Тима, или по-взрослому — Тимофей. Лишь одна тётя Сима упорно кликала его Тимкой, хотя уже несколько раз удлиняла его гимназические брючки, добродушно ворча, что дитё растёт, как на дрожжах, и если это будет продолжаться и дальше, то он разорит весь дом.

На это замечание Тимофей совершенно не обижался, потому что её ласковые слова не имели ничего общего со злым выражением тётки Мани «лишний рот». Ну, да что теперь прошлое вспоминать. Тётка Маня перед ним сполна повинулась. В его голову нет-нет, да и приходила беспокойная мысль: «Как они там в Соколовке пережили суровую и снежную зиму?» Поэтому особенно радостно было получить по весне весточку, что в семье тётки дела идут благополучно. Швейная машинка их кормит вдосталь. К лету собираются прикупить тёлку, Кирька пошёл учиться в церковно-приходскую школу к отцу Василию, а Катька ладится замуж за Ваньку Кузнецова.

«Ещё бы узнать, как поживает Досифея Никандровна», — с трепетом думал Тима, время от времени доставая из несгораемого шкафа заветную бабкину шкатулку, которую так и не решился раскрыть. Хотя его по-прежнему томила мысль о содержимом ларца, он свыкся с ней, и любопытство мучило его уже не так нестерпимо, как в первые дни. Тем более, что сейчас в его жизни появились вещи и поважнее.

Тимофей оторвал листок перекидного календаря с крупной датой «1 мая 1904 года». Вчера вечером Пётр Сергеевич предупредил, что на подходе к Санкт-Петербургу большой эшелон с ранеными. Это значит, что сегодня в лазарете князей Езерских будет масса неотложных дел. Всех раненых надо принять,

осмотреть, разместить, помыть, переодеть, накормить и утешить.

Папа ушёл в больницу ещё с ночи, а он, Тимошка, вместо того, чтобы во всём помогать отцу, вынужден бежать в гимназию и отсиживать там целых пять уроков! Такое пустое времяпрепровождение было невероятно досадным. Как паренёк и предполагал, уроки тянулись невыносимо долго. Каждую перемену они с Кокой тоскливо поглядывали на часы, ожидая окончания занятий.

— Зиночка наверняка уже там, — недовольно сопел Кока, задумчиво поглядывая на Тимофея. — Тим, может, нам сбежать с уроков или отпроситься? Скажем учителям, что у нас живот заболел.

— Нет. Врать нехорошо, а то вправду заболит, — припугнул друга Тимка, а сам подумал, что вообще-то сбежать было бы неплохо. Помощь раненым куда важнее урока по пению. Но если поймают, то стыда не оберёшься.

Один раз по зиме несколько старшеклассников сбежали на каток с барышнями из женской гимназии. И надо же такому случиться, что именно мимо этого катка проезжал на службу господин Эрлих. Нетрудно предположить, какие слова высказал он незадачливым ученикам и их родителям. Об этом случае вся гимназия судачила целый месяц, и это уже говорит о многом. До сих пор кто-нибудь да спросит, указывая на Колю Шарко или Валеру

Богданова, не эти ли мальчики столь крупно проштрафились?

Зиночка действительно уже была в лазарете. Они со Всеволодом деловито разносили по палатам чистые бязевые рубашки и терпеливо разъясняли раненым больничный распорядок. Хотя Тимофей и предполагал, что раненых будет немало, но никак не ожидал, что их окажется так много. В десяти просторных палатах, украшенных по потолку расписными плафонами и золотой лепниной, почти не осталось свободных коек, а в палату для тяжелораненых пришлось дополнительно поставить две раскладные кровати.

Тимофей наскоро сбегал поздороваться с отцом и Ольгой Александровной и получил от них назначение заведовать порядком в больничной бане. В бане, так в бане. Тимофей не стал пререкаться и спорить, как Кока, который непременно желал околачиваться около Зинаиды, поэтому и напросился к ней в компаньоны. Баня — дело тоже ответственное. Люди больше недели в дороге были, грязью, небось, как коростой обросли.

Он подоспел в мойку в тот момент, когда юный солдатик с простреленной рукой заспорил с другим нижним чином, раненным в ногу.

— Ты, мил человек, того понять не можешь, что у меня не нога, а вся душа как есть израненная, — зло говорил усатый солдат, яростно тиская в кулаке мочалку, словно именно она яв-

лялась причиной всех его бед. — От меня невеста отказалась, а ты, Васька, мне мыло жалеешь.

— Да не жалею я тебе мыла, Семён, — чуть не плача, оправдывался юноша, — как намылю себе мочало, так сразу тебе и отдам. Мне с одной рукой несподручно.

— Дяденька, вот тебе, пожалуйста, мыло, — подскочил к Семёну Тимофей, срывая обёртку с новенького куска наилучшего банного, — не надо ссориться из-за ерунды.

— Верно парень говорит, — зашумели солдаты, сидевшие поодаль, — Васька не виноват, что ты не в духах пребываешь. Он у тебя невесты не отбивал. Небось, у него своя милка припасена.

Мужчины весело подмигнули молодому солдатику, который тут же смущённо прикрылся веником, и счастливо захохотали, всей душой предчувствуя, что эта война для них уже позади.

— Ты не убивайся по невесте, дяденька, — принялся увещевать Семёна Тима, усердно оттирая мочалкой исцарапанную спину угрюмого солдата, — одна моя подруга со своим женихом двадцать пять лет назад во время русско-турецкой войны рассталась. О, как! И все эти годы его ждала. А прошлым летом случайно про него узнала и в те края подалась, где он обретается. Даст Бог, и у тебя всё образуется. Ты с нашим батюшкой, отцом Михаилом, поговори, он тебе дельный совет даст. Он у нас, знаешь, какой душевный.

— А где она, невеста твоя? — поинтересовался он чуть погодя.

Мужчина, не глядя в сторону мальчика, обстоятельно вытерся холщовым полотенцем, надел свежее исподнее, обведя глазами переделанное под баню помещение бывшей кладовой комнаты, и недовольно хмыкнул:

— Невесту мою Глафиру её матушка за вдового трактирщика сосватала. Зачем, мол, девке солдат калека, ежели под боком имеется мужик с тугим кошельком, хоть и на двадцать лет старше её. Глафира — она, знаешь, какая видная. Коса до колен, щёки горят, словно свёклой натёрты. Огонь-девка! На такую не то что трактирщику, барину не стыдно позариться.

— А она что?

— А что? Прислала мне весточку через знакомого: так, мол, и так, разлюбезный Сеня, прости и забудь. А я, может, в сто раз лучше её жизнь бы обустроил, чем трактирщик. Я ведь не безрукий, хоть и полторы ноги. — Он тяжело вздохнул и опёрся коленом о лавку: — Подай мне костыли.

Тимка со всех ног бросился за костылями, чтоб хоть как-то услужить Семёну, чья жизнь рушилась буквально на его глазах.

— Дядя Семён, а ты письмо своей Глафире писать пробовал?

Тимка подпихнул костыли под обе руки грузного раненого и пошёл впереди него, показывая дорогу в палату.

— В Псков-то? — уточнил Семён. — Не пробовал и не буду! У меня мужская гордость имеется. Желает венчаться с трактирщиком — скатертью дорожка.

Он мрачно замолчал, с неприязнью глядя на проходящих мимо сестёр, которые пытались гостеприимно улыбаться ему.

— Все они вертихвостки.

— Паренёк, погоди мимо бежать, подойди сюда, — окликнул Тимофея взлохмаченный раненый с койки около двери, — у меня к тебе просьба имеется.

— Слушаю, дяденька.

Тимка присел на уголок кровати, пахнувшей свежим бельём. Два дня назад они установили её вдвоём с Кокой. Матрас принёс Всеволод, а Зиночка застелила. Раненый выглядел немного сконфуженным. Он покрутился на подушках, пристраивая поудобнее свою спину, перебинтованную крест-накрест через грудь, и дотронулся до Тимкиной руки:

— Слышь, паренёк, не мог бы ты мне книжечку раздобыть? Я, понимаешь, ещё дома, в Костроме, к грамоте пристрастился. Дня без книги прожить не могу. Даже в Порт-Артуре читал-перечитывал «Сведения, обязательные для молодого бойца полевых артиллерийских парков», написанные штабс-капитаном Никитиным. Очень завлекательное чтение. Но самая лучшая книга, которую я читал, написана госпожой Крыжановской. «Адские чары»

называется. Ох, и книжка, доложу я тебе! Ох, и книжка. Я её разом проглотил, а опосля две ночи спать не мог, кругом призраки мерещились. Говорят, есть ещё интереснейшая книга «Барон-разбойник», вот бы на неё хоть одним глазком взглянуть! Будь ласков, принеси книжку, — протянул он просительно, — а не то я здесь, в больничке, от тоски взвою.

— Принесу, дяденька Александр Потапенко, — пообещал Тимошка, прочитав имя больного на прикреплённой к кровати грифельной дощечке, — прямо сейчас этим и займусь.

Он повернул по направлению к библиотеке и, припомнив, что библиотекаря зовут Аполлон Сидорович, не без трепета постучал в двери библиотечного зала, не забыв перед этим пригладить волосы, протереть рукавом ботинки и застегнуться на все пуговицы, предварительно втянув в себя живот.

— Войдите!

Тимошка переступил порог, поклонился и поискал глазами библиотекаря. Странно, но в сплошь заставленном фолиантами зале не было видно ни единой человеческой души.

— Добрый день, господин библиотекарь, — звонко сказал Тимофей и прислушался.

— Добрый день.

Мальчику показалось, что ему ответил не человек, а гуляющее под потолком насмешливое эхо. Где же Аполлон Сидорович? Тёмные портьеры на окне внезапно шелохнулись, как

от порыва ветра, массивная люстра звякнула хрустальными подвесками, а стоящий рядом с изразцовой печью небольшой книжный шкаф плавно отъехал в сторону, приоткрывая тёмный проход, в котором стоял господин библиотекарь собственной персоной. Видимо, сегодня внешний вид мальчика его удовлетворил, потому что Аполлон Сидорович, неспешно переступая порог своего тайного убежища, вполне миролюбиво спросил:

— Чем могу служить, молодой человек?

Тимофей с изумлением заметил, как шкаф встал на своё привычное место, будто бы никогда и не покидал его, и вежливо кивнул головой хранителю:

— Уважаемый Аполлон Сидорович, не имеется ли у вас в библиотеке книги «Барон-разбойник»? Но если нет, то вполне подойдёт роман «Адские чары».

У библиотекаря отвисла массивная челюсть, и он медленно, начиная со лба, стал багроветь.

— «Адские чары?» — взревел он голосом, больше похожим на паровой гудок в тумане. — «Барон-разбойник»! Вы пришли не по адресу. Это не кружок вышивания для горничных, а библиотека князей Езерских. Здесь нет подобной литературы и быть не может! Вон отсюда!

Он указал толстым подрагивающим пальцем на дверь и затопал ногами, обутыми в старомодные башмаки с пряжками, призывая громы и молнии на пустоголовых людишек, читающих

подобный словесный мусор, и писак-щелкопёров, задуряющих головы достопочтенных читателей.

— Аполлон Сидорович, Аполлон Сидорович! — попытался утихомирить его Тимофей, — это не мне! Это раненому солдату в лазарете.

— Раненому? — библиотекарь замолчал и, выпростав из рукава малюсенький кокетливый платочек с кружавчиками, вытер пот с покрасневшей лысины. — Так бы сразу и сказали, — сменил он гнев на милость и призадумался, любовно поглаживая пальцами переплёт толстой книги с иностранным названием. — Вас, кажется, Тимофей зовут? — неожиданно заинтересовался он.

— Да, Тимофей, — подтвердил Тимоша, удивляясь, когда это Аполлон Сидорович успел запомнить его имя.

— Вот что я скажу вам, любезный Тимофей, — поднялся с места Аполлон Сидорович, — глупых книжонок у нас нет, — его передёрнуло от отвращения, как будто он нечаянно проглотил комара. — Вашему подопечному я порекомендую прочесть вот эту вещь.

Как и в прошлый раз, он натянул на свои богатырские руки белые перчатки и нежно вынул с полки небольшой томик красного цвета.

— Это произведение гениального русского литератора Александра Сергеевича Пушкина «Повести Белкина». Смею вас заверить, равнодушным к сему чтению не останется ни один здравомыслящий человек.

— Благодарю вас, господин библиотекарь, вы очень добрый! — горячо воскликнул Тимофей, наблюдая, как Аполлон Сидорович закраснелся от похвалы, словно юная дева.

Тимоша шагал к любителю чтения из второй палаты, прижимая к груди заветную книгу, и думал о загадочной двери в подземелье и о грозном библиотекаре, оказавшемся на самом деле совсем не страшным.

12

Первый день летних каникул не задался с самого начала — за завтраком, переставляя розетку с вареньем, Тимофей разбил свою любимую чашку, подаренную ему на именины. Чашка была снежно-белой, чуть шероховатой, с нарисованными на ней золотистыми ромашками, которые напоминали Тимоше о родной Соколовке. Похожие цветы росли у них под забором, и, когда Тимошка был совсем сосунком, он всегда обрывал их пахучие головки, набивая ими полный рот.

— Посуда бьётся к счастью, — утешил его Пётр Сергеевич, — помнишь, на днях Серафима разбила заварочный чайник, и ты немедленно принёс из гимназии аттестат с пятёрками и похвальный лист.

— Похвальные листы из-за разбитого чайника не выдают, — пробурчал себе под нос Тимофей, но настроение чуть улучшилось. Приятно, когда тебе напоминают об отличных оценках.

В больницу князей Езерских шли, переступая через лужи от ночного дождика, на глазах исчезающие под ярким июньским солнцем. На площади Ломоносова готовилась зацвести персидская сирень, и Тимоша вдруг вспомнил, как год назад в таких же буйных зарослях сирени он заметил забавную шляпку с чучелом пёстрой птицы. Где ты, Досифея Никандровна? Помнишь ли обо мне?

Словно в ответ на его мысли, Пётр Сергеевич указал на афишу Императорского театра с ярким портретом ведущей актрисы и заметил:

— Княгине протелефонировала госпожа Рассолова и любезно предложила дать в нашем лазарете благотворительный концерт для раненых воинов.

Тимошка почувствовал толчок в сердце: он увидит племянницу Досифеи Никандровны! Вдруг она сообщит какие-то известия про свою тётушку...

К сожалению, в лазарете их ожидали новости совсем иного плана. У входных дверей в особняк Мокеевых поджидал старший лакей Никодим, переменивший ливрею по случаю войны на скромный гражданский сюртук. Тревожным полушёпотом он передал, что её сиятельство ждёт господина доктора в своём кабинете. При этом он многозначительно округлил глаза и сжал губы, давая понять, что дело у княгини Езерской архиважное.

Ольга Александровна была одна. Одета в лёгкое вдовье платье, глухо застёгнутое у ворота скромной брошью, она сидела за письменным столом, рассеянно перебирая кипу измятых бумажных листов. Княгиня кивком головы коротко поздоровалась с вошедшими и протянула Петру Сергеевичу одну из бумаг. Тимофей успел разглядеть крупные, грубо напечатанные на желтоватой бумаге расплывчатые буквы.

Воззвание к русскому солдату!

Беззаконная война, развязанная царским правительством в отношении мирной Японии, уносит жизни русских солдат.

Нам не нужна Манчжурия — нам нужна власть.

Каждый, кто воюет за царя, — враг трудового пролетариата и беднейшего крестьянства.

Солдаты! Поверните своё оружие против царизма.

Долой самодержавие! Да здравствуют свобода, равенство и братство!

Петербургский комитет РСДРП,

— прочитал Пётр Сергеевич вслух и брезгливо поморщился. — Я предполагал, что господа социалисты не обойдут нас своим вниманием, хорошо знаком с их методами пропаганды по холерной эпидемии, но всё же надеялся, что война несколько охладит их пыл и скорректирует разрушительные планы.

— Как видите, вы ошибались...

Княгиня устало потёрла пальцами поседевшие за последнее время виски и беспомощно взглянула на Петра Сергеевича:

— Эту гадость слуги нашли сегодня утром. Пока раненные спали, неизвестные подбросили прокламации в распахнутые окна каждой палаты. Я понимаю, что это не ваша компетенция, но прошу у вас совета не как у главного врача, а как у близкого друга.

Доктор растерянно пожал плечами:

— Право не знаю, что предпринять, но, вероятно, надо дать указание слугам пристальнее следить за посетителями. Я совершенно не представляю, какой негодяй мог подбрасывать эти листовки людям, пролившим кровь за Родину.

Тимоша подошёл вплотную к отцу и осторожно потянул его за полу сюртука:

— Я знаю.

— Ты? — удивлённо обратились к мальчику две пары глаз.

— Да, я. И Сева, то есть князь Всеволод, тоже знает. И Зина. И Кока, — совсем тихо договорил он и опустил голову. — Зина видела, как неизвестный рабочий подсаживал девочку через ограду особняка, и слышала, как они рассуждали о прокламациях. Мы не хотели никого беспокоить и думали, что сможем сами следить за порядком.

— Напрасно вы с нами не поделились этим секретом, — укорила его Ольга Александровна, — мы бы давно обратились в жандармерию, которая занимается политическим сыском. С сыном

я сама поговорю, а ты, Тимофей, обязательно сообщи взрослым, если ещё что-либо узнаешь. Договорились?

— Конечно, договорились, — согласно кивнул Тимоша и забеспокоился. — Интересно, успели ли раненые прочесть эти мерзкие листовки? Теперь я буду каждый день настороже.

— Как повзрослели за эту зиму наши дети, — с лёгкой грустью сказала княгиня Езерская, когда за Тимофеем закрылась высокая дверь кабинета. — От тех смешных и трогательных мальчиков, какими они были год назад, и следа не осталось.

— Я рад, что они растут настоящими мужчинами и учатся отвечать за свои поступки, — Пётр Сергеевич бережно взял руку княгини и поднёс к губам. — Надеюсь, что Всеволод будет достойным сыном своего отца.

На глазах Ольги Александровны показались слёзы, но она быстро справилась с нахлынувшими чувствами, поспешив перейти к многочисленным хлопотам начинающегося дня. Всё свое время она старалась заполнять заботами о страждущих, полагая, что служение ближним будет наилучшей памятью о погибшем. В данный момент в больнице лечилось около пятидесяти раненых, все они были на попечении одного постоянного врача — доктора Мокеева — и нескольких приходящих специалистов. Сестёр милосердия, дежуривших по-сменно, в штате числилось всего шесть человек.

С того самого дня, как сестра Мария поинтересовалась у Тимофея, женат ли главный врач, паренёк старался избегать общения с ней, но держал в поле зрения, настороженно наблюдая за её общением с Петром Сергеевичем. Однажды сестрица подсела к мальчику на мягкий диванчик в комнате отдыха и задушевно сняла с его плеча невидимую пылинку.

— Ты меня не чурайся, — журчащим, как ручеек, голосом мило произнесла она, — я же вижу, что ты от меня как от проказы шарахнешься.

Она вздохнула и аккуратно разложила складочки на тщательно накрахмаленном форменном переднике: — Тогда, на открытии лазарета, я из любопытства про твоего папу спросила. Вижу, что он птица не моего полёта — всё больше с больными разговаривает, а на нас, сестёр, вообще не смотрит. Грустно мне у вас в Петербурге. Город большой, столичный, блеску много, народу ещё больше, а я одна как перст, даже словом на родном языке не с кем перекинуться.

Она увидела в глазах Тимофея немой вопрос и пояснила:

— Я полька, из Познани, а по-русски хорошо разумею, потому что моя бабка — русская. Знаешь, как прекрасна моя Польша. Краше её на свете нет. Ясновельможные паны у нас всегда нарядные, гордые, пани и панёнки весёлые, говорливые. А у вас в Петербурге народ сумрачный, неласковый.

— Мария, хотите, я познакомлю вас с соотечественником? — Тимофей обрадовался возможности порадовать человека, с облегчением подумав, что тогда за папу можно не беспокоиться.

— Правда? Буду весьма благодарна.

Тимоша нацарапал на листочке бумаги адрес Липских и протянул собеседнице.

— Они будут рады вам. Особенно маленькая Крыся. Кстати, Марек Липский тоже вдовец, как и мой папа.

Сестрица порозовела от смущения и поспешно положила бумажку в карман фартука:

— В первый же выходной обязательно загляну к ним. И подарок для девочки куплю.

С тех пор прошло всего две недели, а Тима уже несколько раз видел Марию, гуляющую за руку с Крысей. Малышка без умолку щебетала по-польски и выглядела такой довольной и счастливой, что Тимоша невольно подумал: а у них со Всеволодом только по одному родителю, у Всеволода — мама, а у него — папа.

За окном разгорался яркий летний день, постепенно наполняя город шумом и беспорядочной суетой. Впрочем, с каждым днём улицы столицы всё больше пустели: начинался дачный сезон, излюбленное время горожан, изрядно уставших от длинной петербургской зимы и слякотной северной весны.

Лето чувствовалось везде: оно закидывало прохожих пушистыми тополиными серёжками,

трепало тёплым ветром лошадиные гривы и безжалостно высвечивало облупившиеся за зиму фасады домов. Особенно хороша была в это время года круглая ротонда в парке князей Езерских, построенная ещё прадедом Всеволода. Оплетённая пышной вьющейся актинидией, она казалась жилищем фей из волшебной сказки. Хотя таинственность была ей действительно присуща — в неё вёл подземный ход из библиотеки. Тимофей открыл этот секрет случайно, когда в очередной раз прибежал к Аполлону Сидоровичу за книгами для раненых.

В тот день господин библиотекарь, только что выписавший из Парижа последний выпуск книги философа Огюста Конта, был в превосходном настроении.

— Что, сударь, понравилось вашим подопечным творение господина Пушкина?

— И словами не высказать, как понравилось, Аполлон Сидорович, — с благодарностью ответил Тимоша, — всей палатой читали вслух. Плакали. А вам за книгу кланяться велели.

— Рад слышать! — довольно улыбнулся хранитель, снисходительно простив Тимофею расстёгнутый воротничок рубахи. — Не хотите ли со мной прогуляться? Побеседуем о литературе.

Не дожидаясь ответа, Аполлон Сидорович повернул чернильницу на столе, и секретная дверь, замаскированная под книжный шкаф, плавно отъехала в сторону.

— Прошу вас, сударь, — он гостеприимно пропустил мальчика вперёд себя и пояснил: — Говорят, старый князь проделал этот ход для того, чтобы тайком сбегать от сварливой жены. Если это действительно так, то мы должны быть благодарны княгине за её непростой характер, потому что проект, безусловно, блестяще удался. Впрочем, вы сейчас сами в этом убедитесь.

Он провёл Тиму широким просторным коридором, который вывел их в уютное круглое помещение, украшенное готическими окнами. Вдоль окон стояли старинные кресла с высокими резными спинками, а середину беседки украшал небольшой стол полированного мрамора на гнутых бронзовых ножках. Это и была ротонда старого князя. Библиотекарь распахнул дверь беседки, и комната наполнилась щебетанием птиц и запахом свежей листвы.

— Ну-с, юноша, присаживайтесь и поведайте мне, какие книги вы предпочитаете.

Тимофей растерялся. С первого дня учёбы в гимназии он читал только то, что задавали на уроках. Ему стало невероятно стыдно за свою серость. Так стыдно, что он даже не рискнул ответить Аполлону Сидоровичу, а только смущённо наморщил лоб.

— Нехорошо, — понял его смущение библиотекарь.

Его грушевидный нос начал было краснеть, и Тимошка уже приготовился к буре, но весенний воздух, видимо, таким сказочным образом

подействовал на Аполлона Сидоровича, что его нос принял свой обычный цвет.

— Я исправлюсь, — повiniлся Тимоша, — я обязательно буду много читать.

— Решение, достойное похвалы.

Библиотекарь обвёл рукой окружающее пространство и пристально посмотрел на Тиму:

— Чего стоил бы весь этот мир, если бы люди не умели записывать свои знания, передавая их из века в век. Подумайте, как мудро устроена вселенная. Те существа, которые созданы служить людям, живут и бесследно исчезают в пучине веков. А венцу творения Божия — человеку — дарована милость узнавать прошлое и оставлять послания будущему. И это великое чудо легко может поместиться в руке.

Он протянул руку в белой перчатке и показал мальчику томик «Слова о полку Игореве».

— С той поры, как начертаны эти строки, минуло семь столетий. Множество городов возникло и исчезло, множество царей почил в бозе, множество людей умерло и родилось, а мы можем услышать слова, сказанные тогда.

Тимоша с уважением посмотрел на книгу, лежащую на ладонях библиотекаря:

— Вы мне позволите её прочесть?

Аполлон Сидорович лукаво взглянул на подростка:

— Дам. Но только не эту, раритетную, а новую, недавно изданную. Надеюсь, вы не откажетесь от визита ко мне?

Конечно, Тимка не отказался и на следующий же день заглянул в библиотеку. Потом забежал ещё, и ещё, и с той поры ежедневно улучал хотя бы одну минутку для разговора со своим новым другом.

13

Всю неделю растревоженный прокламациями госпиталь гудел, как улей. Во всех палатах раненые горячо обсуждали возмутителей спокойствия, порой переходя на шумные споры, впрочем, почти всегда заканчивавшиеся мировой.

Лишь один человек был далёк от всей этой будничной суеты и её мелких радостей и огорчений. Он никогда не принимал участия в общих беседах, безотрывно и мрачно глядя на глянцевые ветви рододендрона, качающиеся в распахнутом окне. Это был Семён. Раненым, размещённым с ним в одной палате, порой казалось, что душа несчастного уже давно покинула этот мир, словно в издёвку оставив на больничной койке никому не нужное, изрешечённое пулями тело.

— Семён, на перевязку, — скликала больных на процедуры молоденькая сестрица.

Мужчина нехотя отрывался от окна и, волоча забинтованную ногу, плёлся в перевязочную, всем своим видом давая понять, что ему не надобно никакое лечение, лишь смерть будет для него наилучшим исходом.

— Бедный Семён, — жалостливо говорила Зиночка. — Я никогда не стала бы так убиваться из-за несчастной любви.

Тимофей кидал на неё ироничный взгляд и, красноречиво хмыкнув, переводил взгляд на Коку, постоянно крутившегося неподалёку от Зинаиды.

— Жалко, что у нас нет знакомых в Пскове, — сказал он однажды друзьям, наблюдая, как Семён вяло переругивается с хирургической сестрой. — Мы могли бы попросить их навестить Семёнову невесту Глафиру и уговорить одуматься. Негоже, чтобы герой войны, которого пощадила вражеская пуля, погибал из-за того, что какой-то трактирщик пожелал венчаться с его невестой.

— Точно! На чужих невестах жениться нельзя! — солидарно махнул рукой подошедший Кока. — Давайте что-нибудь придумаем!

— Придумай, — согласилась Зиночка.

От напряжённых дум Кокино лицо сморщилось, как резиновая грелка, из которой выпустили воду. Он побарабанил пальцами по подоконнику, постучал себя кулаком по лбу и наконец выдал идею:

— Надо поехать в Псков, переодеться дамой, выманить из дому трактирщика, увезти его в пустынную местность и оставить одного. А куда он оттуда выбирается, усовестить Глафиру.

— Кока, ты положительно начитался романов, — Зиночка иронично вздохнула и обратилась к Тимофею. — А ты что предложишь?

Тимофей на секунду задумался, представляя, как бы поделикатнее связаться с коварной невестой, хотя она, возможно, совершенно не виновата. У них в Соколовке тоже, бывало, высватывали девку без её ведома. Бабы сказывали про случай, произошедший с сироткой из зажиточного дома, которую, не спросясь, выпихнули замуж за баринова кучера. А девка возьми, да и утопись с горя. Грех-то какой родне на душу! До смерти не отмолят.

— Мне кажется, что надо написать письмо в псковский дамский комитет и попросить уполномоченную даму поговорить с матерью Глафиры. Помнится, Семён жаловался, что это мать заставляет дочку выйти за трактирщика.

— А писать надо непременно на нашей гербовой бумаге, — добавил неслышно подошедший Всеволод. — Мне неловко упоминать, но герб князей Езерских на конверте может значительно ускорить дело.

— Отлично, мальчики, — подвела итог Зиночка, — иногда от вас бывает толк. Я берусь подготовить и отправить письмо. Дело деликатное, и женщина справится с ним куда лучше.

«Нашлась женщина», — подумал Тимка, а вслух сказал, обращаясь ко всем друзьям сразу:

— В ближайшее время у нас в лазарете пожелала концертировать госпожа Рассолова.

— Рассолова! — Зиночка всплеснула руками и от восторга закатила глаза к потолку. —

Великолепно! Я невозможно счастлива вновь увидеть своего кумира! — но тут же забеспокоилась: — Надеюсь, что нам позволят посмотреть представление и поблагодарить артистку лично? Я попросила бы её подписать мне открытку. Представляю, что мне скажут подруги!

Она сладко зажмурилась, предвкушая миг, когда выложит перед одноклассницами глянцевою почтовую карточку, подписанную рукой самой легендарной примы Императорского театра.

Было решено, что концерт Евгении Рассоловой состоится в малой гостиной, расположенной в дальнем крыле здания. Не очень удобно, но, что поделаешь, — все остальные помещения были заняты ранеными.

Экипаж знаменитой актрисы, запряжённый холёными тонконогими лошадаками, остановился перед особняком Езерских ровно в три часа пополудни, минута в минуту, как она и обещала.

— Точность — вежливость королей, — констатировал Пётр Сергеевич, — а эта дама, безусловно, королева столичной сцены.

— Ой, госпожа Рассолова совсем просто одета, — разочарованно протянула Зина, во все глаза рассматривая скромное тёмно-синее платье столичной знаменитости.

— Хороша. Ай да красавица, — то и дело раздавались среди раненых одобрительные возгласы.

Больные и выздоравливающие гроздьями висели на окнах, жадно ловя взглядами каждое движение известной дивы.

Женщина остановилась, изящно изогнувшись, перекинула через руку блеснувший на солнце крошечный ридикюль, вышитый бисером, и приветственно махнула рукой всем встречающим.

— Наша девка, ядрёная. Кровь с молоком, — крикнул унтер-офицер, со всех сторон замотанный бинтами. — Я бы такую кралю враз под венец свёл.

— За чем дело стало, Василич? — озорно подмигнул ему санитар. — Призови нашего батюшку, он тебя до конца концерта с ней окрутит.

— Цыц, ребята, — приструнил развеселившихся раненых пожилой фельдшер, — не мешайте наслаждаться искусством.

Раненые притихли. Тимошка обратил внимание на юного тощего солдатика с перебинтованной головой, который, замерев, сидел в первом ряду и не сводил с актрисы больших чёрных глаз с густыми девичьими ресницами. Он смотрел на Евгению, как ребёнок, полуоткрыв от восхищения рот.

«Наверное, всю жизнь будет помнить об этом концерте. И внукам-правнукам расскажет», — подумал подросток.

— Господа, — обратилась к раненым госпожа Рассолова, — в знак величайшей любви и благодарности я хочу подарить этот концерт

вам, бесстрашным защитникам нашего любимого Отечества.

Она подошла к самому краю импровизированного помоста, наскоро сколоченного плотником и покрытого пушистым ковром из кладовой комнаты, сомкнула на груди руки и сильным голосом завела песню, никогда ранее не исполнявшуюся:

Наверх, вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает.
Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!
Все вымпелы вьются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая,
Готовятся к бою орудия в ряд,
На солнце зловеще сверкая!

Торжественные слова героической песни о недавних событиях, близких каждому человеку, сидящему в зале, казалось, сотворили настоящее чудо. Захваченные музыкой бойцы гордо выпрямляли израненные спины и, казалось, забывали о костылях. Всей душой впитывая новую песню, они вспоминали свой последний бой и благословляли оставшихся на Дальнем Востоке товарищей.

Прощайте, товарищи! С Богом, ура!
Кипящее море под нами!
Не думали, братцы, мы с вами вчера,
Что нынче умрём под волнами.

Не скажет ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы Русского флага,
Лишь волны морские прославят одни
Геройскую гибель «Варяга»!¹

Песню актриса Рассолова допела в звенящей тишине зала, объединённого одним общим горем. Люди плакали. Плакали раненые, плакали княгиня Езерская и сестра милосердия Нина Павловна Арефьева, украдкой вытирал слёзы доктор Мокеев, трубно сморкался в кружевной носовой платочек библиотечарь Аполлон Сидорович и, уткнувшись лицом в рукав, беззвучно рыдал князь Всеволод.

Тимофей взял за руку хлюпающую носом Зину. Она благодарно пожала его пальцы и снова залилась слезами.

— Господи, — одними губами прошептал Тимофей, — помоги мне так же любить нашу Россию, как любят её все люди, побывавшие на войне и пролившие за неё свою кровь.

Он жадно всматривался в одухотворённое лицо Евгении Рассоловой и находил в нём знакомые черты Досифеи Никандровны: её умные глаза, видевшие невидимое, высокий чистый лоб и необыкновенную подвижность.

¹ Строки из песни на стихи австрийского поэта Рудольфа Грейнца (1866–1942) (в переводе Е. М. Студенской), посвящённой подвигу крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». — *Прим. ред.*

«Надо непременно улучшить момент и подойти к госпоже Евгении после концерта, — беспокоился Тимофей, — а то уж вся душа изболелась за Досифею».

— Комаринскую! Комаринскую! — закричали актрисе зрители со своих мест. — Потешь душу, развеяй тоску!

Евгения улыбнулась:

— Желание наших защитников — закон для меня. А после концерта я лично раздам всем открытки со своим автографом.

— Что я тебе говорила! — с сияющими глазами обернулась к Тиме Зиновья и зааплодировала кончиками пальцев по ладошке. — У меня будет автограф самой Рассоловой. Я вклею его в альбом и подберу к нему наилучшее стихотворение!

...Подойти к госпоже Евгении после концерта оказалось трудной задачей. Раненые сгрудились вокруг актрисы и ни за что не желали выпустить её без обстоятельного разговора. Солдат из третьей палаты жаждал узнать, сколько у Рассоловой детей, а усыпанная веснушками сестра милосердия смущённо спрашивала о косметических притираниях для лица.

— Скажи мне, дочка, откровенно, — напирал на актрису усатый пожилой санитар. — Не из тех ли ты Рассоловых, что жили в Нижнем Зюкине Тверской губернии? Я там всех знаю. А с друганом Петрухой Рассоловым в детстве коров вместе пас.

— Сожалею, — мило улыбнулась ему знаменитость, — я из рода сибирских купцов. В Петербург приехал мой дед Никандр Порфирьевич.

— Нет, Никандра Рассолова я не знавал, — огорчённо засопел санитар. — Ваську знаю, дядьку Митяя знаю, а Никандра нет...

Он в расстройстве махнул рукой и выбрался из толпы. Тимошка протиснулся на его место и выжидательно уставился на госпожу Евгению. Сначала она лишь мельком взглянула на мальчика, но потом вновь остановила на нем взгляд. Видно было, что она пытается его вспомнить.

— Ты Тимофей?

— Тимофей.

— Как вырос. Сразу и не узнать, — она с облегчением улыбнулась, ответила на какой-то вопрос очередному поклоннику и снова обернулась к Тиме, — славно, что я тебя здесь встретила. У меня есть письмо для тебя. Ношу с собой на всякий случай.

Она расстегнула золотой замочек шитой бисером сумочки и достала серый, помятый конверт с крупной ровной надписью «Тимофею Петрову-Мокееву».

— Ты уж извини, что не разыскала тебя немедленно по получении письма. Совершенно нет свободного времени.

«Я знал! Я так и знал, что Досифея меня не забудет!» — возликовал в душе Тимошка, бережно, словно живого голубка, принимая

в руки заветное послание. Он поспешно отклонялся, выбрался из толпы и кинулся в кабинет отца.

Наверняка там сейчас никого нет, все в зале на концерте, рассудил он. Действительно, небольшой кабинет старшего врача был пуст. Тимошка порадовался, что не ошибся. Здесь можно спокойно, без спешки перечитать заветное письмецо и обдумать каждое слово Досифеи Никандровны, а уж на ветер она их не бросает.

Он присел на небольшой диванчик, прикрытый тёмной ширмой, где доктор Мокеев частенько оставался ночевать, и с трепетом разорвал плотно заклеенный конверт.

14

Письмо, написанное чётким красивым почерком, указывающим на хорошее образование, гласило:

Дорогой Тимошка — мой душевный лекарёк!

Ведаю, что твоя жизнь благополучно налаживается, залогом чему служит твоё открытое сердце и ясный ум.

У нас с Прохором Игнатьевичем тоже всё слава Богу. Живём — не тужим.

Правду сказать, нашла я своего любимого жениха не сразу. Многонько пришлось по заморшанским лесам поплутать да победовать. И в поле ночевать доводилось, и от

лихих людишек прятаться, и милостынькой перебиваться.

К слову сказать, пустое дело о бедах плакаться, ибо они минули без следа, как в воде растворились. Главное, что нашёлся мой суженый и нисколько не изменился с той поры, как на войну ушёл. Так же хорош, так же умён и добр. Лишь седины прибавилось.

Встретились мы с ним, наплакались вволю и остались вместе жить.

Срубил мне Прохор Игнатьевич домик рядом со своим, да такой ладный, маленький, светленький. И печку русскую сам сложил — на все руки мастер!

Сколько лет нам теперь Господь ни отпустит — все вдвоём проживём, как прежде мечтали.

Тебя и твоего батюшку каждый день в молитвах поминаем.

Прохор Игнатьевич кланяется Петру Сергеевичу и желает ему всяческого благополучия.

Знаю, что в стране война началась, и ведаю, что твоя душенька не осталась к ней безучастной. Поэтому даю тебе разрешение открыть мой подарок и использовать его содержимое на благое дело, как сам уразумеешь.

За сим остаюсь твоя верная подруга Досифея Никандровна Рассолова».

Жива-здорова Досифея Никандровна! И ларец свой разрешила открыть! Тимофей подбил

кулаком подушку-думку и растянулся на диване, вдумчиво перечитывая письмо по второму разу.

Он остановился на словах: «Многонько пришлось по заморшанским лесам поплутать да победовать. И в поле ночевать доводилось, и от лихих людишек прятаться, и милостынькой перебиваться» — и задумался. Видать, не сладко пришлось Досифее Никандровне в дороге. Хорошо, хоть жива осталась. Надо скорее побежать к папе и рассказать, что дозволено раскрыть шкатулку.

Тима зажмурил глаза, представляя себе, как Досифея Никандровна сидит за грубо сколоченным столом, покрытым чистой скатертью, и пишет это письмо. Когда она опускает перо в чернильницу, её рука чуть подрагивает и с кончика ручки срываются едва заметные чернильные брызги.

Он поднёс листок к глазам и рассмотрел три крошечные чёрные точки. Наверняка, рядом с Досифеей пьёт чай Прохор Игнатьевич. Время от времени он отставляет в сторону стакан в подстаканнике, долго смотрит на ненаглядную невесту, не веря безмятежному счастью, и тихим голосом наказывает:

— Досифеюшка, не забудь отписать от меня поклон доктору Мокееву.

Она покорно наклоняет голову и выводит вот эти строчки — Тимка ещё раз прочитал:

«Прохор Игнатьевич кланяется Петру Сергеевичу и желает ему всяческого благополучия».

«Интересно, какое сокровище скрывается в таинственной шкатулке?» — подумал Тимофей и, неожиданно для себя, крепко заснул. Его сон прервал дребезжащий звонок телефонного аппарата.

— Слушаю вас, — сказал в трубку голос княгини Езерской, неслышно вошедшей в кабинет старшего врача. — Да. Это я.

Тимошка хотел пошевелиться, но выходило, что он спрятался и подслушивает разговор. Некрасиво. Он заткнул уши указательными пальцами, но ему всё равно было слышно, как Ольга Александровна односложно отвечает невидимому абоненту: «Да. Да. Да».

Наконец, она положила трубку, и Тимошка услышал сдавленный всхлип. Ему стало совсем стыдно. Мало того, что подслушивал, так ещё и оказался свидетелем чужих слёз. Он услышал тихий стук двери и взволнованные слова отца, произнесённые необыкновенно нежно:

— Ольга Александровна, ваше сиятельство, что произошло?

— Я разорена.

— Это достоверно известно?

— Да.

В комнате повисло молчание. Тимоша затаился, как мышь под шестком, и боялся пошевелиться.

— Моё и Всеволода будущее меня не беспокоит. Масса людей живёт со скудными средствами. Отдам Севу в кадетский корпус, а мне

на скромную жизнь хватит средств от проданных драгоценностей и картин. Меня тревожит лишь мысль о том, что не будет возможности содержать лазарет. Он нужен людям.

— Но, вероятно, есть какие-то варианты? Может быть, обратиться к государю?

— Бог с вами, Пётр Сергеевич, у него своих расходов хватает. Все люди в государстве думают, что царь несметно богат. Это не так. Средства нашей семьи были едва ли не больше, чем личный доход императора. Могу сказать вам приватно, что великие княжны иной раз сами себе одежду штопают. А чтобы помочь вдовам «Варяга», Николай Александрович занимал деньги у барона Штиглица.

— Ольга Александровна, милая, вы можете всецело рассчитывать на меня, хотя я совершенно не богат. Но пока я жив, я всей душой...

— Благодарю вас, мой добрый друг, — остановила его княгиня, — я обязательно буду это помнить. На первое время мне хватит средств от продажи банковских активов, но впоследствии придётся изыскивать дополнительные резервы. Как видите, я от вас ничего не скрываю, но умоляю, чтобы этот разговор остался сугубо между нами. Ни слуги, ни близкие, ни тем более Всеволод ничего не должны узнать.

По раздавшимся шагам Тимоша понял, что отец подошёл к письменному столу, и услышал его спокойный голос:

— Не тревожьтесь, Ольга Александровна, если дело обстоит таким образом, то я обещаю вам непременно уладить ситуацию. Мир не без добрых людей.

— Благодарю.

Лёгкий шорох платья и звук дамских каблучков указали на то, что княгиня ушла. Тимошка не мог больше сдерживаться и, словно балаганный Петрушка, выскочил из-за ширмы:

— Папа! Папа! Я всё слышал! Я знаю, как помочь Езерским! Досифея Никандровна дозволила открыть свой ларец!

15

До вечера Тимошка с Петром Сергеевичем проработали в лазарете, а когда маленькая стрелка огромных стенных часов в вестибюле госпиталя перебралась на отметку «восемь», они распрощались с Езерскими и, дружно взявшись за руки, поторопились домой.

— Папа, как ты думаешь, что в шкатулке? — как маленький подпрыгивал от нетерпения Тимофей, принаравливаясь к быстрому шагу доктора Мокеева.

Отец грустно улыбнулся уголком рта и подумал, что содержимое шкатулки навряд ли решит проблемы с финансированием госпиталя.

— Давай не будем гадать, — попытался он охладить мечты сына, ожидавшего увидеть на своём столе груды сказочных сокровищ.

— Хорошо, что я всегда ношу с собой ключ, — Тимофей достал из ворота ключик на прочной шёлковой нитке, висящий рядом с отцовским медальоном, и показал Петру Сергеевичу. — Видишь, не потерялся. А если бы он хранился дома, то мог бы легко завалиться в щёлку и потеряться.

— Какой ты ещё ребенок, — укоризненно покачал головой доктор Мокеев и строго поинтересовался: — Я надеюсь, что ты не проговоришься своим друзьям о случайно услышанном разговоре с княгиней Езерской?

— Нет! Что ты! — горячо уверил его Тима. — Хочешь, поклянусь?

— Не хочу. Но прошу тебя и о шкатулке Досифеи Никандровны до поры до времени никому не рассказывать. Если она окажется пуста, то никто не будет над тобой подшучивать. А если её содержимое имеет ценность и ты распорядишься им во благо, то тем более не стоит гордиться добрыми делами.

Тимофей понимающе поддакнул. Конечно, он никому не будет хвастаться шкатулкой. Дед Илья его тоже учил, что добрые дела надо творить тайно. Дедушка и сам так делал. Тимка видел, как он незаметно сунул десять копеек в карман убогой страннице, попросившейся к ним переночевать.

Мальчик вспомнил, что вчера тётя Сима грозила испечь пироги с ревенём, и сразу почувствовал, как проголодался.

— Тётя Сима, наверное, уже пирог из духовки достала, — мечтательно протянул он и явственно ощутил во рту чуть кисловатый вкус мелко нарубленного запечённого ревеня, покрытого сверху воздушной корочкой взбитого белка.

Ох и искусница на выпечку тётя Сима! Повезло им с отцом.

К их удивлению, пирогами дома не пахло. Из распахнутых по обе стороны квартиры окон по комнате гулял сквозняк, перебирая разбросанные по полу бумаги Петра Сергеевича и раздувая парусом лёгкие тюлевые занавески. Тёти Симы нигде не было видно.

— Тётя Сима, мы пришли! — позвал её Тимоша. — Я проголодался!

Обычно эти слова действовали на тётю Симу безотказно. Едва заслышав, что ребёнок хочет есть, она бросала все дела и начинала суетливо носиться по кухне, причитая так, словно Тимошке грозил голодный обморок. Тишина квартиры пугала. Тимофей настороженно отпустил отцовскую руку, сделал несколько шагов и заглянул в кухню. Никого.

В гостиной, в папином кабинете и спальне её тоже не было.

— Странно. Очень странно, — озадаченно сказал Пётр Сергеевич, но тут же посветлел. — Наверное, она к соседке выскочила или в лавку побежала, а ветер в это время распахнул раму. Давай подождём.

Доктор закрыл окно и принялся собирать с пола свои бумаги, аккуратно расправляя на столе смятые листки.

— Папа, давай я. А ты посиди, отдохни.

Тима подвёл отца к широкому кожаному креслу.

— Сейчас я соберу бумаги, и сразу же откроем шкатулку. Хорошо?

Пётр Сергеевич согласно улыбнулся и блаженно вытянул гудящие от усталости ноги. Если раненых будет так же много, то придётся пригласить ещё фельдшера, а это значит, нужны дополнительные средства. Он так задумался о работе, что не сразу услышал растерянный голос сына, на необычно высокой ноте повторяющий два слова:

— Она пропала. Она пропала.

— Кто, тётя Сима? — не сразу понял доктор Мокеев.

— Нет, шкатулка. То есть... Тётя Сима тоже пропала. И тётя Сима, и шкатулка.

— Как пропала? — вскочил на ноги Пётр Сергеевич. — Этого быть не может! Здесь некому взять твоё имущество. А Серафима обязательно вернётся. Куда ей деваться?

Он прошёл в свой кабинет и быстрым движением распахнул несгораемый шкаф. Он был пуст.

— Папа, ларчик был не здесь, — чуть не плача, сказал Тимофей. — Я переложил его в другое место. Когда объявили, что началась война,

я сразу собрал вещевой мешок. На случай, если нам с тобой придётся ехать в Порт-Артур. И шкатулку туда положил. Мешок был в моей комнате. В комод.

— Вероятно, Серафима убрала его во время уборки, — предположил Пётр Сергеевич, — ступай и пересмотри всё по одной вещи. Да не забудь заглянуть под кровать, бывает, что предметы перемещаются сами по себе неведомыми для хозяев путями.

Тимошка перебрал весь комод по одной вещице: вот матросский костюмчик, в котором он познакомился с Досифеей Никандровной. Сверху лежит мягкое кашне, подаренное ему Арефьевыми на именины. В левом углу свернулось нижнее бельё, а в правом — тёплые чулки и связанные тётей Симой носки в полосочку.

Потом он добросовестно заглянул под кровать и даже поискал мешок между книгами. Ни мешка, ни шкатулки не было и в помине.

— Будем ждать Серафиму, — твёрдо сказал Пётр Сергеевич, — вне всякого сомнения, что она припрятала твоё наследство от греха подальше.

Но по неестественно спокойной интонации отца Тимофей безошибочно понял: он крайне обеспокоен. Когда тётя Сима не явилась и через пару часов, стало ясно, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

— Я сбегая, порасспрашиваю соседок, — предложил Тима и, едва дождавшись ответа, побежал на улицу.

Бедная тётя Сима, переживал он, пересекая двор и по пути заглядывая во все двери парадных подъездов, вдруг она ушла в лавку, а её разбил прострел в пояснице. В их Соколовке был подобный случай, когда мельничиха, тётка Голиндуха, пошла в лес по ягоды, а там её скрутила лихоманка. Совсем идти не могла. Сутки сидела на кочке и выла, пока на неё пастух со стадом коз случайно не наткнулся. Лицо у бабы было, как подушка, — комары чуть насмерть не зажрали, а несчастная Голиндуха и рукой махнуть не могла. «Счастье, что здесь комаров нет», — мелькнула глупая мысль, когда Тимофей с разбега налетел на тётку Параску, Крысину соседку.

— А, Тима! — обрадовалась она и по-свойски поинтересовалась: — Куда бежишь?

— Ты не видела нашу тётю Симу?

— Серафиму Ивановну? — задумалась женщина. — Видела! Она утром в рыбный магазин Пызина ходила. А потом во дворе с генеральшиной кухаркой сидела. Я слышала, как они свиной студень обсуждали. Кухарка утверждала, что из ножек холодец наваристее, а Серафима Ивановна стояла за студень из головы.

— Позже её не видела?

— Нет. А что случилось? — прокричала Параска в удаляющуюся спину подростка.

Тимофей на ходу махнул ей рукой и понёсся на Сенной рынок, куда тётя Сима наведывалась не реже трёх раз в неделю. Он хорошо понимал всю безнадёжность этого поиска в ве-

черный час, но в глубине души отчаянно уповал на то, что пропавшая находится именно там. Вдруг она заболталась со знакомым мясником или встретила односельчанина?

Паренёк с надеждой вглядывался в лица прохожих, как будто ожидая, что кто-нибудь из них сейчас остановится и с весёлым смехом расскажет, что тётя Сима давно дома и ждёт его на ужин. Продравшись сквозь дыру в решётке, Тимофей два раза обежал пустой рынок, распугивая сидящих парами облезлых кошек и натываясь то и дело на груды мусора. Тёти Симы там не было.

— Эй, парень, что мечешься, как угорелый? — раздался за его спиной недовольный голос.

Сердце тревожно замерло: а вдруг... Тимка обернулся. Прямо на него, погромыхая костью, двигался крепкий одноногий мужик на деревянном протезе, похожем на бутылку.

— Я свою тётю ищу. Дяденька, ты не видел здесь женщину? Немолодую, в серой юбке и голубой кофте... — припомнил Тимошка скромную одежду Серафимы Ивановны.

Калека почесал пятернёй макушку с засаленными волосами, опустил руку на пояс, молниеносным движением отстегнул протез и сунул его под мышку. Тимка с изумлением увидел, как из под широкой штанины появилась вторая нога, вполне здоровая и мускулистая. Мужик пошевелил босыми пальцами, разгоняя застоявшуюся кровь, и удовлетворённо крикнул:

— Эх, хорошо на свете жить!

— Дядя, так ты не видел здесь женщину? — напомнил о себе Тимофей.

— Может, видел, а может, нет. Тут много народа ошивается. Всех не упомнишь. А вообще-то те, кто от закона скрывается, часто в Вяземскую лавру бегут. Там их никто не сыщет. Даже полиция.

Он назидательно поднял указательный палец с обгрызенным ногтем и вразвалочку побрёл по своим делам, оставляя за собой мерзостный запах тухлых яиц.

«Вяземская лавра», «скрывается» — эти слова совершенно выбили мальчика из колеи. Ну зачем тёте Симе скрываться? Да ещё в Вяземской лавре. От одного этого названия у любого порядочного жителя Санкт-Петербурга по спине пробегали мурашки, а тётя Сима именovala её не иначе, как «бандитское гнездовье». Нет. Она ни за что не пошла бы туда по доброй воле.

«По доброй воле, — повторил он свои слова и замер от жутковатой догадки, — а если не по доброй? Если тётю Симу украли? Вместе со шкатулкой», — вспомнил он ещё про одну пропажу, напрочь вылетевшую из головы.

Он отбросил мысль о Вяземской лавре и повернул домой. Скорее всего, пока он здесь бегаёт без толку, тётя Сима давным-давно явилась и пьёт чай вместе с папой Петей. Не переводя дыхания, Тимоша добежал до дома, мигом взлетел на второй этаж, распахнул дверь кухни

и увидел, что Пётр Сергеевич сидит за столом один и смотрит на него вопрошающим взглядом.

— Не нашёл?

— Нет.

16

— Надо сообщить в полицию о тёти Симиной пропаже, — сказал Тимофей.

Он устроился у окна и, не отводя глаз, следил за малейшим движением на улице, каждый раз напрягаясь, когда из-за угла появлялась человеческая фигура.

— Посуди сам, — немедленно отозвался Пётр Сергеевич, — ещё нет полуночи, на улице светло как днём, в квартире нет признаков борьбы. О чём мы можем заявить в полицию? Они просто посмеются над нами. Надо подождать до утра.

Тимоша заметил на лице отца тень усталости и подумал, что Пётр Сергеевич, скорее всего, забыл пообедать.

— Папа, ты ел?

— Ел? Право, не помню, — пожал плечами доктор.

— Тебе надо подкрепиться и отдохнуть, завтра снова привезут раненых.

— До отдыха ли мне?

Пётр Сергеевич крепко потёр руками уши, чтоб приободриться, и ещё раз обошёл всю кухню. Он убедился, что все вещи стоят на своих местах: посуда чисто вымыта, хлеб и булка

прикрыты свежей салфеткой, а в кастрюле на плите остывают кислые щи. Записки нет, и к странностям происшедшего присоединяется пропажа Досифееной шкатулки.

Пётр Сергеевич со вздохом посмотрел на вытянувшегося в струнку Тимошу:

— Да, необходимо что-то предпринимать. Но что?

Тем временем на Петербург медленно опускалась прекрасная белая ночь, вдохновляя поэтов на стихи и заставляя томных дам мурлыкать под гитару страстные романсы. И где-то в этой ночи блуждала одинокая немолодая женщина, которую в доме Тарасовых с нетерпением ожидали двое мужчин.

— Папа, ты ложись отдыхай, а я пойду ещё пройдуся, — прервал молчание Тимофей, подумав про себя, как бы половчее отпроситься у отца, чтобы сбегать в эту страшную Вяземскую лавру.

— Нет. Нет, — оставайся дома. — Я сам пройдуся. Заодно переговорю с городовым.

Отец ушёл, и тишина в квартире показалась Тимофею совершенно невыносимой. Он подошёл к умывальнику и, высоко подняв ковш, наполненный водой, с шумом вылил его в раковину. Как было бы славно, если бы сейчас из своей комнаты выскочила тётя Сима и беззлобно обозвала его шалопаем.

Тимоша подумал, что за сегодняшнюю ночь он очень хорошо понял смысл поговорки, кото-

рую любил повторять дед Илья: «Ждать и догонять — последнее дело». Паренёк прислонился лбом к стеклу и увидел, как возвращается домой отец. Значит, тётя Сима так и не нашлась. Он вздрогнул от телефонного звонка и поспешно снял трубку:

— У аппарата. Квартира доктора Мокеева.

— Тимофей, ты? — прозвучал знакомый голос сестры милосердия Марии.

— Пригласи к телефону господина Мокеева.

— Его нет.

— Нет? — испуганно откликнулась сестра. — Тогда передай доктору, что ему необходимо срочно прийти в больницу. У нас несчастье с раненым из второй палаты. Сильное кровотечение.

— С Семёном? — сразу догадался Тима, мгновенно вспомнив про несчастную любовь и коварную невесту Глафиру.

— Да.

В разговор вмешался бесстрастный голос телефонистки:

— Разъединяю.

— Только кровотечения ещё не хватало... — Тимофей положил слуховой рожок на рычаг и повернулся к вошедшему отцу. — Папа, тебя требуют в госпиталь. Несчастье с больным Семёном. Ты поспеши, а я останусь дома. Буду ждать тётю Симу...

...Ровно в пять часов утра Тимофей двигался по направлению к обветшалым постройкам

Вяземской лавры. Разбуженные ранним летним солнцем, в некоторых дворах стояли заспанные дворники с мётлами в руках, по булыжной мостовой громыхали телеги с провиантом, а к Сенной площади стягивались торговцы, желавшие занять местечко подорожнее.

Вяземская лавра располагалась на участке земли, ранее принадлежавшем князьям Вяземским, и занимала довольно большое пространство от Сенной площади до речки Фонтанки. Тимофей со смешанным чувством страха и интереса оглядел кирпичные бараки с отвалившейся жёлтой штукатуркой, вытянувшиеся вдоль пыльной улочки, не представляя, с какого конца надо начинать поиски. Он присмотрел стоящий немного на отшибе массивный одноэтажный дом с распахнутыми настежь подвальными окнами, из которых раздавались стоны, перемежающиеся могучим храпом.

Вяземская лавра ещё спала. Её обитатели предпочитали выходить на свой промысел не раньше полудня, когда на петербургских улицах начинала кипеть жизнь. Они по-орлиному высматривали ротозеев с туго набитыми кошельками. Спать ложились под утро, успев за ночь пропить и проиграть в карты почти всю дневную добычу.

Навстречу Тимке попались лишь две юркие старушонки, которых он часто видел на церковной паперти. Одна из них постоянно харка-

ла кровью, сплёвывая в платочек красноватые сгустки, и стонала так жалобно, что Тимофей подумывал испросить для неё место в богадельне принца Ольденбургского. Удивительно, но сегодня бабуля шла вполне весело и бодро, побулькивая большой бутылкой с красноватой жидкостью и ежеминутно хихикая над шутками своей товарки.

Тимка проводил их глазами и остановился перед полуодетым мужиком, беспечно раскинувшимся прямо поперёк дороги.

— Дяденька, проснись, тебя тут телега переедет, — потянул он его за руку.

— Оставь его, — равнодушно произнёс детский голос. — Папка завсегда здесь спит.

Тимошка поднял голову и встретился глазами с рыжей растрёпанной девчонкой, выглядывавшей из подвального окна.

— Вали отсюда, пока цел. Здесь чужаков не любят.

Она оперлась коленкой о раму и на четвереньках выползла из своего убежища.

— Что уставился?

Не найдя ответа на этот простой вопрос, Тимошка пожал плечами. Действительно, на что тут было смотреть? Деваха чуть повыше его, тощая, с белёсыми ресницами и едва наметившимися бровями. Сразу видно, что противная.

— Я ищу свою тётю, — примирительно сказал он. — Ты не видела здесь женщины в серой

юбке и голубой кофте? Она вчера ушла из дома и не вернулась.

Вместо ответа девчонка заливисто захохотала, хлопая себя руками по бокам и некрасиво приоткрывая рот с гнилым зубом.

— Тётю... Ой, не могу... Тётешкин племянничек.

— Лушка, неси батю домой, — рывкнула на девку мелькнувшая в подвале толстая тётка.

Лушка перестала хохотать и кинулась к мужику:

— Батя, пойдём домой.

Она изо всех сил упиралась ногами в землю, таща за собой тяжёлую тушу спящего, и по-женски причитая:

— Пойдём, пойдём, горяшко ты моё.

Мужик захрипел и ударил Лушку кулаком в живот:

— Уйди, зараза.

Девчонка согнулась в три погибели, прикрывая руками вздрагивающее тело, и едва слышно всхлипнула.

— Лушка, где батя? — подхлестнул её новый окрик.

Девчонка опять взялась за мужика и, преодолевая боль, поволокла отца к двери.

— Дай помогу.

Тимка взял пьяного за ноги, не обращая внимания на забористую ругань и отбрыкивания. Лушка благодарно кивнула и, запихивая папеньку в дверь, переспросила:

— Говоришь, в серой юбке и голубой кофте? Видела такую тётку. Бегала по лавре, ровно как обезумевшая. Федьку какого-то кликала.

— Федьку? — удивился Тимка.

И тут же вспомнил день, когда тётя Сима откинула крышку своего сундука и показала на детский рисунок. Как же она сказала? «Это мой братец Федя, который пошёл по кривой дорожке». Паренёк прислонился к выщербленной стене дома, ощутив спиной осевшую за ночь влагу, и задумался. Если тётя Сима искала беспутного брата, то тогда понятно, почему она убежала в Вяземскую лавру. Но зачем она взяла вещевой мешок со шкатулкой, приготовленный для фронта? Непонятно. По крайней мере, стало ясно, что тётя Сима жива и здорова, а не лежит без памяти в неизвестной канаве на другом конце города. Он почувствовал, как сразу стало легче дышать и яснее мыслить.

— Спасибо, Луша, — Тимофей благодарно улыбнулся девочке.

Она зарделась:

— Да чего там...

От сочувствия к Лушке у Тимки перехватило дыхание — поди, ей ненамного слаще живётся, чем ему у тётки Мани. Сирота при живых родителях.

— Ты знаешь что? — он немного поколебался. — Приходи в особняк князей Езерских. Найдёшь дорогу?

Лушка кивнула и вытерла нос рукавом:

— А то.

— Там сейчас оборудован лазарет для раненых на войне. Мой папа в нём доктор. Я попрошу его найти для тебя работу. Хотя мы, ребята, бесплатно помогаем выздоравливающим, но зато нас хорошо кормят из общего котла. И ты сыта будешь. А повезёт, может, и выучишься на кого дельного.

Лушка застенчиво улыбнулась щербатым ртом и в смущении заковыряла пальцем в носу:

— Приду. А тётку твою я там видела, — она указала на покосившуюся избёнку, грубо сложенную из неотёсанных досок.

«Лушка!» — вновь раздался истошный вопль из подвала, и девчонка без разговоров, как кошка, юркнула в чёрный зев окна.

Издалека домишко казался совершенно нежилым и был больше похож на ворох пожухлой прошлогодней листвы, если не считать драного тряпья, вывешенного перед ним на верёвке. При каждом порыве ветра бельё шевелилось, норовя упасть в огромную лужу, не просыхающую даже в большую жару.

Тимофей бесшумно приблизился к наглухо заколоченному окну и приткнул глазом к щели. В поле зрения оказались расшатанные нары, на которых, свесив руку, мертвецким сном спал человек в новеньких яловых сапогах. Рядом валялась пустая бутылка водки, а чуть поодаль — вещевой мешок. Этот мешок Тимофей узнал бы из тысячи, потому что лично своими руками

придывал к нему кожаный ремешок, подаренный господином Арефьевым.

Мешок здесь. Хорошо. А где же тётя Сима? Он осторожно переместился к другому окну и прислушался. Внутри комнаты кто-то негромко плакал. От этого плача Тимку точно ушатам воды окатили. Он узнал знакомый голос и уже не сомневался, что тётя Сима находится там. Она в опасности, и она плачет.

17

Первым порывом было немедленно броситься в дом и обнять тётю Симу, но, немного поразмыслив, Тимофей решил не лезть на рожон, а действовать осмотрительно, как охотник за дичью. Охотником в их Соколовке был дед Пахом. Седенький, шустренький, с выдавшим виды ружьём, которое он любовно величал «берданка».

— Коли соберётесь промышлять зверя, — наказывал он новичкам, — ступайте с подветренной стороны. Да так, чтоб под вашей ногой ни одна ветка не хрустнула, ни один камушек не шелохнулся. И дух у вас должен быть лёгкий, верховой, а не пыхтение, как у пышущего самовара.

Тимоша привёл в порядок дыхание, встал на носочки и плавно, как актриса Рассолова перед танцем, заскользил к двери, державшейся на одной петле. Так... осторожно... шажок, ещё шажок... Он мягко переступил порог и сразу

увидел тётю Симу. Закрыв лицо руками, она сидела на колченогом табурете и всхлипывала. Кроме неё и спящего мужчины, в разорённой комнате никого не было.

— Тётя Сима! — метнулся к ней Тимоша. — Что ты тут делаешь? Мы с папой тебя всю ночь искали.

— Тимка, родной! Откуда ты здесь?

Она опустила руки, и Тимофей с ужасом увидел, что у неё разбита губа.

— Кто тебя ударил?

— Брат Федька, — тётя Сима кивком головы показала на мужика на нарах. — Видишь, напился, как свинья, и валяется бревно-бревном.

В ответ на её слова Федька что-то неразборчиво забормотал и попытался затянуть песню. Потом хрюкнул и снова заснул.

— Почему же ты не ушла? — удивился паренёк.

Она кивком указала вниз на туго привязанные к табуретке ноги:

— Давно бы отвязалась и сбежала, да Федька, вишь, узел закрутил на той стороне, куда мне не дотянуться.

Тимка проворно распутал затянутую бечеву и крепко растёр Серафиме занемевшие за ночь ноги:

— Можешь встать?

Он помог тёте Симе подняться на ноги и покосился на Фёдора. Чихая, тот перевернулся на другой бок и сладко вытянулся.

— Пойдём, — женщина подобрала Тимошкин вещевой мешок и, не оглядываясь, бросилась к выходу. — Скорей, скорей, пока этот иуда не очнулся.

Они побежали по пыльным закоулкам Вяземской лавры, подгоняемые сворой полуголодных шелудивых собак, старающихся ухватить тётю Симу за юбку. Люди их не преследовали. Привыкшие ко всему, жители безучастно отворачивались, следуя негласному принципу воровского сообщества «меньше знаешь — дольше живёшь». На Сенной площади беглецы сбавили шаг, а завидя полосатую будку городского и осанистую фигуру бессменного стража порядка, разом облегчённо вздохнули.

Сенная площадь жила своей привычной жизнью: деревенские мужики, зубоскаля с покупателями, продавали с возов свежескошенное сено из первой нежной травки. Мелкие торговцы устроились на лотках. Хозяйки выставили на телегах лукошки с отборными яйцами и битую птицу, а сдержанные чухонки в идеально отглаженных холщовых фартуках приветливо предлагали тугие головки сыра, похожие на детские мячики.

Эта благостная картина настолько разительно отличалась от помойного и пьяного мира Вяземской лавры, расположенной всего в нескольких шагах отсюда, что Тимофею показалось, будто они волшебным образом очутились в райском саду.

— Словно из омута вынырнула, — подобрала слова тётя Сима. — Слава Тебе, Господи, — она

с чувством перекрестилась на золочёные кресты Успенской церкви, осенявшие своей благодатью торговую Сенную площадь.

— Давай зайдём в церковь, — попросил Тимофей, — поставим свечи за избавление.

— И то правда.

На паперти острый Тимкин глаз сразу же выхватил из толпы нищих двух давешних старушонок, встреченных им в Вяземской лавре. Но если совсем недавно они казались веселыми и здоровыми, то сейчас одна из них явно была на последнем издыхании. Завидя вновь подошедших, бабуля затряслась, как в лихорадке, и смачно сплюнула в платок розоватую жижу подозрительного цвета:

— Подайте чахоточной.

— Подайте слепенькой, — вторила её подруга, выкатывая на Тимошку белые глаза, затянутые какой-то плёнкой.

Он оторопело приостановился, раздумывая, кто смог ухитриться так сильно изуверчить безвинных старушек за каких-то полчаса:

— Бабушки, почто вас так?

— Жизнь, жизнь наша горькая... — затянула чахоточная, но внезапно осеклась, признав в мальчишке знакомое лицо. — Топай отсель. Неча на нас zenки паялить.

Он отскочил.

— Тётя Сима, я никогда больше не буду подавать нищим на паперти, они все ненасстоящие!

Женщина ласково положила ему на плечо руку и поцеловала в висок:

— Что ты, касатик, разве можно из-за двух прощелыг остальных людей недоверием обижать? Да и не наше это дело отделять козлиц от агнцев. Ты милостыньку-то подай. А Господь разберётся.

В церкви было пусто и тихо. Литургия ещё не началась, и только кое-где перед иконами мерцали колышущиеся огоньки свечей, поставленных ранними торговцами «на удачу».

Они подошли к увешанной богатыми украшениями Тихвинской иконе Божией Матери и несколько мгновений, не отрываясь, смотрели в её потемневший лик, моля каждый о своём.

На улицу вышли умиротворённые. Лишь на подходе к дому Тимоша, наконец, решился задать вопрос, который давно вертелся у него на языке:

— Моя шкатулка потерялась?

Паренёк замер, готовясь услышать непоправимое.

— Здесь твоё сокровище, — тётя Сима победоносно потрясла мешок, в котором глухо стукнул деревянный ларчик, и объяснила: — Я потому за Федором и побежала, что он этот мешок украл.

Она перевела дух и стала рассказывать, как было дело, постоянно запинаясь и плача.

— Помнишь, я тебе говорила про непутёвого брата Федьку-каторжанина и про то, что сама

я давно ушла из семьи и много лет ничего про них не ведала. Раз в год на Рождество посылала сестрёнкам весточку с поклоном и всё.

— Конечно, помню, — сказал Тимоша, — ты тогда мне рисунок своего брата показывала.

— Так вот, — начала тётя Сима свой рассказ. — Проводила я вас с Петром Сергеевичем на службу, полы вымыла, в лавку сбегала, сижу, щи варю, чай с баранками дую. Чай попался душистый, лист крупный, ядрёный. Красота. Только собралась третью чашку опрокинуть, как в дверь звонят. Открыла, а там Федька стоит, зубы скалит. «Приветствую тебя, — говорит, — сестрица. Пришёл по твою душу, с тобой поздороваться да поглядеть, каково тебе живётся». Я его не пускаю, а он прёт в квартиру, словно через стену. Обошёл все комнаты, в кухню заглянул. Нос везде суёт да подхваливает: «Хорошо живёшь, Симка, чисто барыня. Городская стала, от деревенских, поди, как от чумы шарахаешься». Мне бы его сразу выставить или соседскую кухарку на помощь кликнуть, она баба статная, помогла бы с ним разобраться, а я сплеховала. Брат всё-таки. Жалко мне его стало. Дай, думаю, хоть чаем напою.

Напоила, накормила, денег с собой дала. А пока чашки споласкивала, он схватил, что под рукой лежало, да и был таков. Хорошо, я услышала, как дверь хлопнула и выскочила вслед за ним. Смотрю, а он твой мешок в руках теребит. Я так и обмерла. «Оставь чужое, — кричу, —

Христом Богом тебя молю!» Да куда с добром! Весь день, словно собачонка, за ним бегала, не давала мешок раскрыть. А то увидел бы твою шкатулку, раскурочил, а поди знай, какие ценности внутри запрятаны. Ближе к вечеру он водки на мои денежки купил. Выдул всю бутылку из горлышка. Спьяну меня к табуретке привязал да спать завалился.

Чтобы не зарыдать в голос, тётя Сима прикусила сложенные в кулак пальцы и глухо простонала:

— Стыдно мне перед вами. Глаз поднять не могу. Буду просить расчёт у Петра Сергеевича, а то, неровён час, снова Федька-балбес явится и беды натворит. Зачем вам такая экономка? В монастырь уйду, там братец меня не достанет.

— Тётя Сима, да что ты такое удумала? — исступлённо дёрнул её за руку Тимошка. — Как это уйдёшь? На произвол судьбы нас с отцом бросишь? Сама знаешь, мы без тебя пропадём.

Он помолчал, ища правильные слова, чтобы утешить тётю Симу.

— Тётя Сима, помнишь, как ты меня выходила, когда меня Максимыч под поезд сбросил? Как родная мать...

...Мимо них спешили по своим делам прохожие. Знакомый булочник приветливо махнул рукой через прозрачную витрину, показывая на свежеиспечённый утренний хлеб. Жильцы дома Тарасовых степенно выходили из своих парадных, на ходу раскланиваясь друг с другом.

— Доброе утречко, Серафима Ивановна, — поздоровалась горничная генеральши Матвеевой, выгуливавшая спозаранку крошечного чёрного пёсика невообразимо лютого нрава. — Никак с вами несчастье приключилось? Личико у вас невесёлое, губка раскокошена.

Тётя Сима через силу улыбнулась и постаралась бодро выпрямить спину:

— Упала. Спасибо, под рукой всегда помощник имеется.

— Да, с Тимофеюшкой вам повезло. Совсем взрослый стал. Прямо кавалер!

Горничная отпихнула ногой пса, самозабвенно подрывавшего клумбу с тюльпанами, и торопливо распрощалась:

— Побежали мы с Юпитером, недосуг лясы точить.

— Ну всё, понесла сорока на хвосте новости, — сказала тётя Сима, и по её чуть ироничной интонации Тимофей понял, что беда миновала. Никуда тётя Сима от них не денется!

18

Настенные часы в кабинете Петра Сергеевича заскрежетали и хрипло принялись отбивать десять ударов. С последним звуком старого хронометра входная дверь распахнулась, и к тёте Симе кинулся вернувшийся из лазарета Пётр Сергеевич.

— Серафима, как понимать твоё отсутствие?

Она громко, навзрыд, заплакала, а Пётр Сергеевич принялся неуклюже гладить женщину по плечу, бормоча ласковые слова. Потом все вместе неторопливо пили принесённое молочницей парное молоко, закусывая его чёрным хлебом, и наперебой удивлялись, как Тимофей сумел отыскать тётю Симу в страшных трущобах Вяземской лавры.

Шкатулку Досифеи Никандровны Тимофей решил открыть в отцовском кабинете — в эти утренние часы там было самое светлое место в доме. Она стояла посреди письменного стола, отсвечивая полированными боками орехового дерева. Тимофей, Пётр Сергеевич и тётя Сима смотрели на ларец, не решаясь приоткрыть тайну бабкиного наследства и опасаясь спугнуть витавшее вокруг предчувствие чуда, какое возникает только в святую Рождественскую ночь.

Тима вновь вспомнил своё удивление, когда Досифея Никандровна сообщила ему о подарке, и свое непреодолимое желание заглянуть под резную крышку ларца, которое столько месяцев не давало ему покоя. И вот теперь, когда дано разрешение отворить шкатулку и раскрыть секрет, он почему-то колеблется.

— Ну, что же ты? — подбодрил сына Пётр Сергеевич. — Открывай, не робей.

Тимофей не торопясь взял письмо Досифеи Никандровны, ещё раз перечитал строки: «...даю тебе разрешение открыть мой подарок и использовать его содержимое на благое дело,

как сам уразумеешь», — и решительно вставил ключ в замочную скважину. Раздался тихий мелодичный звон на мотив известной немецкой песни «Ах, мой милый Августин», и крышка плавно открылась.

— Надо же, с музыкой, — уважительно протянула тётя Сима.

Тимоша с трепетом заглянул внутрь шкапулки, присмотрелся, и на его лице отразилось такое горькое разочарование, что даже нижняя губа задрожала.

— Что там? — нетерпеливо спросил Пётр Сергеевич?

— Там... Там... Там, похоже, пуговицы.

— Пуговицы? Не может быть! — хором воскликнули Пётр Сергеевич и тётя Сима.

— Может.

Тимошка опустил руку в ларец и вытащил обтянутую вишнёвым бархатом деревянную планшету с прорезью, в которую были плотно вставлены мелкие, как горох, разноцветные пугови. Всего планшет было три. Первая с мелкими пуговицами, вторая — со средними, а третья — с крупными пуговицами, украшенными цветными прозрачными камнями.

— Я надеялся, что подарок Досифеи Никандровны пригодится княгине Езерской для лазарета. А пуговицы на что годны?

Он сокрушённо вздохнул, положил пластинки на стол и поднял растерянный взгляд на тётю Симу:

— Может быть, ты подскажешь, что мне с ними делать? На гимназической куртке у меня все пуговицы пришиты, а сарафанов я не ношу.

Польщённая доверием, тётя Сима водрузила на нос очки, приблизила к глазам необычный подарок и в полной тишине внимательно рассмотрела пуговицы со всех сторон, а одну даже попробовала на зуб.

— Знаешь, а пуговики-то не так просты, как ты думаешь, — лукаво сказала она Тимофею. — Одни пуговики золотые, другие — серебряные, — показала она на несколько пуговиц. А эти, крупные, не со стекляшками, а с самоцветными камнями. Узорчатые пуговицы, по всему видно, из глубокой старины сохранились. Гляди, в круглой пуговке даже бубенец спрятан.

Она потрясла пуговицей-шариком, и внутри неё зазвонил колокольчик. Потом тётя Сима мизинцем перекатила с боку на бок медную позолоченную пуговицу, похожую на пирамидку, и удивлённо заметила:

— Посмотрите, пуговка совсем невзрачная, но почему-то отдельно от всех хранится.

— К ней и записка приложена, — обратил внимание Тимофей.

Он развернул небольшой кусочек лощёной бумаги, прикреплённый к пуговице за ниточку, и задумчиво выговорил написанное: «Вернуть наследникам».

— Любопытно, весьма любопытно, — потёр руки Пётр Сергеевич. — Ай да Досифея Никандровна! Задала задачку.

При упоминании имени Досифеи Никандровны Тимофей напыжился от гордости за свою подругу:

— Ты прав, папа, Досифея Никандровна такая невероятная! Она всё наперёд знает! Она и русско-японскую войну предсказала, и то, что ты живой с эпидемии приедешь! И пуговицы она мне завещала на доброе дело употребить. Я бы и рад, да не знаю как... — Тимка развёл руками и задумчиво повертел в пальцах планшет с жемчужными пуговками. — Разве что раненым раздать, у кого одежонка прохудилась или пуговицы на войне взрывом оторвало? А где найти наследников последней пуговицы, я и ума приложить не могу. Это ведь не бриллиантовая фамильная брошка, как у Нины Павловны, а обычная пуговица. У каждого человека их бывает без счёта.

Он подпёр щеку рукой и пригорюнился. Пётр Сергеевич залиvisto засмеялся и взъерошил пушистый чубчик сына, который Тимоша уже вторую неделю старательно зачёсывал на бок и даже тайком мазал тёти Симиной притиркой для волос:

— Мне кажется, что если продать хотя бы часть этой необычной коллекции, то раненым хватит не только на починку одежды. Впрочем, — посерьёзnel отец, — каким бы ни было

твое решение, я надеюсь, оно будет справедливым. Не зря Досифея Никандровна тебе доверяет.

— Папа, — радостно вскинулся Тимка, — давай, я отдам подарок тебе?

— Э, нет, дружок, — отклонил предложение Пётр Сергеевич. — Ты сам сказал, что Досифея Никандровна предвидит будущее, значит, она не просто так тебе свою шкатулку оставила, а со смыслом. К тому же, как видишь, в шкатулке есть поручение найти наследников одной пуговицы и вернуть её хозяевам. Я предполагаю, что это ты тоже должен сделать самостоятельно. Хотя позволь дать тебе совет: давай отнесём шкатулку Ольге Александровне. Во-первых, княгиня поможет тебе определить реальную стоимость содержимого. Во-вторых, возможно, она знает что-либо о медной пуговке, а в-третьих, в сейфе особняка Езерских твоё наследство будет в безопасности.

На этих словах тётя Сима подумала о беспутном брательнике, шумно засморкалась в платок и снова собралась заплакать, но Пётр Сергеевич так выразительно посмотрел на неё, что она смутилась и убежала в свою комнату.

— Пусть Сима отдохнёт и успокоится, — остановил Пётр Сергеевич кинувшегося ей вслед Тимошу. — А от этого негодяя, Симиного брата, мы избавимся. Я предупрежу дворника, чтоб не подпускал этого человека к нашей квартире на пушечный выстрел.

Отец ушёл немного отдохнуть перед дежурством, а Тимофей уселся за стол рассматривать свои неожиданные сокровища. Он вспомнил, как Досифея Никандровна рассказывала, что была первостатейной модницей. Видимо, в те беспечные годы и зародилась эта необычная коллекция.

«Я думаю, что Досифея Никандровна не осудит меня, если я подарю Зине одну пуговку, самую маленькую», — Тимка разложил планшеты на столе, подставив переливающиеся всеми цветами радуги самоцветные пуговицы под солнечный луч. Он отразился от ярко-зелёного гранёного камня в самой крупной пуговице и травяными бликами заплясал на потолке, разбрасывая вокруг себя солнечных зайчиков. У них в Соколовке у баб были самые простые пуговицы. У мамы на зимнем салопе — крупные, костяные с двумя дырочками посередине. Когда отец купил ей обновку у местного шубника, то сам выточил эти пуговицы из чёрного коровьего рога. Пуговицы получились немного неровные, но гладкие и блестящие.

— Эх, и работающий у тебя мужик, Наталья! На все руки мастер, — позавидовала тогда соседка.

Тимофей заново присмотрелся к той пуговице, которую он должен вернуть наследникам. Вот уж задача, так задача! Мальчик взвесил в пальцах желтую потёртую пуговицу. Она

хорошо прослужила своему хозяину — ишь, как поцарапана. А с одного бока на ней даже есть щербинка.

— Признавайся, ты чья? — спросил её Тимка.

Но пуговица безучастно молчала и своей тайны не выдавала.

Пуговку для Зины Тимошка заприметил с самого первого беглого взгляда. Она была маленькая, кругленькая, как монетка, со вделанным в серебряный ободок необычным желтоватым камешком, больше похожим на золотой песок.

Тимофей рассмотрел пуговку в сильную медицинскую лупу и подивился искусству неизвестного мастера: по ободку были вырезаны старинные буквы, сливающиеся в надпись «где лад, там и клад».

Однажды так сказал дед Илья, когда Тимошкина мама и тётка Маня заспорили за обедом, кому из них завтра идти на дальний выгон за скотиной. Тогда глава семьи недовольно нахмурил брови и пристукнул по столу деревянной ложкой:

— Цыц, сороки! Ссоры до добра не доводят, а если в семье лад, то не нужен и клад.

Тимошка достал Зиночкину пуговицу из планшетки и зажал в кулаке. Ему было приятно думать, что он держит в руке слова своего деда. Он раскрыл ладонь и легонько подул на пуговицу. Она шевельнулась, и золотые брызги внутри камня заискрились, как угли в костре.

Да, обязательно подарю её Зине, твёрдо решил Тимофей.

19

В кабинете Ольги Александровны поселился паучок и, вероятно, не один. Тимка это знал наверняка, потому что к её сиятельству ежедневно поступала масса новостей, а каждый человек в их деревне ведал, что новости выпрадают неутомимые пауки из своей паутины.

За последнее время княгиня Езерская так привыкла ко всяческим неожиданностям, что совершенно не удивилась, когда Тимофей осторожно поставил на её стол шкатулку с дорогим наследством.

— Ольга Александровна, не откажите в любезности дать Тимофею консультацию, — попросил Пётр Сергеевич.

— Отчего же.

Её сиятельство достала планшеты с пуговицами и разложила их перед собой.

— Да у тебя тут целое сокровище! — Она перебрала ряд пуговинок и подняла голову, припоминая детство. — Много лет назад, когда я была девочкой, по столице ходил слух, что некая купчиха миллионерша охотится за необыкновенными пуговицами и платит за них огромные деньги. Дама, поведавшая это, утверждала, что одна особо ценная пуговица с бубенцом внутри,

якобы, принадлежала древнерусской княгине Евдокии, жене святого князя Дмитрия Донского.

— Удивительно! — воскликнул Пётр Сергеевич, глядя, как пальцы княгини осторожно высвобождают узорчатую звенящую пуговку.

— Вы, кстати, знаете, почему пуговицы так называются? — поинтересовалась её сиятельство.

— Пуговица и пуговица, — заметил Тимофей. — Я никогда не думал над её названием.

Ольга Александровна иронично посмотрела на подростка:

— Конечно, ты же мужчина. Молодые люди редко задумываются над такой прозаической деталью туалета, как пуговица. В то время как у неё есть своя давняя история. В языческие века люди думали, что звук колокольчика может отпугивать злых духов, поэтому они пришивали к одежде звенящие бубенцы и называли их «пуговица», от слова «пугать». Так что эта пуговица-бубенец, вне всякого сомнения, довольно древнего происхождения.

Она ещё раз дала послушать Тимошке и доктору чистый звон благородного металла и убрала пуговицу на место.

— Безусловно, эти вещицы представляют значительную ценность. Поздравляю тебя, ты стал владельцем необыкновенной коллекции.

— Это не совсем так. Коллекция не вся моя. Одну пуговицу я должен вернуть наследникам. —

Тимофей протянул Ольге Александровне медную пуговку с запиской.

Она бережно приняла её и задумалась:

— Миссия непростая. Пуговица хоть и нетипичной формы, но из дешёвых. К сожалению, больше ничего не могу к этому добавить. Давайте сделаем вот что: я приглашу своего ювелира, чтобы он оценил и описал коллекцию, а пока пусть она хранится в нашем сейфе.

Пётр Сергеевич поднялся:

— Это именно то, о чём мы с Тимофеем хотели вас просить.

Он посмотрел на княгиню долгим пристальным взглядом, и Тимоша вдруг понял, что Ольга Александровна нравится отцу! Как же так? В голове мгновенно запрыгали мысли: княгиня Езерская, папа, он, Сева... Услужливая память тут же вернула его ко дню открытия больницы, когда сестра Мария принялась интересоваться у него, женат ли главный врач. Тогда Тимке крайне не понравился этот вопрос. А сейчас... Глупости, отогнал он от себя нелепую мысль, быть этого не может. Что я, как старая бабка, прицепился к взгляду. Уж папе и посмотреть ни на кого нельзя. Пойду лучше расскажу Севе про пуговицы.

«Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...» — доносились из гостевой комнаты барабнящие звуки рояля. Тимофей вошёл и опустился в уютное кресло рядом со Всеволодом. Играла Зиночка. Сегодня она была одета, почти

как взрослая барышня, — в светлом поплиновом платье до щиколоток, перетянута в талии широкой атласной лентой, она казалась лёгкой и прелестной.

Завтра именины Зинаиды. Мокеевы званы на торжественный ужин. Тимофей был рад сходить к Арефьевым, он скучал без Танюши. Нина Павловна сказала, что Таня начала изучать азбуку господина Брайля и смогла самостоятельно написать слово «мама». Тимоша представил, как дарит Зине на именины пуговицу, а та делает изумлённые глаза и, чуть кокетничая, спрашивает: «Тимофей, неужели это мне?» Если бы прошлым летом кто сказал Тимке, что он захочет презентовать Зиночке дорогую вещь, он бы ни за что не поверил.

Старательно нажимая на клавиши, Зина не забывала поднимать голову и оглядывать победным взглядом притихших слушателей — Коку, пристроившегося рядом с ней и подобострастно кивающего головой в такт каждой сильной ноте, князя Езерского, Тиму и неизменного мистера Найтли, бесстрастно читающего английскую газету «Таймс». Было заметно, что мистер Найтли отнюдь не в восторге от Зинаидиногo мастерства, да и Сева с Тимофеем слушали лишь из вежливости, покорно аплодируя в нужных местах.

— Ты знаешь, мама хотела рассчитать мистера Найтли, — шепнул князь Всеволод и перевёл взгляд на его долговязую фигуру.

— А что он? — поинтересовался Тимофей.

— Представляешь, отказался. Сказал, что кое-какие сбережения у него имеются, и он будет работать бесплатно.

— Надо же!

Тимоша уважительно покачал головой и подумал, что этот мистер Найтли, которого так не любил Всеволод, оказался очень порядочным человеком. Работать без денег не каждый будет! Попроси-ка, к примеру, у мельника из Соколовки смлоть мешок муки забесплатно. Он, пожалуй, ещё и дубиной огреет, а уж что скажет на это острая на язык мельничиха, тётка Голиндуха, и подумать страшно. Учителя в гимназии все получают жалование, и Юрий Львович в департаменте, и папа Петя, и даже тётя Сима. А иначе на что жить?

— Я открою тебе один секрет, — продолжил Сева. — Дай слово, что не проболтаешься.

— Честное благородное.

— Тогда слушай.

Князь приблизился к самому уху друга и сообщил:

— У меня есть сведения, что мы разорены.

Откуда он знает? — вспыхнул Тимофей. Неужели кроме меня разговор её сиятельства с отцом слышал ещё кто-то?

— Почему ты так думаешь?

— Меня просветила одна баронесса, патронирующая лазарет. Я гулял в саду, а дама подошла, села рядом на лавочку и сказала, что ей

весьма жаль, но, вероятно, нам с мамой скоро придётся продавать особняк и подыскивать квартиру подешевле. Я спросил, из чего она делает такие выводы, и дама ответила, что её муж — директор банка и в курсе всех финансовых дел в столице. Ещё баронесса добавила, что нас может спасти только чудо.

«Какая злая тётка», — отметил про себя Тимофей, а вслух сказал:

— Возможно, это неправда.

— Я думаю, правда. Иначе зачем мама хотела рассчитать мистера Найтли? Понимаешь, — юный князь положил Тимофею руку на колено, — я нисколько не боюсь бедности. Пойду учиться в кадетский корпус, стану офицером и начну жить на жалованье. Нам с мамой хватит. Сейчас меня пугает одно: как мама переживёт такое известие, ведь разорение — это страшный позор. На мамочку весь свет начнёт пальцем показывать, обсуждать нашу жизнь в газетах. «Это та самая несчастная княгиня, которая осталась без гроша с малолетним сыном?» — передразнил он досужих сплетников и снова посерьёзnel. — Я верю, что мы с мамой выдержим, но сейчас самый важный вопрос — о деньгах для существования лазарета.

— Мальчики, вы меня обижаете, — недовольный голос Зиночки прервал их разговор. — Я вам играю чудную пьесу, а вы болтаете.

— Извини, — примирительно сказал Тимофей, — мы больше не будем.

Ребята умолкли, сидя рядом рука об руку, и каждый думал о своем: его сиятельство мечтал, чтобы их разорение прошло незаметно, а мысли Тимофея витали вокруг наследства Досифеи Никандровны. Если окажется, что эта коллекция действительно стоит больших денег, то, возможно, что именно она будет тем чудом, который спасёт княжескую семью от позора. Странно, что в городе разорение считалось позором. У них в Соколовке что ни год, то какая-нибудь семья шла по миру. И никто на них пальцем не показывал, а наоборот, все жалели и помогали, чем могли. Когда у дядьки Прокопа одновременно сгорел дом и околела корова, то деревенские мужики собрались и за три дня срубили им просторную времянку, а Тимошкина мама отдала тётке Дусе два ведра и свою старую душегрею.

Хотя представить княгиню Езерскую в старой душегрее и с чужими вёдрами в руках очень трудно, но в жизни всё бывает, тем более в нашем двадцатом веке, размышлял Тимка. Дед Илья часто говаривал: «От суммы да от тюрьмы не зарекайся». Тимофей задумался над этой поговоркой. Ну, от нищеты — понятно: бескормица любого может в бараний рог скрутить. Но от тюрьмы... Это было совершенно непонятно. Разве могут честного человека ни за что ни про что в тюрьму посадить? Нет, конечно. А если полицейские невинного человека арестуют, то в России батюшка-царь есть. Не допустит произвола.

— Сева, ты погоди переживать раньше времени, — обнял друга Тимофей, — у меня одна задумка имеется. Даст Бог, дело сладится, наберём деньжат на лазарет.

Сева благодарно пожал ему руку:

— Это очень, очень важно. Нельзя допустить, чтобы раненые остались без надлежащего лечения. Посмотри, что пишет сегодняшняя газета «Русь».

Всеволод сказал несколько слов на английском языке, и мистер Найтли, не изменяя унылого выражения на лице, подал ему свежий номер.

— Читай, — указал князь Езерский статью на развороте.

Она начиналась так:

Бой под Цзинь-Чжоу.

ТОКИО, 28 мая. Вчера в полдень русские очистили Нан-гуан-лин, были оттеснены от Саншилипу и отступили к Порт-Артуру. В битве при Цзинь-Чжоу и Нан-шане русские оставили на поле сражения 400 чел. убитых. Японцы потеряли убитыми и ранеными 3000 чел.

Судя по последним известиям с театра военных действий, в сражении у Цзинь-Чжоу обе стороны обнаружили беспримерный героизм. Об этом свидетельствуют даже известия из японских источников. Особенно чудеса храбрости выказывали русские и японцы во время штурма Наньшанского холма. Японцы шли на приступ с явным

пренебрежением к смерти; русские удерживали холм до последней возможности.

Тимофей пробежал глазами сообщение. Четыреста человек погибло, а раненых наверняка больше в несколько раз. Значит, надо ждать нового эшелона с фронта. Теперь я понимаю, какое это страшное зло — война: убиты и ранены самые смелые и отважные мужчины, по всей стране плачут вдовы, остаются сироты. Он живо повернулся к друзьям:

— Как бы я хотел, чтобы эта война была последней войной на свете!

20

Обоз ехал вдоль Фонтанки, то и дело останавливаясь. Пожилой усталый возница из первой повозки, кряхтя, вылезал на каждом перекрёстке и пристально вглядывался в перспективу отходящих от реки улиц.

— Мил человек, скажи, не здесь ли лечебница? — приставал он к прохожим. — Нам приказали сюда поворачивать.

Люди удивлённо пожимали плечами и проходили мимо, а мужик вновь залезал в свою телегу и, нетерпеливо трогая вожжи, цокал своей каурой лошадке:

— Пошла.

— Петрович, вон она, больница, — выкрикнул с последней телеги молодой парень и пока-

зал на парк около особняка Езерских, где под тёплым солнышком на скамейках нежились выздоравливающие. — Глянь, по всему видать, покалеченные солдатики.

Петрович остановил обоз, спешился и не без робости шагнул через ворота ажурной парковой ограды.

— Ребятушки, кто тут у вас голова? Я вам от нашей общины гостинцев привёз.

Раненые зашевелились, с любопытством поглядывая на вновь прибывших. Один матросик с перебинтованной головой подошёл вразвалочку к мужику, заглянул в повозку и изумлённо крикнул:

— Да здесь девка! Ко мне приехала, красавица?

— У меня таких, как ты, три короба да ещё два лукошка, — отшутилась девушка, выпрыгивая из повозки.

Была она такая стройная и гибкая, что все раненые немедленно принялись приглаживать взлохмаченные волосы и молодцевато приосаниваться.

— Зайди в госпиталь и спроси доктора Мокеева или княгиню Ольгу Александровну, — наконец пришёл в себя матросик, не сводящий с девушки глаз, — они здесь распоряжаются.

— Княгиню? — заскреб бороду мужик. — Нет. Мы уж лучше к господину лекарю.

— Опять мужики провиант привезли! — закричал отцу Тимка, выглянув из окна кабинета

старшего врача. — Ты подумай, папа, какие молодцы, ведь их никто не заставляет. Небось, крестьяне в июне и сами не жируют, огороды-то ещё пустые. А вот, поди ж ты, находят, чем раненых побаловать.

На днях один сельчанин привёз им полную телегу берёзовых веников и от всей души предложил:

— Картоха только взошла, морква не набралась, возьмите хоть свежих веничков, пусть солдатики от души напарятся, косточки разогреют.

Госпиталю помогали всяк, чем может: дамский комитет без устали шил для раненых постельное бельё, типография ежедневно привозила свежую газету «Санкт-Петербургские ведомости», а зубной техник Михаил Абрамович взялся бесплатно чинить нижним чинам больные зубы. Он приходил каждый четверг, и целый вечер из его маленького кабинетика раздавалось устрашающее жужжание ножной сверлильной машинки для зубов, заслышав которое, солдаты морщились и прибавляли шаг. Не боялся зубного врача лишь Семён, который, в отличие от других раненых, упорно не выздоравливал. На его истерзанной японскими пулями ноге постоянно открывались всё новые и новые гноящиеся раны. Те солдатики, которые вместе с ним прибыли с первым эшелоном, уже давным-давно по домам разъехались, а Семён болел, как заговорённый.

— Ему не позволяет выправиться угнетённое состояние духа, — объяснял доктор Мокеев.

— Всё потому, что его невеста Глафира собирается замуж за богатого трактирщика, — понимающе вздыхала Зиночка, глядя, как Семён целыми днями сидит на кровати, уставившись в одну точку. — А ведь уже целый месяц прошёл с того момента, как я написала в псковский дамский комитет с просьбой разыскать Глафиру Смирнову и рассказать ей о раненом герое войны Семёне.

...В дверь кабинета раздался осторожный стук. На пороге, ломая в руках шапку, стоял обозник Петрович. Из-за его спины несмело выглядывала симпатичная девушка в розовом платочке, с любопытством озирая кабинет через полуопущенные ресницы.

— Ваше благородие, мы крестьяне из Псковской губернии, — представился мужик Петру Сергеевичу, — из села Большое Захонье. Прослышали от заезжих купцов, что в Петербурге открыта лечебница для раненых, собрали всем миром деньги и на них муки для вас прикупили. Покорно прошу принять от нас. Не побрезгуйте. Он степенно поклонился и погладил бороду:

— А от своей семьи хочу подарить лазарету бочонок солёных огурцов с прошлого урожая. Огурцы отменные, крепкие, хрустящие. Хозяйка с вишнёвым листом солила. Пальчики оближешь!

Доктор Мокеев с признательностью поклонился в ответ и протянул Петровичу обе руки:

— Не знаю, как вас и благодарить, уважаемый. Поверьте, без народной помощи нам пришлось бы невероятно трудно.

— Нешто мы не понимаем. У самого младший брательник в Манчжурии с японцем воюет. Матрос на «Витязе». Никита Орлов. Не слышали про него, ваше благородие?

— К сожалению, не слышал, — покачал головой Пётр Сергеевич. — Да и слава Богу, что его нет среди раненых. Значит, жив и здоров.

— Одна просьба до вас имеется, — Петрович переступил с ноги на ногу и подтолкнул в спину девушку. — Вот она к нам по дороге прибилась, попросилась довести до города. Письмо у неё есть какое-то. Говорит, что на нём ваш адресок указан. Сам-то я неграмотный. Прочесть не могу. Вы уж разберитесь с ней. Не откажите в милости.

Мужик ушёл, оставив после себя крепкий дух прелой соломы, табака и сосновой стружки, напомнивший Тимофею о родном доме в Соколовке, а прежде бойкая девушка вдруг вцепилась рукой в дверной косяк и мучительно покраснела. Пётр Сергеевич показал госте на кресло возле своего стола, но она застенчиво помотала головой и прошептала:

— Благодарствуйте. Я туточки постою.

Она окончательно смешалась и спрятала за спину руку с зажатым конвертом.

— Я слушаю вас, барышня, не стесняйтесь, расскажите, что у вас случилось?

Девушка глубоко задышала, смахнув концом платка прокатившуюся по щеке слезинку:

— Глафира я. Из Пскова. К Сёмке приехала.

— Глафира! Невеста! — не удержался от радостного возгласа Тимка. — Семён тебя так ждёт, так ждёт...

Он засуетился, потянул упирающуюся Глашу за рукав и усадил на стул.

— Папа, это Глафира, невеста Семёна из Пскова. Помнишь, я тебе говорил, что Зиночка писала письмо в псковский дамский комитет! Значит, оно дошло!

Доктор Мокеев заулыбался:

— Приятно познакомиться. Умница, что приехала, теперь Семён быстро пойдёт на поправку, — похвалил он девушку. — Как тебе удалось выехать в Петербург, ведь Семён рассказывал, что ты собиралась замуж за трактирщика?

Глафира закрыла лицо руками и глухо проговорила:

— Сбежала.

— Сбежала?

— А что? — вскинулась гостя. — Кто бы меня добром отпустил? Маманя спала и видела, как я под венец с трактирщиком иду. Он ей за меня пообещал тульский самовар подарить и дом новым тёсом обшить. А трактирщик, знаете, какой противный? Толстый, лысый, ноги колесом. Трое детей имеются, почитай, мне ровесники. Вы бы за такого нипочём не пошли.

— Я бы точно не пошёл, зачем мне старый и кривоногий, — серьёзно согласился с ней доктор Мокеев.

Глафира прыснула от смеха и перестала стесняться, окинув Петра Сергеевича и Тимошку быстрыми хитренькими глазками.

— Вот я и сбежала, — она хихикнула в кулачок, и Тимка подумал, что она похожа на лисичку. — Собрала в котомку перекусить на дорогу. Поклонилась подружкам, чтоб лихом не поминали, да и айда сюда через лес. На дороге и обоз встретила. Хорошо, что накануне барыня приходила, меня разыскала, стыдила, что я жениха бросила, письмо от вас показала и растолковала, где мне Семёна разыскать. Я как с ней погутарила, так сразу и смекнула, что это моя мамаша расстаралась передать Семёну, будто ему от ворот поворот сделан. А я вовсе и не думала его покидать. Я за него с радостью пойду.

Пока она изливала душу Петру Сергеевичу, Тимка ужом выскочил за Семёном и строгим голосом приказал солдату явиться в кабинет главного врача. Семён отвернулся к стене и натщил на голову пикейное покрывало:

— Не пойду, не тревожь меня зазря.

Пришлось приврать:

— Иди, Семён, а то доктор прикажет тебе сразу два укола сделать.

Несмотря на равнодушие к окружающему, уколы Семён всё же недолюбливал, поэтому нехотя встал и, нарочито громко стуча костылями, потащился к Петру Сергеевичу, недовольно бурча по дороге что-то вроде «умереть

спокойно не дадут». У дверей кабинета Семён внезапно остановился, словно увидал приведение, замер на одной ноге и вслушался в звуки голосов, раздающиеся из кабинета. Тимофей увидел, как небритая щека раненого мелко задрожала.

Семён огляделся и вытер лоб рукавом:

— Пот прошиб.

Не успел он это договорить, как дверь кабинета распахнулась, оттуда вылетела лёгкая девичья фигурка, и Глафира, обхватив руками Семёна, прижалась лицом к его груди:

— Сеня! Сенечка! Любый мой!

— Глафира!

Мужчина отбросил костыли и обнял вновь обрётённую невесту:

— Глаша, нашлась! Я тебя так долго ждал.

Тимошка увидел, как стоящие поодаль сёстры милосердия захлюпали носами, что-то тихо говоря друг другу на ухо, а подошедшая к нему Нина Павловна одними глазами спросила, что случилось. Он кивнул на влюблённых, улыбаясь во весь рот. Она улыбнулась ему в ответ и пожала руку Петру Сергеевичу:

— Не часто удаётся соприкоснуться с настоящим счастьем.

Перед кабинетом установилась такая благовейная тишина, что Семён с Глафирой вдруг опомнились и оторвались друг от друга.

— Вот... — наконец вымолвил Семён, прижимая к себе Глафиру. — Это Глаша. Невеста моя...

— Сразу после Петрова поста и под венец. Есть здесь у вас батюшка? — решительно спросила девушка, обращаясь к окружающим.

— Есть, есть, вот он, отец Михаил, — ответно закивали стоящие вокруг люди и пропустили вперёд невысокого батюшку в светлой рясе.

Жених и невеста рука об руку поклонились:

— Обвенчайте нас, батюшка, усердно просим.

— Поздравляем! Поздравляем! — зааплодировали люди в больничном коридоре.

Семён расправил плечи, обведя всех сияющим взглядом, и, подняв вверх руки, будто хотел обнять всех свидетелей его необыкновенного счастья, радостно закричал:

— Спасибо вам, люди добрые!

21

С самого раннего утра по квартире Арефьевых растекались ароматные запахи, мешающие горничной Маше делать праздничную уборку, которую Нина Павловна велела произвести с особым прилежанием. Она то и дело заглядывала в кухню, чтобы не упустить момента, когда кухарка позволит облизать миску из-под сладкого теста или попросит попробовать, достаточно ли соли в мучном соусе. От предвкушения пробы всяких вкусовостей Маша даже принялась напевать популярную песенку господина Штрауса, которую часто наигрывала барышня:

Зелень развозит торговка:
Капуста, картошка, морковка.
Идите сюда, старичок,
купите редиски пучок!
Суп без петрушки, как вода.
Хозяйки, хозяйки, сюда!¹

В отличие от неё, кухарка пребывала в дурном расположении духа.

— И угораздило же Зинаиду родиться в Петров пост, могла бы ещё недельку подождать, — ворчала она, гремя кастрюлями и раскладывая по розеткам заливное из судака, — ни тебе торт испечь, ни холодца наварить.

— Я бы холодца съела, — вставила словечко Маша, — вот выйду замуж за мясникова сына, буду каждый день холодец варить и бууженину есть.

— Тебе бы только лопать, — кухарка с яростью застучала пестиком в ступке, давая Маше понять, что разговор окончен и ей недосуг отвлекаться на всяких прожорливых вертихвосток.

Но, как бы то ни было, к вечеру квартира сияла чистотой, а праздничный стол радовал глаз красотой и разнообразием.

— Из гостей будете только вы с Петром Сергеевичем, — сказала Тимофею Нина Павловна, — сейчас не до торжеств, да и Танечка рада исключительно самым близким людям. Хотя

¹ Строки из арии Адель, героини оперетты австрийского композитора И. Штрауса (1825–1899) «Летучая мышь». — *Прим. ред.*

к новому учителю вполне привыкла и делает хорошие успехи.

Она показала на сияющую от удовольствия Танюшу, которая по запаху уже поняла, что к ним в дом пожаловал её самый сердечный друг Тимошка Петров-Мокеев.

— Танечка! — Тимка взял руку девушки и по обыкновению поднёс свои губы к её сложенному в трубку кулачку. — Я скучал.

Она поняла и интенсивно закивала головой, одновременно пытаясь дотронуться до Тимошиного лица. Он почувствовал на своём лбу её бережные прикосновения и закрыл глаза — пусть Таня убедится, что он нисколько не изменился за последнее время, недаром же все говорят, что «у слепых глаза на кончиках пальцев».

Пока Пётр Сергеевич обменивался приветствиями с хозяевами, Тимошка поискал глазами именинницу. Она ждала их в гостиной, наряженная в розовое воздушное платье, вышитое канвой по подолу, и чёрные лакированные туфельки с позолоченными пряжками.

— Как принцесса из сказки, — залюбовался девочкой Пётр Сергеевич и обернулся к родителям. — Хорошеет девица-красавица с каждым днём.

— Тринадцать лет. Уже взрослая барышня, — немедленно отозвался польщённый комплиментом Юрий Львович. — Хотя, правду сказать, наше поколение в их годы было куда серьёзнее.

Пётр Сергеевич с поклоном вручил виновнице торжества упакованную в красивую бумагу модную среди девушек книгу писательницы Лидии Чарской «Княжна Джаваха». Накануне праздника Нина Павловна шепнула Петру Сергеевичу, что это будет наилучшим подарком.

Зиночка просияла и прижала книгу к груди:

— У нас в гимназии все девочки, кроме меня, Чарскую читали. На переменках только и разговоров о приключениях прекрасной княжны, а мне и сказать нечего...

Пётр Сергеевич улыбнулся и уступил место Тимофею, который тут же взял Зину за руку и отвёл в сторонку, под кадку с раскидистым фикусом, вымахавшим за последний год под самый потолок. Странно, всю дорогу Тимка весело представлял, как подарит Зине свой необычный подарок, а тут вдруг оробел, словно перед ним стояла не самая обыкновенная Зина Арефьева, а незнакомая красивая девочка.

— Зина, — он отпустил Зинину руку и посмотрел ей прямо в глаза.

— Я слушаю тебя, — подбодрила его Зина, но, увидев серьёзное лицо Тимофея, неожиданно тоже засмушалась и замолчала.

Тимоша опустил голову, нащупал в кармане завёрнутую в золотую конфетную бумажку пуговицу и протянул Зиночке:

— Вот. Это тебе. От меня, — он покраснел и хриплым шёпотом добавил: — Поздравляю с днём Ангела.

Девочка осторожно развернула бумажку, двумя пальчиками поднесла к глазам пуговку и тихонько вскрикнула:

— Какая прелесть! Спасибо! Я буду всегда носить её с собой!

Она неловко чмокнула Тимку в щёку, отчего тот окончательно смешался и поспешил к Танюше, нетерпеливо ожидающей его за столом. Тимофей подивился, какой изысканно красивой стала Таня за последний год: ровные, как жемчуг зубы, аккуратный носик, лукаво изогнутые губы, широко распахнутые голубые глаза. Он пожалел, что не умеет рисовать, иначе запечатлел бы её лицо на полотне. Таня взяла его руку и начертила на ней букву «Т», он улыбнулся и ответно написал слово «Зина». Таня обрадовалась:

— Я, — она показала пальцем на себя, — нарисовала, — она изобразила, как рисует, — Зине, — кивок в сторону Зины, — подарок.

Таня достала из кармана бумажку и развернула. Синим карандашом на ней был неловко начиркан пышный цветок, больше похожий на спутанный клубок ниток с торчащим сбоку листиком. Она помычала, привлекая к себе внимание сестры, и протянула ей рисунок.

— Мама, папа, дядя Петя, посмотрите! — закричала Зинопчка и поцеловала сначала бумажку, а затем Танюшу. — Танечка это сама нарисовала!

Она гордо показала всем собравшимся цветок с таким видом, словно это было бесценное полотно кисти великого Брюллова.

— Танюшиным развитием мы во многом обязаны Тимофею, — сказал Юрий Львович, чтобы скрыть волнение. — Прошлым летом мы и мечтать не могли, что он вот так молниеносно сможет установить контакт со слепоглухонемой девочкой и даже найдёт способ, как с ней общаться. Непостижимо!

— Тима, а как поживает твоя тётушка Маня с Кирьяном? — поинтересовалась Нина Павловна, накладывая Тимофею на тарелку первую молодую картошку, обильно посыпанную душистым укропом.

— Благодарствуйте, Нина Павловна, — по-деревенски ответил он, и все засмеялись, вспомнив застенчивого сельского мальчика, с испугом озирающегося в незнакомом городе.

Горничная Маша сервировала стол к чаю. Тимошка смотрел, как мелькают её ловкие руки, расставляя на льняных салфетках тонкие чашки китайского фарфора, раскладывая серебряные ложки и изящные щипчики для колки сахара, и невольно вспоминал свои последние именины в родной Соколовке. Тогда ему сравнялось десять лет...

— Помощник растёт, — одобрил дед Илья, вручая подарок, — настоящую косу-литовку, самолично насаженную на ладное короткое кошище. — Придёт лето, пойдёшь на покос, как настоящий мужик.

Тимошка чуть не подпрыгнул от радости. Ни у кого из соседских ребят не было настоящей

косы. Никола косил мамкиной лёгкой косёнкой, а высокому Ваське Степанову отец доверял свою косу, тяжёлую, как топор дровосека.

— Летом вся трава наша будет, — горячо пообещал он деду, представляя, как ложится ему под ноги ловко скошенная луговая трава.

С утра они всей семьёй сходили в церковь, а на ужин мать испекла настоящий рыбник из щуки, накануне выловленной отцом на дальней речке. Здесь, в Петербурге, таких рыбников не пекут... Тимка поковырял вилкой заливное из судака — нет, заливное хоть и вкусное блюдо, но настоящему рыбнику и в подмётки не годится. Для рыбника мать загодя разводила тесто на кислом молоке, долго разминая кулаком его сероватую тягучую массу. Раскатав старой свекровкиной скалкой пласт, клала в середину целую, очищенную от чешуи рыбину, обильно посыпая луком её серебристую кожу, под которой угадывалось ароматное белое мясо, и заворачивала края пирога. Через несколько минут, когда изба наполнялась духмяным запахом незатейливого лакомства, мужики начинали неторопливо стягиваться к столу, перешучиваясь между собой. Дед приносил из сеней припрятанную баклагу с настойкой зверобоя, а отец тщательно мыл натруженные за день заскорузлые руки с чуть кривоватыми крепкими пальцами, одинаково хорошо умеющими и приласкать, и закатить воспитательный щелбан.

— Вот и угощеньице, — мать ставила на стол свежевыпеченный рыбник, и дед, крякнув

от удовольствия, принимался за священнодействие.

Разбирать рыбник — работа почётная, не каждому достаётся. Он разворачивал тесто, обнажая запёкшуюся рыбную плоть, и раздавал едокам корочки, пропитанные чуть солоноватым соком. Вкуснота!..

— Тимоша, ты не любишь заливное? — вернул его к действительности голос хозяйки.

— Спасибо, Нина Павловна, очень вкусно, — поблагодарил Тимофей, с сожалением прощаясь с милым воспоминанием.

— Тима, откуда у тебя такая необычная пуговка? — подошла к нему Зиночка, держа в руке его подарок. — Я такой прежде никогда не видела.

— Папа, можно я расскажу про наш секрет? — не отвечая на вопрос подруги, обратился к отцу Тимофей.

— Полагаю, можно, здесь все свои, — немедленно отозвался Пётр Сергеевич. — И, кроме того, ты владелец сокровища, тебе и решать, кому рассказывать, а кому нет.

Тимофей заметил устремлённые на него глаза Арефьевых, подошёл к окну, словно хотел увидеть, как через двор пробирается любезная его сердцу Досифея Никандровна, и стал рассказывать об их дружбе с самого начала. Когда он закончил свой рассказ, чай давно остыл, а пирог ела одна Танечка, не слышавшая ни слова из его захватывающего повествования.

— Вот как бывает, — заморожённо произнесла Нина Павловна и протянула руку к дочери. — Зина, душа моя, покажи пуговку.

Гордая подарком с такой необычайно волнующей историей, Зина раскрыла ладонь и поднесла пуговицу к настольной лампе.

— Смотрите!

Под ярким лучом электрической лампы золотой камень мягко засветился, как будто в его сердцевине горели маленькие угольки.

— Великолепный подарок, — воскликнул Юрий Львович, — память на всю жизнь!

— А ведь эту пуговку носила какая-нибудь знатная русская барышня, — задумчиво сказала Нина Павловна. — Интересно, какова её судьба?

— Знаете, друзья мои, — предложил хозяин дома, — если Тимофей не возражает, то я мог бы кое с кем проконсультироваться насчёт этого наследства.

— Не возражаю, — быстро ответил Тимофей, — я всё равно выставлю его на продажу для нужд лазарета. И буду искать наследника медной пуговицы, — добавил он чуть тише.

— Господин доктор, вас к телефону, — высунулась из дверей горничная.

«Неужели Маша слышала о наследстве? — мелькнула мысль у Тимофея. Он хорошо помнил, как Маша однажды ночью копалась в вещах Нины Павловны. — Да нет, — успокоил он себя, — скорее всего, они с кухаркой пили чай с именинным пирогом».

Пётр Сергеевич извинился, и через несколько минут вернулся.

— Тимофей, нам пора.

На улице безмятежное прежде лицо отца стало расстроенным:

— Не захотел портить Зиночке именины, но у нас неприятность, — объяснил он сыну быстрый уход. — В лазарете вновь объявились революционные прокламации. Не понимаю, решительно не понимаю цели этих предателей Отечества.

22

На этот раз листовки были не брошены в окна лазарета, а старательно расклеены по всему цоколю высокой металлической ограды парка необычайно стойким клеем. Тимошка лично помогал слугам отскабливать их от гранитной основы, ободрав в кровь два пальца и отломив ноготь.

— Знать бы, кто это делает и зачем, — в сердцах топнул ногой старший лакей, — зубами заставил бы эту гадость сорвать.

— Социал-демократы — странные люди, — с сарказмом говорил Пётр Сергеевич, неспешно прогуливаясь с её сиятельством под старыми клёнами во внутреннем дворике особняка. — Вместо того, чтобы выполнять полезную работу и получать за это положенную плату, революционеры тратят время на бессмысленное распространение листовок, в которых излагают,

как они бедно живут. Если не работать, а бегать с листовками, то, безусловно, из нищеты никогда не вылезешь. И ведь как подло действуют, выбирая момент, когда страна в наибольшей опасности.

— Дорогой друг, — возразила ему княгиня Езерская, — возня с листовками — это не бессмысленная беготня. Революционеры очень хорошо понимают конечную цель. А цель эта, ни больше, ни меньше, завладеть государственными ресурсами. Зачем им честно работать, если можно возмутить спокойствие, устроить бунт и под шумок набить свой карман, не прилагая усилий? Впрочем, градоначальник обещал мне, что усилит охрану вокруг лазарета.

Ольга Александровна бережно подняла с земли сорванный тюльпан и зажала его в руке:

— Невыносимо думать, сколько ещё людей погибнет на войне вот так же, как этот вырванный с корнем прекрасный цветок...

Она замолчала, устремив взгляд поверх крон деревьев, словно надеясь разглядеть в небесах дорогие тени павших на поле боя. По похудевшему лицу княгини пробежали косые тени, отбрасываемые вековыми стволами, и оно казалось совсем юным и беззащитным.

— Как бы я хотел вас утешить, Ольга Александровна, — осмелился сказать доктор Мокеев и осёкся, поражённый собственной дерзостью.

Она живо повернулась к нему и грустно улыбнулась:

— Говорят, время лечит... Кроме того, у меня есть сын.

— Слава Богу, что у меня он тоже появился, — подхватил Пётр Сергеевич.

Оба посмотрели на своих мальчиков, раскачивающихся на подвесной скамейке. В лучах закатного света, пробивавшегося между деревьями, ребята — голова к голове — читали газету и что-то очень бурно обсуждали.

— Господи, пусть эти дети проживут долгую и счастливую жизнь! — вырвалось у Ольги Александровны.

Всеволод поднял голову, широко улыбнулся и помахал маме рукой.

Она ответно подняла ладонь.

— Папа, Ольга Александровна, посмотрите, что написано в газете, — бросился к взрослым Тимофей. Он взволнованно подал им газетный листок.

— «Задержание юных добровольцев», — прочитала заголовок её сиятельство.

Вчера в Москве задержаны бежавшие из Пинска на Дальний Восток два мальчика: сын вагонного мастера Евгений Ананьев Котляревский, 13 лет, и его спутник, сын почтово-телеграфного чиновника, Сергей Иосифов Пигулевский, 14 лет. Юные добровольцы отправлены к родителям.

— Молодцы, настоящие патриоты, правда? — восхищённо сказал князь Езерский.

Мальчишеские глаза пытливо уставились на родителей, ожидая одобрения. Но его не последовало. Напротив, княгиня чуть удивлённо приподняла брови и назидательно проговорила:

— Весьма необдуманый поступок. Эти молодые люди заставили волноваться родителей, оторвали от дел множество людей, принудив их заниматься своими персонами. Если бы они взяли себе за труд подумать, то могли бы многое сделать для помощи армии и у себя в Пинске.

— Безусловно, — подхватил Пётр Сергеевич, — они могли бы взять пример с таких юношей, как вы, — он чуть заметно улыбнулся ребятам. — Наверняка и у них на родине открыты лазареты для раненых, а благотворительные общества собирают посильную помощь. Каждый человек должен быть полезен на своём месте.

От таких приятных слов Тимоша с Севой приосанились и гордо выпрямили спины.

— Мы будем ещё больше стараться, — пообещал отцу Тимка.

Все вместе они направились в особняк, где пациенты уже укладывались спать — отбой в лазарете давали в девять часов вечера. В парке наступала тишина. Та особенная городская тишина, которая включает в себя массу звуков, сливающихся в единый монотонный гул.

— Тимофей, у меня для тебя хорошая новость, — сказала княгиня Езерская, входя в вестибюль, — пройдёмте в мой кабинет, и я пораду вас интересным сообщением.

Когда все расселись по креслам, Ольга Александровна отомкнула письменный стол и достала оттуда длинную бумагу со столбцами цифр.

— Это опись твоего наследства, — сказала она мальчику, — по моей просьбе её оценили два различных ювелира, и оба указали примерно одинаковую стоимость коллекции. Она составляет одиннадцать тысяч рублей.

— Одиннадцать тысяч! — Тимофей даже привстал со стула и с испугом посмотрел на Петра Сергеевича. — Это целое богатство.

— Невероятно! Это моё жалование за десять лет, — удивился доктор Мокеев.

— Если продать эти пуговицы с аукциона, то, скорее всего, сумма выручки возрастет.

Княгиня Езерская с довольной улыбкой передала Тимофею опись ценностей.

— Теперь ты очень богатый мальчик.

— Нет-нет, — от слова «богатый» Тимошку даже передёрнуло. — Я не желаю быть богатым, я хочу быть доктором, как папа. И потом, — он очень серьёзно посмотрел в лицо отцу и перевёл взгляд на княгиню со Всеволодом, — Досифея Никандровна велела употребить этот подарок на доброе дело. А разве это будет доброе дело, если один-единственный мальчик станет богатым, к тому же незаслуженно? Доброе дело должно всем помогать. Правда, папа?

Пётр Сергеевич молча кивнул и полузакрыв глаза, влажно заблестевшие слезами счастья и гордости за своего разумного и благородного

мальчика с особенной, необыкновенно чуткой душой.

— Ваше сиятельство, Ольга Александровна, — обратился к ней Тимофей, и его голос зазвенел, как натянутая струна. — Я советовался с папой, и мы решили пожертвовать выручку от продажи пуговиц на нужды лазарета.

Он обернулся, призывая отца в свидетели. Тот поднялся, обошёл стол, взял руку княгини и поднёс к губам:

— Умоляю. Не отказывайтесь. Позвольте Тимофею поступить так же, как и вы со Всеволодом, и пожертвовать своё состояние во благо других людей.

— Даже не знаю, что ответить, — голос Ольги Александровны задрожал. — Вы могли бы употребить этот капитал на покупку имения или положить в банк под проценты, обеспечив себе безбедное будущее.

Тимофей представил, что сказали бы его родители, если бы узнали, что их сынок Тимошка Петров заделался богачом. Мать, наверное, всплакнула бы от радости, сбегала похвастаться соседкам и попросила бы его прикупить в семью вёдерный самовар Ломовского завода с выдвленными на днище медалями и чайный сервиз в цветочек, как у лавочницы. Отец, скорее всего, крепко потеряв руки, хлопнул бы сына по плечу и предложил съездить на ярмарку за парой молодых тягловых лошадок. А дед Илья? Дед Илья, наверняка, выпил бы пару стаканов

чаю, как он любил говаривать «для прочистки мысли», посидел на завалинке, глядя на виднеющийся вдали сосновый лес, а потом подозревал бы внука к себе и, обняв, проникновенно сказал: «Бог с ним, этим богатством, Тимка, лёгкие деньги счастья не приносят».

— Лёгкие деньги счастья не приносят! — звонко повторил вслух Тимофей слова деда Ильи.

По тому, как уверенно и весомо это было сказано, находящиеся в кабинете поняли: решение обдуманно, взвешено и принято бесповоротно.

Ольга Александровна перекрестилась:

— Лазарет спасён!

«Банкирша-баронесса сказала мне, что нас может спасти только чудо, — вспомнил Всеволод, — и чудо произошло». Он с благодарностью подошёл к Тимоше и по-мужски обнял его:

— Ты поступил благородно.

Тимошка окончательно смутился и отвернул в сторону своё пылающее лицо:

— Любой бы так сделал.

— Не любой, — протянула Ольга Александровна, — поверь мне, милый, не любой...

Тимошка вдруг вспомнил, что у него в кармане лежит безымянная медная пуговка. За этим важным разговором он совершенно забыл справиться о ней у княгини.

Мальчик с надеждой обратился к её сиятельству:

— Ольга Александровна, а ювелир ничего не сказал про медную пуговицу? Кому она принадлежала?

— К сожалению, никаких сведений. Ювелиры пребывают в недоумении и посоветовали обратиться к портным. Возможно, они в состоянии дать разгадку.

Разговор прервал деликатный стук в дверь кабинета.

— Войдите.

Дверь приоткрылась, и на пороге выросла фигура старшего лакея Никодима.

Он с неодобрением взглянул на Мокеевых и подобострастно наклонил голову перед княгиней Езерской:

— Ваше сиятельство, дозвольте доложить: неожиданно прибыли новые раненые.

23

— Пить, пить, — запёкшимися губами просил молодой солдатик, умоляюще глядя на Тимофея, — напои, браток. Давно в дороге, полный поезд раненых, сестрички с ног сбились. Не до нас.

Он замолчал, облизывая губы пересохшим языком. Тимка стремглав кинулся за кувшином с кипячёной водой и торопливо подал раненому полную кружку прохладной влаги.

— Пей.

Парень опустошил её одним махом:

— Ещё.

— Тима, дай ему подсоленную воду, — не поднимая головы приказал доктор Мокеев, осматривавший одного раненого за другим, — у больного обезвоживание, организм нуждается в соли.

Раненых было много. Такое большое количество пациентов одновременно прибыло в первый раз, и весь дежурный персонал дружно, как один человек, принялся за приём и устройство вновь прибывших. Мелькали умелые руки сестёр милосердия, бегали с поручениями взад и вперёд Тимошка и князь Езерский, слуги расторопно застилали койки свежим бельём и разносили ужин, который готовили поднятые с постели повара. Весь лазарет трудился до рассвета.

Утренняя смена сестёр застала в больнице полный порядок и крепко спящих после дальней дороги вымытых и ухоженных раненых. Вымотанный после бессонной ночи дежурный персонал только расходился по домам, когда колокол на церкви святого Пантелеимона на углу улицы начал созывать прихожан к ранней литургии, оповещая своим звоном о начале нового дня имперской столицы.

Тимошка пришёл в кабинет отца и под монотонное шуршание пера по бумаге — доктор Мокеев заполнял больничные листы — прикорнул на диванчике за ширмой. Он так устал, что вместо сна перед глазами мелькали обрывки впечатлений сегодняшней ночи: стонущие

раненые, перевязочный материал, душ, в котором он помогал больным смывать двухнедельную дорожную грязь, успокаивая взволнованных людей. Хорошо, что княгиня Езерская отправила работать санитарями нескольких самых сильных своих слуг. Без них было бы трудно — лазарет рассчитан на пятьдесят раненых, а их набралось уже около шестидесяти.

Ольга Александровна рассказывала, что в доме великих князей Константиновичей тоже устроен лазарет, а во всех столичных больницах открыты дополнительные отделения. Говорят, в Царском селе закладывается дом для больных и раненых воинов.

— Вся Россия поднялась на помощь нашей армии, — думал Тимка, взбивая кулаком тощую подушку. — Весьма кстати подвернулся капитал Досифеи Никандровны. Знала бабуля, что скоро каждая копейка на счету будет. Только кому же я должен вернуть медную пуговку?

Эта мысль так будоражила Тимофея, что он по несколько раз в день доставал из кармана завёрнутую в папиросную бумагу пуговицу и подолгу рассматривал, вглядываясь в каждую щербинку и царапинку.

Пойду к библиотекарю, решил он наконец, наверняка у Аполлона Сидоровича есть какой-нибудь пуговичный словарь, наподобие папиного «Справочника по фармакологии и гомеопатии». Тимоша нехотя сполз с дивана и, широко зевая, вышел из-за ширмы.

— Поспал? — поднял голову от бумаг Пётр Сергеевич.

— Повалялся немного. А вот тебе, папа, следует отдохнуть. Ты даже осунулся за ночь.

— Хорошо бы, да некогда. Будешь доктором, сам поймёшь, как иногда бывает.

— Я понимаю.

Дверь с шумом распахнулась, и к письменному столу подскочила рыжая худосочная девчонка в таком засушенном платье, что его невозможно было отличить от рогожи с крестьянской телеги.

— Ты, что ли, здесь главный?

Она нахально ткнула указательным пальцем в доктора Мокеева, обернулась и погрозила кулаком бежавшему за ней старшему лакею Никодиму:

— Ещё прогоняет... Ух, я тебе, дядька, задам пороху!

— Куда без спроса? — Никодим изловчился и схватил девчонку за руку.

Она, как бешеная лисица, вцепилась зубами в его палец.

— Ой! ненормальная!

В тот же миг Тимофей узнал её.

— Лушка!

— Никодим, отпустите девочку, — попросил Пётр Сергеевич, — вероятно, барышня пришла по делу.

При слове «барышня» Лушка приосанилась и с силой вырвала локоть из Никодимовой хватки.

— А, это ты! — увидела она Тимофея и, руки в боки, решительно развернулась к Петру Сергеевичу, указывая на Тимку. — Он меня сюда пригласил.

— Верно, я, — признался паренёк и умоляюще посмотрел на отца. — Это Лушка из Вяземской лавры. Она помогла мне отыскать тётю Симу.

Пётр Сергеевич в раздумье побарабанил пальцами по столу, как поступал всегда, когда был крайне озадачен:

— Что же мне с тобой, Лукерья, делать?

— Как что делать? — бойко отозвалась деваха. — К работе пристроить. Я, знаешь, какая сильная. Мне ничего не стоит здорового мужика поднять.

В подтверждение своих слов она схватила тяжёлую кадку с раскидистым цветком и подняла её, покраснев от натуги и чуть не уронив себе на ноги.

— Поставь, пожалуйста, я тебе верю, — испугался доктор Мокеев.

Он с головы до ног внимательно осмотрел девочку, окунул перо в чернильницу и написал на бумаге несколько слов.

— Поступим так, — он протянул Лушке записку, — найди старшую сестру милосердия и передай ей письмо. Тебя накормят, помогут и переоденут. Потом вернёшься в мой кабинет, и будем решать твою судьбу. Согласна?

Лушка вытерла рукавом нос, цыкнула слюной через дырку в зубах и покорно взяла записку:

— А мужик у дверей меня не выгонит?

— Не выгонит. В случае недоразумения покажешь мою бумагу.

Лушка напоследок зыркнула глазами на Тимофея и, гордо подняв голову, удалилась, вызываяще шлёпая оторванной подошвой по натёртому до блеска паркету.

— Папа, пожалуйста, помоги Лушке, — обнял отца Тимоша. — Если бы ты видел, как она живёт, ты бы её сразу к себе взял. Мать её ругает, пьяный отец сапогами в живот бьёт. Ей хуже живётся, чем мне у тётки Мани.

Пётр Сергеевич одной рукой привлёк Тимку к себе и вздохнул:

— Эх, Тимошка, Тимошка, Лушке твоей мы поможем. Но сколько таких лушек на Руси, не перечести. Кабы мы их всех могли выучить, выкормить и сделать полезными людьми...

Прав отец. Тимофей вспомнил грязные трущобы Вяземской лавры, пьяных мужчин, неопрятных женщин и копающихся в мусорных кучах детей. Интересно, почему взрослые обитатели лавры не хотят работать? Кажется, чего проще, трудись, расти урожай, тачай сапоги или пеки булки и живи как человек. К ним в деревню иной раз забредали нищие или бедолаги-погорельцы, так и те сперва работу спрашивали, а потом хлеба просили. Однажды летом, уже полночь, к ним в избу постучался совсем старенький дедушка. Мать сперва напугалась: кого ночью несёт нелёгкая, а потом увидела старичка,

сжалилась и пустила. Одну ночь переночевал странник да малую тарелку каши съел. А когда ушёл, Тимошка обнаружил у себя на печке выструганную деревянную свистульку. Ох, и звонкая была свистулька. Как свистнешь в неё, бывало, коровы аж за околицей откликались. Целое лето ребяташки в игрушку тешились, а потом она куда-то подевалась.

— Папа, ты купишь мне свистульку?

Пётр Сергеевич удивлённо посмотрел на сына, но, как ни устал душой за суетную ночь, сразу понял, что не по свистулке Тимошка тоскует, а по своей Соколовке. Выдрали мальчишку из родной среды, словно полевой цветочек в горшок с геранями пересадили...

— Конечно, куплю. Будут выходные, сходим на рынок и купим, какую только пожелаешь.

— Дядя Петя, к вам можно? — раздался за дверью голос Зиночки.

Заходить в кабинет она не стала, а через порог поманила рукой Тимошку:

— Тимофей, выйди, пожалуйста, на минутку. Смотри, что я сшила, — сказала Зина, когда они уселись вдвоём на мраморную лавочку во внутреннем дворике. Девочка достала из карманчика бархатный мешочек на шёлковом шнурке и достала оттуда подаренную ей Тимошей солнечную пуговицу. — Я её всегда буду с собой носить.

Он благодарно улыбнулся, но тут же нахмурил брови:

— Узнать бы про хозяина медной пуговики...

— Знаешь что? — осенило Зину. — Давай пойдём в галантерейный магазин на Невском проспекте. У них целый прилавок всякими пуговицами заполнен. Мы с мамой покупали там ленты мне на шляпу. Помнишь, у меня есть розовая шляпка с кружевами? — Зина пальцами изобразила полукруг с рюшками. — Горничная Маша ещё про неё сказала, что у генеральшиной внучки Оли точно такая же. Но Маша обманывает, у Оли никак не может быть подобной шляпки, потому что...

— Зина, ты хотела что-то предложить, — остановил её Тимка.

— Ах, да, — вернулась к теме разговора Зинаида, — мы пойдём в галантерейный магазин и спросим у галантерейщика про пуговицу.

— Точно! — обрадовался дельной мысли Тимоша. — Как только освободимся от работы, сразу выберемся в город, авось, нам повезёт.

После завтрака Тимофей решил заглянуть в библиотеку посоветоваться с Аполлоном Сидоровичем. Давно он к нему не заглядывал, да, по правде сказать, Тимке и стыдно было: обещал библиотекарю дочитать к понедельнику сказки месье Шарля Перро на французском языке, но на «Красной шапочке» не удержался и заснул прямо в кресле. Тётя Сима потом

весь вечер журила Петра Сергеевича, что дитё совсем работой замучили и оно свету белого не видит.

Библиотекаря он застал сидящим на самой верхней ступеньке приставной лестницы.

— Доброго здоровья, Аполлон Сидорович!

Библиотекарь оторвал глаза от корешков книг и нехотя глянул вниз.

— Попрошу вас выйти, Тимофей. Вы не готовы к встрече с книгами.

«Шнурок на ботинке развязался, — с раскаянием догадался Тимка, — с утра в нём путаюсь, а завязать недосуг. Ну и глазастый же дядька Аполлон Сидорович! Ему бы ружьёцо да в лес белку промышлять. Она зверёк мелконький, юркий, чтоб её добыть, надо иметь соколиное зрение».

Путаясь пальцами, он торопливо завязал на шнурке бантик, не желающий завязываться с первого раза, и снова постучал в дверь. Библиотекарь ждал его внизу.

— Ну вот, совсем другое дело. Аккуратность — одна из добродетелей, — хранитель назидательно поднял вверх палец в белоснежной перчатке и помахал им перед своим грушевидным носом. — Меня с малолетства к порядку приучили, а учителя у меня были первоклассные, не нынешним чета! Да.. — Аполлон Сидорович задумался, и его лицо приняло мечтательное выражение, — не встретить мне в детстве одна женщина, дочь хозяина, не знаю, довелось

бы мне в жизни книгу в руках подержать. Впрочем... — он осекся и переменял тему разговора: — За книгой пришёл?

— За советом.

— Милости прошу, — Аполлон Сидорович уселся в кресло, положив ногу на ногу, и предложил Тимошке потёртую банкетку. — На этой банкетке сиживал сам Иван Андреевич Крылов. Наш великий баснописец. Гордитесь, молодой человек, я не каждому предлагаю это место.

Тимоша подумал, что навряд ли Иван Андреевич очень любил сидеть на неудобной колченогой банкетке, но вслух вежливо поблагодарил за оказанную честь.

— Чем могу быть полезен? — библиотекарь сегодня был сама любезность.

— Аполлон Сидорович, у вас есть книга про пуговицы?

— Боже! — схватился за лысую голову хранитель. — Про пуговицы? А про кружева или шляпки вы не желаете почитать? Хотя... — он остановился, — я не удивляюсь. От нынешних молодых людей всего можно ожидать, даже того, что они изучают журналы мод.

Аполлон Сидорович горестно вздохнул, поправил кружевное жабо, выбившееся из-под воротника, и переложил стопку книг на столе слева направо:

— Пора бы вам, Тимофей, понять, что книги написаны про всё на свете. И даже про такую прозаическую и глупую вещь, как пуговица.

Но у князей Езерских подобной литературы не имеется. Запомните это раз и навсегда.

Тимошка понурился.

— Юноша, не расстраивайтесь, — подбодрил его собеседник. — Я могу порекомендовать вам книгу господина Гёте «Страдания молодого Вертера», в ней подробнейшим образом описаны некоторые дамские наряды.

— Господин библиотекарь, меня не интересуют дамские наряды, — Тимофей бережно достал медную пуговку и протянул её Аполлону Сидоровичу, — мне поручено найти наследников вот этой вещи. Я думал, что у вас есть пуговичный справочник.

Мальчик сокрушённо пожал плечами и окинул взглядом плотные ряды сотен книг, в которых можно было найти ответы на все случаи жизни, а о такой ерунде, как медная пуговица, узнать невозможно.

— Ну-ка, ну-ка, — оживился Аполлон Сидорович, — он взял пуговицу длинным пинцетом и осмотрел со всех сторон, — любопытно. Весьма любопытно.

Мурлыкая, как сытый кот, библиотекарь водрузил своё тяжёлое тело за письменный стол, покрытый зелёным сукном, и несколькими быстрыми движениями перерисовал пуговицу на бумагу.

— Вуаля! — отставив лист на вытянутую руку, он полюбовался на рисунок и вернул Тимофею его сокровище. — Будьте уверены,

юноша, я приложу все усилия, чтобы разгадать сию волнующую тайну.

— Спасибо! — Тимошка так радостно вскочил с исторической банкетки, что Аполлон Сидорович недовольно поморщился:

— Деликатнее, молодой человек, деликатнее, не забывайте, вы — в хранилище мудрости!

— Да, да, я помню, — откланялся Тимофей.

Ответа не последовало. Аполлон Сидорович снова сидел под потолком, только на этот раз одной рукой он держал рисунок медной пуговики. Тимка взялся было за начищенную до блеска ручку двери, как взгляд его споткнулся о массивную золочёную чернильницу на столе, чуть позеленевшую от времени. Именно этой чернильницей библиотекарь и открывал потайную дверь в садовую ротонду. Тимофею внезапно до смерти захотелось пройти по подземному ходу и очутиться в середине старого парка совсем одному. Так, чтоб вокруг не было ни души, а только он, деревья и ветер с Балтийского моря.

— Везёт Аполлону Сидоровичу, — позавидовал библиотекарю Тимка, — он может целыми днями бегать в ротонду и обратно. А что, если я только потрогаю чернильницу? Только потрогаю. Одним пальцем...

Он боком переместился к письменному столу и легонько приложил палец к холодному бронзовому боку рычага, замаскированному под чернильницу. Она плавно повернулась, как

на шарнире, и Тимофей увидел, что книжный шкаф стал плавно перемещаться.

— Эх, была не была! — он с раскаянием ступил в открытый проход и через пару минут уже вдыхал свежий воздух, напоённый чуть горьковатым ароматом раскидистого тополя вблизи ротонды.

Сквозь молодую июньскую зелень просвечивала вдали желтоватая штукатурка особняка, на нагретой солнцем скамейке беззаботно ворковали откормленные голуби, а мраморные солнечные часы на столбике у клумбы отбрасывали неясную тень. Тимофей присел на высокие ступени ротонды и блаженно зажмурился. Дома, в Соколовке, он любил по утрам сидеть на крылечке, глядя, как вдалеке колышутся высокие сосны ближнего леса. Казалось, моргнёшь сейчас глазами — и увидишь не дом князей Езерских в столичном Санкт-Петербурге, а густой северный лес, поющий свою неповторимую музыку ветра.

По верху дерева что-то зашуршало.

— Неужели белка, — обрадовался Тимошка и вытянул шею, чтобы полюбоваться на пушистую грызунью. Но это оказалась совершенно не белка, а голенастая крепкая девчонка, которая, задрав юбку, нахально перелезала через ограду.

— Держи!

Девчонка спрыгнула вниз и поймала в охапку перекинутую с того конца забора стопку бумаги, туго перетянутую бечёвкой. Воровато ог-

лянулась, опустилась на одно колено и зубами развязала пакет. Прокламации! Тимофей затаил дыхание, осознав, что, сам того не ожидая, обнаружил неуловимых возмутителей спокойствия мирной жизни военного лазарета. Как поступить? Выйти из укрытия и потребовать от революционеров, чтобы они убирались восвояси, или продолжать следить за их действиями?

Тимка заколебался. С одной стороны, выгнать их будет правильно, а с другой, кто мешает им убежать прочь и проникнуть сюда в любой другой день? Тем временем девчонка выпрямилась во весь рост, отряхнула платье, сунула листовки в пакет и по-хозяйски направилась к особняку. Тимофей насторожился, угадав в развязной походке девочки нечто очень знакомое. Она подошла ближе, и подросток увидел, что это его соседка Клава — та самая, которая постоянно норовила обидеть беззащитную Крысю.

— Клава! — невольно вырвалось у него.

Клава остановилась и напружинилась, но, увидев, вместо охранников, всего лишь мальчика из своего двора, презрительно усмехнулась:

— Что ты здесь делаешь?

— Я тут работаю. Мой папа — старший врач лазарета.

Он подошёл почти вплотную к девочке и загородил ей дорогу.

— А вот что ты тут делаешь?

— Не твоё дело.

Дерзкий вид Клавы не оставлял сомнений в её намерениях. Она шла разбрасывать прокламации и останавливаться не собиралась.

— Подумаешь, папа — доктор... — процедила она сквозь зубы. — Когда мы, революционеры, придём к власти, то царя расстреляем, попов разгоним, а всех господ в тюрьмы пересажаем, и твоего папашу не забудем, не сомневайся, барчук.

Тимофей был поражён. Конечно, он читал прокламации социал-демократов и понимал их желание посадить на трон помазанников Божиих своего кровавого главаря, но чтобы обычная девочка мечтала совершить такие бесчинства, о которых и помыслить страшно, он слышал впервые.

— Клава, ты же девочка, ты должна помогать людям, любить их. Посмотри, сколько вокруг тебя благородных и честных людей.

— Честных? — Клава зашипела, словно рассерженная кошка, и сузила глаза. — Честные люди в хороших квартирах не живут!

— Как не живут? Одумайся! Наоборот, это нечестные ютятся в трущобах! Я знаю. Я был в Вяземской лавре и видел, как живут те, кто не работает, а ворует и пьянствует.

— Вот вас мы и переселим в Вяземскую лавру, а в ваши барские хоромы вселится неработающая беднота из подвалов. Ты что думаешь, мужики от безделья пьют горькую? Они горе заливают, потому как свободы хотят. Мы добьёмся, что пролетарии будут управлять страной

своими мозолистыми руками. А сейчас уйди с дороги, а не то я своего товарища кликну. Он тебе как цыплёнку шею свернёт.

— Не уйду. Не дам тебе тревожить раненых. И вообще, ты, Клава, глупости говоришь. Если бы я мог драться с девчонками, то давно бы выгнал тебя вон.

Клава переложила сумку в другую руку, нагнулась и подобрала с клумбы, выложенной по краю камнями, увесистый булыжник.

— Пропустишь?

— Нет!

Она замахнулась камнем, Тимофей отпрыгнул в сторону, забежал Клаве за спину и хотел схватить её за воротник, но со стороны здания уже слышались призывные возгласы, и к дерущимся детям бежали слуги во главе со старшим лакеем Никодимом.

— Ещё сойдёмся на узкой дорожке! — выкрикнула Клава, вывернувшись из Тимкиных рук, словно намыленная, и побежала к выходу вдоль ограды.

— Лови, лови! — приказал Никодим. Слуги кинулись врассыпную, заметались из стороны в сторону, но ловкая девчонка без труда выскочила за ворота и понеслась вдоль набережной Фонтанки.

Тимофей слышал свисток городского, топот ног по мостовой, но был уверен, что всё это напрасно и беглянку никто не догонит. Его деревенская подружка Любка, дочь пастуха, тоже

очень прытко бегала. Только Любка была беззлобная и независтливая. Ей никогда бы не пришло в голову поднимать руку на безвинных людей потому, что у них щи гуще. И свобода была у Любки. Эх, и свобода! Леса, луга, речка. Живи и радуйся. Пой песни, дыши полной грудью. Зимой — Рождество справляй, весной — Пасху, осенью на осенинах с парнями заигрывай. Вот она — свободушка. И другой не надобно.

«Что должно случиться с человеком, чтоб озлобиться, как Клава? — думал Тимофей, но не находил ответа. — Надо будет навестить её да поговорить по душам. Авось, передумает якшаться с революционерами. Недоброе дело они затевают. Ох, и недоброе...»

25

Побеседовать с Клавой «по душам» Тимофею не довелось. Когда через несколько дней он постучал в дверь Клавиной квартиры, выяснилось, что Ермаковы спешно собрали вещи и съехали в неизвестном направлении.

— Мало того, что адрес не оставили, — добавила хозяйка, возмущённо вскинув брови, — так в придачу мои занавески с окон прихватили. А занавески у меня были отменные. Их ещё моя мать вышивала, когда девушкой была.

Голые окна бывшей Клавиной квартиры подтверждали нелестные слова о семье Ермаковых, и Тимоша подумал, что, видимо, у рево-

люционеров принято без спроса распоряжаться чужими вещами, как своими собственными.

— Не ищи свою подружку, всё равно не найдёшь, — в упор посмотрела на него женщина. — Такой хороший мальчик должен порядочных друзей выбирать.

Тимка хотел объяснить, что Клава никакая ему не подружка, но вдруг устыдился. «Все люди братья», — сказал ему как-то дед Илья, когда Тимошка разодрался с соседским мальчишкой, в два раза его старше. Сосед Ванька был здоровый, рослый и изрядно навесил Тимошке крепких тумачков. После драки Тимка расплакался и стал желать, чтобы Ванька-дурак сгинул в тартарары. Вот тогда дед Илья и приструнил внука, напомнив, что люди созданы по образу и подобию Божию и всякого человека надо любить и жалеть независимо от того, нравится он тебе или нет.

То, что любой человек может преобразиться прямо на глазах, он убедился воочию буквально вчера, когда столкнулся на лестнице в лазарете с симпатичной кареглазой девочкой в опрятном платье светло-шоколадного цвета. Платье очень шло к её глазам и тугой косичке с шёлковой ленточкой. Девочка с достоинством кивнула, здороваясь, и только тогда Тимоша сообразил, что это Лушка из Вяземской лавры.

— Фельдшерица Елена Ивановна взяла меня к себе в горничные, — похвалилась она. — Посулила, что, если буду стараться, начнёт меня

к санитарному делу приучать. А ещё мне зуб сверлом сверлили. Этот. Она открыла рот и постукала указательным пальцем по ровному переднему зубу. Знаешь, как больно было! Жуть! Только я терпеливая. Тот дядька, что мне зуб сверлил, так и сказал: молодец, мол, Лукерья. У меня в кресле, бывало, и мужчины в обмороки падали.

— А родители тебя искать не будут?

— Смеешься? — Лушка шмыгнула носом и хотела привычно высморкаться в рукав, но опомнилась и чинно достала из кармана платок. — Мои родители рады-радешеньки, если я домой не заявлюсь.

В точности, как у меня с тёткой Маней, вспомнил своё сиротство Тимофей. Нет, необыкновенно ему повезло в жизни. Чуть больше года назад он был никому не нужный «лишний рот», а сейчас — любимый сын доктора Мокеева, гимназист и наследник купчихи Досифеи Никандровны Рассоловой. Правда, уже не богатый наследник, потому что из всего состояния у него осталась лишь медная пуговка, и то неизвестно чья. Именно сегодня они с Зиной собирались идти в галантерейный магазин на Невском проспекте наводить о ней справки у пуговичных дел мастеров.

Магазин «Галантерея», принадлежавший поставщику императорского двора купцу Смирнову, находился около Николаевского вокзала, увенчанного часовой башней и издалека больше

похожего на роскошный особняк столичного богача. Нина Павловна рассказывала, что Николаевский вокзал в Москве совершенно неотличим от петербургского.

Тимошкино настроение было приподнятым с самого утра. Его не испортило даже то, что Нина Павловна снарядила в провожатые Зиночке горничную Машу. С той памятной ночи, когда девушка бросила ему в спину злые слова про свою хозяйку, Тимка, как мог, старался избегать общения с ней.

— Пойдём через Михайловский парк, — предложила Зина, — мама дала нам деньги на мороженое.

— Здорово! — обрадовался Тимофей, — Я обожаю мороженое.

Мороженщик с огромным синим ящиком на шее, как обычно, стоял на пересечении двух улиц, время от времени покрикивая хриплым басом:

— Сахарно морожено на блюдечки положено. Торопись, не зевай, вкусноту покупай!

Зина купила три порции лимонного лакомства и, смеясь, раздала их Тимке и Маше.

— Никогда не забуду это мороженое, — пообещал мальчик, глядя, как Зина набирает на палочку холодную сладость, украдкой облизывая испачканный ноготок мизинца.

Вдоль по Невскому мимо них прогремела по рельсам двухэтажная конка. Тимофей проводил её глазами:

— Знаешь, Зина, я уже несколько раз видел на улице самое настоящее авто.

— Я тоже видела один раз, а Сева рассказывал, что ему позволили на нём проехаться. Представляешь, какой он счастливый!

— Точно, — подтвердил Тимофей. — Я мечтаю, что настанет такое время, когда каждый мальчик или девочка смогут прокатиться на моторе.

— Это будет через сто лет, — рассудительно предположила Зинаида и покосилась на Машу. — Маша наверняка испугалась бы совершить поездку на авто.

— Знамо, испугалась, — согласилась горничная. — Что я — враг себе на таком чудище разъезжать? Мыслимое ли дело на телеге без лошадей раскатывать? Она, авта эта, говорят, вся трясётся наподобие лихорадочной, а сзади у неё из трубы дым валит, словно из самовара. Господа эти машины придумали, пусть сами на них и ездят. А мы — людишки простые, нам бы на троечке с ветерком, да чтоб колокольчик под дугой был звонкий.

Она замолчала, представляя, как в собольей шубе мчит на резвых лошадях по Невскому проспекту, чисто знаменитая актриса Евгения Рассолова, и сладостно вздохнула.

В галантерейном магазине были одни дамы. Тимофею стало неуютно в пёстрой женской толпе, и он постарался держаться поближе к разбитному приказчику с напوماженными на прямой пробор волосами.

— Чего изволите, барышня? — обратился продавец к Зинаиде, намётанным глазом признав в ней хозяйку положения. — Могу предложить новейшие кружева из Брюсселя, подходящие для ваших прелестных глаз.

— Извините, но мы хотели бы узнать про пуговицы, — принялся объяснять ему Тимофей, обратившись за подкреплением к подруге, но запнулся: Зины с Машей рядом не было. Забыв обо всём на свете, они перебирали мотки с кружевом, тихонько попискивая от восхищения.

— Барышни-с, сударь, — с пониманием развёл руками приказчик, уловив укоризненный Тимкин взгляд. — У вас ко мне дело?

— Да.

Тимоша протянул ему медную пуговку:

— Будьте любезны, подскажите, кому могла принадлежать эта пуговица?

Приказчик двумя пальцами взял вещицу и, отставив в сторону мизинец, презрительно поморщился:

— Таковую дешёвку не держим-с. Да и старьё. У нас товар наимодный, привозной. Давеча получили партию перламутровых пуговиц из Индии, а на прошлой неделе, поверите, — он закатил глаза к потолку, изображая восторг, — курьер привёз пуговицы, выполненные в мастерской господина Фаберже по заказу божественной мадам Рассоловой! Комильфо!

— Егор, о чём ты беседуешь с юношей? — раздался сзади них вкрадчивый мужской голос,

принадлежавший небольшому плюгавому господинчику в чёрном костюме и жилете, опоясанном золотой цепочкой с огромными часами на конце.

Приказчик подобострастно вытянулся в струнку, наклонил голову набок и, нараспев протягивая слова, принялся объяснять суть дела:

— Молодой барин интересуется, нет ли у нас старых медных пуговиц. А я ему объясняю-с, что у нас товар только первосортный и весьма презентабельный.

— Разрешите полюбопытствовать? — хозяин магазина положил пуговицу на ладонь и прищурил один глаз. — Занятно... Занятно.

Тимофей насторожился: неужели он знает, что это за пуговица? Но галантерейщик равнодушно положил пуговку на прилавок и бесстрастным голосом сказал:

— Сожалею, но я никогда не встречал подобной пуговицы. Хотя она представляет некий интерес. Не желаете ли продать её нам для образца? А мы взамен подарим вам целых десять пуговиц, отлитых по её фасону.

Тимофей отрицательно покачал головой:

— Нет. Не могу. Мне надо разыскать наследников этой пуговицы.

— Наследников пуговицы? — удивился купец.

— Именно так, наследников пуговицы, — подтвердила появившаяся рядом Зина. — Раз-

решите подойти, сударыня? — вежливо обратилась она к даме в голубой накидке, которая возвышалась над прилавком, излишне внимательно прислушиваясь к разговору Тимофея.

Женщина недовольно перешла к соседней витрине, бросая любопытствующие взгляды на тусклую пуговицу, лежащую на полированном мраморе прилавка.

— На нет и суда нет, молодые люди, — решительно заявил хозяин, — но моё предложение остаётся в силе. Если надумаете поменять эту старую медную пуговицу на десять новеньких, милости прошу.

— Не представляю, каким образом мы можем угадать, на чьей одежде была пришита медная пуговица? — пожаловался Зине Тимофей, когда они подходили к дому Арефьевых.

— Выбросить её, да и дело с концом, — посоветовала Маша, — возись со всякой потёртой дрянью. А найдётся хозяин, так откупите ему новую, за десять копеек. А закобенится взять за десять, так и за двадцать можно не поскупиться.

— Что ты такое, Маша, предлагаешь? — усомнился её Тимофей. — Велено мне найти наследников, значит, буду искать. Хоть до конца жизни.

— Ну и ищите, — фыркнула Маша, — а у меня на вашем месте и поважнее бы дела нашлись.

Она замолчала и начала прихорашиваться, заметив у самых ворот во двор плечистую фигуру дворника Ивана Лукина.

— Доброго здравия, барышня! — поздоровался тот с Зиной и широко улыбнулся Тимофею: — Поклон тебе, землячок. Что-то редко к нам заглядываешь?

— Некогда, дядя Иван.

— Посторонись, Иван, загородил проход, ни пройти, ни проехать, — Маша боком проплыла мимо дворника, задев его краем юбки, и игриво взвизгнула: — Стоят тут всякие...

Заходить к Арефьевым Тимоша не стал. Распрощался на улице и побежал к Петру Сергеевичу в лазарет. Время шло к обеду, а отцу если не напомнить, он и поесть забудет. Тётя Сима строго-настрого наказала Тимошке следить, чтоб доктор Мокеев не исхудал на службе, и он, конечно, выполнял это указание со всем усердием, на какое только был способен.

Он пробежал мимо дома купца Пызина, пожалев, что друг Кока уехал на всё лето на дачу в Вырицу. Как Кока ни просил оставить его в городе, мать была непреклонна. Пётр Сергеевич тоже сокрушался, что Тимофей вынужден проводить в городе второе лето подряд, и даже предлагал снять дачу в Соколовке для них с тётей Симой. Но о том, чтобы оставить отца одного, Тимка и слышать не хотел.

Он перебежал дорогу перед лихачом на воронных, увернулся от холодного¹ сапожника со связкой латаных сапог на палке через плечо и краем

¹Торгующий «холодной», т. е. не зимней, обувью.

глаза заметил, что за ним неотступно следует закрытый экипаж. Тимка молниеносно обернулся. Действительно, по мостовой неспешно двигалось ландо с опущенным верхом. Солидный кучер размеренно дёргал вожжами, сонно поглядывая на прохожих. На Тимофея он даже не взглянул.

— Показалось, — подумал мальчик. Он ещё раз проверил слежку за собой и отмёл все предположения. — Определённо показалось. Кому я могу понадобиться?

26

Там, где река Фонтанка подходила к Аничкову мосту, на разогретом солнцем причале сидела Лушка, опустив ноги в воду. Чтоб не испортить нового платья набивного ситца, она задрала подол почти до колен, насколько позволяли приличия, потом скинула коричневые тесноватые ботинки и вот уже битый час беззаботно молотила пятками по воде, поглядывая на другой берег, где на воде покачивалась трёхэтажная баржа живорыбных садков. Место это было бойкое, рыбу петербуржцы покупали охотно и много, поэтому по палубе баржи, зазывая покупателей, непрерывно сновали рыбаки с объёмистыми сачками на длинных ручках.

— Судачка желаете, сударыня? Не проходите мимо! — молодец лихо окунал сачок в воду, не глядя шурувал им в тёмной воде и с шиком вываливал на палубу подпрыгивающую рыбину.

— Налимы наижирнейшие. Дешевле нигде не купите! — покрикивал другой продавец, выразительно жестикулируя.

Лушка подняла голову, подставив солнцу и без того веснушчатый нос, и встретила взглядом с Тимофеем. Двумя прыжками он спустился к девчонке и встал рядом.

— День добрый!

— Что столбом застыл? Испачкаться боишься? — сощурилась она вместо приветствия.

— Боюсь. Ты что думаешь, у меня полный комод брюк?

— Ага. Ты же барчук.

Тимофей снисходительно посмотрел на Лушку и предложил:

— Давай наперегонки картошку чистить? Тогда и посмотрим, кто из нас барчук.

— Ишь ты, картошку! Я картошку не чищу, — горделиво выпрямилась занозистая девчонка, — мне фельдшерица тонкую работу доверяет. Намедни я ей воротнички крахмалила, а сегодня мне позволили погладить форменный фартук с красным крестом и косынку на голову. Гляди! — она показала на дорогу вблизи тоней. — Никак, мой папашка кренделя выписывает!

Действительно, цепляясь за перила моста, на заплетающихся ногах медленно шёл звероватого вида рыжебородый мужик с отвисшей нижней челюстью.

— Опять нализался... — Лушка обречённо махнула рукой и вскочила, — пойдём отсюда,

пока он меня не заметил. А то изобьёт до полусмерти.

Лукерья подхватила ботинки и засемила по тёплому граниту набережной, оставляя за собой цепочку мокрых следов.

— Тебе не понять, каково с пьяницей жить, — завистливо бросила она Тимке, — твой батя, небось, вина и в рот не возьмёт.

Тимофея забавляло, что она принимает его за избалованного и заласканного родителями городского мальчишку, но после этих её слов он не удержался:

— Мой названный отец не пьёт, — он прибавил шагу и поравнялся с Лушкой, — и родной батюшка пил мало, только по большим праздникам. А дядька Вася, у которого я жил, когда родителей похоронили, пил горькую.

— Так ты сирота? — от такого известия у Лушки аж рот открылся.

— Был сирота из деревни Соколовка. А теперь, видишь, с папой живу. И с тётей Симой, нашей экономкой, которую я в Вяземской лавре нашёл.

— Повезло, что тебя доктор в приёмышы взял. Меня никто не удочерит. Я рыжая, тощая. Кому такая нужна? — девчонка остановилась, приложила руку козырьком и посмотрела в сторону моста:

— Ушёл. Хоть бы сгинул где, ирод, — пожелала она отцу. — Всю кровь мою выпил. А уж бил как! На мне от его кулаков живого места

нет, — она приподняла платье и выставила щуплую ногу, темную от синяков и кровоподтёков. — Нипочём обратно в лавру не пойду. Лучше с колокольни вниз головой кинусь.

— Что ты, Луша, — испугался Тимофей, — этакое грешно вслух произносить. Тебе надо не о смерти думать, а сизнова жизнь начинать.

— Не убьюсь, не бойся, это я ради красного словца брякнула, — Лушка хмыкнула. — Я живучая, как кошка. И знаешь, — она доверительно коснулась Тимошкиной руки, — я замуж хочу.

— Замуж? Какая из тебя невеста? Тебе ещё расти и расти.

— А вот и нет! Думаешь, сколько мне лет?

— Как мне, — не задумываясь, ответил Тимофей.

— Ошибся. Мне скоро пятнадцать стукнет.

— Шутишь? — Паренёк с сомнением окинул взглядом мелкую плоскую фигурку девчонки-заморыша.

— Не-а.

Они уже почти дошли до особняка Езерских. Лушка присела на каменный столбик, вбитый возле въезда во двор, обулась и, вытянув ноги, полюбовалась на поношенные, но крепкие полусапожки:

— Обувку мне Елена Ивановна подарила.

Нарочито цокая каблуками, звук которых радовал её сердце, девочка двинулась по направлению к лазарету. Тимофей подумал, что с тех

пор, как у них появилась Лукерья, прошло совсем немного времени, а девку уже не узнать — так похорошела. Может быть, ей и впрямь пятнадцать лет, а такая худосочная от голодной жизни. Поживёт чуток в сытости, отъестся, отоспится и расцветёт.

— У тебя братья-сёстры есть? — спросил он новую подругу.

— Брат. Старший. Но он хуже батьки пьёт. Совсем пропащий. А младшие сестрёнки поумирали.

Они посторонились, пропуская гомонящих мастеровых из плотницкой артели, что располагалась неподалёку. Этой зимой Тимка бегал к ним заказывать кушетки для лазарета. Рабочие шли нарядные, в сапогах со скрипом, ярких косоворотках и наимоднейших чёрных картузах с лаковыми козырьками. Дворник Иван Лукин как-то по весне похвалялся Тимке, что по случаю тоже прикупил себе фасонный картузец. «Три рубля отдал! — объяснял он, оттопыривая большой палец. — Будет, чем в Соколовке девок подзадорить».

— Никак Тимошка? — признал паренька артельный голова, отвечая на приветствие. — Айда с нами в Народный дом графини Паниной. Там нынче пьесу будут показывать «Бедность — не порок» называется. Говорят, сама госпожа Рассолова выступит.

При упоминании фамилии Досифеи Никандровны у Тимоши на миг ёкнуло сердце.

Он с сожалением наморщил нос, демонстрируя крайнее огорчение:

— Благодарствуйте на добром слове, но недосуг.

Дел, действительно, было много, да и папа, наверняка, опять забыл пообедать.

Пока Тимка разговаривал, Лукерья, не дожидаясь его, ушла вперёд, ступив под густую тень тополиной аллеи. На её туго заплетённую рыжую косицу плавно опускался тополиный пух, подгоняемый лёгким ветерком, пахнущим морем. «Дождя нанесёт», — подумал мальчик и прибавил шагу, но вдруг почувствовал странное беспокойство, какое бывает, когда тебе неотрывно смотрят в спину. Он насторожённо скользнул глазами вокруг себя и заметил мелькнувший между домами крытый экипаж, все предыдущие дни назойливо маячивший на его пути. Тимофей решил, что если ещё раз с ним столкнётся, то обязательно подойдёт и поинтересуется, в чём дело. Вдруг это революционеры с прокламациями? А может быть, и честные люди. Кто его знает...

Однажды после вечернего чая разомлевшая от вкусных саяк тётя Сима рассказывала, что вокруг их дома в Гатчине неделю ходил неизвестный господин с поднятым воротником — в окна заглядывал, с прислугой знакомство заводил. Жильцы уж думали городовому нажаловаться, а оказалось, что специальный корреспондент газеты «Светская жизнь» принял почтмейстерову кухарку Фроську за сбежавшую из-под венца

дочку министра. Вот смеху-то было! Тем более, что дочек министра на их улице отродясь не выдвали. Не повезло только Фроське — с тех пор её стали величать не иначе, как «министершей».

Тимофей ещё раз взглянул в сторону таинственного экипажа, но вместо него в проезде стоял дешёвый шарабан, запряжённый массивным тяжеловозом. Кучер, подпоясанный под самую грудь широким кушаком, привстал на козлах, вытянул вперёд бороду и надсадно выкрикнул:

— Гей, православные, укажите, где тут у вас князя Езерские проживают? Нам в ихний лазарет надобно!

— Сюда! — призывно махнул рукой Тимка, указав на боковой въезд. — Объезжайте вокруг площади, я покажу.

Повернув ко входу, возница облегчённо крикнул и вытер вспотевший лоб:

— Слышь, паренёк, будь ласков, скажи, куда можно убитого сдать?

— Как убитого? — испугался Тимофей. — У нас лазарет, а не кладбище!

— Может, и без кладбища обойдётся, — отвечивал незнакомец. — Мишка у нас, похоже, в рубашке рождён, коли до смерти не убился.

Мужик проворно спрыгнул и стянул покрывало, укрывающее в телеге груз.

— Парень! — удивлённо охнула подскочившая Лушка и тут же прикрыла рот, поняв, что вместо одной руки у раненого болтаются лишь изжёванные в лохмотья рукава русской рубахи.

До горловины залитая кровью косоворотка казалась сшитой из алого мокрого шёлка.

— Папа! Папа! — не своим голосом закричал Тимошка, переживая, что отец не успеет оказать помощь и больной скончается. — Лушка, беги, позови доктора Мокеева.

Она резко развернулась и с криком:

— Доктор, язви тебя, где вас носит? — заметалась по лазарету, сворачивая на своём пути расставленные вдоль коридора стулья. — Помогите, человек умирает!

Раненые и сёстры милосердия плотным кольцом окружили повозку, но никто не смел подступить к умирающему, который уже не проявлял признаков жизни.

— Кончился... — сочувственно произнёс чей-то голос, — Царствие Небесное... Такой молодой...

— Пропустите, — Пётр Сергеевич решительно отстранил любопытствующих и принялся ощупывать рану, не обращая внимания, что по его рукам сочится кровь, чёрными сгустками ляпаясь на полотняные брюки.

Парень застонал.

— Несите в перевязочную. Маша, Елена Ивановна, вы мне будете нужны, подготовьте всё необходимое.

Сёстры бросились выполнять указания, а доктор Мокеев, перетянув дрожащий обрубок руки поясом от докторского халата, спросил на ходу у мужика:

— Что с ним?

— Несчастный случай. Новенький он у нас на лесопилке. Оступился и по дурости под пилу попал, а её, пилу-то, сразу не остановишь. Пильщики приказали — вези, куда ближе. Неужто не довёз?

Мужчина скривил губы и нервно зажевал торчащий ёжиком ус. Вскоре весь лазарет притих в ожидании исхода операции. «Помрёт, помрёт, Михрютка», — горевал возница, барабаня себя по коленке пудовым кулаком, от которого в разные стороны разлетались запавшие в рукава опилки. «Выживет — не выживет?» — гадали раненые, на цыпочках проходя мимо перевязочной, из-за которой слышалось глухое звяканье инструмента и невнятные указания доктора.

Запахло эфиром, вызывающим в памяти выздоравливающих неприятные воспоминания о собственной боли и страхе. «А помнишь, как меня на фронте полковой лекарь кромсал?» — то и дело спрашивал кто-нибудь стоящего рядом сослуживца.

Особенно расчувствовалась Глафира, невеста Семёна, которая до дня венчания напросилась помогать в лазарете:

— Сеня, ужели и тебя такого окровавленного выходили?

Семён многозначительно вздыхал, по-хозяйски оглаживая девушку по плечам, и, качая головой, успокаивал:

— Хотя и привезли истерзанного японскими пулями, да зато теперь лучше прежнего на ноги поставили.

Ожидающим казалось, что время остановилось. Наконец, дверь распахнулась, выпуская из пропитанной болью перевязочной комнаты доктора Мокеева:

— Надеюсь, будет жить.

— Слава Богу, — размашисто перекрестился мужик с лесопилки и просительно затеребил в руках шапку. — Так мы, это... оставим Мишку вам? Или прикажете забрать обратно?

— Как это забрать? — удивился Пётр Сергеевич. — Больной нуждается в лечении, перевязках и специальном уходе. Нет, нет. Езжайте спокойно. В лазарете Михаил будет в надёжных руках.

Мужик поклонился да земли, чиркнув по земле заскорузой ладонью, и облегчённо пробасил:

— Мы вам отслужим, господин лекарь. И раненым поможем. У нас мужики рукастые, только глазом моргните, в чём нужда имеется. Мигом справим.

— Будем надеяться на лучшее, — сказал Пётр Сергеевич княгине Ольге Александровне и Всеволоду, когда они собрались за вечерним чаем в малой гостиной, — но парня невыносимо жалко, останется без левой руки. А ведь совсем мальчишка, лет восемнадцать.

Домой Мокеевы собрались только ближе к ночи, когда улицы столицы совсем опустели, а в резко похолодевшем воздухе разлилась молочно-белая дымка от реки. Отец и сын шли и молчали, слушая, как звук их шагов гулко от-

даётся от каменных стен. От усталости разговаривать не хотелось, да и к чему слова, если понимаешь друг друга с одного взгляда.

— Кому-то тоже не до сна, — показал Пётр Сергеевич на стоявший вдали экипаж с тонконогой лошастью в щегольской упряжи.

«Неужели та самая коляска с крытым верхом?» — подумал Тимофей, но рассмотреть не успел. Кучер щёлкнул вожжами, и экипаж плавно уплыл в надвигающийся туман.

27

— Чистить яйцо одной рукой очень неудобно, — констатировал Тимофей за завтраком, пытаясь отколупать от белка накрепко приставшую скорлупу.

Пётр Сергеевич опустил газету и удивлённо посмотрел на сына поверх очков.

— Готовишься в фокусники?

— Нет. Я вспомнил вчерашнего Мишу, который остался без руки, и решил попробовать, трудно ли есть одной правой.

— Есть, конечно, непросто, — заметил доктор Мокеев, отпивая глоток густого какао, варить которое тётя Сима приладилась каждый день, прослышав про его необычайную полезность для детского здоровья, — но заработать на еду с одной рукой гораздо сложнее.

Ещё бы! Тимошка уже размышлял над этим. У них в селе был однорукий мужик Савелий. До

старости в пастухах ходил, благо кнутом можно и одной рукой залихватски щёлкать, были бы ноги резвые. А кроме пастухов куда? Никуда. Правду сказать, их Савелий о своей судьбе не печалился, потому что ему от матери достался лёгкий, весёлый нрав. Стоит пастух, бывало, на выгоне, кнутом поигрывает да песню орёт. А ребят завидит, к себе подзовёт и сунет каждому по пясточке лещинных орехов, нащипанных в дальнем лесу.

— Пётр Сергеевич, вас спрашивает незнакомая дама, — вошла в кухню тётя Сима, — назвать себя отказалась. Говорит, дело у неё конфиденциальное.

— Пригласи гостью в гостиную.

Доктор Мокеев вышел, а через несколько минут приоткрыл дверь и вызвал к себе Тимофея.

— Познакомься, госпожа Мухлынина.

Тимофей увидел сидящую в кресле особу средних лет, укрытую такой густой вуалью, что черты её лица можно было разглядеть лишь благодаря солнечному расположению комнаты. Мальчик сдержанно кивнул головой:

— Добрый день.

— Для кого-то добрый, — дама всхлипнула и поднесла к глазам кружевной платок, — а для меня очень волнующий, — она сверкнула перстнями на пальцах и чуть приподняла вуаль. — Да, да. Именно у этого мальчика я видела пуговицу своего незабвенного мужа.

От такого сногшибательного известия у Тимки округлились глаза. Какая удача! Он по всему городу мечется в розысках наследника медной пуговики, а наследник, точнее наследница, явилась собственной персоной, словно по мановению волшебной палочки. Дама расценила его молчание как приглашение к объяснению:

— Попрошу вас присесть, господа, хотя я не обременю вас длинным повествованием.

Госпожа Мухлынина подождала, пока Пётр Сергеевич и Тимофей устроятся на диване, и не торопясь начала говорить красивым низким голосом:

— Мой дорогой муж, — она чуть запнулась, — Поликарп Поликарпович, на третьем году нашего супружества должен был поехать во Францию по делам. Я своими руками собрала ему саквояж и положила туда его любимый сюртук с медными пуговицами, — дама всхлипнула и приложила руку к сердцу. — Больше я своего супруга живым не видела. Во Франции его похитили жестокие разбойники карбонарии и предали смерти. С тех пор я безутешна. И вот, вообразите моё изумление, когда третьего дня я вижу в галантерейном магазине в руках у юноши пуговицу исчезнувшего господина Мухлынина. Я едва не лишилась чувств. Это было совершенно невероятно!

Мадам резко коснулась высокой причёской подголовника кресла, и Тимоша испугался, что она и сейчас готова упасть в обморок. Дама

собралась с силами и зарыдала, умоляюще протягивая к Мокеевым раскрытые ладони:

— Умоляю, верните мне моё наследство!

— Конечно, мы отдадим вам вашу пуговку, это удача, что нашёлся законный наследник, — обрадовался Тимофей.

Ему захотелось немедленно успокоить плачущую вдову и вложить ей в руку частичку последнего привета от любимого человека. Тимка уже собрался побежать за пуговицей, но Пётр Сергеевич предостерегающим жестом остановил его.

— Госпожа Мухлынина, — посмотрел он на женщину, — надеюсь, вы поймёте меня правильно, но дело о наследстве весьма щепетильное, поэтому я вынужден потребовать у вас доказательств того, что эта пуговица принадлежала именно вашему мужу и никому другому.

Тимошке стало неловко отказать такой милой и несчастной даме. Он уже хотел прошептать на ухо Петру Сергеевичу, что он неправ, подвергая сомнению её историю, достаточно только взглянуть на убитую горем вдовицу, но решил повременить. Папа лучше знает, что делать.

— Милостивый государь! — даму подбросило вверх, как на пружине. — Вы поступаете низко, лишая меня последнего утешения.

Она подошла вплотную к Петру Сергеевичу, в то же время не выпуская Тимошу из поля зрения: «Умоляю!»

Доктор Мокеев был непреклонен:

— Мы разделяем ваше горе, мадам, но тем не менее просим свидетельств.

Дама выпрямилась во весь рост, оказавшись чуть не на полголовы выше Петра Сергеевича.

— Продайте мне пуговицу, — внезапно предложила она деловым тоном. — Я заплачу вам за неё хорошие деньги.

— Увы. Эта вещь не продаётся.

— Оставим условности, доктор. За последние несколько дней я навела справки о вашей семье и знаю, что вы далеко не богаты. Почему бы вам не воспользоваться моим коммерческим предложением?

— Сударыня, пуговица не продаётся и будет отдана лишь тому человеку, который сумеет доказать своё право на неё. Более этого я ничего не имею вам сказать. Прощайте, госпожа Мухлынина.

Пренебрегая правилами хорошего тона, дама презрительно хмыкнула и гордо покинула помещение, бросив на прощание, что её предложение остаётся в силе. Когда за визитёршей закрылась входная дверь, Пётр Сергеевич с Тимофеем выразительно посмотрели друг на друга.

— Хотел бы я знать, кому в действительности принадлежала пуговица и в чём её ценность? — задумчиво произнёс доктор Мокеев. — Бесспорно лишь то, что мадам Мухлынина не имеет к ней никакого отношения.

— Но очень хочет заполучить, — закончил фразу отца Тимоша.

— Знаешь что, Тима, чутьё мне подсказывает, что эта дама — не последний охотник за таинственным наследством.

— Жаль, что мы не знаем адреса Досифеи Никандровны, — пожалел Тимофей. — Мы могли бы написать ей и попросить совета.

Отец с сомнением покачал головой:

— Думаю, она сознательно скрыла от тебя имя наследника.

— А может быть, просто хотела пошутить, — сказал Тимка. — Ты не представляешь, какая она шутница.

— Время покажет, — подвёл итог Пётр Сергеевич, — а сейчас мы должны быть крайне осторожны.

Для поездки в лазарет был вызван экипаж. Начинал накрапывать дождик, и тётя Сима заставила Тимошку взять с собой большой чёрный зонт, купленный недавно в Гостином дворе. Паренёк сидел рядом с отцом, держа в кармане руку с зажатой в кулаке драгоценной пуговицей. Он думал о том, чего хотела Досифея Никандровна, оставляя ему такое странное указание. И еще о том, что её поручение надо выполнить любой ценой.

Самыми первыми в Санкт-Петербурге просыпались дворники. Ровно в пять часов утра, позвякивая массивными ключами на железном

кольце, они неторопливо шли отворять калитки чугунных ворот, перегораживающих выход из двора на улицу, и так же неторопливо брались за свои пышные веники и чугунные скребки, не упуская возможности позубоскались с ранней прислугой. Иногда, глядя на вечно стоящего во дворе дворника в чистом белом фартуке и фуражке с номером дома, обывателям казалось, что тот вообще не ложится спать.

Следом за дворниками, поёживаясь от утреннего холодка, выползали из своих углов юркие мальчишки — разносчики свежих новостей. Они собирались стайками у типографий, набирая полные охапки газет, пахнущих краской и источающих едва ощутимое тепло складского помещения. Пройдёт всего несколько минут, и пареньки разбегутся по городским улицам и закоулкам, звонко оповещая жителей, что пришёл новый день, и жизнь, несмотря на все мировые известия и потрясения, продолжается.

«Новый мир»! Разбирайте свежую газету! Последние номера! — истошно голосил щуплый мальчишка на перекрёстке. Ему вторил другой, чуть повыше. Стараясь перекрычать первого, он совал в руки прохожих популярную газету «Копейка». Третий разносчик с разбегу сунул в руки Петру Сергеевичу номер «Петербургских новостей», грубовато потребовав две копейки. Доктор Мокеев не стал возражать, а покладисто протянул пареньку мелочь, которую тот немедленно засунул за щеку.

Впрочем, Пётр Сергеевич не обидел и других продавцов, скупив все только что вышедшие номера. Раненые любили послушать, что пишет пресса, и с нетерпением ждали той минуты, когда Тимофей разложит на коленях шуршащие стопки газет и внятно начнёт их читать, подражая учителю русской словесности. По традиции, чтение начинали с фронтовых новостей.

«Приступай, не томи», — упрашивал Тимошку особенно нетерпеливый солдатик. Неизвестность угнетала служивых. Каждый из них оставил на позициях частичку своей души, и когда слух ловил знакомое название, по палате словно Ангел пролетал: больные прекращали шевелиться и замирали в настороженном ожидании.

Известие в газете «Русь» заставило воинов обмениваться понимающими взглядами. Его заголовок был коротким, но многозначительным:

Осада Порт-Артура.

Из русской главной квартиры сообщают. По китайским сведениям, к японцам близ Порт-Артура подошли большие подкрепления. Полагают, что попытка штурмовать крепость будет предпринята, когда японцы будут достаточно сильны, чтобы обложить крепость со стороны суши и одновременно с тем будут в состоянии обеспечить себя от возможного нападения русских с тыла, если бы последние отправили отряд с севера на выручку крепости.

Следующая новость показалась всем и вовсе ужасной.

ТОКИО. Генерал Оку официально сообщает, что в окрестностях Наншана японцами найдены трупы 10 офицеров и 664 нижних чинов русской армии. Они были погребены с воинскими почестями.

— Наншан! — хрипло выкрикнул тихий белобрысый солдатик на третьей койке и заплакал, прикрывая рот подушкой. — Я воевал в Наншане. В артиллерийском расчёте. Там мои братушки Колька и Савка. Неужто погибли?

— погоди братьёв хоронить, — грубовато оборвал его матрос с миноносца «Резвый», — сам знаешь, на войне любые чудеса случаются.

«Это точно», — мысленно согласился с ним Тимофей, вспомнив историю бабки Досифеи, и негромко, от всего сердца пожелал:

— Даст Бог, вернутся твои братья.

Чтобы отвлечь раненых от тяжёлых переживаний, он поискал что-нибудь занятное. Одна статья в «Московской жизни» подходила для этого как нельзя лучше. Она называлась «Найденные векселя»:

Вчера у нас сообщалось о краже саквояжа с векселями и разными документами на сумму 80 000 руб. на станции «Москва» Казанской жел. дор. у башкира Фезулина. Сегодня саквояж найден в Ольховцах и доставлен в участок Басманной части. При

осмотре все документы и векселя оказались в целости».

Чтец бойко закончил фразу и обвёл глазами притихших слушателей. Рыжий санитар, заскочивший послушать газетку, восхищённо хлопнул кулаком по ладони:

— Повезло мужику. Я таких деньжищ и в руках не держивал. А если бы потерял, меня жена с потрохами съела бы и санитарной сумкой закусил.

Он так забавно показал, как жена уплетает за обе щёки объёмистую сумку с красным крестом на боку, что сразу разрядил обстановку, ставшую напряжённой из-за горестных новостей.

— Почитай, паря, как в иных странах народ живёт, — попросил Тимку седой унтер-офицер, раненный в обе руки. — Будь моя воля, я бы нанял паровоз и всю землю-матушку из конца в конец исколесил.

— Ишь ты, паровоз ему подавай, — буркнул матрос, собирающийся на выписку, — барин какой. Простые люди на Руси испокон века дорожки лапотками меряли, не брезговали.

— Так и я не из брезгливых, — парировал унтер. — Только пока на своих двоих до края земли доберёшься, чего доброго, помрёшь в дороге. От старости, — он вздохнул и откинулся на подушке, мечтательно глядя на лепные узоры на потолке. — Особенно хочется мне на не-

гров посмотреть. Говорят, они навроде японцев, только чёрные, а в носу у них кольцо вставлено, как у быков. Сколько ни думал над этим, никак в толк взять не могу, зачем им это кольцо? У быка — понятно. Животное за это кольцо привязать можно, чтоб не ушло. А человеку оно зачем?

— Видно, негритянских мужиков за эти кольца местные бабы привязывают, чтоб на свободу не сбегли, — захохотали раненые.

Тимошка представил упирающегося, как бычок, мужичка с кольцом в носу, и ему тоже стало весело. Отлично, что у выздоравливающих хорошее настроение. Доктор Мокеев любит повторять: «Бодрость духа лучше любого лекарства».

Что бы им почитать про заграничную жизнь? Тимофей перелистал газетные страницы, бегло просматривая интересные статьи, и внезапно замер, словно с разбега налетел на каменную стену: внизу листа была опубликована короткая заметка «Светской хроники». Чёрным по белому было написано:

Из достоверных источников нашему корреспонденту удалось узнать, что лицом, пожелавшим остаться инкогнито, приобретена выставленная на закрытые торги коллекция пуговиц купчихи первой гильдии Д.Н. Рассоловой, ранее числившейся пропавшей. Ходят слухи, что жемчужиной коллекции была некая медная пуговица, о которой почти ничего достоверно не известно.

Тимофей перечитал заметку ещё раз. Потом ещё. «Прекрасно, коллекция продана, и деньги на лазарет для раненых скоро поступят, — подумал он, — но из каких «достоверных источников» газетчик пронюхал про коллекцию и почему медную пуговку называют «жемчужиной», если там есть пуговицы и с настоящим скатным жемчугом, и даже с бриллиантами?»

От этой заметки кое-что встало на свои места, но в то же время ещё больше всё запуталось. Появилась ясность, что медная пуговица представляет большую ценность, и пожаловавшая к ним на дом госпожа Мухлынина об этом знает. Но чья это вещица, и какая её ценность — большая загадка. Тимофей вспомнил госпожу Мухлынину, которой он чуть было не отдал пуговицу, и ему захотелось немедленно расцеловать отца, не позволившего ему сделать очередной глупости. Сейчас локти бы себе кусал...

Его думы прервали шутки раненых, продолжавших строить предположения по поводу кольца в носу. Они уже договорились до кольца в пупке и в губе, наперебой изображая своих недругов с голыми животами, увешанными бабьими серёжками.

Мальчик быстро протарабанил сообщения из газеты «Копейка», рассказывающие об ограблении почтовой кареты и о прошлом визите королевы Англии Виктории на остров Бали. Читая, он абсолютно не мог сосредоточиться на тексте, потому что неотрывно думал о продан-

ной коллекции и медной пуговке, надёжно припрятанной в его кармане. Надо показать газету папе, тем более что раненым пора на завтрак.

Длинный коридор, залитый светом больших полукруглых окон, казался ему сейчас особенно светлым и праздничным. На душе всё ликovalo. Коллекция продана! Значит, лазарет будет существовать так же, как и прежде. Никто не вынесет из палат с таким трудом затащенных туда металлических раскладных коек. Тимофей хорошо помнил их невероятную тяжесть и огромный синяк, набитый на плече, когда Кока нечаянно отпустил свой груз. Повара будут продолжать готовить для низших чинов, пострадавших на фронте, такую же вкусную «господскую» еду, как прежде, и никто не будет показывать пальцем на обнищавшую княгиню Езерскую и шептаться, что у неё не достало средств на благотворительность.

За одной из дверей происходила какая-то возня и шум, а потом раздался резкий голос Лушки:

— Доктор, что хошь делай, а не уйду от Мишки. Выгонишь — через печную трубу влезу!

Тимофею стало интересно, и он просунул голову в приоткрывшуюся щель. На кровати бледный, как снег, лежал парень без руки, покалеченный на лесопилке. Перед ним, растопырив фертom руки в боки, стояла разъярённая Лушка, которую доктор Мокеев безуспешно старался выставить из палаты.

— Лукерья, больному нужен отдых, — увещевал он дерзкую девчонку таким тоном, что становилось понятно: победа остаётся за Лушкой.

— Я ему спать не мешаю, — парировала она, — я сижу тихо, как мышка.

Больной заворочался, открыл глаза и тревожно глянул на Петра Сергеевича:

— Доктор, гоните её отсюда. Негоже девке на парня в таком виде глядеть. Срамота одна.

— Ничего не срамота. Придумаешь тоже! — Лукерья принялась расторопно обтирать Мишкину единственную руку мокрым полотенцем, что-то бормоча ему на ухо.

Её руки летали с женственной мягкостью, а лицо излучало такую нежность, что доктор Мокеев махнул рукой:

— Ладно, Лукерья, будь по-твоему.

— Спасибоочки, господин Мокеев, — отозвалась Лушка, не поворачивая головы, — я вам Мишаню зараз вылечу.

Тимофей заметил, как Лушка конфузливо съёжилась. От Петра Сергеевича тоже не ускользнула такая перемена в строптивом Лушкином характере.

— Что ни делается, всё к лучшему, правда, Тимофей? — доктор взял сына двумя пальцами за воротник и шутливо встряхнул. — Подсматривать нехорошо.

— Я не подсматривал. Смотри, что я тебе нёс!

Тимка протянул отцу газету и указал на заметку о своей коллекции. Ознакомившись

с ней, Пётр Сергеевич опустил газету и задумчиво потёр лоб:

— Я предполагаю, что нас ждут интересные события.

29

«Взрослые тоже ошибаются. Прошло уже две недели с тех пор, как в газете появилась заметка про таинственную пуговицу из наследства бабки Досифеи, а о нас никто и не вспомнил. Даже насквозь фальшивая госпожа Мухлынина», — довольно думал Тимофей, раскачиваясь на качелях в парке Езерских.

Он уже третий раз прибежал сюда в перерывах между работой, чтоб от души насладиться полётом, почувствовав, как из-под ног уходит земля, а сверху стремительно опускается небо. У них в Соколовке мужики тоже ладили качели — сразу после праздника Троицы, на Зелёные Святки. Их ставили на высоком холме посреди села — облюбованном молодёжью месте для гулянок и хороводов. Долгими светлыми вечерами с горы доносились взрывы весёлого смеха и задушевные страдания девушек — они пели под единственную в округе гармонь мельникова сына. В эту пору качели всегда бывали заняты: поигрывая силушкой, парни от души раскачивали на них визжащих девок, присматривая себе невесту по душе.

Ребятне удавалось покачаться на качелях лишь тогда, когда мать отпускала со двора

поиграть с друзьями. Это случалось не каждый день, потому что надо было помогать по хозяйству, работать на огороде и кормить скотину...

Тима всем телом подался вперед навстречу тугой струе встречного ветра. Хорошо! Привольно! С высоты он увидел, как Зина, стоя перед входом в особняк, о чём-то разговаривает с Ниной Павловной. Тимофеем обратил внимание: мать и дочь стали уже одного роста. Пожалуй, Зина даже немного повыше. А он что-то совсем не растёт. А ведь не за горами тринадцать лет, пора бы и вымахать с «коломенскую версту», как говаривал дед Илья.

Качели ещё раз взмыли к облакам, мельком открывая часть набережной. Старик стоял там. Так же, как вчера и позавчера. Старенький, седой, чистенько одетый в штопаную-перештопанную одежонку, бывшую когда-то тёмно-зелёным форменным мундиром почтового ведомства, узнать который можно было лишь по ярко начищенным пуговицам с двуглавым орлом, сидящим на почтовых рожках¹. Неизвестно почему, Тимоше стало нестерпимо жалко этого незнакомого дедушку. Так жалко, что даже качаться расхотелось. Думалось, что вот он, докторский сынок, летает тут вверх-вниз, развлекается, сытый, довольный, а старенький

¹ Двуглавый орёл... на почтовых рожках — элементы профессионального символа связистов и почтальонов.

дедушка мается на солнцепёке. Даже покушать не уходит. Бог знает, чем и жив. Наверно, у него и внуков нет, раз на улице целый день выстаивает. Вдруг его из дома выгнали? Тимофей спешно прыгнул на землю и побежал к реке. Он обязательно должен узнать историю этого старика и постараться помочь, чем сможет.

Дед стоял, не сдвинувшись с места, скорбно глядя на проплывающие мимо лодки и баржи. Его взгляд застыл на одной точке, и Тимофею на миг показалось, что дед глухонемой, как Танюша. Но это оказалось ошибкой. Старик медленно повернул голову к подошедшему пареньку, охватив его оценивающим взглядом светлых глаз, схожих по цвету с серым петербургским небом.

— Добрый день, — поздоровался Тимка.

Старик медленно кивнул и снова уставился на воду. Он безнадёжно молчал, но по задрожавшей морщинистой шее Тимофей понял, что старик плачет.

— Вам плохо?

— Да. Мне весьма, весьма плохо, — задыхаясь, проговорил незнакомец. — Вот уже много лет, как я живу один-одинёшенек, и никто не в силах скрасить мою тоску. Ах, зачем я, несчастный, родился на свет? Вы можете мне дать ответ на этот вопрос, молодой человек?

Тимофей не нашёлся, чем утешить бедолагу, и на всякий случай спросил:

— Дедушка, может быть, вы голодны? Пойдёмте к нам домой. Тётя Сима вас угостит

вкусным обедом. Вы знаете, наша тётя Сима — большая мастерица печь пироги с капустой.

Тимоша выжидательно посмотрел на старика и заметил, что тот, как бы раздумывая, шевельнул бровями:

— Домашние пироги с капустой? Какие сладостные, забытые слова. Когда-то, много лет назад, когда я был молод и здоров, пироги с капустой пекла мне покойница жена. Вы не поверите, юноша, но с тех пор, как моя разлюбезная жёнушка меня покинула, я ни разу не ел вкусных капустников. Те, что продают мужики-пирожники, выпечены очень скверно. Я предполагаю, что вместо свежего масла они подкладывают в тесто прогорклое сало.

— Пойдёмте к нам! — принялся горячо уговаривать деда Тимофей. — Я вас третий день здесь вижу, и вы ничегошеньки не едите. Так и заболеть недолго! Папа говорит, что есть всухомятку очень вредно.

— Молодой человек, — старик чуть покачнулся, и Тимоша испугался, что тот сейчас упадёт от истощения, — как можно думать о пище телесной, если не имеешь пищи для души? А моя душа стремится покинуть этот мир, где я так сиротлив. Хотя... — он сделал короткую паузу, — малюсенький кусочек пирога с капустой я бы отведал.

Дед повернулся к Тимофею, приветственно потряс его за руку и представился по всей форме: «Макар Данилович Кучкин, отставной писарь почтового ведомства».

Всю дорогу до дома Тимофей беспокоился, испекла ли тётя Сима пироги с капустой, как обещала накануне? А то получится очень неудобно. Но господин Кучкин, казалось, совершенно забыл о цели своего похода к Мокеевым. Тяжко постанывая, он семеня с сухими ножками, время от времени останавливаясь, чтобы вытереть катящуюся по щеке слезинку. «Бедный дедушка, — переживал за нового знакомого Тимофей, бережно поддерживая старичка под локоток, — неприкаянный, голодный, старенький...»

На счастье, тёплый запах пирогов с капустой растекался из-под их двери по всей лестнице. Аромат был столь восхитительным, что Тимофей не удивился бы, найдя в парадном посланца за пирогами из царских покоев. Макар Данилович остановился и, жалко всхлипнув, втянул носом воздух:

— Они. Пироги моей дорогой супруги...

В отличие от Тимошки, тёте Симе гость совершенно не понравился. Паренёк сразу понял это по её недовольному лицу и по тому, с каким стуком она выставила на стол чашки с чаем.

— Благодарю, сударыня, — кротко ответил хозяйке Макар Данилович и томно откусил краешек ещё пышущей жаром выпечки.

Тимофей укоризненно посмотрел на тётю Симу, демонстративно усевшуюся напротив старика.

— Незванный гость хуже татарина, — застеснялся Макар Данилович сверлящего взгляда

женщины. — Я вас не объем, хозяйюшка. Уж позвольте одинокому стрику одним пирожком насладиться, — сказал он извиняющимся тоном.

Тётя Сима немного оттаяла и подлила деду кипятку из самовара:

— Милости просим.

От этих слов у Тимофея отлегло от сердца, а то он уже начал обижаться на всегда доброжелательную тётю Симу и гадать, какая муха её укусила. Гость не торопясь выпил чашку чая и по-деревенски перевернул её на блюде вверх дном, показывая, что сыт.

— Благодарствуйте, любезнейшая, уважили. Самовар у вас знатный, сразу видно, лялинский. Только на их фабрике так затейливо краны вырабатывают, — он знающе осмотрел самовар со всех сторон и пояснил: — Я в почтовом ведомстве писарем служил и вёл переписку с самоварными фабриками. А ещё через меня шла переписка с галантерейщиками. С тех пор я превосходно разбираюсь в самоварах и пуговицах, — он указал на сияющие вдоль борта пуговицы на своём сюртуке.

Удача! Тимоша чуть до потолка не подскочил от радости. Вот как бывает, пожалеешь постороннего человека, пригреешь добром, а тебе за это, откуда ни возмись, фортуна подворачивается.

— Господин Кучкин, — нетерпеливо принялся расспрашивать его мальчик, — подска-

жите, может быть, вы слышали про медные пуговики, похожие на пирамидки?

— На пирамидки? — Макар Данилович глубоко задумался, осматриваясь по сторонам. Он внимательно ощупал взглядом дверь чёрного хода, смерил высоту окон, заметил, где вход, и словно очнулся:

— Слышал, слышал про такие пуговицы. Земля слухом полнится!

Вот это да! Тимофей и тётя Сима так и ахнули, а старичок, довольный произведённым фурором, придвинул к себе блюдо с пирожками и тщательно выбрал самый румяный.

— Только вот в чём загвоздка, пуговиц таких, пирамидками, было несколько. Мне бы взглянуть на вашу, и я бы тогда с точностью указал, что за пуговица и имеет ли ценность.

— Показать? — Тимка замялся: Пётр Сергеевич строго-настрого заказывал не трести пуговицей перед посторонними.

Пока он искал слова для ответа, дедушка ласково похлопал его рукой по плечу и подбодрил:

— Ну-с, Тимофей, не робейте, расскажите, где вы храните сиё сокровище?

— За печкой спрятано, — вдруг сказала таинственным голосом тётя Сима. — Оно у нас там в несгораемом ящичке на замок замкнуто, а ключ у доктора. Нам с Тимкой никак самостоятельно не отомкнуть.

«Что за глупость Серафима городит? — ужаснулся Тимоша. — Она что, с ума сошла?»

Он уже открыл рот опровергнуть тёти Симины слова, как почувствовал, что она толкнула его ногой под столом и начала усиленно подмигивать. Тимофей понял, что тётя Сима просит его помолчать, и скрепя сердце согласился ей подыграть. «Ладно, подумал он, так и быть, не буду ей перечить, а завтра найду старика и объяснюсь с ним».

Едва Макар Данилович успел распрощаться, как тётя Сима принялась чихвостить Тимошку почём зря. По всему выходило, что он простофиля, готовый открыть секрет каждому встречному-поперечному. «Ну и пусть Серафима ругается, — надулся он от обиды, — не буду ей отвечать». С расстройства Тимофей достал учебник по математике и весь вечер, не выходя из своей комнаты, решал примеры на деление и умножение.

30

В день, когда у Петра Сергеевича выпал выходной и они с Тимошей пошли гулять на Неву, было так жарко, что воздух плавился от нагретой солнцем мостовой, словно сахарный сироп на сковороде у тёти Симы.

— Полный штиль, суда легли в дрейф, — сказал доктор Мокеев, глядя на неподвижно замершие на широкой реке корабли и кораблики.

Казалось, что на воде всё уснуло, и лишь загорелые до черноты лодочники, обливаясь потом, неумоимо били вёслами, перевоза на другой берег немногочисленных пассажиров.

Тимофей засмотрелся на слаженную работу крючников, разгружавших баржу с солью у Николаевского моста. «Наливай!» — раздавался крик двух грузчиков, и тяжёлый мешок наваливался на спину носильщику. Тот проворно перекидывал через плечо длинный железный прут с крючком на конце, с силой втыкал в мешок, чтоб тот не ёрзал, и, не переводя дыхания, бежал по шаткому трапу с баржи на берег. Ноги носильщиков, идущих цепочкой, создавали равномерный шум, ежеминутно прорезаемый требовательным криком «наливай!»

Работа была изнурительной, и мальчик от души посочувствовал носильщикам, изнемогающим под тяжёлой ношей. Он вспомнил, как полными корзинами, напрягая все свои силёнки, таскал тётке Мане картошку на посадку, и подумал, что мешок с солью, вероятно, весит с добрый десяток таких корзин.

— Когда мой друг Кока вырастет, он обязательно придумает машину для погрузки, — сказал Тимофей Петру Сергеевичу, — я его нынче же попрошу об этом.

— Хорошее дело, — одобрил отец, — я уверен, что день, когда умные машины заменят тяжёлый труд, уже не за горами. Прогресс значительно улучшает человеческую жизнь: вместо белошвеек полотно сшивают швейные машины. Несчастных коней, впряжённых в конку, вытесняет электрический трамвай. Думаю, пройдёт совсем немного лет, и личные

авто появятся не только у государя и великих князей.

Отец и сын облокотились о парапет и стали смотреть на еле заметную водную рябь, в которой купались солнечные лучи.

— Благодатно сегодня, — заметил им господин в полотняном летнем костюме, пристроившийся неподалёку, — и как тихо...

Словно потешаясь над его словами, с Петропавловской крепости бухнул раскатистый выстрел. За ним другой, третий... Грузчики побросали работу и, повернувшись лицом к Заячьему острову, принялись загигать заскоружные пальцы, подсчитывая пушечные удары. Канонада раздавалась сплошной чередой, не прерываясь ни на минуту.

— Папа, что это? — затормошил Петра Сергеевича Тимка.

— Подожди, не мешай, — ответил отец, и паренёк с изумлением увидел, что доктор Мокеев тоже загигает пальцы! Считал выстрелы и господин рядом с ними, и пожилая дама под кружевным зонтиком, и остановивший лошадь посреди дороги извозчик модного ландо!

«Вот это да! — ахнул про себя Тимоша, — не иначе, в Петербурге есть какая-то тайна, известная только взрослым».

Наконец выстрелы смолкли.

— Ура! Ура! Сто два выстрела! — сами не свои от радости заорали на все лады окружающие.

— Сто два! Сто два! — визжала пожилая дама и колотила зонтиком по набережной.

Извозчик встал на козлах, сорвал с головы картуз и принялся размахивать им в воздухе с востроженно-диким криком:

— Сто два залпа! Виват! Наследник родился!

— Наследник! У царя родился сын! — голосили грузчики на барже так рьяно, что судно под ними ходило ходуном, готовое сорваться с якоря.

— У нас появился цесаревич, — объяснил Тимофею улыбающийся во весь рот доктор Мокеев, — если бы родилась девочка, то с бастиона Петропавловской крепости прозвучал бы сто один выстрел, а раз мы слушали сто два, значит, царица только что родила мальчика.

Тимофей посмотрел на испуганных выстрелами чаек, с верещанием носящихся над гладью Невы, и его охватило необыкновенное чувство всеобщей радости — такой, какая бывает в ясный Пасхальный день, осиянный Божией милостью.

Как бы в ответ на его душевный порыв на ближайшей церкви зазвонил колокол. Чуть погода ему откликнулся другой, соборный, а с противоположной стороны реки им навстречу уже летел праздничный трезвон недавно выстроенного Успенского храма.

— Мальчик! Мальчик! Слава Господу! — раздавалось на каждом конце набережной.

— Пойдём, расскажем новость тёте Симе, — предложил Петру Сергеевичу Тимофей, — ведь ей в центре города выстрелов не слышно.

— Пойдём! — легко согласился отец, повернув на боковую улицу, переполненную возбуждённой толпой.

— Хорошо жить в столице, все новости первым узнаёшь! — прокричал на ухо доктору Мокееву незнакомый барин купеческого вида. — У меня брат в Москве живёт, так они, дай Бог, только в утренних газетах прочитают про цесаревича.

«Боже, царя храни», — завёл сильным голосом могучий офицер с артиллерийскими погонами на плечах. Многоголосая улица подхватила российский гимн, как эстафету передавая его в окраинные стороны. Тимофей обратил внимание на нарядного мальчика, лет четырёх, который один во всей толпе не разделял общего ликования. Прижавшись к руке матери и уткнув игрушечную лошадку на палочке мордой в землю, он безутешно плакал.

— Кто тебя обидел? — Тимоша присел на корточки около малыша и погладил его по голове.

Ребёнок поднял на Тимку ясные глаза с мокрыми от слёз ресницами и серьёзно сказал:

— Мне жалко мальчика, который сейчас родился.

От такого неожиданного ответа Тимофей даже растерялся. Уж что-что, а царевича жалеть не за что. У него есть любящие родители,

сестрёнки, дом, и не один, учителя, няни — да и вообще, всё что душе угодно.

— Почему ты жалеешь царевича? — шёпотом поинтересовался он, думая, что мальчик испугался выстрелов или просто капризничает.

Но малыш не по-детски грустно опустил голову и вздохнул:

— Он никогда не вырастет.

Молодая дама, державшая ребёнка за руку, недовольно поморщилась и строгим голосом приказала:

— Замолчи, Алексей, не пугай господ своими фантазиями.

Нервически дёргая плечом, мать сконфуженно взглянула на Мокеевых:

— Не обращайтесь внимания на моего сына, он у нас со странностями.

Она увлекла ребенка за собой, оставив в воздухе след дорогих горьковатых духов. Тимофей проводил их глазами и вдруг понял, что его радость куда-то исчезла, как будто её и не было, оставив место глубокой, щемящей тревоге за крохотное новорожденное существо, которое гордо называлось «Наследник Цесаревич».

— Папа, правда царевич вырастет очень счастливым и обязательно станет русским царём? — в смятении спросил он Петра Сергеевича, ожидая, что отец сейчас уверенно скажет: «Вне всякого сомнения. А как же иначе».

Но доктор Мокеев почему-то промолчал, думая о своём, а потом тихо сказал:

— Один Бог ведает, какая судьба уготована человеку, а мы можем лишь надеяться на лучшее.

— Действительно, — мысленно согласился с отцом Тимофей, — наверное, ни один человек на свете не мог предположить, что я буду жить в столице и учиться в гимназии, а названный батюшка подарит мне свой медальон со змеей и чашей.

— Барин, купите сыночку мороженое ради праздничка! — неожиданно гаркнул у Тимки над головой разносчик мороженого, обращаясь к Петру Сергеевичу. — Да и сами отведайте за здоровье новорожденного!

Тимоша оживился: мороженое — это правильно! Когда у соседей в их Соколовке родилась девчонка Фрося, новоиспечённая бабка, мать соседа дяди Вани, угощала деревенских ребятшек мятными пряниками и приговаривала:

— Ешьте, ребятушки, за мою Фросюшку, чтоб росла она здоровенькой и послушной.

— Пап, давай и тёте Симе мороженого купи! Мы уже близко от дома, оно не успеет растаять.

Доктор Мокеев согласно прикупил ещё порцию самого дорогого шоколадного мороженого, и они быстрым шагом отправились домой, то и дело раскланиваясь с совершенно незнакомыми людьми, поздравлявшими их с рождением наследника.

— Знаешь, папа, я никогда не забуду день рождения цесаревича, — поделился с Петром Сергеевичем Тимка, влетая в квартиру с холод-

ным лакомством в вытянутой руке. Оно уже начинало оплавляться по краям, пачкая пальцы липким сиропом, поэтому Тимофей закричал тётё Симе прямо с порога:

— Тётя Сима! У нас родился цесаревич, и мы принесли тебе мороженое!

Вместо ответа из гостиной донёсся тихий стон, переходящий в неразборчивые возгласы, и отец с сыном поняли, что случилось что-то непредвиденное.

31

Тимофей с доктором Мокеевым, столкнувшись в дверях, ворвались в большую комнату и застыли в оцепенении, с трудом осознавая произошедшее: вместо широкой, облицованной молочным кафелем печки, в углу комнаты возвышалась груда запорошённых сажей кирпичей, а рядом с ней стояла тётя Сима с оторопелым лицом.

— Серафима, что ты сотворила с печкой? — пришёл в себя Пётр Сергеевич.

Женщина непонимающе посмотрела на вошедших и снова забормотала себе под нос набор слов, из которых Тимофей сумел разобрать только «ироды» и «варнаки».

— Нешто вы меня виноватите? — дошёл до неё, наконец, смысл вопроса доктора Мокеева, и она укоризненно покачала головой, торопливо пересказывая события:

— Я только на минуточку зашла к генеральшиной кухарке чаёк попить. Через час-другой прихожу, а тут такое...

Она снова забормотала, обходя руины со всех сторон и прижимая руки к пылающим щекам:

— Ума не приложу, как это случилось? Я уходила, печка совсем целая была.

Тётя Сима снова заохала, призывая все Силы Небесные в свидетели того, что она тут ни при чём. Тимоша почувствовал, как по его руке потёк прохладный тягучий ручеек, и вспомнил, что он принёс тёте Симе мороженое, которое успело растаять и теперь густо капало на лежащий на полу ломик.

— Смотрите! — Тимка указал на свою находку. — Печка не сама обвалилась, её ломиком разломали.

— Ломиком? Кто? Когда? Зачем? — Пётр Сергеевич присел на корточки, надел на нос пенсне и принялся внимательно осматривать разрушенную печь.

Тётя Сима и Тимофей не отрываясь следили за его манипуляциями, ожидая, что доктор внесёт ясность в это невероятное происшествие.

Пётр Сергеевич откинул в сторону несколько кирпичей, засучив манжеты, аккуратно, чтоб не порезать пальцы, разложил на полу отколотый кафель и выпрямился:

— Сдаётся мне, что в печке что-то искали. Обратите внимание: накрепко сцементированные глыбы разбивать не пытались, а вот все

пустоты и печные вьюшки раскрошены чуть не в пыль.

— Понимаю... — протянула Серафима и опустилась на пол мимо стула, словно её перестали держать ноги.

Тимоша кинулся её поднимать:

— Тётя Сима? Что ты понимаешь? Разъясни нам!

Тётя Сима решительно посмотрела на Тимофея, поднялась, потирая ушибленную спину, уселась на диван и сказала:

— Ты помнишь, как привёл сюда старичка Макара Даниловича Кучкина?

— Помню!

Одновременно с этими словами у Тимки в мозгу словно фейерверк запалили. Он отчётливо вспомнил, как они со стариком и тётей Симой пили чай на кухне и Макар Данилович невзначай спросил, где у них спрятана медная пуговица. «За печкой, в несгораемом ящике за перта», — ответила ему тогда Серафима. Сразу после этого сообщения дед заторопился и откланялся. Больше Тимка его не видел. Неужели тихий одинокий старичок оказался на деле прощелыгой, который выследил, когда квартира опустеет, а потом вероломно разломал всю печь в поисках потайного несгораемого ящика? Мальчик недоумевающее заморгал глазами:

— Быть того не может! Неужели Макар Данилович так возжелал посмотреть пуговку, что раскурочил громадную печку?

— Тимошка, Тимошка, — укорил его отец, — наивная ты душа, неужели ты ещё не понял, что за этой таинственной пуговицей идет настоящая охота, начало которой положила мадам Мухлынина? Весьма вероятно, что и ваш неожиданный знакомец не несчастный старичок, а её подручный.

— Моё сердце так и чуяло беду, — встряла в разговор тётя Сима. — Форменный мундир на господине Кучкине был истлевший, заношенный, а ботиночки — щегольские. Не у холодного сапожника на базаре сторгованы, а куплены в дорогом магазине.

— Получается, что эта потёртая медная пуговка имеет баснословную цену, если ради неё затеваются такие аферы, — в раздумье сказал Пётр Сергеевич. — Некий человек прекрасно осведомлен о её стоимости, желает заполучить эту вещь любыми путями, а нам никак не удаётся разгадать загадку Досифеи Никандровны и отыскать наследников. Пуговицу не узнали ювелиры княгини Езерской, библиотекарь Аполлон Сидорович вторую неделю безрезультатно изучает книги с фасонами дамских платьев, господин Арефьев запрашивал полицейские описи украденных вещей, и тоже никаких следов...

Доктор Мокеев распахнул раму, чтобы проветрить пыльное помещение, и в комнату ворвались радостные крики соседей, из окна в окно обсуждавших прибавление семейства Дома Романовых. Тимоша узрел, что статский советник Нелюбин в честь праздника вывесил на балконе

российский флаг с двуглавым орлом, и спохватился, что за всей этой кутерьмой с печкой тётя Сима не в курсе потрясающей новости. Он просиял улыбкой, вытирая о штанины испачканные мороженым руки:

— У нас родился цесаревич!

Тётя Сима вскочила с дивана, всплеснула руками и чуть не упала на разбросанные по комнате обломки:

— Ну, слава Богу! Дождлся царь-батюшка сыночка, — она запнулась, — вся страна радуется, а у нас такая грязь в доме. Срам перед добрыми людьми.

— Не суетись, Серафима, — отозвался Пётр Сергеевич, — ступай, позови дворника и печника. Пусть наведут порядок. Из-за нашей пуговки беда стряслась, нам и дело поправлять.

Тимофей грустно повесил голову и принялся собирать разбросанные по комнате тяжёлые кирпичи с выдавленной на них надписью «Стрелинь». Целую кирпичинку — направо, половинку кирпича — налево. Направо — налево. Кучки росли споро, и мальчик заметно повеселел, охватив глазами очистившееся пространство.

«Обидно, что отец в деревне не научил меня класть печи, — думал он за работой, — не пришлось бы звать дворника с печником, я бы и сам справился!»

— А это что? — Тимка подцепил рукой небольшой глиняный горшочек, размером с луковицу

и с плотно запечатанной крышкой. — Папа, тётя Сима, смотрите! — взволнованно позвал он старших. — Я нашёл замурованный горшочек с сокровищем!

— Что ты говоришь? — удивился Пётр Сергеевич, который уже успел переодеться в лёгкую домашнюю куртку. — Оказывается, наша печь была с секретом? Возможно, неизвестные взломщики искали именно это?

— Не трогайте, барин, — заголосила Серафима, вырывая горшочек из Тимкиных пальцев, — вдруг на нем чёрный заговор?

— Ты в своём уме? — остановил женщину доктор Мокеев. — Немедленно прекрати забивать ребёнку голову нелепостями.

Тётя Сима обиженно надула губы и засопела:

— Не хотите, не верьте, а только у нас в деревне была одна старуха, которая в горшки болезни заговаривала, крышки запечатывала и в воду бросала, чтоб русалки унесли. Мне соседка по-свойски шепнула, что она и меня заговорила лихоманкой со света сжить.

— И как? Часто болеешь? — иронично поинтересовался Пётр Сергеевич.

— Вообще не болею, — помрачнела лицом Серафима.

— То-то и оно.

Доктор взял горшочек и подковырнул крышечку ножом для разрезания бумаг. Она глухо стукнула, развалилась на две части, и все уви-

дели, что в глубине горшочка лежит свёрнутая трубочкой бумажка, перевязанная красной ниткой. Тимофей затаил дыхание и впился глазами в руки отца, без колебаний извлекавшие таинственные письма.

— Ну? Что там? — нетерпеливо выдохнула Серафима, на всякий случай поплевав три раза через левое плечо.

Пётр Сергеевич развернул записку, состоящую из одной строки, и протянул её Тимке:

— Читай!

Мальчик с трепетом перевёл дух, предвкушая необыкновенные открытия, и громко прочел: «Сия печь сложена мастером печных дел Иваном Потаповым Максимовым».

32

Если бы кто-нибудь спросил Тимофея, какую погоду он любит больше всего, то он без колебания ответил бы: тёплую ветреную погоду. Именно такую и подарил ему сегодняшний день. Он шёл рядом с Зиной по песчаным дорожкам Летнего сада и старался запомнить каждую минуту этого ясного летнего дня, наполненного свежим морским бризом и пляшущими на Зинойкином лице тенями, отбрасываемыми шелестящей на ветру листвой.

— Посмотри, моя шляпка сейчас улетит за Балтийское море в Швецию, — засмеялась Зина, придерживая широкие поля соломенной шляпы.

— Давай прицепимся к ней и немного попутешествуем, — предложил Тимошка.

Дети шутливо схватились за шляпные ленты, завязанные под Зининым подбородком, и побежали навстречу Петру Сергеевичу, поджидающему их у Инженерного замка.

— Папа сказал, что когда закончится война, мы обязательно съездим на Дальний Восток, посмотрим, где воевала наша доблестная армия, — похвалился Тимофей, остановившись на крутом мостике, изогнувшемся, как рассерженный кот.

Зина задумалась:

— Знаешь, я попробую отпроситься у родителей, чтобы поехать с вами. Возьмёте?

— Безусловно, — улыбнулся ей подошедший Пётр Сергеевич со свежим газетным номером в руках. — Мы туда пока только собираемся, а госпожа Рассолова уже уехала в Манчжурию.

— Правда? — заинтересованно спросила Зиночка. — Евгения Рассолова — душка! Её боготворят все наши гимназистки!

Пётр Сергеевич протянул девочке «Новый мир» с коротенькой заметкой на первой странице:

ХАРБИН, 15-го августа.

Вчера был в Харбине концерт Рассоловой. Весь огромный сбор направлен в пользу увечных и семейств убитых ниж-

них чинов пограничников. Концертантке устроили бурные овации.

— Рассоловы — весьма благородная семья, — с большим уважением сказал доктор Мокеев, — на средства, вырученные от подарка Досифеи Никандровны, содержится лазарет, а племянница не побоялась поехать с благотворительным концертом во фронтовые подразделения. Впрочем, — он светло посмотрел на присмиривших детей, — вы тоже великолепные помощники, и я должен передать вам, что княгиня Ольга Александровна ждёт вас у себя для важнейшего сообщения.

По торжественно-радостному лицу отца Тимофей догадался, что предстоящее известие будет необыкновенным, и затеребил отца:

— Папа, не томи, расскажи, в чём дело.

Он заметил, что Зиновкины глазки тоже засверкали от любопытства, и удвоил усилия:

— Папа...ну, пожалуйста...

Но Пётр Сергеевич был непреклонен:

— И не умоляй. Узнаешь в своё время.

Само собой, что после этого известия приближение «своего времени» стало тянуться невообразимо долго. Пироженщик, едва шевелясь, медленно доставал из лотка пирожки с вареньем, а потом бесконечно копался в кармане, отсчитывая сдачу мелкими медными монетами. Встречная дама битый час дотошно расспрашивала доктора Мокеева о том, как

лучше добраться до Зоологического парка, чтобы показать своей дочке африканских слонов. А на подходе к особняку Езерских их задержала сестра милосердия Мария — та самая, которую Тимофей познакомил с Липскими. Смущаясь и проглатывая слова, она пригласила господина доктора с очаровательным сыном в костёл на своё венчание с Мареком Липским.

— Оно будет очень скромным, — потупясь, говорила женщина, — званы только самые близкие. Но без вашего сына, господин Мокеев, наше венчание вовсе бы не состоялось. Он принёс нам счастье. Мы с Мареком уже присмотрели недорогую квартиру на Выборгской стороне и наняли Крысе няньку, — при упоминании о будущей падчерице круглое лицо Марии приняло нежное выражение, а на зарумянившихся щеках заиграли пикантные ямочки. — Вы знаете, — добавила она, глядя на Мокеевых, — Марек взял заём в банке и открывает собственную сапожную мастерскую. Я надеюсь увидеть вас в числе наших привилегированных заказчиков.

Пётр Сергеевич приподнял шляпу и вежливо склонил голову:

— Благодарю за приглашение, весьма польщён. Обещать не могу, сами понимаете — работа в лазарете, но мы постараемся присутствовать на свадьбе.

— Ах, я бы тоже не отказалась побывать на свадьбе, — Зина с завистью посмотрела на Тимошу, — это так романтично! Я была один

раз на венчании, когда выходила замуж папина кузина. А ты ходил на свадьбу?

— Сто раз, — к удивлению Зины, моментально ответил Тимка и задумался: а ведь правда, он много раз бывал на свадьбах.

Каждую осень на Покров и весной на Красную горку в их Соколовке игрались свадьбы. Предшествовал этому сговор. «Сваты идут!» — колесом катилась по деревне вездесущая молва. Эти слова действовали на деревенских сильнее, чем кнут пастуха на разбредшееся стадо: бабы бросали стряпню и вёдра с водой, ребятишки — игры, старики — обстоятельные беседы о прошлой жизни, и все гуртом шли к избе невесты.

— Здоровы ли хозяева? — низко кланялись девкиной родне сваты с караваем под мышкой, перевязанные через плечо вышитыми рушниками. — У вас — товар, у нас — купец!

Всё время, пока сваты высватывали невесту, облепившие дом зеваки гадали: с караваем выйдут сваты обратно на крыльцо или нет? Если с караваем, да ещё спиной дверь захлопнут — свадьбе не бывать. А уж если хозяева приняли хлебушек да отведали — значит, надобно ждать свадебку! За несколько дней до венца невеста принималась плакать. У них в селе это называлось «рушиться». Две подружки под руки вели невесту по селу, словно на неё напала тяжкая болезнь, а она старательно рыдала в голос, причитая о будущем замужестве:

За околицу во чужу избу,
С распрощанием во сыром бору.
Задурманили душу девичью,
Рушником узлы за рубль с мелочью...

Самые ответственные невесты иногда даже падали оземь, заслуживая одобрение старух на завалинке. Тимофей сам слышал, как баба Маня, сокрушённо качая головой, делилась наблюдениями с бабой Олей:

— Молодец Мотька, хорошо рушилась, душевно, я аж сама вместеях с ней всплакнула, словно в девку переродилась. По всему видать, жизнь у Матрёны будет лёгкая, муж — понятливый, а детки — приветливые.

— Правду говоришь, Манька, — соглашалась с ней баба Оля. — Вот Катька Мишкина поленилась поплакать вволюшку перед свадьбой, потому и живут с мужиком, как кошка с собакой...

Когда наставал день свадьбы — тут всему селу праздник. С утра поезд за невестой на разукрашенной телеге, потом венчание, гуляние, игры, потехи, угощение... Эх! Тимофею так живо вспомнилась родная сторона, что на душе словно дождь закапал, ведь в Соколовке он не был больше года. Подружка Любка, поди, уже заневестилась и через несколько лет к ней тоже кто-нибудь зашлёт сватов, а он про это даже и не узнает. Хотя, нет. Узнает. Брательник Кирька начал обучаться грамоте и скоро будет сам отписывать Тимке в столицу.

Тимофей ещё капельку потосковал по малой родине, но новый порыв тёплого ветра, Зи-ночкин смех и родная рука отца на его плече вновь вернули ему прекрасное расположение духа, тем более, что впереди их ждала какая-то необычайная новость из рук княгини Езерской.

33

— А теперь, господа, читайте хором, — плыл по коридору густой бас библиотекаря Аполлона Сидоровича, заставляя прогуливающихся раненых замолкать и бесшумно скользить по натёртому паркету, как учеников балетной студии. «Таня знала буквы», — раздались в ответ два голоса — резкий девичий и мягкий юношеский.

— Неплохо. А теперь переходим к следующему заданию...

Тимофей вопросительно взглянул на Петра Сергеевича:

— Что это?

Тот пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Эх вы, мужчины, — укоризненно сказала Зиночка, — ничего кругом не замечаете. Аполлон Сидорович учит читать Лушу и безрукого Мишу.

Зина насладились удивлённым видом Тимофея и доктора Мокеева и пояснила:

— Господин библиотекарь пообещал, что выучит Мишу грамоте так хорошо, что он и с

одной рукой сможет получить специальность и заработать на жизнь.

— Лукерья сама выразила желание приобрести к учёбе? — поинтересовался Пётр Сергеевич.

— Само собой. Она же влюблена в Мишу, — застенчиво ответила Зина, опустив ресницы, и густо покраснела.

— Влюблена... — сделав губы трубочкой, удивлённо протянул Тимофей и подумал, что это сегодня день, наверное, такой особенный, когда все или влюблены, или на свадьбу приглашают.

В отличие от него, Пётр Сергеевич отнюдь не изумился, а скорее обрадовался:

— Прекрасно! — заявил он, прислушиваясь к слаженным голосам юноши и девушки, нарастающим читаящим незамысловатые предложения из «Азбуки». — Любовь творит чудеса. Даст Бог, и жизнь этих двоих несчастных наладится ко всеобщему благу.

— Папа, пойдём, — потянул отца Тимка. Его подгоняло любопытство поскорее узнать важное известие.

Зиночке тоже не терпелось оказаться в кабинете княгини Езерской и выслушать последние новости, вдруг её сиятельство объявит, что к ним снова приезжает с концертом Евгения Рассолова или, того лучше, знаменитейшая прима-балерина, госпожа Анна Павловна Павлова.

Но то, что они услышали, оказалось совершенно иного плана — такая невероятная весть,

что ни в сказке сказать, ни пером описать. Если бы о ней не объявила сама княгиня Ольга Александровна, Тимоша никогда бы в неё не поверил.

— Поздравляю вас, господа! — торжественно сказала им княгиня, когда доктор Мокеев, Тимофей, Сева и Зиночка собрались вокруг её сиятельства.

Она выдержала паузу, глубоко вздохнула и окинула всех любящими глазами:

— В четверг мы с вами будем иметь счастье получить высочайшую аудиенцию и быть представленными Его Величеству Государю Императору.

От такого поразительного заявления все, казалось, потеряли дар речи. В Тимкиной груди стало горячо, словно он вдохнул жгучего пара в русской бане, а в голове возникла тысяча слов одновременно. Ему хотелось и смеяться, и плакать, и даже постоять на голове от необыкновенного чуда, о каком он никогда и мечтать не мог.

— Мы поедem к самому царю? — первой опомнилась Зиночка.

— Именно, — с улыбкой кивнула княгиня, довольная произведённым эффектом. — Государь пожелал лично поблагодарить нас за труд в лазарете.

— Но мы ведь ничего особенного не сделали, — запротестовал Тимофей, глядя на Всеволода и Зину, — мы только помогали взрослым.

— Его величество очень добр к своим подданным, — заметил Пётр Сергеевич, — и нам

надо будет приложить в дальнейшем немало усилий, чтоб оправдать такую великую честь.

«Великая честь... великая честь... — необыкновенной музыкой зазвучали в душе Тимки слова доктора Мокеева, — великая честь...» Знал бы дед Илья и мама с папой, что их Тимошка, босоногий деревенский мальчишка с вечно взъерошенной русой чёлкой, предстанет пред взором самого императора. С самого раннего детства Тимофей видел лик императора на картинке в родительской избе. Маленькая открыточка с изображением государя, наряженного в военную форму, всегда стояла в красном углу. Прислонённая к большой потемневшей иконе Богородицы, она выделялась на ней небольшим ярким пятнышком.

— Это царь-батюшка Николай Второй, — говорила Тимке мать, показывая на картинку. — Ты не шали, сынок, а то император будет гневаться.

И Тимошка не шалил. Уважал государя. Лишь один раз не удержался и выпил без материного разрешения полный стакан сливок, предназначенных на масло. Ох, и попало ему тогда! Мать бранила, отец хотел хворостиной отодрать за своеволие. Но потом сжалился ради царя. Так и сказал:

— Драть бы тебя, Тимка, как сидорову козу, да наш государь велит быть милостивыми.

Тимошка хорошо запомнил тот урок. И, хотя без дозволения взрослых больше ничего не

брал, но помнил, что даже в малой беде государь за него заступится. А сейчас, мыслимое ли дело, император его лично приглашает. И куда! В высочайшую резиденцию — Зимний дворец! Эх, написать бы письмо Досифее Никандровне, похвастаться. Но куда писать? По какому адресу? Гимназист Петров-Мокеев давно понял, что на конверте должно быть чётким и красивым почерком прописано место проживания. Но адрес бабки Досифеи был диковинный: «заморшанский лес».

Неделя перед высочайшей аудиенцией прошла в страшном смятении. С утра четверга, когда волнение достигло своего апогея, Тимоша уже совершенно не мог ни пить, ни есть, а только слонялся по комнатам взад-вперёд, ежеминутно бросая нетерпеливый взгляд на часы. Аудиенция была назначена ровно на одиннадцать часов до полудня. По такому важному случаю парадная гимназическая форма Тимофея была несколько раз отпарена, а ботинки начищены до состояния лакированных башмаков. Петру Сергеевичу был куплен новый чёрный костюм с широким атласным галстуком — согласно последнему требованию моды.

Наконец, стрелки часов встали на цифру девять, и мужчины начали собираться на выход.

«Вдруг я не понравлюсь императору? — переживал Тимка, разглядывая в зеркале свой нос в редких веснушках. — Он, почитай, думает, что я из благородных господ, а я совсем лапотник

и как вести себя во дворце не научен. Ещё чего доброго не то скажу или не туда встану?»

Для укрепления духа он решил поступить так же, как поступают перед экзаменом матёрые гимназисты-старшекласники — сунуть под пятки по пятачку, но немного поколебавшись, передумал. Пятаки — это глупое суеверие. Именно так сказал бы Пётр Сергеевич, если бы мог проникнуть в Тимкины мысли. Возьму-ка я лучше с собой медную пуговку, положу в карман, а при случае порадую бабку Досифею, расскажу ей, что я и на приёме у Государя Императора про неё помнил! Тимошка торопливо — пока не видит тётя Сима — надраил пуговицу о ковровую диванную подушку, завернул её в розовую промокашку и поглубже запрятал в карман, чтоб не вывалилась.

Тимка так завозился, что вздрогнул от громкого голоса отца:

— Поторопись, Тимофей.

Пора! Сердце бешено заколотилось. Раскрасневшаяся от переживаний тётя Сима, напившись бромовых капель «от нервов», бестолково принялась подавать доктору то шляпу, то перчатки, успевая при этом мелко крестить Тимошку, причитая:

— Ты там смотри, не балуй в царских-то хоромах. Кланяйся как следует. Спина не отвалится! До землицы поклон клади перед самодержцем.

Если бы Пётр Сергеевич не сказал домоправительнице твёрдым тоном: «Серафима, угомо-

нись», то она, наверное, до самого дворца бежала бы сзади за коляской княгини Езерской, заехавшей за ними, как и договаривались.

В лёгком ландо на высоких колёсах уже сидели её сиятельство Ольга Александровна, князь Всеволод и Зиночка. Тимка обратил внимание на белые перчатки на руках князя и перевёл взгляд на свои обветренные пальцы: «Какой я дурак, что не узнал заранее про одежду. Меня наверняка не пустят во дворец без перчаток!»

Он так переживал всю дорогу, что даже не заметил, как экипаж подкатил к Дворцовой площади и затормозил у кованой решётки, украшенной тонкими чугунными листьями, оплетающими царские вензеля. Стройный офицер отдал честь:

— Вам назначено?

— Да. Я княгиня Езерская, а это господа Мокеевы и мадемуазель Арефьева. Наша аудиенция в одиннадцать часов.

Офицер щёлкнул каблуками, коротко подал команду дежурному, и ворота медленно отворились.

«Смотрите! Смотрите! Я иду к самому Императору! По этой земле ступала нога Помазанника Божия!» — хотелось кричать на весь свет Тимофею, когда он проходил через малюсенький садик со скромным фонтаном посредине.

Каждая песчинка на чисто выметенной дорожке между подстриженными газонами казалась ему священной. Чувствовалось, что его спутники были взволнованы ничуть не меньше. Даже Всеволод, который по секрету рассказывал Тимке, что видел царя целых два раза.

Тимофей потянулся к отцу, чтобы взять его за руку, но тут же одёрнул сам себя: «прямо как маленький». Он одним пальцем коснулся кармана, где лежала пуговица из бабкиной коллекции, вспомнил свою весёлую подружку и слегка подбодрился.

— Тимофей, не горбись, — прошептала ему в спину Зиновья, — иди ровно.

Парень выпрямил спину, как от удара палкой, и мимолётно подумал, что перекопать полный огород под картошку, наверное, в сто раз легче, чем сделать один визит к государю.

Перед высокой дверью, окаймлённой двумя белыми колоннами, Тимофей напутственно перекрестился, переступил порог, вздохнул и вдруг понял, что все его страхи бесследно исчезли. Он заметил, как напряжённо двигается Зиновья, как папа не знает, куда девать руки, а Всеволод старается держаться гордо и независимо, и ему стало весело. Тимофей принял серьёзное выражение лица, но смешинки, не прося разрешения, то и дело заставляли его подавлять неуместные улыбочки.

У дверей в зал стоял необычайно нарядный господин в шитой золотом ливрее тёмно-сине-

го цвета с орнаментом из двуглавых орлов. От такого немыслимого великолепия у Тимофея даже в глазах зарябило. Безусловно, так одеваться может только наиглавнейший царский министр. Мужчина пошевелился, и мальчик увидел, что вдоль стен стоят ещё, по крайней мере, шесть таких же ливрейных особ. Он низко поклонился первому из них, боковым зрением увидев, как Зиночка рядом с ним присела в глубоком реверансе, и услышал спокойный голос княгини Езерской,

— Пойдёмте, дети, лакей укажет нам дорогу в апартаменты.

Роскошный господин шаркнул ногой и предупредительно протянул руку в направлении комнаты для приёмов:

— Прошу вас, господа, пройдите, вас ждут.

«Если лакей так одет, то какова же будет царская одежда?» — гадал Тимка, нетерпеливо ожидая, пока стройный офицер с эполетами на плечах запишет их фамилии и звания в камер-фурьерском журнале и доложит царю об их приходе.

«Император вас ожидает», — коротко пригласил пришедших офицер, и от этих трёх слов Тимкина лёгкость улетучилась самоварным дымком. Он понял, что ведёт себя не как столичный гимназист, а как Тимошка Петров из села Соколовка. Пётр Сергеевич галантно пропустил вперёд княгиню Езерскую и Зиночку. Тимофей с Севой замешкались, предлагая друг

другу пройти первым, и после выразительно-го переглядывания вошли в приёмную плечом к плечу, чуть потеснившись в дверном проёме.

Посредине большого кабинета, у стола, стоял невысокий, скромно одетый офицер в мягких сапогах хорошей кожи. «Адъютант», — определил Тимофей, вспомнив отливающие золотом ливреи обслуги. Его пульс застучал, как молот, отдаваясь в виски: сейчас войдёт император. Офицер у стола пружинисто сделал шаг навстречу склонившейся в реверансе Ольге Александровне и вытянувшись в струнку князю Всеволоду и приветливо сказал:

— Рад видеть вас, Ольга Александровна, представьте мне ваших друзей.

«Это и есть царь!» — ухнуло в голове у Тимки. Он впился глазами в лицо Николая Второго, ища в нём черты человека с открытки из красного угла в родительской избе. Государь был и похож, и не похож. На открытке самодержец был значительно моложе и выглядел суровым и неприступным. Здесь же, стоя столь близко, что можно было слышать его дыхание, он казался простым и сердечным — таким, каким и должен быть настоящий родной отец для всех своих подданных.

— Позвольте всем нам поздравить Вас с рождением Высочайшего Наследника, — проговорил Пётр Сергеевич, — вся Россия счастлива.

— Весьма признателен, — бесхитростно ответил царь. — Мы с государыней так долго просили у Господа наследника, что уже почти

отчаялись его получить. Думаю, вы как врач хорошо это понимаете.

Его величество благожелательно улыбнулся:

— В свою очередь хочу поблагодарить вас за самоотверженный труд во благо России, а вам, княгиня, и вам, князь, — Николай Второй остановил взгляд красивых ясных глаз на Езерских, — позвольте принести глубочайшие соболезнования по поводу невосполнимой для всех нас потери князя Андрея Владимировича. Он погиб как герой.

Государь скорбно помолчал и продолжил:

— Нам доложили, что вы истратили на устройство лазарета все свои сбережения. Я подумаю, как вас поддержать. Также благодарю вас, господин доктор, — царь живо повернулся к Петру Сергеевичу и Тимофею, стоявшему рядом с Зиной, — знаю, что вы отказались от наследства в пользу нашего дорогого Отечества. Могу вам сообщить приватно, что война развивается тяжёлым для нас образом, и, если бы не народная поддержка, Бог знает, смогли ли бы мы так долго продержаться.

Тимка увидел, что около бровей государя появилась горькая складочка. Николай Второй перевёл взгляд на притихших детей, и его лицо вновь разгладилось:

— Впрочем, будем надеяться на лучший исход, — государь снова подошёл к столу. — Мне хочется вручить вам по небольшому памятного подарку.

Он взял с плоского резного подносика что-то блестящее и протянул Петру Сергеевичу и Ольге Александровне по небольшому круглому предмету, а затем повернулся к детям, и Тимка увидел, что император даёт ему самые настоящие часы с двуглавым орлом на крышке.

— Это мне? — только и смог выдохнуть мальчик.

— Тебе. Носи на здоровье.

Тимофей сжал пальцы, ощутив ладонью холодный металл, только что побывавший в руках самодержца Всероссийского, и подумал, что с этой минуты его силы будут служить вере, царю и Отечеству.

— Что я могу для вас сделать, дорогая Ольга Александровна? — спросил император княгиню Езерскую.

— Вся наша жизнь всецело принадлежит Вам, — склонила она голову, — но у меня есть небольшая просьба.

— Рад выполнить её.

— Пожалуйста, прикажите показать детям восковую персону.

— И только? — засмеялся государь. — Пожалуй, это будет верно. Пока детей проводят в кладовую, мы, взрослые, ещё побеседуем, но, к сожалению, у меня отведено для дальнейшей встречи чуть больше десяти минут.

Он нажал кнопку, и на пороге мгновенно появился давешний лакей в богатой ливрее.

— Проводите ребят к восковой персоне.

— Господа, следуйте за мной.

— Я, наверное, сплю, — восторженно шепнула друзьям Зиночка, пока они шли длинным коридором, украшенным золочёной резьбой, — мы гуляем по Зимнему дворцу как дорогие гости, да ещё с царскими подарками. Она украдкой показала Тимофею свои часы. Они были похожи на его и Севины, только в два раза меньше размером — дамские.

Насчёт сновидения Тимка был совершенно согласен с Зинаидой: то, что происходило в эти минуты с деревенским мальчишкой, могло случиться лишь в волшебном сне. Хотя на уроке в Соколовской церковноприходской школе отец Василий рассказывал, что имел счастье видеть императора, но, чтобы побывать у него в гостях, — об этом и речи не шло.

— Восковая персона, — объявил лакей, введя детей в небольшую комнату, где на крепком деревянном стуле сидел высокий худой господин с усами щёткой, одетый в красный камзол, контрастирующий с кружевной пеной белоснежного жабо.

Персона не мигая смотрела на неожиданных пришельцев с требовательным выражением лица, как бы ожидая объяснений.

— Добрый день, — хором поздоровались Тима с Зинаидой и одновременно обратили внимание на иронично улыбающегося Севу, который совершенно не собирался приветствовать незнакомца.

Тимофей сделал шагок поближе и удивился, поняв, что человек на стуле не настоящий, а кукольный. Огромная, в человеческий рост, кукла была сделана так натурально, что понять это удавалось, лишь подойдя вплотную.

— Это восковая копия императора Петра Первого, — снисходительно пояснил лакей. — Сия фигура заводная, и если повернуть специальный ключ, находящийся на спине, то она может встать со своего трона.

— Как это необычайно! Заведите нам её, пожалуйста, — взмолилась Зиночка, умильно глядя на лакея широко раскрытыми голубыми глазами. Она так трогательно сложила руки и заморгала ресницами, что лакей заколебался, но после секундного замешательства взял себя в руки:

— Не могу. Здесь восковая персона находится на сохранении и заводить её дозволено только специальному мастеру. Видите, в этой комнате собраны подлинные вещи императора Петра Великого, нуждающиеся в чистке и уходе. Вот голландское платье, в котором государь изволил отдыхать, — плавным жестом мужчина указал на висевший на деревянной болванке сюртук грязно-жёлтого цвета. — А это парадный кафтан, — кивок в сторону шикарного голубого платья, шитого серебром. — А эта одежда, — слуга понизил голос, подчёркивая важность сообщения, — мундир, в котором царь Пётр выиграл Полтавскую баталию и навсегда освободил Россию от шведских притязаний.

Он подвёл присмиривших детей к манекену, на котором скромно висел потёртый мундир зелёного цвета с широкими красными обшлагами. Созерцайте и запоминайте!

Ребята с уважением уставились на мундир и ахнули: он был аккуратнейшим образом застёгнут на небольшие медные пуговицы в форме пирамидок. Тимка принялся их пересчитывать, но от волнения всё время сбивался со счёта и смог понять лишь то, что одна пуговица была напрочь вырвана вместе с мясом.

— Да, — грустно протянул лакей, — заметив их интерес к военной одежде государя Петра, — одна пуговица отсутствует. И его Величество Николая Второго весьма огорчает то, что память его царственного прадеда не в полной мере сохранена. Могу сказать достоверно, это следует из дворцовой описи, что пуговица была утеряна сразу после смерти императора Петра Великого.

«Так вот она, тайна медной пуговицы!» — соловьиными трелями запело в душе у Тимки. Он коснулся мизинцем кармана, и ему показалось, что пуговица с царского мундира насквозь прожигает ему палец. Теперь понятно, почему за этим сокровищем развернулась настоящая охота. Преподнеси утерянную пуговицу государю-императору в подарок — и проси взамен любой милости!

Он увидел пытливо устремлённые на него глаза Всеволоды и Зины. Казалось, что они

сейчас закричат: «Ура! Ты, наконец, нашёл наследников! Верни пуговицу! Верни!» Но Тимофей не торопился с решением.

35

Обратно лакей вёл ребят в приёмную Императора Всея Руси кружным путём через анфиладу светлых комнат, столь прекрасных и изысканных, что они казались созданными настоящими чародеями. Зиночка, как подобает воспитанной особе, изо всех сил старалась сдержать рвущиеся из груди восторженные восклицания. Частично ей это удавалось, и лишь около восхитительных часов в форме золотого павлина девочка негромко пискнула и схватила Тимошу за руку:

— Смотри, какое чудо!

Он проследил взглядом в указанном направлении, но не увидел ничего, кроме радужного пятна. Все его мысли были заняты пуговицей из бабкиной коллекции.

«Если я сейчас преподнесу пуговку государю-императору, то получится, что я хочу попросить себе милости. Кроме того, ни папа, ни Езерские, ни Зина царю ничего не дарят, и мой личный подарок будет выглядеть похвальбой, — мучительно размышлял он и не находил ответа на свои сомнения».

Сева понимающе шёл рядом, и Тимофей был благодарен другу, чувствуя его молчали-

вую поддержку любого своего решения. После долгих колебаний Тимофей, казалось, нашел верный выход из ситуации, но решил сначала посоветоваться с князем.

— Сева, я хочу передать пуговицу государю тайно.

Тимка замер, ожидая ответа, и когда услышал едва уловимый шепот: «Благородно», то моментально успокоился.

— Но как это сделать? У нас совершенно нет времени!

Юный князь уверенно произнес:

— Положись на судьбу.

«Верно! — мысленно согласился с ним Тимофей. — Хоть у нас и остаётся всего несколько минут аудиенции, но, авось, подвернётся удобный случай».

Они нашли государя на том же месте, где и покинули: около большой карты Российской империи, висевшей на стене кабинета. Показывая костяной указкой на район Дальнего Востока, Его Величество Николай Александрович негромко объяснял ход боевых действий.

— Точно гимназисты у доски, — отметил Тимофей, глядя, как почтительно слушают слова императора отец и Ольга Александровна.

— Прибыли наши экскурсанты! — заметил ребят государь и живо поинтересовался: — Видели восковую персону?

— Благодарим Вас, Ваше Величество, — в три голоса сказали дети.

Добрая улыбка чуть тронула губы самодержца, и он поманил ребят к себе:

— Подойдите к столу, я покажу вам автограф моего великого прадеда.

Робея, Тимошка направился к столу, боком ощущая движение Всеволода и Зины. Царь стоял в шаге от него, и от благоговения перед помазанником Божиим мальчику стало трудно дышать. Волнуясь, он следил за царственной рукой с красивыми сильными пальцами, открывающими папку со старинным документом.

— Обратите внимание! — государь указал на лёгкий росчерк пера, выписавший уверенную петлю на пожелтевшей от времени бумаге.

Но Тимофей смотрел совсем не туда — он заметил под своим локтем серебряный подносик, на котором прежде лежали их наградные часы. Вот он, случай! Тимка молниеносно сунул руку в карман, выхватил пуговку и, притворившись, что любит факсимиле царя Петра Великого, еле уловимым движением перекатил пуговицу через резной край подноса. Готово!

Пуговица была возвращена наследникам вовремя, потому что через несколько секунд высочайшая аудиенция подошла к концу. Провожая приглашённых, дворцовый караул отдал честь. Ворота за спиной захлопнулись, лязгнув напоследок металлической щеколдой, и пред взором визитёров открылся приятнейший вид на Александровский садик, зелёной дымкой окружавший высокое здание Адмиралтейства.

Несмотря на дачный сезон, народу в парке было предостаточно: неспешно прогуливались дамы и кавалеры, няни и бонны, усевшиеся на скамейке, мирно обсуждали вверенных им питомцев, а маленький мальчик в пышных бархатных штанишках беспечно бегал за синим мячиком. Тимофею на миг показалось, что это тот самый мальчик, который встретился им с отцом на набережной в день рождения цесаревича Алексея. Его непонятное и жутковатое пророчество никак не выходило из головы — малыш сказал, что царевич никогда не вырастет...

«Наследник должен, обязательно должен вырасти. У нашего милостивого государя будет такой же добрый сын, и под его рукой Россия станет самой счастливой и могучей страной на свете! — как заклинание, стал твердить про себя Тимофей».

Он мысленно вернулся в кабинет императора и вообразил, как тот находит на подносике заветную пуговку...

— Вы знаете, я выполнил поручение Досифеи Никандровны, нашёл наследников и вернул им пуговицу! — Тимофей торжествующе напряг голос, как делал всегда в минуты душевного подъёма.

— Да что ты? Как? Когда ты успел? Кто наследник? — заинтересованные отклики сыпались на него один за другим, не давая опомниться. Даже Всеволод, посвящённый в замысел безымянного возвращения пуговицы семье Романовых,

не смог догадаться, каким образом Тимоша ухитрился вернуть ее императорской семье.

От такого обилия вопросов мальчик даже растерялся, не зная, кому отвечать первому. Хотелось рассказать всё сразу, но так, чтобы без лишних слов стало ясно, почему он принял решение не объявлять себя перед царём. Поймут ли? Должны понять! Они все умные и чуткие.

Тимошка обвёл глазами стоящих рядом с ним близких людей, мельком погладив отца по рукаву сюртука, и не торопясь принялся описывать события с того момента, как лакей указал им на восковую персону. Тимка рассказывал обстоятельно, по порядку, то и дело ища одобрения на лицах внимательных слушателей и радуясь каждой ответной улыбке.

— Ты поступил неожиданно, но весьма искренне и порядочно, — подвела итог истории с пуговицей княгиня Езерская. — Обратите внимание, ветер тоже слушает нашего Тимофея, — она поправила растрепавшийся локон и указала на внезапно прекратившийся свежий бриз от Невы.

Только что дохнувший холодом порыв сильного ветра улёгся так же внезапно, как и налетел, оставив после себя недоумённо шелестящие кроны деревьев, не успевшие понять, что это было.

«Эх, если бы мне увидеть Досифею Никандровну», — мечтательно пожелал Тимофей, когда экипаж Езерских катился вдоль забора больницы принца Ольденбургского.

Он перебрал в уме, о скольких невероятных событиях надо ему рассказать своей подруге и о скольких делах посоветоваться. Тимка крепко-накрепко зажмурился, зная, что после поворота из-за зарослей сирени на миг промелькнёт заветная скамеечка — излюбленное место их встреч. Сейчас коляску тряхнёт на вросшем в дорогу булыжнике, просвет между кустами станет реже, и тогда можно будет открыть глаза и вообразить, что на скамеечке вольготно расположилась маленькая смешная старушка в дурацкой шляпке с чучелом птицы. Экипаж мягко подпрыгнул, Тимоша открыл глаза и разочарованно посмотрел на пустую скамейку.

«Хорошенького понемножку», — укорил он себя за переживания и достал из нагрудного кармана царский подарок.

Зиночке и Всеволоду тоже немедленно захотелось полюбоваться на свои награды. Они спешно выложили на ладони серебряные часы и усердно принялись сравнивать их друг с другом. Часы Тимофея и Всеволода были схожи как две капли воды. Круглые, с кольцом для цепочки и выгравированным на крышке символом державы — двуглавым орлом — они выглядели необыкновенно внушительно и солидно. И если мужские часы размером напоминали луковицу, то Зиновкины дамские часики можно было бы смело назвать клубничкой. Они были кругленькие и толстенькие, как наливная, спелая ягода.

Княгиня Ольга Александровна понимающе улыбнулась лучистой детской радости и тоном, не терпящим возражений, произнесла:

— Господа, мой повар ждёт нас со скромным, но торжественным обедом. А на десерт он обещал приготовить засахаренные фрукты.

— Обожаю засахаренные фрукты, — хлопнула в ладоши Зиночка, но тут же опустила руки на колени и огорчённо сжала кулачки. — Ваше сиятельство, вы не обидитесь, если я откажусь? Мне необходимо домой — рассказать родителям об аудиенции.

— Нина Павловна ожидает тебя у нас, — успокоила девочку Ольга Александровна, — мы с Севой пригласили на обед и твоих родителей, но, к сожалению, будет присутствовать только твоя матушка. Юрий Львович был вынужден отказаться, у них в департаменте срочная работа для нужд фронта.

Когда вся компания, воодушевлённая и счастливая, прибыла в особняк Езерских, Тимофея ожидало загадочное письмо.

Конверт, подписанный «Тимофею Петрову-Мокееву в собственные руки», лежал в вестибюле князей Езерских на лакированном подносе для визитных карточек. То, что письмо необычное, было видно с первого взгляда. Во-первых, на нём не было марки. А все петербургские жи-

тели знали, что ни одна почта не будет пересылать неоплаченное письмо. Сейчас, в трудное военное время, имели хождение специальные благотворительные марки с грифом «В пользу сирот воинов действующей армии». Они стоили не две, как обычно, а целых три копейки, одна из которых немедленно перечислялась в пользу осиротевших детей и вдов. Про это доброе дело знали все граждане империи, и в последнее время Тимка встречал на конвертах только такие марки.

Во-вторых, с обратной стороны конверт был заклеен пахучим вишнёвым клеем, а не запечатан сургучной печатью. Ну, а в-третьих, с какой стати неизвестному лицу слать письмо для Тимоши на адрес князей Езерских, если у него имеется свой собственный дом на Большой Мещанской улице? Именно эти три вопроса вертелись на языке у Тимофея, когда он нетерпеливо распарывал край конверта костяным ножом для бумаги.

Послание было без подписи и крайне лаконичным: «В шесть часов вечера в ротонде старого князя».

Само собой разумеется, что, имея в кармане столь таинственную записку, ни один мальчик на свете не смог бы в полной мере насладиться вкусным обедом, как бы он ни был голоден. За богато сервированным столом, уставленным хрустальной посудой, Тимофей сидел как на иголках, и даже засахаренные фрукты не отвлекали его

от серьёзных размышлений: поведать Всеволоду о записке или утаить от него назначенную встречу? Тщательно взвесив все «за» и «против», он решил лишний раз не беспокоить друга.

— Может быть, меня вызывает туда революционерка Клава? — рассуждал Тимка, благодарно кивнув Зинаиде за подложенный ему на блюде лимон в сахарном сиропе. — Наверняка, она прекрасно помнит дорогу туда. А письмо подкинула скрытно. В вестибюль ведь совсем нетрудно проникнуть, потому что теперь это не особняк, а лазарет.

Пока князя Езерские, Пётр Сергеевич, мать и дочь Арефьевы подробно обсуждали каждое мгновение высочайшей аудиенции, Тимофей не сводил взгляда с часовой стрелки новеньких царских часов, то и дело щёлкая отполированной крышкой с гравировкой. Как назло, стрелки едва ползли по белому циферблату, точно замороженные лютой январской стужей. Наконец, когда Тимкино терпение было на последнем пределе, часовая стрелка подобралась к цифре шесть.

Тимофей вежливо поблагодарил за обед, поклонился и незаметно для занятых интереснейшей беседой окружающих выскользнул в парк. Несмотря на начало августа, в тёплом воздухе уже носилось предчувствие осени: оно раскачивалось на лёгких паутинках, оплетая листву садовых деревьев, стрекотало в траве неистовыми кузнечиками и то здесь, то там проглядывало тёмно-рубиновыми гроздьями бузины.

Оглядываясь по сторонам, Тимоша добежал до дальней, недоступной для большинства, части сада, на ходу соображая, что предпринять в случае опасности. Дверь в ротонду была широко распахнута. Мальчик почувствовал лёгкое беспокойство, смешанное со жгучим интересом. Что за человек ждёт его и откуда он его знает?

Тимка в последний раз взглянул на хронометр — тот показывал шесть часов и пятнадцать секунд — и решительно перешагнул порог. Его губы скривились от огорчения — никакой тайны не было и в помине: вольготно раскинувшись на дубовом стуле, в ротонде сидел Аполлон Сидорович и внимательнейшим образом изучал большой рисунок, выполненный на картоне. Он поднял голову от картинки, задумчиво охватил взглядом фигуру Тимофея и приветственно махнул рукой:

— Однако ты задержался...

— Добрый день, вернее, вечер, Аполлон Сидорович, — склонился в поклоне Тимка и принялся оправдываться: — Я опоздал всего лишь на пятнадцать секунд.

— Секунда к секунде, вот и жизнь прошла, — философски изрёк библиотекарь и снова погрузился в своё занятие.

В ротонде воцарилось молчание, изредка прерываемое бившейся в стекло осой.

— Аполлон Сидорович, зачем вы меня вызывали? — осмелился напомнить о себе Тимофей.

Всё это время он неподвижно стоял около двери, почтительно ожидая, когда библиотекарь объяснит своё неожиданное приглашение.

— Вызывал? — рассеянно уточнил мужчина, одной рукой стягивая перчатку. — Ах, да! Я узнал, кому принадлежит твоя медная пуговка! Посмотри, — он протянул Тимке картинку, которая оказалась чётким портретом императора Петра в зелёном мундире, — вот то, что ты ищешь.

Библиотекарь взял со стола карандаш и указал им на пуговицы:

— Они определённо те самые. Сравни сам!

— Аполлон Сидорович! Я тоже разгадал эту тайну, — восторженно закричал ему Тимошка, разрываясь от нетерпения. — И не только разгадал, но уже и вернул пуговку наследникам во время высочайшей аудиенции.

Он ожидал, что собеседник охнет от удивления или хотя бы всплеснёт руками и восхитится его, Тимкиной, сообразительностью, но ничего такого не произошло. Аполлон Сидорович остался невозмутим, как прежде, лишь от уголков глаз стрелочками разбежались лукавые морщинки.

— Ну, что я вам говорил? — спросил он, обращаясь к какому-то невидимому существу.

«С ума сошёл», — подумал Тимоша, но его мысль не успела оформиться, потому что из подземного хода донеслась развесёлая частушка:

Давно Тимку не видала,
Как буду здороваться?

Здравствуй, яблочек садовый,
Как твоё здоровьице?

Этот голос он узнал бы из тысячи.

— Досифея Никандровна! — сам не свой от радости закричал Тимофей.

— Собственной персоной, — ответила она, выныривая из тёмного прохода и раскрывая объятия навстречу рванувшемуся к ней пареньку.

— Досифея Никандровна! — упоённо повторил он, жадно вглядываясь в её такое знакомое, но в то же время изменившееся лицо, и не веря, что видит её здоровой и невредимой. — Постой, Досифея Никандровна, ты что, знакома с Аполлоном Сидоровичем? — дошло вдруг до него.

Бабка засмеялась, и он подивился, что её прежде сухой и резкий голос зазвенел ликованием, как полевой колокольчик.

— Знакома — не то слово! Не будь нашего стародавнего знакомства, как бы я передавала твои записки князю Всеволоду? Правда, Аполлоша?

Щёки строгого библиотекаря приняли густо-розовый цвет, схожий с вываренной свёклой, и он сконфуженно заулыбался:

— Истинная правда, — и пояснил: — Я был мальчиком на побегушках у купцов Рассоловых, когда познакомился с хозяйской дочкой Досифеей Никандровной. Она меня грамоте выучила и в университет поступить заставила. Не будь её, моей благодетельницы, разве имел бы я счастье служить хранителем человеческой мудрости?

— Полно, Аполлоша, полно, — бабка Досифея укоризненно качнула головой, — такой талантище и сам бы пробился.

— Аполлон Сидорович, значит, вы всё время знали, что Досифея Никандровна — моя подруга? — выдохнул Тимофей, глядя, как громадный библиотекарь лобызает ручку крохотной сухонькой женщине.

— Безусловно, знал, — подтвердил Аполлон Сидорович. — Мне моя дорогая хозяйка приказала за тобой приглядывать.

— Ну и ну! — только и смог вымолвить мальчик. Больше слов у него не было.

Всё, на что он был сейчас способен, — это восхищённо смотреть на Досифею Никандровну. Всего несколько часов назад, проезжая мимо скамеечки в больничном парке, он был готов до утра разговаривать с бабкой Досифеей, а когда она появилась воочию, оказалось, что он не представляет, с какого события начинать рассказ.

Старушка поняла Тимкино затруднение и хитренько наморщила нос:

— Сядем рядком, поговорим ладком.

Она привлекла его к себе, звучно чмокнула в веснушчатую щёку и помогла собраться с мыслями:

Летят слухи, словно мухи,
Крепко липнут к голове,
Расскажи-ка мне, дружок,
Каково в дворцах тебе!

— Ты знаешь, что я был во дворце и видел самого государя-императора? — вскинулся Тимофей.

— Всё знаю. И про медную пуговку знаю, и про то, как ты моим наследством распорядился.

От слов про наследство Тимоша притих, ожидая важных для него слов одобрения или недовольства. Но Досифея молчала. Лишь улыбалась, искоса глядя на подросшего за год Тимофея, и перебирала руками искусно выточенные из душистого дерева розоватые чётки.

— Ты одна приехала? — за суетой этой поразительной встречи Тимофей не сразу вспомнил, что Досифея теперь живёт не одна, а с Прохором Игнатьевичем Суровым, отставным фельдшером, которому Пётр Сергеевич обязан жизнью. — Где твой жених? — принялся допытываться он.

— В Заморшанске, — коротко ответила Досифея. — У нас корова отелилась, да сразу двух телят принесла. Очень слабенькие, потому Проша и не смог со мной собраться. Да и я приехала только на один денёк. Не могу моего голубчика надолго оставить. Мне ведь ещё до Заморшанска три дня по чугунке ехать, а потом полсуток по лесу на лошадях тащиться.

При упоминании о любимом лице Досифеи посветлело, словно на него упал солнечный луч, а губы сложились в нежную улыбку. За прошедший год она немного поправилась, округлилась, только совершенно поседела. Если раньше из-под заливчатской шляпки с чучелом птахи то

и дело выбивались грязно-серые пряди волос, то теперь сползшая на затылок чёрная кружевная шаль приоткрывала лишь отливающие голубизной серебряные нити.

Тимофей обратил внимание, что, пока они с Досифеей беседовали, Аполлон Сидорович бесшумно испарился через подземный ход, оставив их в ротонде вдвоём. Бабка спрятала чётки в карман и протянула Тимофею раскрытую ладонь:

— Это тебе от Прохора Игнатьевича.

Даже не глядя, Тимошка догадался, что там лежит миниатюрный кубачинский кинжальчик со вделанной в рукоятку крупной голубой бусиной.

— Не будь этого клинка, мы бы с Прошенькой никогда не встретились, — сказала Досифея Никандровна. — Пусть теперь он будет у тебя. Авось, тоже когда пригодится.

Она взглянула на проглядывающие через распахнутые двери ротонды небеса и перекрестилась в направлении Пантелеимоновской церкви на соседней улице:

— Господи, страшные испытания ждут Россию, спаси и сохрани этого отрока, и детей его, и внуков его, ибо такими людьми утверждается наше Отечество.

ЭПИЛОГ

Расположенная на окраине Санкт-Петербурга больница святого Пантелеимона слыла в округе больницей для бедных. Врачи неохотно шли туда служить: жалование небольшое, работы — непочатый край, пациенты приходят всякие-разные, иногда и пьяненького кого привезут или покалеченного после кулачного боя, много тяжёлых больных с запущенными формами туберкулёза. О чём рассуждать, если даже с электричеством здесь были неразрешимые проблемы: старые провода не выдерживали, и свет частенько гас, заставляя сестриц милосердия доставать керосиновые лампы. Кляня министерство здравоохранения на чём свет стоит, медички подкручивали фитили, и по больничным коридорам расползлся тягучий запах керосина.

Вот и нынче, в канун Нового года, электрические лампы снова начали мигать. «Сейчас погаснет», — пессимистично заметил про себя молодой врач и на всякий случай нащупал в кармане халата спички. В дверь деликатно постучали, и молоденькая медсестричка Юлечка с придыханием пропела:

— Господин Петров-Мокеев, к вам офицер. Говорит, прямо с фронта.

Шел третий год Первой мировой войны. Было так тяжело, что проигранная Россией русско-японская война теперь вспоминалась, как страшный, но короткий эпизод. А в нынешней войне, в которую втянута вся Европа, конца-края не видать... Одна надежда, что новый год станет переломным, изменив ход войны в выгодном для России направлении.

— С фронта? Странно. Пропусти.

Впрочем, в этом разрешении не было никакой нужды, потому что, отстранив Юлечку, в кабинет решительно шагнул высокий широкоплечий штабс-капитан артиллерийских войск.

— Севка! Ты? Какими судьбами?!

Опрокидывая стул, Тимофей кинулся к князю Езерскому, обнял, крепко прижал к себе, чуть не сломав засунутый в нагрудный карман стетоскоп.

— Пусти, больно! — его сиятельство высвободился из любящей хватки друга, отстранился, чуть поморщившись, и пояснил:

— Ранение в грудь.

Тимофей встревожился:

— Опасное?

— Надеюсь, уже нет. Под Львовом зацепило шальной пулей. Но нет худа без добра. Не было бы ранения, не видать бы и побывки. Четыре дня в дороге и с поезда сразу к тебе. Дай, думаю, заскочу, вдруг Тимка на дежурстве.

— Скоро сменюсь. Подождёшь?

Всеволод коротко кивнул, блаженно растегивая шинель:

— Попроси кого-нибудь отпустить извозчика.

Он устроился в потёртом кожаном кресле в углу кабинета, под небольшим портретом Николая Второго, загородив почти всё узкое пространство между дверью и письменным столом.

— Два года не был дома. Не ожидал, что всё так изменится. Где родители?

— Готовятся к встрече Нового года. Отец сегодня выходной, а Ольга Александровна — в своём благотворительном комитете.

— Постарели?

— Ты знаешь, по-моему, помолодели, — усмехнулся Тимофей. — Им надо было раньше обвенчаться, а не ждать целых десять лет. Если бы не постоянная тревога за тебя, то Ольге Александровне никто и тридцати бы не дал. Представляю, каким сюрпризом будет твоё появление! Вот уж подарок, так подарок! Дай я на тебя налюбуюсь.

Тимофей сел напротив князя, не отрываясь глядя на его уставшее лицо с темными кругами под глазами — следами бессонницы.

— Страшно на войне?

— Безысходно, — чуть помолчав, охарактеризовал положение на фронтах Сева. — В войсках ходят различные слухи об организации

заговора против самодержавия, союзники постоянно предают, англичане, как всегда, ведут двойную игру против России, начались перебои со снабжением армии. Не представляю, каково императору управляться со всем этим противодействием власти. Мне кажется, что он слишком великодушен, чтобы жёстко разобратся с заговорщиками.

— Он верит в человеческую порядочность...

— Да. Это так, хотя о чистоте методов господ революционеров говорить не приходится. Впрочем, что это мы сразу заговорили о политике? Расскажи, как Арефьевы? По твоим письмам мне показалось, что ты равнодушен к Зиночке. Я прав?

— Прав, — доктор Петров-Мокеев взволнованно опустил глаза, но тут же с сияющей улыбкой вновь посмотрел на Севу. — В Рождество я просил её руки. Не успел тебе написать.

— Поздравляю! Теперь ты у нас счастливый жених! Когда свадьба?

— Мы уговорились на двадцать пятое октября.

— Так нескоро?

— Юрий Львович и Нина Павловна по служебным делам на пару лет уехали в Швецию, взяв с собой и Таню. Могут вернуться только в октябре. Вот мы и решили подождать, к тому же Зина недавно поступила учительницей в приют для девочек, и теперь её мысли заняты не женихом, а непослушными воспитанницами.

Тимофей Николаевич торжественно достал из кармана круглые часы-луковицу и щёлкнул крышкой, украшенной гравировкой:

— Однако пора собираться. Смена придёт с минуты на минуту.

— Надеюсь, твой коллега не задержится. Предвкушаю минуту, когда увижу маму и Петра Сергеевича.

— И Зину, — добавил Тимофей, — она придёт к нам на Новый год.

— Представляешь, — Всеволод неловко стал запахивать шинель, кривя губы от боли, — я встретил на фронте Коку.

— Дай-ка я помогу застегнуть, а дома сделаю тебе перевязку, — Тимофей принялся одевать друга. — Как Кока? При такой склонности к авантюрам его и близко нельзя подпускать к боеприпасам.

— Не угадал! Кока специализируется на подрывном деле и вполне счастлив своим выбором.

Офицер подождал, пока доктор Петров-Мокеев переменит халат на партикулярное платье и поздоровается с вошедшим толстяком в круглых очках.

— Мой сводный брат, — представил Всеволода Тимофей, — сию минуту прибыл с фронта.

— Рад познакомиться, — потирая щёки с мороза, промурлыкал круглолицый доктор, и впрямь похожий на разжиревшего кота, — желаю счастливого Нового года.

«Дай Бог, — ответно пронеслось в душе Тимофея. — Счастливый новый год — это именно то, что насущно необходимо нашей державе, уставшей от изнурительной войны. Если наступит долгожданный мир, то и нам с Зиной, наверняка, достанется кусочек всеобщей радости».

От одной мысли о невесте хотелось петь в голос, а возвращение Всеволода казалось добрым знаком и предвестником конца мировой бойни. Положительно, новый год будет необыкновенным!

Несмотря на то, что Всеволоду не терпелось обнять родителей, он всё же настоял на прогулке пешком.

— Давай не будем брать извозчика, а пройдемся пешочком до электрического трамвая, — предложил он, едва оказавшись на улице под тусклым светом раскачивающегося от ветра фонаря. — Не могу надышаться петербургским воздухом.

Тимофей согласно прищурился, отворачиваясь от порыва ледяного ветра:

— Я тебя понимаю. Когда меня из Медико-хирургической академии отправили на практику в Тамбовскую губернию, я по приезде чуть землю на вокзальном перроне не целовал. А ведь, казалось бы, Тамбов — центральная Россия, красота, простор. Ан, нет! Подавай нам душный мокрый Петербург.

— Да, наш город умеет к себе привораживать.

Оба замолчали, вглядываясь в силуэты домов, проступающих сквозь ночную тьму. Краем глаза Тимофей следил за каждым движением князя, тревожась за его состояние. Хотя он и неопытный врач — только летом получил назначение в больницу младшим ординатором — но всё же нужную помощь оказать сумеет. Всеволод перехватил его взгляд, усмехнулся одними губами:

— Не беспокойся. Теперь всё хорошо. Я дома, с вами.

Остановка трамвая была недалеко. Трамвайная ветка шла до самого дома на Новоизмайловском проспекте, где семья Мокеевых снимала просторную шестикомнатную квартиру. В вагоне было пусто, люди готовились к встрече Нового года, который, как известно, праздник семейный.

— Господа, извольте билеты, — подошёл к ним сухопарый кондуктор с брезентовой сумкой на шее.

Он ловко взял деньги правой рукой, опустил их в кассу. В стремительном движении мужчины, в повороте его головы, походке Тимофей заметил нечто неуловимо знакомое, но давно забытое.

— Ба! Да это Михаил! — громко сказал Всеволод.

— Верно, ваше благородие, меня зовут Михаил, — чуть поклонился ему кондуктор, прижимая сумку одной рукой к животу, и Тимофей

вдруг понял, что мужчина — однорукий, а на месте левого рукава — лишь аккуратно простёганный шов.

«Миша из лазарета, тот, которому отрубило руку на лесопилке!» — догадался Тимофей. В него ещё была влюблена Лушка из Вяземской лавры!

— Михаил, вы нас не узнаете? — обратился он к кондуктору. — Я — сын доктора Мокеева, а штабс-капитан — его сиятельство князь Всеволод Андреевич.

— Господи! Какая встреча! — лицо Михаила задрожало от радости, а в глазах заблестели слёзы. — Это нам с Лукерьюшкой подарочек на Новый год. Мы ведь вас, господа хорошие, всё время вспоминаем, молебны за ваше здоровье заказываем. И мальчишек своих в вашу честь назвали. Трое их у нас. Уже большенькие. Старший, Петенька, в гимназии учится, отличник. А Тимошка с Севкой — близняшки, мамке помогают. Жёнушка у меня разумница. — Михаил выпрямился от гордости за жену и стал выше ростом, — не поверите, с лёгкой руки Аполлона Сидоровича выучилась книги переплетать. Да так ловко! Весь наш околоток к ней ходит, если у кого нужда. К примеру, красивый альбомчик соорудить или книгу починить.

Трамвай въехал на Николаевский мост и, чуть покачиваясь, покатыл по Конногвардейскому бульвару. Ежедневно проезжая этим маршрутом, Тимофей каждый раз вспоминал день

рождения цесаревича Алексея. Около этого зелёного дома с колоннами они с отцом когда-то встретили чудаковатого малыша, оплакивающего новорожденного наследника престола. Он сулил, что царевич никогда не вырастет, между тем как Алексею Николаевичу уже тринадцать лет и оснований тревожиться за его высочайшую жизнь определённо не имеется.

Доехав до своей остановки, Тимофей со Всеволодом распрощались с Михаилом, передали поклон Лукерье с сыновьями и повернули к своему подъезду.

— Волнуюсь, — Всеволод остановился и погладил рукой отполированные перила лестницы, — совершенно отвык от цивилизованной жизни. Сразу после Михайловского военного училища — фронт. Стыдно сказать, забыл, как на рояле играют, пальцы не гнутся.

— Господин доктор, вам письмо.

Тимофей отшатнулся от неожиданности — из каморки под лестницей, как петрушка из балагана, вынырнул дворник. — Только принесли. Велено доставить в собственные руки.

— Из Заморшанска от Досифеи!

Тимофей по-мальчишески улыбнулся, схватил Севу за руку так, что штабс-капитан поморщился от боли, и, перепрыгивая через две ступеньки, потащил его за собой, на ходу требовательно призывая домочадцев:

— Ольга Александровна, папа, тётя Сима! Сюрприз! Полюбуйтесь, кого я вам привёл!

— Первый Новый год, который мы встречаем всей семьёй в полном сборе, — констатировал Пётр Сергеевич, когда французские напольные часы, принадлежавшие прадеду нынешнего князя Езерского, пробили двенадцатый раз.

Тимофей согласно кивнул и накрыл своей рукой пальчики Зиночки, ощутив в ответ ласковое пожатие. Всеволод, хоть и донельзя уставший, но весёлый, что-то шептал на ухо матери, а она, счастливая присутствием сына, не отводила взгляда от полных любви и нежности глаз мужа.

«Я мечтаю, чтоб этот год стал самым лучшим в нашей жизни», — загадал Тимофей.

Он подошёл к большому настенному календарю и открыл первый лист. Красным тиснением по чёрному фону там было выведено: «годъ 1917».

Содержание

I. Змея на груди..... 3

II. Бабкино наследство347

Эпилог613

Ирина Анатольевна Богданова

ЖИЗНЬ КАК НА ЛАДОНИ

Повесть

Редакторы *С.М. Потемкина, Л.А. Чуткова*

Корректор *Т.А. Фролова-Багреева*

Макет, верстка *Г.Н. Шафигуллина*

Техническое сопровождение *Ю.В. Мосягин*

Сибирская Благовонница

Подписано в печать 13.05.2013. Формат 84x108/32
Бумага офсетная. Печ. л. 19,5. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 8765.

Адрес издательства:

109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6,
E-mail: syb-blag@yandex.ru, www.blagozvon.ru.

Отдел оптовых продаж:

109202, г. Москва, шоссе Фрезер, д. 17а,
телефон/факс: 8(495) 363-45-10.

Отпечатано с электронных носителей издательства:

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5.

Телефон: +7(4822) 44-52-03, 44-50-34, телефон/факс +7(4822) 44-42-15.

Home page – www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail): sales@tverpk.ru.

*Ирина Богданова
представляет новую повесть*

ЖИЗНЬ КАК НА ЛАДОНИ

Что может быть интереснее для ребят,
чем крепкая дружба
и захватывающие приключения?
Чего-чего, а приключений в жизни Тимофея
хватало с избытком.

Разве просто из деревенского мальчика
чудом превратиться в столичного гимназиста,
разгадать тайну странного подарка,
побрататься с настоящим князем
и завоевать к тому же симпатию девочки?

Ведь вредная Зина поначалу
совсем не обращала внимания
на нового знакомого...

ЖИЗНЬ КАК НА ЛАДОНИ

Ирина Богданова

